ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМЕНИ ШИГАБУТДИНА МАРДЖАНИ
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»

На правах рукописи

Сагитова Лилия Варисовна

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ АКТОРЫ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

специальность 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук,
профессор
Зорин Владимир Юрьевич

Казань – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ 39

1.1. Политика идентичности в условиях общественной трансформации: концепции и категориальный аппарат 42

1.2. Национализм и этничность: исследовательские подходы 78

1.3. Роль элит в этнополитических процессах 99

ГЛАВА 2. ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В ТАТАРСТАНЕ: АКТОРЫ И ИХ ИНТЕРЕСЫ 131

2.1. Политическая и «символьная» элиты Татарстана в формировании постсоветской идентичности региона 131

2.2. Республиканские масс-медиа в легитимации политики региональной элиты 160

2.3. Договорной процесс, как новая парадигма отношений «федеральный центр – субъект федерации» 193

2.4. Этнополитическая стратегия республиканской элиты в условиях централизации 209

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РТ 223

3.1. Региональная элита как субъект реализации социально-экономической стратегии Татарстана в 1990-е гг.. 227

3.2. Проблемы становления малого и среднего бизнеса в Республике Татарстан в 1990-е – первой половине 2000-х гг. 234

3.3. Концепция инновационного развития Татарстана в 2005–2016 гг. 247

3.4. Этнический фактор в экономической сфере и интересы социальных групп 255

ГЛАВА 4. ДИНАМИКА ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН (1990–2016 гг.) 266
4.1. Этноязыковой дискурс в РТ: история и современность 267
4.2. Динамика билингвизма в Татарстане: результаты языковой политики правительства РТ 276
4.3. Политические аспекты языковой ситуации в республиканских СМИ и в Интернете 296
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 322
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 339
ПРИЛОЖЕНИЯ 402

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Постсоветский этап российской государственности сопровождается многоплановыми процессами, связанными с формированием различных измерений идентичности. Демонтаж советской политической системы сопровождался девальвацией объединявшей граждан страны общенациональной идентичности и поиском новых оснований социальных солидарностей. Общественная трансформация, определяемая руководством страны в 1990-е гг. как движение к демократии**,** и обладавшая кризисными чертами переходного этапа, стимулировала активность субъектов федерации к переопределению своего статуса. Характерной чертой в поиске оснований региональной идентичнотси среди субъектов – национальных республик, – выступал этнический фактор. Формирование новой региональной идентичности зачастую выстраивалось в режиме оппозиции к федеральному центру, в результате чего усиливались центробежные тенденции, угрожавшие целостности страны.

Стратегия по формированию общероссийского единства, выстраиваемая руководством РФ с 2000-х гг., дала импульс к усилению тенденций реинтеграции. При этом задача формирования общенациональной идентичности не утрачивает свою актуальность и репрезентируется в качестве базовой в контексте развития страны и обеспечения ее безопасности. Так, «упрочение общероссийского гражданского самосознания» обозначено в качестве одной из основных целей «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»[1]. При этом многонациональный состав страны актуализирует этническую составляющую в общероссийской национальной идентичности, что получило отражение в Государственной программе РФ «Реализация

[1] О «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. №1666 [Электронный ресурс] // URL: http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521 (дата обращения 23.12.2017).

государственной национальной политики» 2016 г.[2]. Анализируя специфику управления культурным разнообразием многонационального государства, известный политик и ученый, В.Ю. Зорин представляет в качестве цели национальной политики – удовлетворение конституционных прав граждан государства, в том числе этнических и конфессиональных, что обеспечивает в результате общественно-политическую стабильность. Отмечая комплексность задачи, автор выводит формулу стабильности в виде жесткого треугольника, где одну сторону составляет исполнительная власть, другую законодательная, третью – гражданское общество в лице общественных национальных и религиозных организаций. При этом, как заявляет автор, «если любая сторона этого треугольника ужимается, то треугольник теряет устойчивость, а если вообще выпадает <…> то случаются коллапсы»[3].

В настоящее время новые вызовы, в том числе связанные с глобализаций, актуализируют взаимозависимость идентичности, культуры и модернизационного потенциала, что получило отражение в Послании Президента Федеральному Собранию в марте 2018 года. «Сохранить свою идентичность крайне важно в бурный век технологических перемен, – отметил В.В. Путин, – и здесь невозможно переоценить роль культуры, которая является нашим общенациональным цивилизационным кодом, раскрывает в человеке созидательные начала»[4]. Это говорит о том, что с этнокультурным потенциалом связывается не только безопасность, но и успешность дальнейшего развития страны.

Многонациональный состав России и ее федеративное устройство обусловливают сосуществование общероссийской и этнонациональных

---

[2] Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» от 29 декабря 2016г. № 1532. [Электронный ресурс]. URL.: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/454/original1484236417 (дата обращения 02.03.2018).

[3] *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2011. – Вып. 225. С. 12–13.

[4] Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России Электрон. ст. – Москва, 2018. – [Электронный ресурс]. URL.:http://kremlin.ru/ events/ president / news/56957 (дата обращения 02.03.2018).

идентичностей. Ключевую роль в характере их взаимодействия (нейтральном, симбиотическом, конфликтном) играют федеральная и региональные политические элиты. В связи с этим, вопрос изучения взаимовлияния политик идентичности российских регионов с федеральным трендом формирования общероссийской идентичности становится важным, как для научного осмысления, так и для выработки национальной политики, государственного строительства, развития субъектов Российской Федерации и страны в целом.

Проблемное поле диссертационного исследования определяется динамикой, характерной для политики идентичности региона с этнической составляющей во взаимоотношениях с федеральным центром в условиях разнонаправленных векторов постсоветской политической трансформации: дезинтеграционным и интеграционным. На характер и результаты формирования политики идентичности могут оказывать влияние несколько условий:

– социально-политическая конъюнктура в условиях смены одной общественно-политической формации на другую, когда происходит переоценка диспозиций центра и регионов;

– параметры (или – показатели, масштабы) социально-экономического и этнокультурного неравенства, региональных диспропорций, воспринимаемые элитами и населением национальных республик в контекстах отношений «центр – регион»; «доминирующая культура этнического большинства и культура этнического меньшинства»;

– компенсаторные процессы идентификации как ответ на кризис советской идентичности: актуализация исторического прошлого и этнических/религиозных форм социальной солидарности у этно-национальных сообществ;

– инерция матрицы идентичности, сформировавшаяся в советский период (институционализация этничности), оказывает влияние на соответствующие

процессы и на формирование политики идентичности регионов их элитами в определенной – этнонациональной – парадигме.

Исследование политики идентичности на уровне регионов (национальных республик) во взаимосвязи с политическими, социальными и этнокультурными факторами; изучение их главного субъекта – региональной политической элиты – становится одной из значимых предпосылок успешной национальной политики государства, что в свою очередь, актуализирует научную составляющую оценки состояния межэтнического климата в стране и процесса интеграции многокультурного населения страны в единую российскую нацию.

Степень научной разработанности проблемы

Изучение политики идентичности в условиях социальной трансформации с участием этнического фактора, задействует различные предметные области научного знания. В этой связи следует выделить несколько основных направлений, имеющих важное методологическое значение.

Так, **первую группу** теоретических источников составляют концептуальные работы, посвященные исследованию феномена идентичности, ее сущности и структуре; условиям и факторам, влияющим на ее формирование, таких авторов, как: П. Бергер и Т. Лукман, Р. Брубейкер и Ф. Купер, П. Бурдье, Э. Гидденс, Н. Элиас, Э. Эриксон, В. Ядов[5]; а также работы авторов, исследующих специфику проявления идентичностей (локальных, этнических, национальных) в условиях новейшего времени: А. Аппадураи, З. Бауман, Р. Брубейкер, Э. Гидденс, М. Кастельс, С. Лэш[6].

---

[5] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. 323 с.; *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 61–115; *Бурдье П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.; *Гидденс Э.* Элементы теории структурации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. С. 41–80; *Элиас Н.* Общество индивидов. – М.: Праксис, 2001. 336 с.; *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. 344 с.; Социальная идентификация личности / под ред. В.А. Ядова. – М.: Институт социологии РАН, 1993. 168 с.

[6] *Бауман З.* Идентичность в глобализирующемся мире. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tovievich.ru/book/12/155/1.htm (дата обращения 11.12.2016); *Брубейкер Р.*

Второе направление представлено обширной базой теоретических и эмпирических исследований, посвященных политике идентичности. Ее изучение имеет давнюю традицию в зарубежной социологии и политологии, начиная с 1960 гг. Интерес исследователей был вызван масштабными общественными трансформациями, связанными с социальными движениями, боровшимися за отстаивание групповой идентичности и социального статуса (М. Бернштейн, Дж. Гиллис, М. Гюрбюз К. Калхун, М. Кенни, С. Хейес, С. Холл[7]).

В отечественной обществоведческой науке изучение проблем политики идентичности и региональной идентичности началось относительно недавно – в условиях постсоветской трансформации в связи с политической активностью регионов РФ. За четверть века была создана обширная база теоретических и эмпирических исследований, посвященных: а) разработке самого направления и понятия политики идентичности; б) изучению условий и факторов ее формирования в российских регионах; в) становлению федеративных отношений, деятельности в данном контексте региональных элит, развитию политических институтов; г) влиянию этнического фактора на политические процессы.

Этничность без групп. Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Издательский дом Высшая школа экономики, 2012. 408 с.; Гидденс Э. Современная теоретическая социология: реферат. сб. под ред. Ю.А. Кимелева. Сер.: Социология. – М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 95–113; *Castells M.* The Power of Identity. – Malden, MA: Blackwell, 1997. P.8; *Appadurai A.* Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis: University of Minnesota Press., 1996. 357p. и др.

[7] *Bernstein M.* Identity Politics. — Annual Review of Sociology. Vol. 31. 2005. P. 47–74; *Gillis J.* (ed.) Commemorations. The Politics of National Identity. – Princeton: Princeton UP. 1994. 304 p.; *Gurbuz M.E. Identity Politics.* Encyclopedia of Social Problems. Vol. 1. (ed. by V.N. Parillo). – LA, London, New Delhi, Singapore: Sage. 2008. P. 467–469; *Calhoun C.* (ed.). Social Theory and the Politics of Identity. – Oxford, UK and Cambridge, USA: Blackwell. 1994. 350 p.; *Kenny M.* The Politics of Identity: Liberal Political Theory and the Dilemmas of Difference. – Cambridge: Polity Press. 2004. 212 p.; *Heyes C.* Identity Politics. — Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2016 Edition, E. Zalta ed.). 2002. [Электронный ресурс].URL.: http://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/ (дата обращения 23.11.2017); *Hall S.* Old and New Identities, Old and New Ethnicities. — A.D. King (ed.). Culture, Globalization and the World System. – London: Macmillan. 1991. P. 41–68.

Исследования в отечественном обществоведении, в большей мере, связаны не с проблемами культурного разнообразия и идентичностью групп, а с политикой идентичности: а) государства и регионов, по формированию макрополитических, территориальных и других видов идентичности (Н.В. Борисова[8], К.С. Гаджиев[9], А.И. Миллер[10], М.В. Назукина[11], В.И. Пантин[12], И.С. Семененко, В.В. Лапкин, А.Л. Бардин, В.И. Пантин[13], С.П. Перегудов[14], Л.А. Фадеева[15]); б) с политическими и социальными трансформациями, переживаемыми современным миром, попытками выявить смысл и политические последствия этих изменений (В.А. Ачкасов[16], Ю.Л. Качанов[17],

---

[8] *Борисова Н.В.* Региональная идентичность как фактор развития российского федерализма (на примере Пермского края) / К новой модели российского федерализма. - М.: Весь мир, 2013. С. 207 – 218.

[9] *Гаджиев К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. №10. С. 3-16.

[10] *Миллер А.И.* О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. – Том 2. – 1997. – № 4, Осень – Гражданское общество. [Электронный ресурс]. URL: http://www.carnegie.ru/ru/pubs/Procontra/55643.htm (дата обращения 17.10.2017).

[11] *Назукина М.В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. – Пермь, 2009. – 200 с.

[12] *Пантин В.И.* Национально-цивилизационная идентичность: специфика России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т.7. №2. С. 42-51.

[13] *Семененко, И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И.* Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54-78; *Лапкин В.В.* Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. Политические исследования. 2008. №3. С. 40-47; *Семененко И.С.* Политика идентичности и политическая идентичность // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т.7. №2. С. 5-24; *Она же.* Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / редкол.: И.С. Семененко (отв. ред.), Л.А. Фадеева (отв. ред.), В.В. Лапкин, П.В. Панов. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 8–13.

[14] *Перегудов С.П.* Российская и гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание/ Отв. ред. И.С. Семененко/ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 163-171.

[15] *Фадеева Л.А.* Политическая идентичность // Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация / отв. редакторы О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 477 с. С.431-445.

[16] *Ачкасов В.А.* Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – 2013. – Вып. 4. С. 71–77.

[17] *Качанов Ю.Л.* Опыты о поле политики. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1994. 159 с.

Г.Я. Миненков[18], О.В. Попова[19], И.Л. Прохоренко[20], И.С. Семененко и др.[21]); в) с формированием символической политики, политки памяти и языковой политики (Н.В. Борисова[22], Л.М. Дробижева[23], О.В. Малинова[24], А.И. Миллер[25], С.П. Поцелуев[26], В.А. Смирнов[27], Л.А. Фадеева[28]).

Среди последних разработок теории политики идентичности важно выделить двухтомник «Политическая идентичность и политика идентичности»[29], а также вышедшее в 2017 г. энциклопедическое издание под редакцией И.С. Семененко «Идентичность: Личность, общество, политика»[30], в которых комплексно представлены: основной категориальный

---

[18] *Миненков Г.Я.* Политика идентичности: взгляд современной социальной теории. [Электронный ресурс]. URL: http://gigabaza.ru/doc/72711.html (дата обращения 26.07.2017).

[19] *Попова О.В.* Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политологии // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / редкол.: И.С. Семененко (отв. ред.), Л.А. Фадеева (отв. ред.), В.В. Лапкин, П.В. Панов. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 13–29.

[20] *Прохоренко И.Л.* Этнополитическая конфликтность и полтика идентичности в странах Латинской Америки // Полис. Политические исследования. 2016. №4. С. 29-40.

[21] *Семененко, И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И.* Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. 2010. №3. С. 40-59.

[22] *Борисова Н.В.* Политизация языка и языковая политика в этнических территориальных автономиях // МЭиМО. 2016. №9. с. 67-75. [Электронный ресурс]. URL.: https://www.imemo.ru/ jour/meimo/index.php?page_id=756&id=7593

[23] *Дробижева Л.М.* Ценности и символы в контексте новых концепций этничности // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. – М.: ИЭА РАН, 1994. С. 8–25.

[24] *Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. Вып.1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 5–16.

[25] *Миллер А.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. 2016. – Гефтер. [Электронный ресурс]. URL: http://gefter.ru/archive/18391 (дата обращения 29.09.2017).

[26] *Поцелуев С.П.* Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/891 /691/1219/005.POTSELUEV.pdf (дата обращения: 07.03.2017).

[27] *Смирнов В.А.* Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 78-97.

[28] *Фадеева Л.А.* Глава 12. Интеллигенция как «оформитель» идейно-символического пространства // Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы. – М., 2011. С.210-226;

[29] Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х тт. / редкол.: И.С.Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкин, Л.А. Фадеева. – М.: РОССПЭН, 2012. 471с/

[30] Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко/ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. 992 с.

аппарат теории идентичности; дефиниции и структурные составляющие концепта «политики идентичности»; результаты конкретных исследований политических процессов, научная рефлексия, теоретические обобщения и основные тренды современного развития, как самой сферы политики, так и политологических исследований.

Третья группа источников представлена широким спектром теорий этничности и национализма, с распределением по следующим направлениям: примордиализм (Л. Гумилев, К. Гирц, У. Коннор, П. Ван ден Берге[31]); конструктивизм (Ф. Барт, Дж. Ротшильд, В.А. Тишков[32]); теории социальной коммуникации (К. Дойч, Д. Растоу[33]); культурологическая теория (Б. Андерсон[34]); инструментализм (П. Брасс, К. Янг[35]); экономические теории (Э. Геллнер, М. Грох, Т. Нэирн, М. Хечтер[36]); политико-идеологические теории (Дж. Бройи, Э. Гидденс, М. Манн, Э. Хобсбаум[37]). Несомненную

---

[31] *Гумилев Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. М., 1993; *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004. 560 с.; *Connor W.* Ethnonationalism: The Quest for Understading [Electronic resource]. 1994. URL:http://www.academia.edu/4080543/ Ethnonationalism_in_the_contemporary_world._Walker_Connor_and_the_study_of_nationalism (дата обращения: 10.12.2017); *Van den Berghe P.L.* Man in society. A biosocial perspective. New York, 1975.

[32] *Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое изд-во, 2006. – С. 9–48; *Rothchild D.* Managing ethnic conflict in Africa, Washington, DC: Brooking Institution Press 1997. *Тишков В.А.* Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997. – С. 15–43.

[33] *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication. New York, MIT Press, 1953; *Rustow. D.* A World of Nations. Washington, Brookings Institution, 1969.

[34] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс-ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

[35] *Brass P.* Ethnic groups and the state, L,: Croom Helm, 1985; *Янг К.* Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах. – М.: Наука, 1994. – С. 111–135.

[36] *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / пер. с англ. – М.: Праксис, 2002. С. 146–200; *Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, Cambridge University Press. 1968; *Nairn T.* The Break-Up of Britain: Crisis and Neo-Nationalism. L. 1977; *Хечтер М.* Внутренний колониализм // Этнос и политика: Хрестоматия. М., 2000. С. 202–210.

[37] *Breuilly J.* Nationalism and the State. Manchester, 1982; *Giddens A.* A Contemporary Critique of Historical Materialism. London, Macmillan, 1981; *Mann M.* A Political Theory of Nationalism and Its Excesses // Periwal S. (ed.) Notions of Nationalism. Budapest, 1995; *Hobsbawm E.,* Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983

ценность имеют работы, посвященные анализу национализма и нациестроительства в европейских государствах; идентификационных процессов с участием этнического фактора в различных исторических и социальных контекстах таких авторов, как: У. Альтерматт[38], О. Бауэр[39], Р. Брубейкер[40], Б. Вильямс и К. Вердери[41], К. Калхун[42], Дж. Комарофф[43], М.В. Ноженко[44], Ю. Хабермас[45], Э. Хобсбаум[46], М. Хрох[47] и др.

Четвертая группа источников представлена конкретными политологическими сравнительными исследованиями законодательства и практик федеративных отношений США, стран Западной и Восточной Европы и изучение в данном контексте российского опыта федерализма в работах Д. Бари[48], А.Г. Большакова[49], И.М. Бусыгиной[50], М.В. Глигич-

---

[38] *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. – М., 2000. 366 с.

[39] *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия./ Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. С. 52–121.

[40] *Brubaker R.* Nationalism Refrained: Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 214 p.; *Он же.* Именем нации: размышления о национализме и патриотизме / Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма (сборник). М.: Новое издательство, 2010. С. 90-129.и др.

[41] *Вердери К.* Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. С. 297–307.

[42] *Калхун К.* Национализм / пер. с англ. А. Смирнова. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.; *Calhoun C.* Social Theory and the Politics of Identity. – Blackwell, Oxford, UK, 1994. 350p.

[43] *Комарофф Дж.* Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах / отв. ред. Тишков В.А. – М.: Наука, 1994. С. 35–70.

[44] *Ноженко М.В.* Национальные государства в Европе. – СПб.: Норма, 2007. 344 с.

[45] *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. С. 364–381.

[46] *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. С. 332–347.

[47] *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. С. 121–146.

[48] *Бари Д.* Новый федерализм и парадоксы регионального суверенитета в России // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. – С. 174–200. 688 с.

[49] *Большаков А.Г.* «Модель Татарстана» в контексте конфликтов федерализации России // Современная Россия: власть, общество, политическая наука. Материалы первого всероссийского конгресса политологов, г. Москва, 17–18 февраля 1998 года. – М., 1999. С. 77–80.

Золотаревой[51], Л.М. Дробижевой[52], А.А. Захарова[53], М.Л. Крылова[54], Г.В Лапидус[55], А.С. Макарычева[56], Н.М. Мухарямова[57], Э.А. Паина[58], М.Х. Фарукшина[59], Р.С. Хакимова[60] и др.

Особый интерес представляют конкретные сопоставительные исследования специфики процессов этнонационального и политического

---

[50] *Бусыгина И.М.* Концептуальные основы европейского регионализма // Регионы и регионализм в странах Запада и России / отв. ред. Р.Ф. Иванов. – М., 2001. С. 7–15; *Она же.* Взаимоотношения между властными уровнями в федеративном государстве и государстве автономий: сравнительный аспект (практика России и Испании) // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. С. 550–561; Федерализм и этническое разнообразие в России / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманна-Грюдера. – М.: РОССПЭН, 2010.

[51] *Глигич-Золотарева М.В.* Разграничение компетенции в федеративном государстве: сравнительный аспект // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. С. 200–220.

[52] *Дробижева Л.М.* Кому и зачем нужна федерация в России: политический и социально-психологический взгляд на проблему // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. – С. 671–679; *Она же.* Проблемы асимметричной федерации в глазах элиты и масс Федерализм в России / под ред. Р. Хакимова. – Казань: Институт истории АН РТ, Казанский институт федерализма, 2001. С. 322–335.

[53] *Захаров А.* Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. – М.: Московская школа политических исследований, 2008. 143 с.

[54] *Крылов М.Л.* Региональная идентичность в Европейской России: автореф. дисс. … докт. геогр. наук. – М., 2007. 53 с.

[55] *Лапидус Г.В.* Трансформация национального вопроса: новые подходы к национализму, федерализму и суверенитету // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. С. 154–165.

[56] *Макарычев А.* Федерализм эпохи глобализма: вызовы для региональной России // Полис. – 2000. – №5. С. 81–97.

[57] *Мухарямов Н.М.* Республика Татарстан // Регионы России: хроника и руководители / под ред. К. Мацузато. – Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. – Т. 7. (Республика Татарстан, Удмуртская республика, Республика Мордовия). С. 15–150; *Он же.* Модель Татарстана // Реформа местного самоуправления в региональном измерении. По материалам из 21 региона Российской Федерации / под ред. С.И. Рыженкова, Н.В. Винника. – М.: МОНФ, 1999. 627 с.

[58] *Паин Э.А.* Новые административные реформы и их влияние на этнополитические процессы в России // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. С. 648–671.

[59] *Фарукшин М.Х.* Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1998. – 335 с.; *Он же.* Этничность и федерализм: возможность сочетания или тотальная несовместимость // Политэкс. – 2008. – Т.4, №2. С. 5–27.

[60] *Хакимов Р.С.* Перспективы федерализма в России // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа). – Казань, 2004. С. 679–687.

самоопределения регионов в России в 1990-х – 2000-х гг., изложенные в работах: В.А. Ачкасова[61], Н.В. Борисовой[62], В.Я. Гельмана[63], М.Н. Губогло[64], Л.М. Дробижевой[65], В.Ю. Зорина[66], М. Ноженко и Е. Белокуровой[67], А.К. Магомедова[68], Е.Ю. Мелешкиной[69], Н.М. Мухарямова[70], М.В. Назукиной[71], О.И. Орачевой[72], Р.Ф. Туровского[73], Л.А. Фадеевой[74], С.М.

---

[61] *Ачкасов В.А.* Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» – Электрон. ст. – [Санкт-Петербург]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.politex.info/content/ view/90/30/ (дата обращения 15.12.2016).

[62] *Борисова Н.В.* Региональная идентичность как фактор развития российского федерализма (на примере Пермского края) / К новой модели российского федерализма. - М.: Весь мир, 2013. С. 207 – 218.

[63] *Сенатова О., Касимов А., Гельман В., Рыженков С.* Политические факторы и субъекты политики в Поволжье // Земство. – 1994. – №4. С. 8–33.

[64] *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк. Плоды суверенизации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – № 77. – М.: ИЭА РАН, 1994. 47с.

[65] *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с. и др.; Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества / отв. ред. Л.М. Дробижева, Т.С. Гузенкова. – М.: ИЭА РАН, 1994. 236 с.; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов / ред. Л.М. Дробижева, М.С. Кашуба, А.Р. Аклаев, В.В. Коротеева. – М.: ИЭА РАН, 1994. 273 с.; Конфликтная этничность и этнические конфликты / ред. Л.М. Дробижева, М.С. Кашуба, Е.М. Галкина. – М.: ИЭА РАН, 1994. 177 с.

[66] *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2011. – Вып. 225. 33 с.; *Он же.* От национальной политики к этнокультурной // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – №3. С. 122–154 и др.

[67] *Ноженко М., Белокурова Е.* Северо-Запад России: регион или регионы? – СПб.: НОРМА, 2010. 164 с.

[68] *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). Сер. «Научные доклады», вып. 114. – М.: МОНФ, ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. 221с.

[69] *Мелешкина Е.Ю.* Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М.В. Ильин, И.М. Бусыгина. – М., 1999. С. 126–137.

[70] *Мухарямов Н.М.* Глава 1. Этнический фактор и политика в Республике Татарстан: тенденции 2000-х годов // ИНАБ №6 – 2012. Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане. – М.: Институт социологии РАН, 2012. С. 7–22

[71] *Назукина М.В.* Региональная идентичность в России: типологический анализ: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Пермь, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://identityworld.ru/load/poisk_po_alfavitu/n/nazukina_mv_regionalnaja_identichnost_v_sovremennoj_rossii_tipologicheskij_analiz_perm_2009/21-1-0-2 (дата обращения 05.01.2017).

Хенкина[75], Е.Ю. Цумаровой[76], Ю.П. Шабаева[77] и др.). Влияние этнического фактора на современное политическое развитие страны и регионов, изучение его конфликтного потенциала, взаимодействие в данном контексте властей центра и регионов освещаются в работах В.А. Авксентьева, Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриева[78], А.Р. Аклаева[79], М.А. Аствацатуровой и В.Ю. Зорина[80], А.Д. Бравина[81], В.М. Воронкова[82], М.Н. Губогло[83], Л.М. Дробижевой[84], Н.Р. Маликовой[85], Ф.Г. Сафина[86], В.А. Шнирельмана[87], а проблемам

---

[72] *Орачева О.И.* Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М.В. Ильин, И.М. Бусыгина. – М., 1999. С. 36–43.

[73] *Туровский Р.Ф.* Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в постсоветской России: сборник научных статей. – СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 139–173.

[74] *Фадеева Л.А.* Борьба за конструирование региональной идентичности: пермский случай // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». - 2011. - Вып.2 (14). – С.43-51.

[75] *Хенкин С.* Сепаратизм в России: позади или впереди? // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2, №2. С. 5–19.

[76] *Цумарова Е.Ю.* Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия): автореф. дис…. канд. полит. наук. СПбГУ. 2014. – 22 с.

[77] *Шабаев Ю.П.* Конструирование нового национализма финно-угров: конкуренция глобального и регионального // Мир России. – 2004. – №3. С.48–70.

[78] См. *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Динамика регионального конфликтного процесса на юге России (экспертная оценка) // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С.70–77. и др.

[79] *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. – М.: Дело, 2005. – 472 с.

[80] *Аствацатурова М.А., Зорин В.Ю.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: институциональный и инфраструктурный аспекты // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 263. – М., 2018.

[81] *Бравин А.Д., Яковлева Э.Я.* Динамика этнополитических процессов в Якутии: 90-е годы XX века и современность // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнических обществ. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. – С. 57–68.

[82] *Воронков В.А.* Приватизация этничности vs «национальная политика» // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / под ред. Т.И.Заславской. – М.: МВШСЭН, 2003. – С. 206–214.

[83] *Губогло М.Н.* Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение. – 1995. – №.5. – С. 110–124; №6. – С. 137–144 и др.

[84] *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Мысль, 1996. – 382 с.

[85] *Маликова Н.Р.* Этнополитические проблемы в современной России // Россия: общество, власть, государство (Вторые казанские социологические чтения): материалы Всерос. науч. конф. – Казань, 22–23 мая 2008 г.: в 4 т. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008. – Т.4. – С. 225–230.

собственно этнополитики России посвящены работы В.В. Амелина[88], В.М. Гущи[89], В.Ю. Зорина[90], В.С. Малахова[91], В.С. Магуна и А.В. Магуна[92], А.Н. Малинкина[93], А.Г. Осипова[94], Э.А. Паина[95], С.В. Рыжовой[96], С.В. Соколовского[97], В.А. Тишкова[98] и др. Соответственно, перспективы формирования региональной идентичности в контексте государственного строительства в России по-разному осмысливались учеными. Часть исследователей видела в появлении региональных сообществ основание: для развития нового уровня федеративных отношений (И.М. Бусыгина[99],

---

[86] *Сафин Ф.Г.* Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект. – Казань: Магариф, 2001. – 543 с.

[87] *Шнирельман В.А.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 4. – С. 3–14 и др.

[88] *Амелин В.В.* Этнокультурная политика в национальном регионе // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. VII, №1. – С. 159–170 и др.

[89] *Гуща В.М.* Институт национально-культурной политики на переходном этапе // Панорама культурной жизни стран СНГ и Балтии: информ. сборник. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 2–10.

[90] *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2011. – Вып. 225. – 33 с.; *Он же.* От национальной политики к этнокультурной // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – №3. – С.122–154 и др.

[91] *Малахов В.* Вызов национальному государству. // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3, № 2. – С. 141–154; и др.

[92] *Магун В.С., Магун А.В.* Идентификация граждан со своей страной: российские данные в контексте международных сравнений // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / под ред. Л.М. Дробижевой и Е.И. Головахи. – Киев, 2007. – С. 202–240.

[93] *Малинкин А.Н.* «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. – 2001. – № 4. – С. 66–86.

[94] *Осипов А.Г.* Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. – СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. – 508 с.

[95] *Паин Э.А.* Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. 2-е изд., доп. – М.: Новое изд-во, 2004. – 248 с.

[96] *Рыжова С.В.* Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности: дисс. …канд. социол. наук. – М., 2008. – 225 с.

[97] *Соколовский С.В.* Перспективы развития концепций этнонациональной политики в Российской Федерации. Институт этнологии и антропологии РАН. – М.: Привет, 2004. – 258 с. и др.

[98] *Тишков В.А.* Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2005. – 240 с.; Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие / отв. ред. В.А. Тишков. [Электронный ресурс]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/knigi/rossijskay3/rossijskay4.html (дата обращения 05.09.2017) и др.

[99] *Бусыгина И.М.* Взаимоотношения между властными уровнями в федеративном государстве и государстве автономий: сравнительный аспект (практика России и Испании)

А.А. Макарычев[100], О.И. Орачева[101], В.И. Пантин[102], Н.В. Петров[103], А.Г. Чернышев[104] и др.); для повышения ресурса стабильности регионов (Г.В. Грошева[105]); основание для консолидации населения региона в решении задач развития территории (А.К. Магомедов[106]). Последователи другой позиции, обращаясь к случаям политического самоопределения национальных республик, видели в региональной идентичности основание для продвижения идей сепаратизма, подрывающего целостность государства и препятствующего формированию общероссийской идентичности (А.Г. Большаков[107], Е.Ю. Мелешкина[108], Р.Ф. Туровский[109], В.Р. Филиппов[110], С.М. Хенкин[111] и др.).

Пятая группа источников включает работы, имеющие ключевое значение в контексте предпринимаемого исследования и посвященные

// Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. С. 550–561.

[100] *Макарычев А.* Федерализм эпохи глобализма: вызовы для региональной России // Полис. – 2000. – №5. С. 81–97.

[101] *Орачева О.И.* Региональная идентичность: миф или реальность? Указ. соч.

[102] *Пантин В.И.* Самоопределение как ресурс модернизации – Москва, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/scenario/ 2010-03–30/10_samoopredelenie.html (дата обращения 6.12.2017).

[103] *Петров Н.* Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / ред. В. Гельман, Т. Хопф. – СПб., 2003. С. 125–186.

[104] *Чернышев А.Г.* Особенности регионального самосознания и современный политический процесс // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / под ред. М.В. Ильин, И.М. Бусыгина. – М., 1999. С. 139–145.

[105] *Грошева Г.В.* Этническая государственность как фактор формирования региональной идентичности (на примере Республики Хакасия 1990–2000-х гг.) // Вестник ТГПУ. – 2010. – Вып. 9(99). С. 125–131.

[106] *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Указ. соч.

[107] *Большаков А.Г.* Политические конфликты в российских регионах: институциональные условия и возможности управления (случай Республики Татарстан). [Электронный ресурс]. URL: https://www.rapn.ru/in.php?part=in&gr=72&d=130&n=35&p=0&to (дата обращения 18.11.2017).

[108] *Мелешкина Е.Ю.* Региональная идентичность как фактор становления региональных политий в Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. – 1999. – № 6. – С. 48–59.

[109] *Туровский Р.Ф.* Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. – М., 1999. – С. 87–136.

[110] *Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2003. – 380 с.

[111] *Хенкин С.* Сепаратизм в России: позади или впереди? Указ. соч.

анализу влияния политических элит, как основного субъекта формирования региональной идентичности: на процессы национального строительства в подведомственных им регионах; на реализацию ими культурной политики в субъектах РФ. В числе их авторов: А.Р. Аклаев[112], М.Н. Афанасьев[113], Р.Р. Галлямов[114], О.В. Гаман-Голутвина[115], В.Я. Гельман и О.В. Попова[116], Г.Я. Гузельбаева[117], Л.М. Дробижева[118], А.В. Дука[119], Г.А. Исаев[120], О.В.

---

[112] *Аклаев А.Р.* Выражение национального самосознания в деятельности Верховных Советов союзных республик // Духовная культура и этническое самосознание. – М.: ИЭА АН СССР, 1991. – Вып. 2. – С. 8–33.

[113] *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. – 2-е изд., доп. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 318 с.

[114] *Галлямов Р.Р.* Политическая элита. Этничность. Гражданственность. – Уфа: ООО «Изд-во «Здравоохранение Башкортостана», 2004. – 139 с.; *Он же.* Правящие политические элиты российских республик в современном пространстве власти (на примере Башкортостана и Татарстана). URL: http://www.eduhistory.ru/view/27963.html. (дата обращения 03.04.2014); *Он же.* Постперестроечная эволюция политических элит российских республик: этнический аспект // Этнопанорама. – 2000. – №1. – С. 163–175; *Он же.* Этнополитические элиты национальных республик России о межнациональных отношениях и перспективах национально-государственного устройства страны (на примере Республики Башкортостан) // На путях политической трансформации (политические партии и политические элиты постсоветского периода). Часть II. – М.: МОНФ, 1997. – С. 185–198.

[115] *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (II). // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 3. – С. 22–32. URL: http://www.politstudies.ru /files/ File/2004/3/Polis-2004-3-Gaman-Golutvina.pdf (дата обращения 14.10.2016).

[116] *Гельман В., Попова Е.* Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. – СПб.-М.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2003. – С. 187–254.

[117] *Гузельбаева Г.Я.* Советские и постсоветские принципы формирования политической элиты современного Татарстана. URL: http://www.idmedina.ru/ books/ materials /faizhanov/3/world_guzelbaeva.htm (дата обращения 12.10.2016).

[118] *Дробижева Л.М.* Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой. – М., 1996. – 301 с.

[119] *Дука А.* Трансформация местных элит (институционализация общественных движений от протеста к участию) // Мир России. – 1995. – Т.4, №2. – С. 106–117; *Он же.* Конфликты и компромиссы в структурах региональной политической элиты: типология противоборства // Северная Пальмира. – 1997. – №9.

[120] *Исаев Г.А.* Изменение отношений федерального центра и региональных элит в условиях формирования новой властной вертикали: пример Татарстана // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia. 2002. – С. 412–428.

Крыштановская[121] А.К. Магомедов[122], Г.И. Макарова[123], М. Маколи[124], Г.М. Мансурова[125], Н.С. Мухаметшина[126], Н.М. Мухарямов и Л.М. Мухарямова[127], Л.В. Сагитова[128], С.А. Сергеев и З.Х. Сергеева[129], В.А. Тишков[130], М.Х. Фарукшин[131], А.Е. Чирикова[132]. Существенно дополняющими названный ряд являются работы, отражающие участие национальной интеллигенции в конструировании символов и ценностей этнического самосознания в национальных республиках РФ: Л.М. Дробижевой[133], Т.С. Гузенковой[134],

---

[121] *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. – 381 с.

[122] *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Указ. соч.

[123] *Макарова Г.И.* Некоторые этнические аспекты культурной политики Республики Татарстан // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – № 2. – С. 96–100.

[124] *Маколи М.* Становление новой российской государственности: опыт прогноза // Полис. – 1993. – №3. [Электронный ресурс] URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_5020214_73228738.pdf (дата обращения 14.10.2016).

[125] *Мансурова Г.М.* Динамика ротации политических элит РФ и РТ (начало 1990-х гг.) // Республиканская научно-практическая конференция «Региональные элиты и общество: процессы взаимодействия». – Казань, 1995. – С. 52-57.

[126] *Мухаметшина Н.С.* Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. – 292 с.

[127] *Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М.* Татарстан в условиях рецентрализации по-путински // Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? / под ред. К. Мацузато. – М.: Материк, 2004. – С. 312–366. – 371 с.; *Мухарямов Н.М.* Республика Татарстан // Регионы России: хроника и руководители / под ред. К. Мацузато. – Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. – Т. 7. (Республика Татарстан, Удмуртская республика, Республика Мордовия). – С. 15–150.

[128] *Сагитова Л.В.* Интеллектуалы и власть: основания тандема в период этнического ренессанса. (Кейс: Республика Татарстан) "Элиты России и Украины: особенности становления и взаимодействия". М.: ГУ Высшая школа экономики. 2009. – С. 161-189.

[129] Се*ргеев С.А., Сергеева З.Х.* Татарский этнонационализм в Республике Татарстан: от рассвета до заката // ПОЛИТЭКС. – 2009. – №1. – С. 118.

[130] *Тишков В.А.* Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2005. – 240 с.

[131] *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. – 1994. – №6. – С. 67–79.

[132] *Чирикова А.Е.* Региональные элиты России: Учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 271 с.

[133] *Дробижева Л.М.* Роль интеллигенции в развитии национального самосознания народов СССР в условиях перестройки // Духовная культура и этническое самосознание. – М.: ИЭА АН СССР, 1990. – Вып. 1. – С. 83–101; *она же*. Интеллигенция и национализм: Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтнических государствах / отв. ред. В.А. Тишков. – М.: Наука, 1994. – С. 71–84.

[134] *Гузенкова Т.С.* Проблема самоидентификации национальной интеллигенции республик Поволжья и Приуралья // Конфликтная этничность и этнические конфликты. – М.: ИЭА РАН, 1994. – С.44–67.

Д.М. Исхакова[135], В.К. Мальковой[136], Ю.С. Перфильева[137], Л.В. Сагитовой[138] В.А. Шнирельмана[139] и др.

Шестая группа источников представлена эмпирическими исследованиями, проведенными в Татарстне: с конца 1980-х гг. актуализировалось изучение процессов суверенизации, этнокультурного ренессанса, формирования новой политической и этнокультурной идентичности республики, обновления федеративных отношений между регионом и центром. Анализ названных процессов представлен в работах: В.А. Беляева[140], Р.Г. Габидуллина[141], О.И. Зазнаева[142], Г.А. Исаева[143], Т.Г. Исламшиной[144], Д.М. Исхакова[145], Г.И. Макаровой[146], И.И. Мирсияпова[147], Ф.Х. Мухаметшина[148], Н.М. Мухарямова[149], Л.М.

---

[135] *Исхаков. Д.М.* Роль интеллигенции в формировании и современном функционировании национального самосознания татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. – Казань, 1994. – Вып. 2. – С. 5–26.

[136] *Малькова В.К.* Мобилизация этнических сообществ в современной России: по материалам этнических СМИ. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 209 с.

[137] *Перфильев Ю.* Региональная символика: в поисках идеологии // Регионы России в 1999 г.: ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / под ред. Н. Петрова. – М., 2001. – С. 324–337.

[138] *Сагитова Л.В.* Роль интеллигенции в национальной идентификации татар // Интеллигенция в диалоге культур: сб. статей / РГГУ. Социологический факультет. Под ред. Ж. Т. Тощенко. Серия «Интеллигенция и современность» Выпуск VIII. М.: РГГУ, 2007. – С. 426-430.

[139] *Шнирельман В.А.* Изобретение прошлого // Новое время. – №32. – 1996. – С. 44–56.

[140] *Беляев В.А.* Глобализация и специфика менталитета населения РТ // Проблемы глобализации и антиглобализм в современном мире: сб. докладов и статей / под ред. Д.М. Коломыца, В.А. Беляева. – Казань: Школа, 2003. – С. 46–70.

[141] *Габидуллин Р.Г.* Этнополитическая концепция государственного возрождения Татарстана в программных положениях татарского национального движения // Панорама-форум. – Казань, 1997. – №12.

[142] *Зазнаев О.* Республика Татарстан // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. – 1997. – №2 (19). – С. 69–78.

[143] *Исаев Г.А., Мухаметшин Ф.Х.* Республика Татарстан в зеркале общественного мнения. – Казань: Изд-во Кабинета Министров РТ, 1998.

[144] *Исламшина Т.Г.* Этнические ценности полиэтнического общества: Социологический очерк. – Казань: Казан. гос. техн. ун-т, 1996. – 47 с.

[145] *Исхаков Д.М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. – Казань: Мастер-лайн, 1997. – 247 с. и др.

[146] *Макарова Г.И.* Этнокультурная политика федерального Центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 242 с.

[147] *Мирсияпов И.И.* Национальная идеология и национальные взаимоотношения в Республике Татарстан. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 160 с.

Мухарямовой[150], Э.Д. Понарина[151], Ж.Р. Равио[152], Л.В. Сагитовой[153], А.Л. Салагаева, Л.В. Лучшевой, С.А. Сергеева[154], З.Х. Сергеевой[155], М.Х. Фарукшина[156], А.Ю. Хабутдинова[157], Р.С. Хакимова[158], Г. Шарафутдиновой[159]. Процессы этнической идентификации в Татарстане изучались Г.Ф. Габдрахмановой[160], Р.И. Зиннуровой[161], Л.В. Лучшевой[162],

---

[148] *Мухаметшин Ф.Х.* Федеративные отношения как фактор соцально-политического развития республики – субъекта Российской Федерации: дисс. … докт. полит. наук; Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – М., 2001; *Он же*. Татарстан: итоги, проблемы, перспективы // Татарстанская модель: мифы и реальность. – Казань, 1997. – С. 14–22; Суверенный Татарстан / авт. и сост. Ф.Х. Мухаметшин, Н.Г. Тагиров. – М.: ИНСАН, 1997. – 304 с.

[149] *Мухарямов Н.М.* Структурирование общественно-политических сил в Республике Татарстан: этапы и тенденции // Политическая система Республики Татарстан (институционально-нормативный анализ). – Казань: КГУ, 1995. – С. 23–35.

[150] *Мухарямова Л.М.* Языковые отношения: политологический анализ. – Казань: изд. Казан. ун-та, 2003. – 276 с.; *Мухарямов Н.М.* Этнический фактор и политика в Республике Татарстан: тенденции 2000-х годов // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой / ред.: Р.Н. Мусина, Г.Ф. Габрахманова, Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 35–57.

[151] *Понарин Э.Д.* Политико-рациональные и культурно-исторические факторы ассимиляции // Политическая социология и современная российская политика. Сб. учебных материалов / под ред. Г.В. Голосова, Е.Ю. Мелешкиной. – СПб.: Изд-во «Борей-принт», 2000. – С. 295–307.

[152] *Равио Ж.Р.* Национализм в Татарстане: его типы // Идель. – 1994. – №7–8. – С. 50–51.

[153] *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Воспроизводство этничности в татарском обществе на рубеже 1980–1990-х годов. – Казань: Татполиграф, 1998.– 184с.

[154] *Салагаев А.Л., Сергеев С.А., Лучшева Л.В.* Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан. – Казань: КНИТУ, 2011. – С.219–232.

[155] *Сергеев С.А., Сергеева З.Х.* Этнокультурная политика и этнический национализм в Татарстане // Кому принадлежит культура? – Казань, 1999. – С.194. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/501/667/1219/razd3.pdf; *Сергеев С.А., Сергеева З.Х.* Татарский этнонационализм в Республике Татарстан: от рассвета до заката // ПОЛИТЭКС. – 2009. – №1. – С. 118.

[156] *Фарукшин М.Х.* Субъекты федераций: сравнительное исследование. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – 480 с.

[157] *Хабутдинов А.Ю.* От общины – к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 214 с.

[158] *Хакимов Р.С.* Российский федерализм в условиях социально-политической трансформации. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 216 с. и др.

[159] *Sharafutdinova G.* Getting the 'Dough' and Saving the Machine: Lessons from Tatarstan // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. – 21(4) September 2013. – P. 7–9.

[160] *Габдрахманова Г.Ф.* Этнокультурные ресурсы экономического развития. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 370 с.

Г.И. Макаровой[163], Р.Н. Мусиной[164], Л.Р. Низамовой[165], Л.В. Сагитовой[166], А.Л. Салагаевым[167], Г.Р. Столяровой[168], Т.А. Титовой[169] и др.

Несомненную ценность в исследовании языковой политики имеют работы, посвященные исследованию процессов в этноязыковой сфере; культурной политике и, соответственно, этнокультурным интересам этнических групп в современном Татарстане таких авторов, как: А.Р. Андреева[170], А.Ф. Валеева[171], Г.Ф. Габдрахманова[172], Я.З. Гарипов[173],

---

[161] *Зинурова Р.И.* Этническая социализация молодежи в условиях современного российского общества: автореф. дисс. ... докт. социол. наук. – М., 2005. – 34 с.

[162] *Лучшева Л.В.* Влияние культурной политики на этносоциальные процессы русской части населения Республики Татарстан: дисс … канд. социол. наук. – Казань, 2006. – 281 с.

[163] *Макарова Г.И.* Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2010. – 248 с.

[164] *Мусина Р.Н.* К вопросу о месте и роли религии в жизни современных татар (по материалам этносоциологических исследований в Татарстане) // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. – Казань, 1992. – С. 52–64 и др.

[165] *Низамова Л.Р.* Смешанные этнические идентичности и мультикультурализм // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. – Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2009. – С. 233; *Она же.* Модерные этничности: единство форм и множество конфигураций // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнических обществ. Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 26–28 июня 2008 г. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. – С. 331–336 и др.

[166] *Сагитова Л.В.* Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан)/ Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. СПб; М.: издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. (серия "Труды факультета политических наук и социологии, выпуск 11). – С. 77-125.

[167] *Салагаев А.Л.* Русские в Республике Татарстан: проблемы социокультурного развития // Дело. – 1996. – №2. – С. 23–24 и др.

[168] *Столярова Г.Р.* Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. – Казань: Казан. ун-т, 2004. – 315 с. и др.

[169] *Титова Т.А.* Этнические меньшинства в Татарстане: статус, идентичность, культура. – Казань: Казан. ун-т, 2007. – 254 с.

[170] *Андреева А.Р., Мухарямова Л.М.* Феномен национальной школы в социологических ракурсах. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. – 268 с.

[171] *Валеева А.Ф.* Языковое поведение в полиэтническом обществе (социологическая диверсификативность) / под ред. Г.В. Дыльнова. – Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2003. – 312 с. и др.

[172] *Габдрахманова Г.Ф.* Языковое поведение и этноязыковые установки русских и татар Республики Татарстан // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С. 17–39.

З.А. Исхакова[174],Г.И. Макарова[175], Н.М. Мухарямов[176], Л.М. Мухарямова[177], Л.В. Сагитова[178].

Несмотря на существенный объем научных работ, посвященных исследованию этнополитических процессов в современном Татарстане, до сих пор не предпринимались попытки провести комплексный анализ динамики политики идентичности региона за последние 25 лет. Не получила комплексного изучения динамика стратегий региональной элиты в этнополитических и этнокультурных процессах в РТ на различных этапах политического строительства в России. Недостаточно материалов, в которых исследуется корреляция политики идентичности, проводимой региональной элитой, с интересами этнических групп (русских и татар, проживающих на территории республики) в контексте общенациональной интеграции в РФ.

Объект исследования – этнополитическая и этнокультурная идентичность в субъекте Российской Федерации - Республике Татарстан. Выбор Татарстана в качестве объекта исследования был обусловлен тем, что в данном регионе, являющимся национальной республикой, наиболее ярко и

---

[173] *Гарипов Я.З.* Языковые процессы в СССР и после. – М.: Центр социального прогнозирования, 2014. – 503 с.; *Он же*. Тенденции национально-языкового развития // Социологические исследования. – 1989. – №2 и др.

[174] *Исхакова З.А.* Функциональное взаимодействие татарского и русского языков в современном Татарстане // Современная этноязыковая ситуация в Республике Татарстан. – Казань: Печатный двор, 2002. – С. 6–38 и др.

[175] *Макарова Г.И., Габдрахманова Г.Ф.* Языковая политика Республики Татарстан (1990–2000-е гг.) // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С. 5–17.

[176] *Мухарямов Н.М.* Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – С. 677–685; *Он же*. Язык и политика в контексте «глобализации» // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 25–27 сентября 2014 г. / отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С. 96–100.

[177] *Мухарямова Л.М.* Языковые отношения: политологический анализ. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. – 276 с. и др.

[178] *Сагитова Л.В*. Отражение языковой ситуации в республиканских СМИ и Интернет-ресурсах // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С. 61–93.

показательно представлена динамика политики идентичности с использованием этнического фактора, как в условиях дезинтеграционных процессов 1990-х годов, так и в условиях успешной и продуктивной интеграции в общероссийское пространство в 2000-е годы. Хронологические рамки исследования охватывают период последней четверти века (1990[179] – 2016 гг.).

Предмет исследования – политика идентичности и роль региональной элиты в ее конструировании и реализации в условиях дезинтеграционного и интеграционного трендов в российском политическом процессе в Республике Татарстан.

Целью диссертационного исследования является выявление предпосылок, механизмов конструирования дискурсивных оснований и реализации политики идентичности в субъекте РФ с этнонациональным компонентом - Республике Татарстан.

Для достижения поставленной цели ставятся и решаются следующие научные задачи:

1. Обобщить и систематизировать теоретико-методологические подходы к изучению политики идентичности в контексте современных политических и общественных трансформаций.

2. Раскрыть теоретические и эмпирические возможности теорий национализма в исследовании политики идентичности. Провести операционализацию понятия «дискурс национального самоопределения» (ДНС) для исследования специфики политики идентичности на примере субъекта РФ с этнической составляющей – Республики Татарстан.

---

[179] Хронологической точкой отсчета нами выбран 1990 год в связи с тем, что феномен постсоветского регионального самосознания (и, соответственно, политика региональной идентичности) возникли в национальных республиках после 1990-91 гг., когда ими был провозглашен суверенитет, что воспринималось как форма национальной государственности. В результате чего в республиках стала формироваться своя идентичность, отличная от российской. См.: *Туровский Р.Ф.* Региональная идентичность в современной России. [Электронный ресурс]. URL.: www.bastion.ru/files/eb/ REGIDENT. DOC (дата обращения 22.10.2017).

3. Выявить комплекс детерминант политики идентичности Республики Татарстан в зависимости от общероссийских характеристик политической конъюнктуры: дезинтеграционных и интеграционных процессов 1990-х и 2000-х гг. в контексте изменений в поле политики в Российской Федерации.

4. Раскрыть сущностные характеристики, мотивации, функции и роль политической и «символьной» элит, участвующих в формировании и реализации политики идентичности в Республике Татарстан.

5. Определить характер взаимодействия властных элит центра и региона в контексте смены дезинтеграционного вектора в развитии российского общества на интеграционный.

6. Рассмотреть политические механизмы и инструменты формирования и реализации постсоветской идентичности Республики Татарстан, в том числе символической политики, политики памяти и языковой политики.

7. Исследовать ресурс социально-экономической составляющей в реализации региональной элитой политики идентичности в контексте интересов социальных групп Республики Татарстан.

8. Проанализировать сопряженность этноязыковых проблем в Татарстане с формированием и реализацией политики идентичности; изучить восприятие языковой политики, проводимой властной элитой, представителями этнических групп (русскими и татарами) в РТ.

9. Исследовать инструментальную функцию региональных СМИ и Интернет-ресурсов в формировании символической политики, политики памяти и языковой политики с выявлением характеристик субъектов информационного поля.

10. Проследить, каким образом этнический фактор участвует в трансформации политической и этнокультурной идентичности региона; какие обстоятельства и условия стимулируют его конфликтный или

интегративный потенциал в контексте формирования российской нации в постсоветский период.

В рамках работы был сформулирован **ряд исследовательских гипотез**.

Так, гипотеза первого уровня состоит в том, что политика идентичности, формируемая элитами национальных республик, является структурообразующией составной национальной идентичности России, как многонационального государства. Ее интеграционный потенциал, в контексте формирования российского общенационального единства, складывается из взаимодействия комплекса переменных: политической конъюнктуры в условиях общественной трансформации; специфики разрешения проблем социального, экономического и этнокультурного неравенства по оси «центр-регион».

Гипотеза второго уровня состоит в том, что политика региональной идентичности может наполняться конфронтационным, или, наоборот, интеграционным содержанием в зависимости от реализации интересов центра и региона, и характера взаимодействия между их политическими элитами. Региональная политика идентичности испытывает влияние идеологического дискурса центральной власти и при достижении элитами политического консенсуса и баланса интересов меняет идеологическую направленность при неизменном этнокультурном содержании.

Гипотезы – следствия

1. Актуализация этнического фактора в формировании региональной политики идентичности в период социальной трансформации на уровне национальных республик РФ стимулируется комплексом факторов, среди которых: а) проблемы этнокультурного и социально-экономического неравенства, которые интерпретируются региональными элитами – как дефицит полномочий в обеспечении внутренних вопросов развития территории; ее населением – как неравенство между центром и регионом по уровню социально-экономического и этнокультурного развития; б) поиском

основ политической легитимации своих полномочий как внутри, так и вне республики ее властной элитой.

2. Этнокультурная составляющая региональной политики идентичности направлена, как на внутренние запросы населения территории, так и на внешние вызовы. Так, реализация этноязыковой политики в РТ направлена на выравнивание статусов русского и татарского языков и национальной культуры этнической группы, дающей название республике в качестве основного гаранта ее сохранения и развития в рамках Российской Федерации. В то же время для внешнего политического рынка названный компонент легитимирует формат субъекта РФ с этнонациональной составляющей в парадигме полиэтничного российского государства.

3. Ресурсы и интересы региональной и федеральной элит, формируемые политической и экономической конъюнктурой определенного исторического этапа в развитии России, определяют дезинтеграционный или интегративный сценарии во взаимодействии по оси «центр – регион» и в межнациональных отношениях этнических групп. При этом роль фактора стабилизации межэтнических отношений выполняют: опыт их длительного совместного исторического проживания; отсутствие значимой культурной дистанции; политика паритетности этнических культур, осуществляемая властной элитой республики; режим доверия во взаимодействии федеральной и региональной элит, сопровождающий согласование региональных интересов с общефедеральными.

Теоретико-методологические основания исследования

Комплексность анализируемых задач в исследовании политики идентичности в ее связи с этническим фактором предполагает использование концепции социального конструктивизма и теорий идентичности (П. Бергер и Т. Лукман, Р. Брубейкер и Ф. Купер); этнополитологии и концепций национализма (конструктивистского, инструменталистского направлений и культурного примордиализма Б. Андерсона, Р. Брубейкера, Э. Геллнера, К. Калхуна, Э. Хобсбаума, К. Янга, Э. Смита,); теорий структуралистов (К.

Леви-Стросс, Р.Барт,) и постструктуралистов (Р. Барт, П. Бурдье, Ж. Деррида Ж. Лакан, Э.Лакло и Ш. Муфф, М. Фуко), исследовавших роль дискурсивных практик в конструировании социальной реальности; а также на концепциях М. Кастельса, А. Аппадураи, показавших влияние глобализационных процессов на политику идентичности. Наряду с этим, в диссертационном исследовании используются разработки по проблемам политики идентичности, символической политике, политике памяти, формирования гражданской и этнической идентичности, этноидентификационным процессам в поле политики таких ученых, как: В.А. Ачкасов. Л.М. Дробижева, В.В. Лапкин, О.Ю. Малинова, А.И. Миллер, Г.Ю. Миненков, П.В. Панов, С.П. Перегудов, С.П. Поцелуев, И.С. Семененко, В.А. Тишков, Л.А. Фадеева, Е.Ю. Цумарова.

Теоретическая традиция символического интеракционизма Г. Блумера, Г. Зиммеля, Ч. Кули, Дж. Мида, У.А. Томаса, используется автором в исследовании значимости символической функции этнической культуры в процессе идентификации. В исследовании социальных аспектов этнической культуры и языка автором использовался социокультурный подход, разрабатываемый в трудах А.С. Ахиезера, М. Вебера, Л.Г. Ионина, Н.И. Лапина, В.А. Ядова.

Для анализа роли элит, использующих различные формы социального капитала в этнополитических процессах, применяются концепции Ф. Фукуямы, Дж. Коулмана, П. Бурдье, Р. Патнэма. Анализ деятельности региональной политической и «символьной»[180] элит в публичной сфере опирается на подходы таких зарубежных и российских теоретиков, как: Г. Лассуэлл, Р. Брэддок, П. Лазарсфельд, Р. Мертон, У. Липпман, Г.М. Андреева, О.В. Гаман-Голутвина, В.Я. Гельман, О.В. Крыштановская, И.С. Кон, А.Е. Чирикова, В.А. Ядов, а также на исследования символической политики О.Ю. Малиновой, С.П. Поцелуева, И.С. Семененко, Л.А. Фадеевой. Трансформация роли

[180] Термин объединяет научную и творческую интеллигенцию, создающую и тиражирующую посредством СМИ этнические ценности и символы. См. *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Указ. соч. С. 36.

«символьной» элиты в публичном пространстве и ее влияния на массовое сознание в связи с технологической революцией, появлением Интернета и сетевого общения исследуется нами в русле подходов Г.М. Маклюэна и М. Кастельса.

Эмпирическая база и методы исследования

Диахронный характер исследования стимулировал использование широкого корпуса источников, при анализе которых применялись методы социальных наук: политологии, этнополитологии, истории, социологии, этнопсихологии. Так, анализ социально-политической конъюнктуры проводился при помощи компаративного метода, помогающего в сопоставлении исторических периодов развития республики выявить факторы влияния на проводимую региональной элитой политику идентичности. Конструктивистская деятельность элит исследовалась при помощи контент-анализа и дискурс-анализа: а) законодательных и нормативных актов, программ развития республики, принимаемых республиканской властью в период с 1990 по 2016 гг.; б) программ национальных партий и движений; в) выступлений представителей региональной элиты в республиканских СМИ; г) стенографического отчета Программы «Гаагская инициатива» (1995); стенографического отчета Торжественного собрания, посвященного 25-летию становления парламентаризма в современной истории РТ (2015); тексты Ежегодных посланий президентов РФ и РТ (1994–2016 гг.)

Для изучения характеристик и интересов элит использовались следующие источники: данные справочников «Кто есть кто в Республике Татарстан» за 1993, 1996, 2001, 2005 гг.; материалы республиканских СМИ, данные официального сайта Республики Татарстан; экспертные интервью, вторичный анализ интервью с представителями региональной элиты РТ, проведенных Л.М. Дробижевой[181]. Для исследования социальных

[181] *Дробижева Л.М.* Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой. – М., 1996. – 301 с.

характеристик и властных ресурсов групп элиты рассматривались известные в политической социологии типы выборки, исходя из трех основных подходов к теоретическому рассмотрению политической элиты: 1) позиционный; 2) репутационный; в) участия в принятии стратегических решений. Наш выбор был остановлен на последнем в связи со спецификой исследовательского фокуса: формирование и реализация политики идентичности региона.

Важным источником дискурсивной политики властной элиты, политических партий, национальной интеллигенции является информационное поле, формируемое республиканскими СМИ разной направленности и Интернет-ресурсами. При анализе деятельности СМИ использовались социологические методы, такие как тематический контент-анализ и дискурсивный анализ наиболее показательных в контексте исследования текстов СМИ в периоды: 1989–1992 гг.; 1996–1998 гг.; 2000–2001 гг.; 2004–2005 гг.; 2011–2012 гг.; 2014 г.; 2016 г.

Интересы этнических групп (русских и татар) в республике, их ориентации и установки, восприятие ими конструктивисткой деятельности элит анализировались с помощью количественных и качественных методов, используемых в социологии и политологии. Часть массовых репрезентативных опросов населения РТ, проводившихся в ходе этносоциологических исследований с начала трансформационных процессов в республике, имеют мониторинговый характер. Включение в инструментарии опросов повторяющихся тематических блоков и отдельных вопросов позволили проследить динамику восприятия жителями республики происходящих изменений и политики республиканской власти. Представленная вниманию диссертационная работа основана на результатах 27 этносоциологических исследований (из них 24 массовых опроса), проводившихся в период с 1990 по 2016 гг., в которых автор принимала непосредственное участие в качестве сотрудника или руководителя. (Полный перечень в Списке источников и литературы). Приведем наиболее значимые из них:

1. Этносоциальные и этнодемографические процессы в ТАССР («ЭПТ» – 1989/1990 гг.; рук. Л.М. Дробижева, Д.М. Исхаков, Р.Н. Мусина);
2. Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации («НИК» – 1994 г.; рук. Л.М. Дробижева);
3. Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности («ЭГ» – 1997 г.; рук. Л.М. Дробижева);
4. Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации («СЭН» – 1999 г.; рук. Л.М. Дробижева);
5. Роль республиканской прессы в формировании новой системы ценностей в условиях социально-экономической трансформации общества в Татарстане (1996-1998 гг.; рук. Л.В. Сагитова);
6. Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность («СМ» – 1999 г.; рук. Р.Н. Мусина);
7. Особенности постсоветской политической социализации молодежи в Республике Татарстан (2000 – 2001 гг.; рук. Л.В. Сагитова);
8. Центр и региональные идентичности» (2001-2002 гг., рук. Т. Хопф, В. Гельман);
9. Проблемы развития и функционирования татарского языка в Республике Татарстан» (2002 г., рук. Р.Н. Мусина);
10. Официальные и локальные идентичности в созидании современного мира (2001-2003 гг.; рук. Дж. Скотт, А. Тымовски);
11. Изучение межнациональных отношений в Республике Татарстан (2007 г., рук. А.Л. Салагаев);
12. «Стратегия РТ – 2030». Направление «Человеческий капитал» 2014–2015 гг.) По заказу МЦСЭИ «Леонтьевский центр» СПб, (Рук. Б.С. Жихаревич, по РТ – Л. В. Сагитова)
13. Социолингвистический мониторинг этноязыковой ситуации в Республике Татарстан (2014, 2015, 2016 , 2017 гг. рук. Г. Ф. Габдрахманова) и др.

Результаты массовых опросов дополнялись качественными методами (материалами полуструктурированных и биографических интервью), помогающими исследовать идентификационные процессы на личностном и групповом уровнях. (Инструментарий опросов и интервью представлен в Приложениях).

Научная новизна диссертационного исследования

1. Впервые комплексно исследована динамика политики идентичности в контексте дезинтеграционных (1990-е гг.) и интеграционных (после 2000г.) процессов в условиях общественной трансформации в одном из показательных субъектов РФ – Республики Татарстан.

2. В работе показаны причины актуализации этнического фактора в условиях социальной трансформации и механизмы ре-институционализации этничности в новейшей истории Республики Татарстан, получившей отражение в символической политике, политике памяти и языковой политике.

3. На примере этнополитических процессов в Республике Татарстан были впервые проанализированы переменные (различные формы социально-экономического и этнокультурного неравенства; интересы и характеристики региональной политической и «символьной» элит), оказывающие влияние на конфликтный, или, наоборот, интеграционный потенциал этничности в национальных регионах РФ.

4. Впервые показана технология адаптации дискурса национального самоопределения политической и «символьной» элитами в формировании политики идентичности в Татарстане и в решении политических, социально-экономических и этнокультурных проблем региона во взаимодействии с федеральным центром.

5. На конкретном примере показана зависимость стратегий региональной элиты в управлении этничностью от факторов субъективного и объективного порядка. При этом к первым отнесены социальные характеристики и интересы республиканской элиты; ко вторым –

общероссийская политическая конъюнктура; интересы населения республики и этнических групп.

Теоретическая значимость исследования

1. Разработаны подходы и проведена оперционализация научного инструментария для исследования региональной политики идентичности, этнополитических и этнокультурных процессов в условиях социальной трансформации в рамках этнополитологического направления в отечественном обществоведении.

2. В ходе конкретного этнополитологического исследования апробирован подход, сочетающий методы политологии, социологии, этнологии, этнопсихологии, исторических наук и теорий массовой коммуникации. Впервые применен метод дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф для исследования политики идентичности, проводимой региональной элитой в ее взаимодействии с федеральным центром.

3. Разработана операциональная категория «дискурс национального самоопределения» (ДНС) в качестве инструмента анализа идеологической составляющей политики идентичности, формируемой властной элитой национальных республик (на примере Татарстана) в условиях развития постсоветской федеративной системы России.

4.Выявлены социальные и этнокультурные детерминанты, обеспечивающие социальную поддержку политики региональной идентичности, проводимой региональной элитой на примере национальной республики РФ.

5. Показана инерция влияния советской модернизации на этноязыковые процессы на уровне этнической группы и национальной республики РФ; выявлены причины компенсационной языковой политики региональной элиты в рамках своей национальной республики в условиях действия языковой асимметрии на уровне Федерации; показаны факторы и механизмы политизации языкового вопроса.

Практическая значимость исследования определяется тем, что:

1) полученные результаты используются при реализации национальной политики в Республике Татарстан, в рамках экспертной работы автора: а) в Межведомственной Рабочей группе по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в РТ при Аппарате Президента РТ; б) в комиссии Общественной палаты РТ по межэтническим и межконфессиональным отношениям (2011г. по наст. время); в исследованиях Сети этнополитического мониторинга EWARN; в разработке Концепции национальной политики РТ (2012-2013; 2019 гг.)[182], в которой автор принимала непосредственное участие;

2) основные положения, полученные в ходе диссертационного исследования, могут быть учтены в разработке стратегии формирования республиканской и общероссийской национальной идентичности;

3) научные положения и теоретические выводы использовались автором при разработке учебных курсов по этносоциологии для студентов Академии государственного управления при Президенте РТ (2004); в лекциях на ежегодных Специализированных курсах для молодых ученых и преподавателей ВУЗов России «Этносоциология: теория и практика» в Институте социологии РАН (г. Москва); могут быть использованы в образовательном процессе при подготовке специалистов в области этнополитологии, этносоциологии, этнологии, государственного управления, культурологи, религиоведении, социолингвистике;

4) результаты исследования получили отражение в республиканских СМИ, а также используются в мастер-классах для журналистов, работающих с этнической тематикой.

Положения, выносимые на защиту

1. Политика идентичности, формируемая элитами национальных республик, является неотъемлемой составной процесса складывания общероссийской идентичности и укрепления гражданского единства в

[182] Концепция государственной национальной политики в Республике Татарстан. Приложение к Указу Президента Республики Татарстан от 26 июля 2013 г. N УП-695. URL.: http://docs.cntd.ru/document/ 463304054 (дата обращения 17.12.2017).

условиях многонационального российского государства. Ее идеологические основания и формы реализации на уровне субъектов РФ определяют интеграционный или дезинтеграционный потенциал, как на уровне самого региона, так и всей страны. Ведущую роль в постсоветской идентификации Татарстана в 1990-е гг., так же как и в других национальных республиках РФ, играл этнический фактор, что было вызвано актуализацией этничности в период кризиса идентичности, порожденного общественной трансформацией.

2. Выбор региональными элитами идеологических оснований политики идентичности определяется рядом факторов, имеющих статус констант и переменных. К разряду первых следует отнести институционализированную в ходе советского государственного строительства этничность, реифицированную на уровне государственных институций и массового сознания. К разряду вторых относятся зависимые переменные, включающие: а) инерционную составляющую (результаты советской модернизации в сфере этничности и национальной политики), б) динамическую составляющую (влияние политической конъюнктуры конкретного этапа постсоветской общественной трансформации в России). Способы и идеологическое обоснование стратегии легитимации политической элиты в качестве субъекта власти в национальных республиках формируются из доступного арсенала исторического и культурного багажа этнической группы, дающей название республике.

3. Дискурс национального самоопределения, формировавший дизайн региональной политики идентичности Татарстана в 1990-е гг., получил актуальность и легитимность на уровне элиты и жителей республики, как ответ на сформировавшиеся в советский период формы социального неравенства, связанные: а) с низким уровнем социально-экономической обеспеченности региона; б) с отсутствием паритетности в статусах общесоветской культуры и национальной культуры и языка татар. Актуализация дискурса обеспечивалась и внешними стимулами:

политическим трендом национализма на всем постсоветском пространстве; сложностью социально-экономического положения, как самого региона, так и страны в целом; слабостью центральной власти, обусловленной внутриэлитными конфликтами.

4. Дискурс национального самоопределения следует рассматривать как ситуативный политический инструмент, используемый региональной элитой для переформатирования идентичности региона в рамках федерации в целях максимизации имеющихся ресурсов и привлечения новых – для обеспечения социально-экономической стабильности и дальнейшего развития региона, а также для реализации своих внутригрупповых интересов в качестве политической бюрократии. На девальвацию дискурса национального самоопределения в качестве региональной идеологии влияют такие переменные, как: а) курс федерального правительства на централизацию, сочетающий укрепление национального единства с адекватным реагированием на нужды регионов, с интенцией поддержки инициативы снизу, наряду, с делегированием ответственности за социально-экономическое развитие регионов; б) политика компромисса в перераспределении полномочий по оси «центр-регион» между элитами центра и региона; в) решение насущных задач социально-экономического развития республики в рамках полученных от центра полномочий; г) обеспечение паритетности статусов общероссийской культуры и русского языка со статусом культуры и языка представителей этнической группы, дающей название национальной республике; д) климат межнационального взаимодействия между основными этническими группами региона.

5. Политика идентичности в национальных республиках связана со сложностью формирования регионального «мы-сообщества» среди населения региона, представленного этническими группами, ассоциирующими себя в силу этнической аффилиации с: федеральным центром (русские) и регионом (этническая группа, дающая название национальной республике). Приведенная коллизия способна создавать напряжение между

общероссийской и региональной идентичностями в случаях: а) не пропорциональной представленности одной из этнических групп в представительных органах государственной власти и статусных сегментах рынка труда; б) асимметрии статусов этнических групп в социально-экономической и этнокультурной сферах; в) отсутствия согласованности в политическом взаимодействии федеральной и региональной элит.

6. Этничность, выбранная региональной элитой в качестве основания политики идентичности национальной республики, не носит константный характер, ассоциирующийся с идеологией национализма. Начиная с 2000-х гг., в контексте политики централизации и укрепления общенационального единства Российской Федерации, политическая составляющая этничности в региональной политике идентичности отходит на периферию, уступая место этнокультурной и этноконфессиональной компонентам, формирующим имидж Татарстана в качестве региона с яркой национальной самобытностью, где этничность интерпретируется в качестве гуманитарной ценности, ресурсом развития туристической привлекательности региона.

Апробация результатов исследования осуществлялась в ходе: **1**.*Экспертной работы* в рамках: а) «Межведомственной Рабочей группы по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в республике Татарстан» при Аппарате Президента РТ (Казань, 2011 по настоящее время); б) Комиссии по межнациональным и межконфессиональным отношениям Общественной палаты РТ (2014–по наст. время); в) при разработке Проекта Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (2012г..); г) при разработке Концепции национальной политики в Республике Татарстан (2013г.; 2019г.); д) при разработке направления «Человеческий капитал» в «Стратегии развития Республики Татарстан до 2030г.» (2013-2015гг.); **2.** *Научной работы в рамках семинаров* по результатам исследовательских проектов (ИЭА РАН, ИС РАН: Москва, рук. Л.М. Дробижева); семинара «Этничность и нациестроительство» в Московском Центре Карнеги (рук. В.А. Тишков,

1999г.); международных семинаров в рамках Проекта «Перспективы развития федерализма в России» (рук. Р.С. Хакимов, 2000-2007гг.); на семинарах Сети этномониторинга EAWARN (рук. В.А. Тишков, 2011 – 2014гг.); **3.** *Преподавательской деятельности* в Академии государственной службы при Президенте РТ (2004-2010гг.); в Казанском федеральном университете (2002-2010), в Институте социологии РАН (2005-2009гг.). Основные результаты диссертационного исследования были представлены на 96 научных конференциях и форумах (Казань, Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Оренбург, Омск, Йошкар-Ола, Ижевск, Уфа, Нью-Йорк, Вашингтон, Нью-Хевен, Варшава, Вильнюс, Алматы, Бишкек, Стамбул, Триест и др.). Диссертация обсуждалась и получила позитивную оценку на заседании отдела этнологических исследований ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ».

Структура диссертации отражает цели и задачи, поставленные автором. Работа состоит из введения, четырех глав, разделенных на четырнадцать параграфов, заключения, списка источников и использованной литературы, четырех приложений. Объем работы (без библиографического списка и приложений) – 338 страниц.

ГЛАВА 1
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Динамика региональной политики идентичности в России, формировавшаяся с 1990-х гг. в условиях общественной трансформации, связана с действием множества разноплановых факторов. Адекватный анализ их характеристик и степени влияния на дезинтеграционные и интеграционные тенденции в процессе формирования общегражданской идентичности в России невозможен без использования методологического арсенала разных отраслей обществоведческих наук. Говоря о предметном поле исследования, важно выделить его основные направления, которые собственно и будут формировать пул теорий, позволяющих выстроить концептуальный фрейм для комплексного анализа исследовательской темы.

Первое направление связано с разработкой центрального понятия *«политика идентичности»*, относительно молодого научного направления, вошедшего в зарубежный научный дискурс с 1960-х гг. прошлого века и получившего в России новый импульс к теоретическому осмыслению и эмпирическим разработкам в последние 10 лет[183].

Значимость второго направления по исследованию *этнической идентичности, этничности и национализма* обусловлена влиятельностью этнического фактора в поле российской политики, в процессах постсоветской региональной идентификации и актуализации этничности на уровне массового сознания.

---

[183] В отечественном обществоведении разработка политики идентичности связана с именами И.С. Семененко, В.А. Ачкасова, Г.Я. Миненкова, В.В. Лапкина, Е.Ю. Мелешкной, Л.А.Фадеевой и. др. Значительный вклад в разработку данного направления в социальных науках был сделан коллективом авторов энциклопедического издания «Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание» (отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – 992 с.), коллективной монографии «Политическая идентичность и политика идентичности» (в 2-х тт.; отв. ред. И.С. Семененко; редкол.: И.С.Семененко, В.В.Лапкин, Л.А.Фадеева. – М.: РОССПЭН, 2012).

Третье направление исследовательского фрейма актуализирует концепции, помогающие прояснить роль основных акторов политики идентичности – *региональных элит – государственной бюрократии и «символьной элиты»* в процессах политической и этнической идентификации, в формировании политики идентичности, символической политики и политики памяти.

Предмет исследования – политика идентичности Республики Татарстан и деятельность его акторов – находятся в плоскости социальной инженерии, конструирования новых образов и имиджей самого региона и социальных идентичностей его жителей. Поэтому в качестве зонтичной для анализа выбрана конструктивистская парадигма - теория конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана, которую органично дополняют или развивают теории идентичности, политики идентичности, концепции национализма и этничности; политологический анализ деятельности элит; теории постструктуралистов, сосредоточивших внимание на роли дискурсивных практик и самих дискурсов в процессах идентификации, преобразующих, в конечном результате, социальную структуру, социальные институты и политическую систему.

Выигрышность выбора в качестве рамочной концепции – теории социального конструирования в важном методологическом казусе: возможность конструирования социальных идентичностей при том, что одна из их разновидностей – этническая идентичность на уровне массового сознания имеет статус примордиального характера. Предложенная Бергером и Лукманом модель реификации созданных в ходе человеческой деятельности социальных институций и идентичностей позволяет объяснить природу примордиального в общественном развитии, влияния ставших привычными институций, образов и идентичностей на последующие процессы конструирования социальной реальности в рамках субъектно-объектных отношений социальных акторов.

Этнический фактор, придающий в зависимости от политической конъюнктуры конфронтационный или, наоборот, интеграционный модус региональной политике идентичности, характеризуется амбивалентным потенциалом и в связи с этим требует фундированной теоретической разработки. Характеризуя его конфликтный потенциал, известный исследователь политики идентичности И.С. Семененко отмечает: «Такая конфликтность – многомерный феномен, включающий экономические, социокультурные, идеологические, политико-психологические и дискурсивные измерения, интересы и ценности в их системном взаимодействии. Многомерность этих процессов будет только возрастать: этнонациональные отношения как продукт и одновременно процесс взаимодействия множественных, сложносоставных идентичностей и институтов, которые выступают от их имени, становятся зоной растущей неопределенности и повышенных рисков общественного развития. Осмысление этой многомерности в рамках идентитарного подхода, путем анализа конфликтующих или дополняющих друг друга нарративов идентичности («кто Мы» и «почему Мы такие», «чем Мы отличаемся от Других», «как Мы видим свое прошлое и свое будущее») может прояснить мотивации и прогнозировать перспективы развития национальных сообществ, оценить их конфликтный потенциал и найти эффективные пути регулирования конфликтов» [184].

[184] *Семененко И.С.* Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса [Электронный ресурс]. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo /11_2015/91_102_SEMENENKO.pdf (дата обращения 20.11.2017).

1.1. Политика идентичности в условиях общественной трансформации: концепции и категориальный аппарат

Появление понятия «политика идентичности» в западной науке начиная с 1960-х гг. связано с масштабными общественными трансформациями, обусловленными социальными движениями прежде «безгласных групп» для отстаивания собственной идентичности и социального статуса. Возрастание значимости идентичности в поле политики направило основной фокус исследовательского интереса на идентичность для осмысления оснований и движущих причин социальной и политической активности прежде дискриминируемых групп[185]. Понятие «политики идентичности» в этом контексте стало широко использоваться для описания борьбы ущемленных в социальном статусе меньшинств и групп (расовых, этнических, конфессиональных, гендерных и др.) за право на общественное признание и легитимность именно в качестве носителей определенной идентичности, значимой для их консолидации как участников политического процесса[186]. Утверждение в западном обществе со второй половины XX века ценности любых форм разнообразия (diversity), поставило сохранение и культивирование различных социальных, культурных, религиозных идентичностей и групп в центр государственной политики идентичности. Этот научный дискурс в сочетании с политическими практиками легитимировал значимость различных форм разнообразия (прежде всего культурного), в мировом сообществе.

---

[185] *Hall S.* Old and New Identities, Old and New Ethnicities. — A.D. King (ed.). Culture, Globalization and the World System. London: Macmillan. 1991. P. 41–68*Calhoun C.* (ed.). 1994. Social Theory and the Politics of Identity. Oxford, UK and Cambridge, USA: Blackwell. 350 p.; *Calhoun C.* Critical Social Theory: Culture, History, and Challenge of Difference. – Oxford: Blackwell. 1995. P. 4; *Gillis J.* (ed.) Commemorations. The Politics of National Identity. Princeton: Princeton UP. 1994. 304 p.; *Castells M.* The Power of Identity. Oxford and Malden, MA: Blackwell Pub. 1997. 461 p.

[186] *Gurbuz M.E.* Identity Politics. // Encyclopedia of Social Problems. Vol. 1. (ed. by V.N. Parillo). LA, London, New Delhi, Singapore: Sage. 2008. P. 467–469. *Heyes C.* Identity Politics. Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2016 Edition, E. Zalta ed.). 2002. URL.: //http://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/ (дата обращения 27.11.2018).

В зарубежном научном дискурсе «политика идентичности» (identity politics) разрабатывается в рамках конструктивистской парадигмы, заданной теорией конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана, и в рамках конструктивистской парадигмы анализа социально-политических изменений П. Бурдье.

Импульсом к дальнейшему осмыслению и разработке понятия явились последствия политики идентичности, концептуализируемой и реализуемой в рамках политики культурного многообразия в европейских странах. Резонансной ревизией стала недавняя работа Ф. Фукуямы[187], в которой политолог констатирует замедление движения ко все более открытому и либеральному миропорядку, сокращение количества демократий, утверждение большего количества деспотий и авторитарных режимов. Эти тенденции он связывает не только с экономическими и технологическими сдвигами в глобализации, но видит их корни в подъеме политики идентичности, когда требования о признании со стороны групп, которые когда-то были невидимы для общества (этнические, религиозные, расовые, сексуальные меньшинства) привели к обратной реакции среди других групп (принимающего общества), которые чувствуют потерю статуса и чувство перемещения в социальном пространстве. «Следствием становится то, что демократические общества разрываются на сегменты, основанные на все более узких идентичностях, угрожая возможности обсуждения и коллективных действий со стороны общества в целом. Это дорога, которая ведет только к разлому государства и, в конечном счете, к беде»[188] - делает вывод ученый. Низкий уровень адаптации иммигрантов в принимающем сообществе, проблемы положительной дискриминации культурных меньшинств и групп мигрантов в ущерб интересам местного населения заставили заявить о кризисе мультикультурализма в странах ЕС

---

[187] *Fukuyama F.* Against Identity Politics. The New Tribalism and the Crisis of Democracy// https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2018-08-14/against-identity-politics-tribalism-francis-fukuyama?cid=int-nbb&pgtype=hpg (дата обращения 14.08.2018).

[188] Там же.

(выступление канцлера Германии А. Меркель, 2010 г.). Обозначенный диссонанс находится в центре внимания западных исследователей и стимулирует к ревизии и пересмотру концептов политики идентичности и культурного разнообразия в контексте актуальных социальных проблем западного общества. Преодоление такого рода противоречий видится в утверждении социальной солидарности поверх индивидуальных и групповых идентичностей. Модели демократии участия, совещательной (делиберативной) демократии (Дж. Ролз, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, Д. Хелд и др.), мониторинговой демократии (Дж. Кин) указывают на необходимость гражданского участия и контроля, вовлечения гражданского общества в продвижение конкурентных дискурсов и политик идентичности[189]. Таким образом, политика идентичности может включать в себя как борьбу за идентичность определенных групп общества (politics), так и политику формирования зонтичных, надгрупповых солидарностей (policies)[190].

Новое измерение в осмыслении политики идентичности придает глобализация, сопровождающаяся насаждением унифицированных культурных образов, практик и идентичностей, что, в свою очередь, рождает протестную реакцию и активизацию новейших социальных движений, отстаивающих альтернативные образы, ценности и стили жизни. Такого рода борьба находит выход в дискурсах публичной политики, в социальных практиках и получает осмысление в работах современных исследователей (М. Кастельс, Э. Лакло, Ш. Муфф, В.В. Карлов, В.А. Ачкасов, И.С. Семененко и др.)

Если в западной науке политика идентичности связывается с группами, с ценностью любых форм разнообразия, с изучением и отстаиванием прав меньшинств на сохранение и воспроизводство социальных, культурных, религиозных и др. идентичностей, то в отечественном обществознании

---

[189] *Семененко И.С.* Политика идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание (отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во: «Весь Мир». 2017. С.650.

[190] *Цумарова Е.Ю.* Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2012. № 2. С. 5–16.

субъектами политики идентичности являются политические или территориальные образования, такие, как государство, субъекты федерации, регионы[191]. В фокусе их деятельности – гражданская, региональная, этническая идентичности. Поскольку в фокусе нашего исследования динамика региональной политики идентичности, то целесообразным представляется использование определения, данного И.С. Семененко, которая под политикой идентичности понимает *деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности. Такая идентичность оказывается объектом целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства личной принадлежности к нему.* Автор акцентирует роль государства, как ключевого актора политики идентичности, поскольку располагает ресурсами (институты социализации: система образования, воинская служба); и инструментами публичной политики для легитимации властных институтов и для организации взаимодействия социальных субъектов вокруг определенной повестки дня, для вовлечения граждан в такие взаимодействия[192]. В нашем случае речь идет о деятельности политической элиты Республики Татарстан по формированию общих ценностей и ориентиров развития территориального сообщества и групповых

---

[191] *Пантин В.И.* Национально-цивилизационная идентичность: специфика России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т.7. №2. С. 42-51; *Семененко, И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И.* Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54-78; *Перегудов С.П.* Российская и гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание/ Отв. ред. И.С. Семененко/ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 163-171.

[192] *Семененко И.С.* Политика идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. 2017. С. 647-648.

солидарностей внутри этого сообщества в рамках национальной республики в составе Российской Федерации.

Независимо от социально-политической конъюнктуры тех или иных периодов общественного развития *целью политики идентичности* является «деятельность по формированию идентичности (своего сообщества или того, кто является объектом соответствующей политики) и продвижению отражающих разные идентичности ценностей, интересов и приоритетов в политическую повестку дня»[193]. Отличительной чертой политики идентичности в современном демократическом обществе является участие нескольких субъектов в ее формировании и реализации: политической элиты, представителей экспертных структур, «символьная элита», в число которой входят: научная гуманитарная и художественная интеллигенция, представители масс-медиа; известные в мировом масштабе личности. На формирование политики идентичности ключевое воздействие оказывают средства массовой коммуникации. Их стремительное развитие: появление Интернета, мобильных устройств позволяют расширять поле ее участников, включая сетевые сообщества в число субъектов ее формирования.

Политика идентичности является производным, как идентификационных процессов на разных уровнях общественного бытия (глобальный, национальный, региональный, групповой, личностный), так и инструментом реализации интересов, основанных на субъективном понимании концептов «Я» и «Мы». Именно эти, несовпадающие представления и знания о мире, по словам П. Бурдье, стимулируют стремление субъектов произвести или навязать представления о социальном мире с целью воздействия на него[194], что выражается в политическом действии. По мнению Г.Я. Миненкова, этим тезисом Бурдье фактически

---

[193]Там же, с. 651–652.

[194] *Бурдье П.* Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос. 2003. № 4–5.

сформулировал *основания всякой политики идентичности*[195]. Социальные детерминанты, выделенные П. Бурдье, получили развитие в классификации форм идентичности в поле политики разработанной М. Кастельсом. Среди них:

1) *легитимирующая идентичность* – вводится господствующими институтами общества для расширения и рационализации своего господства над социальными акторами;

2) *идентичность сопротивления* – формируется акторами, которые находятся в ситуации их недооценки и/или стигматизации логикой господства;

3) *проективная идентичность* – социальные акторы на основе доступного им культурного материала строят новую идентичность, которая переопределяет их положение в обществе и направлена на преобразование всей социальной структуры[196]. Предложенные им формы и источники идентификационных процессов помогают раскрыть специфику интересов участвующих в формировании политики идентичности субъектов исходя из их социального и политического статуса. В исследовании кейса с Татарстаном наиболее ярко проявили себя первая и третья формы приведенной классификации.

Значимый вклад в разработку теоретического и практического направления исследований политики идентичности внесли работы постструктуралистов по теории дискурс-анализа, таких, как Ш. Муфф, Э. Лакло[197]. Здесь следует отметить, что сам по себе процесс идентификации реализуется посредством дискурсов и дискурсивных практик. Дискурсивность подразумевает подвижность, текучесть процесса

---

[195] *Миненков Г.Я.* Идентичность в политическом измерении. [Электронный ресурс] // URL: http://nmnby.eu/news/analytics/414.html (дата обращения 15.12.2017)

[196] *Castells M.* The Power of Identity. Malden, MA: Blackwell. 1997. P. 6.

[197] *Mouffe C.* ‘Democratic Politics and the Question of Identity’, in Rajchman, J. (ed.) The Identity in Question. – New York: Routledge, 1995. – 289 p.. *Laclau E.* and *Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. – London: Verso, 1985. – 197 p.

идентификации постоянного переопределения своего «Я» и Других в процессе социального взаимодействия. Именно это положение концепции Ш. Муфф помогает уйти от жестких и однозначных конструкций в исследовании идентификационных процессов особенно в поле политики, подверженному постоянным изменениям в зависимости от конъюнктуры, формируемой участвующими субъектами на макро-мезо- и микроуровнях социального и политического взаимодействия.

Тем не менее, изменчивость нельзя рассматривать в качестве исчерпывающей характеристики социальных процессов, которые содержат в себе и определенные константы. В этом смысле ценность представляет процессуальная теория идентичности[198], в рамках которой Н.Н. Федотовой исследуется динамика идентификационных процессов, где в качестве одного из элементов используется концепт нелинейной динамики идентичности, отображающий весь континуум ее изменений. Он включает, с одной стороны, устойчивую идентичность, а с другой, – идентичность неустойчивую, меняющуюся в направлении устойчивости[199]. Согласно этой концепции существующий континуум создает диапазон изменений идентичности, характеризующий значимость исторической памяти, актуальность настоящего, возможность обращения в будущее. В этом континууме и происходит пожизненное непрерывное формирование как индивидуальной, так и коллективных идентичностей как смысла себя, своих смысложизненных ориентаций[200].

---

[198] *Федотова Н.Н.* Изучение идентичности и контексты ее формирования. – М.: Культурная революция, 2012. 200 с.; *Она же.* Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 52–62; *Она же.* На пути к процессуальной теории идентичности // Философские науки. 2014. № 11. С. 70–81.

[199] Согласно концепции, человек, сообщество, группа, страна находятся в процессе своего рода жизненного путешествия по континууму идентичностей, на одном конце которого находятся стабильные идентичности, а на другом – меняющиеся, крайне неустойчивые. Выбор осуществляется не одномоментно, а в течение всей жизни человека, сообщества, группы, страны. См. *Федотова Н.Н.* Динамика идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 292.

[200] Там же.

Активные процессы социально-политической трансформации на постсоветском пространстве, характеризующиеся переформатированием отношений между федеральным центром и субъектами федерации, поиском ими новых основ взаимодействия на фоне дискредитации советской модели чрезмерной централизации, стимулировали становление и утверждение концепта политики идентичности в научном дискурсе отечественного обществоведения. Динамика политической трансформации государств и регионов, стимулируемая многоуровневыми идентификационными процессами, привела к расширению спектра применения данной аналитической категории, когда политика идентичности стала использоваться для анализа: этнополитических процессов, протестной общественной активности; политики в сфере образования, в молодежной среде; символической политики и др.

Всплеск национализмов в 1990-е годы стимулировал исследовательский интерес, как к содержанию политики идентичности в российских регионах и национальных республиках, так и к механизмам и ресурсам, используемым региональными политическими акторами для ее реализации на местах (Назукина 2009, 2014; Цумарова 2014; Бедерсон 2016). Именно в этот период политическая практика продемонстрировала множество примеров использования этнического фактора в выстраивании региональной идентичности, в стратегиях мобилизации этнонациональной и этноконфессиональной идентичности региональными элитами. Возросшая в тот период значимость субъективного фактора, эмоциональных категорий, ценностей и символов этнического самосознания в поле политики привлекли внимание исследователей к социокультурным основаниям политического процесса[201]. Разворот политической науки к концепту идентичности И.С. Семененко объясняет необходимостью концептуализации синтеза

[201] Духовная культура и этническое самосознание. – М.: ИЭА РАН, 1990. Вып. 1; М.: ИЭА РАН, 1991. Вып. 2; Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М.: ИЭА РАН, 1994; Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М.: ИЭА РАН, 1995; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М.: ИЭА РАН, 1994.

ценностных, эмоциональных и рационально мотивированных оснований политического действия на социетальном, групповом и индивидуальном уровнях[202].

Разработка концепта идентичности ведется в контексте формирования групповых и коллективных солидарностей, складывающихся на основе общих представлений, ценностей, моделей поведения, которые утверждаются через соотнесение себя с общественно значимыми культурными ориентирами и ролевыми функциями в публичной сфере, с социальными институтами и отношениями. В научном дискурсе оформилось *многоуровневое понимание идентичности*. Наряду с уровнями я-идентичности, групповой и коллективной идентичностей, используется зонтичное понятие *«социальной идентичности»,* связанной с аффилиацией индивида с различными видами групповых идентичностей: профессиональная, гендерная, локальная, этническая, религиозная, гражданская, национально-государственная[203]. При этом *национально-государственная (национальная) идентичность* страны рассматривается в качестве макрополитической идентичности. Она относится к сфере приоритетных интересов государства, его властной и «символьной элиты». В условиях многонационального государства макроидентичность дополняется *региональными, этнонациональными идентичностями*, сосуществование которых может иметь различные режимы: симбиотический, комплементарный, нейтральный, конкурентный, конфронтационный. В этом ряду этническая идентичность репрезентируется современными учеными как наиболее проблемная: «этническая идентичность как конструируемая субъективная реальность, которая «функционирует благодаря

---

[202] *Семененко И.С.* Введение // И.С. Семененко, Л.А. Фадеева, В.В. Лапкин, П.В. Панов. Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. – М., ИМЭМО РАН, 2011. 299 с. [Электронный ресурс]. URL: https://lib.sale/sotsiologiya-politiki-knigi/ vvedenie-semenenko-imemo-ran-identichnost.html (дата обращения 18.12.2017).

[203] *Семененко И.С.* Становление корпоративности. Триумф корпорации? // Неприкосновенный запас. 2008. № 4–5. С. 8–9.

существованию в обществе этнических категорий и классификаций», усваиваемых человеком в процессе социализации[204] оказывается зажатой в тисках таких альтернатив, как личная свобода и безопасность; самоорганизация и регулирование, социальная инновация и культурная традиция[205]. Как в зарубежном, так и российском научном дискурсах сложилось два представления о совместимости этнической и гражданской идентичности. Часть исследователей считает, что «этнические разделения в рамках политической нации плохо совмещаются с инклюзивным институтом гражданства, но они живут под «покровом» мультикультурализма и других форм поддержания культурного многообразия»[206]. Другая точка зрения представлена мнением об их совместимости, несмотря на сложность политического регулирования в этой чувствительной сфере. В многосоставном и многокультурном государственном сообществе *политическая нация*, понимаемая как *«нация наций»*, мыслится как *общность, объединяющая этнонациональные, социально-экономические, социокультурные и иные общности, существующие и взаимодействующие в его границах*. При этом акцентируется, что политическая нация существует лишь там и тогда, где и когда эти общности скреплены выходящей за их рамки идентичностью. Такого рода коллективная идентичность, олицетворяя принадлежность граждан к единому целому, включает в себя ряд более конкретных идентичностей, сплачивающих политическую нацию и

---

[204] *Дробижева Л.М.* Этническая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОС СПЭН, 2011. С. 130.

[205] *Семененко И.С.* Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 103.

[206] Там же; *Мелешкина Е.Ю.* Региональная идентичность как фактор становления региональных политий в Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. 1999. – № 6. С. 48–59; *Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2003. 380 с.; *Хенкин С.* Сепаратизм в России: позади или впереди? // Pro et Contra. 1997. – Т. 2, №2. С. 5–19; *Чешко С.В*. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. – М.: ИЭА РАН, 2000. 395 с.

придающих ей характер прочного, дееспособного образования[207]. При этом ученые признают, что интеграция гражданского и этнического дискурсов является сегодня системным политическим вызовом для современного государства[208].

Динамика политики идентичности в национальной республике, в отличие от других регионов РФ, характеризуется сложным взаимодействием этнической и гражданской идентичности в зависимости: а) от специфики макро-идентификационных процессов в постсоветском обществе; б) от конъюнктуры политической ситуации по оси «центр – регион»; в) от вектора конструктивистской деятельности региональной и федеральной элит; г) от степени решения этнокультурных проблем этнической группы, дающей название республике.

Конкурирующий, или конфликтный характер соотношения этнической и гражданской идентичностей проявляется в условиях этнических или этнополитических конфликтов. Поскольку в нашем исследовании рассмтривается политика идентичности Татарстана в условиях этнополитического конфликта начала 1990-х гг., для нас важно рассмотреть данное понятие. В отечественном обществознании сложилось несколько подходов к определению конфликтов с этнической составляющей. В этнополитологии утвердилось понятие *«этнический конфликт»* как «форма гражданского противостояния на внутригосударственном или трансгосударственном уровне, при которой хотя бы одна из сторон

---

[207] *Перегудов С.П.* Российская и гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 163; См. также *Дробижева Л.М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214–228; *Тишков В.А.* Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 7–18.

[208] *Семененко И.С.* Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 103.

организуется и действует по этническому признаку или от имени этнической общности, и в котором «этнические различия становятся принципом политической мобилизации и, по крайней мере, одним из субъектов является этническая группа»[209]. Предметом такого конфликта выступают политические цели: перераспределение властных полномочий, борьба за политический статус, увеличение объема управленческих функций и т.п. В проводимом нами исследовании мы руководствовались детализированной дефиницией И.С. Семененко, интерпретирующей этнополитический конфликт как *«противостояние, в котором ресурсом политической мобилизации выступают этническая идентичность и ее значимые для консолидации участников конфликта проекции (этноконфессиональная, этнолингвистическая, этнотерриториальная), маркирующие границы этнической общности. При этом дискурс этничности и символические формы ее репрезентации используются сторонами или одной из сторон конфликта в политических целях, в борьбе за политический статус и другие материальные и нематериальные ресурсы*. Политическое использование этнической идентичности является ключевой сущностной характеристикой такого конфликта[210]. Наряду с этим, мы используем типологию этнополитических конфликтов Л.М. Дробижевой, разработанную в ходе сопоставительных исследований в 1990-е гг. в национальных республиках РФ. Исходя из *содержания требований политических элит*, конфликты подразделяются ею на статусные, этнотерриториальные и межгрупповые (межобщинные), но при этом исследовательница отмечает условность типологизации, поскольку в одном случае могут совмещаться несколько характеристик, присущих разным типам[211]. Полезным для нашего анализа

---

[209] *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. – М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 193.

[210] *Семененко И.С.* Этнополитический конфликт // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 445.

[211] *Дробижева Л.М.* Этнополитические конфликты: Причины и типология (конец 80-х – начало 90-х годов) // Россия сегодня: трудные поиски свободы / отв. ред. Л.Ф. Шевцова. – М.: ИЭ РАН, 1993.

стал фокус, предложенный Э.А. Паиным, исходившем при типологизации конфликтов из *принципа субъектности* участвующих сторон. Так, он выделяет а) вертикальные конфликты (между государством и этнической группой); б) горизонтальные (между этническими группами). Также он выделил различия по *характеру конфликтов*: симметричный – между равностатусными субъектами; асимметричный – присущ вертикальным конфликтам, к которым автор относит конфликты «суверенизации»[212].

В анализе постсоветской политики идентичности Татарстана для нас важной составляющей выступает сущность коллизии, послужившей основанием этнополитического конфликта между республикой и федеральным центром в 1990-е гг. и результаты ее разрешения. Для Татарстана, перечень требований был связан с повышением статуса республики в качестве субъекта федерации, что подразумевало перераспределение властных и экономических ресурсов, получение дополнительных экономических возможностей, бюджетной автономии для решения социально-экономических задач развития территории и задач этнокультурного развития представителей этнической группы, дающей название республике, а также внутригрупповых интересов политической элиты. Именно эта *перераспределительная составляющая* явилась основой типологии этнополитических конфликтов, предложенной И.С. Семененко. Выстраивая ее, она выделяет в качестве базового критерия – осевое требование, вокруг которого разгорается противостояние. Так, *политико-территориальный конфликт* направлен на достижение территориальных изменений; в ситуации *политико-институционального конфликта* речь идет об изменении конституционного строя, федерализации и пересмотре статуса регионов компактного проживания меньшинств; в *политико-управленческих конфликтах* в центре противостояния сторон находятся социальная политика государства, требования преференций в перераспределении ресурсов,

---

[212] *Паин Э.А.* Этнические конфликты в постсоветской России // Вестник Института Кеннана в России. 2012. № 22. С. 35–47.

изменений в государственной инвестиционной и налоговой политике, политике в сфере культуры и языка»[213].

Приведенные типологии не реализуются на практике в качестве идеальных типов. Обладая достаточной долей условности, они задают вектор анализа, а также понимание детерминант конфликтов. В случае с Татарстаном, руководствуясь приведенными выше типологиями, мы отмечаем: а) асимметричный характер вертикального конфликта по типологии Э.А. Паина; б) его статусный характер по Л.М. Дробижевой; в) совмещение политико-институционального конфликта с политико-управленческим – по типологии И.С. Семененко.

Применяя категорию этнополитического конфликта для анализа отношений между Татарстаном и федеральным центром в 1990-е годы, мы придерживаемся подхода, трактующего конфликт, в противовес нормативному подходу Т. Парсонса, как *детерминанту социальных изменений и функциональную характеристику общественных отношений, стимулируемых ситуацией кризиса устоявшихся отношений*[214] по оси «центр – регион». Обозначенное таким образом понимание природы этнополитического конфликта имеет прямое отношение к механизмам и способам его разрешения и, в целом, интерпретации этнического фактора. Так, в рамках нормативного подхода Т. Парсонса последний будет восприниматься как конфликтогенный, или девиантный, что диктует по отношению к нему режим санкций в ходе нейтрализации конфликта. В рамках функциональной концепции социальных кризисов, где конфликты трактуются как неизбежное сопровождение общественного развития,

---

[213] *Семененко И.С.* Этнополитический конфликт // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 449–450.

[214] *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002. 289 с.; *Он же.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147; *Козер Л.А.* Функции социального конфликта. – М.: Дом интеллектуальной книги – Идея Пресс, 2000. 295 с.; *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. Учеб. пособие. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2008. 480 с.

этничность может выступать как маркер кризисных социальных, экономических, политических проблем, возникших на уровне межгруппового взаимодействия, или по оси «регион – государство». И этот фокус создает поле для целого спектра маневров и возможностей для разрешения кризисной ситуации в наиболее позитивном для всех, участвующих в конфликте сторон, ключе.

Этнополитический или межэтнический конфликты расцениваются как политические, поскольку выходят в поле политики и регулируются силами и средствами государства и его субъектов в рамках политико-правовых отношений. При этом ученые констатируют, что из всех типов конфликтов наиболее трудноразрешимым является этнополитический конфликт из-за его эмоционального и ценностного наполнения. В отличие от политических, экономических и социальных конфликтов, в сфере чувств и эмоций сложно прийти к компромиссу. Именно эта причина лежит в основании длительных, перманентных конфликтов (карабахский конфликт и т.п.). Конфликты политико-институционального и политико-управленческого типа носят ограниченный по времени характер и разрешаются после согласования интересов участвующих сторон.

Этнический фактор в многонациональном государстве неизбежно будет оказывать влияние на инструментарий и механизмы политики идентичности, к которым следует отнести *символическую политику, политику памяти* и *ценностно-политические проекты формирования идентичности*. Характерной чертой политики идентичности национальных республик является притязание на «особость», определяемую этнокультурными маркерами этнических групп, дающих название республикам. Право на «особость» поддерживается средствами символической политики и политики памяти[215], в формировании которых активно участвуют элиты. Вводя эти

---

[215] *Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля// Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 5–16; *Мухарямов Н.М.* О символических началах в языке политики (прагматический аспект) // Символическая политика: сборник

понятия в рамку исследования, мы используем определение О.Ю. Малиновой, сформулированное в постструктуралисткой парадигме Лакло и Муфф. Под «символической политикой» подразумевается *публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве.* При этом символическая политика является не противоположностью, а скорее специфическим аспектом «реальной» политики. Прилагательное «символический» связывается с социально разделяемыми смыслами, опосредующими восприятие и поведение участников политических (в разных значениях этого понятия) отношений.

Понятие символической политики выступает в качестве зонтичной категории, позволяющей исследовать под разными углами широкий спектр явлений и процессов, связанных с производством и обращением смыслов[216]. В научном дискурсе активно обсуждается тема, связанная с ее конечными целями, поскольку ее формирование может быть сопряжено, как с реально осуществляемой символической политикой по созданию и продвижению конкурентного имиджа региона, так и использоваться в целях манипулирования массовым сознанием. Последнее связано с «сознательным использованием эстетически-символических ресурсов власти для ее легитимации и упрочения посредством создания символических «эрзацев» (суррогатов) политических действий и решений[217]. Данный аспект, как отмечает Малинова, сфокусирован на «целенаправленной репрезентации деятельности политических акторов в публичном пространстве (и прежде всего – в СМИ), которая может не совпадать с непубличной (но от этого не менее реальной) стороной политики. В качестве «символического элемента»

научных трудов / Центр социальных научно-информационных исследований Отделение политических наук; отв. ред. О.Ю. Малинова. – М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 54–74.

[216] *Малинова О.Ю.* Символическая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 655.

[217] *Поцелуев С.П.* Символическая политика как инсценирование и эстетизация // Полис. Политические исследования. 1999. №5. С. 62.

политики рассматривается то, что целенаправленно «конструируется» политическими элитами в расчете на манипуляцию со знанием масс»[218]. Для анализа нашего случая важно отметить, что, несмотря на роль социального конструктора, политическая и «символьная» элита пользуются арсеналом тех средств, что уже имеются в культурном багаже регионального сообщества и действуют под влиянием реифицированных (по П. Брегеру и Т. Лукману) ценностей и символов этнической культуры и той общности, с которой они себя ассоциируют. Наряду с этим, важно оговорить особую роль государства в поле символической политики: «оно обладает возможностью навязывать поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов, правовой категоризации, придания символам особого статуса, возможности выступать от имени макрополитического сообщества на международной арене»[219].

Силами государства формулируется объединяющий граждан нарратив об общей территории, культуре, историческом прошлом страны и ее граждан. Ключевым инструментом в формировании символической политики становится *политика памяти* – категория политологии, получившая развитие в контексте разработки направления политики идентичности[220]. В рамках нашего исследования в качестве операциональной категории мы используем определение И.В. Самаркиной, которая понимает под *политикой памяти «направление государственной и негосударственной политики, которое выстраивается на интерпретации и использовании элементов исторической памяти, присущей данной нации, этносу или социальной группе, и имеет целью формировать и поддерживать ориентиры коллективной идентичности на основе общих представлений членов сообщества о своем прошлом.* Политика исторической памяти в государстве формирует основания национально государственной идентичности и является

[218] *Малинова О.Ю.* Символическая политика, 2017. Указ.соч. С. 657.

[219] Там же, с. 657–658.

[220] *Миллер А.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. 2016. Гефтер. [Электронный ресурс]. URL: http://gefter.ru/archive/18391 (дата обращения 29.09.2017).

инструментом консолидации общества на всех его поколенческих и социальных этажах»[221].

Говоря о реализации политики памяти, важно выделить ее основных субъектов и используемые ими методы. Исследователи, отмечая ее востребованность в наиболее сложные для общества периоды социальной трансформации, отводят ключевую роль главе государства, задающему направление и тематику общественного, а иногда и научного дискурса относительно истории государства[222]. Основным субъектом формирования политики памяти являются ученые-гуманитарии, историки, которые могут поддерживать дискурс власти, а могут высказывать альтернативные версии. Однако легитимная версия коллективной истории воспроизводится государственной системой образования, в которой важную функцию выполняют учебники истории и преподавательский корпус. В публичном пространстве нарративы истории получают распространение усилиями журналистов, литераторов, деятелей искусства, публичных политиков.

В контексте нашего исследования для нас принципиально включение И.В. Самаркиной в авторскую дефиницию дробных категорий: «нации», «этноса», «социальной группы», что дает возможность показать специфику политики памяти, формируемую на разных уровнях: федеральном и национальных республик, поскольку каждая из этнических групп, дающих название республике, имеет свой нарратив об историческом прошлом, который, так или иначе, встраивается в общегосударственный исторический нарратив российского государства. Исследовательница выделяет функции каждого из уровней, отмечая, что на национально-государственном уровне политика памяти решает задачу формирования единого исторического нарратива для макрополитического сообщества. Региональный уровень политики памяти призван согласовывать национальные / региональные

---

[221] *Самаркина И.В*. Политика памяти и исторический нарратив // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 666.

[222] Там же, с. 667.

исторические нарративы с национально-государственным, а локальный уровень фактически формирует представления об истории малой родины[223]. Соответственно, названные субъекты имеют различающиеся ресурсы и возможности: институциональную структуру, технологии. В зависимости от режима их отношений политика памяти может иметь конфронтационную, или лояльную направленность.

Неизбежность многосоставного исторического нарратива в многонациональном государстве, каковым является Россия, обусловлена рядом обстоятельств, к числу которых следует отнести: а) реифицированные исторические нарративы, сформировавшие коллективную идентичность каждого из народов страны; б) действие зеркального принципа, когда актуализация исторического нарратива доминирующего большинства, неизменно будет стимулировать ответную актуализацию исторической памяти национальных меньшинств. В связи с этим, интеграционный потенциал в формировании и укреплении общегосударственной идентичности во многом зависит от того, каким образом формируется политика памяти на федеральном и региональных уровнях. В связи с этим, эксперты-политологи определяют в качестве ключевой задачи политики памяти в контексте формирования общероссийской идентичности – создание целостного нарратива истории современной России: «Советский и постсоветский исторические нарративы (каждый в своей части) существенно препарировали коллективную память о прошлом. Задача формирования российской гражданской идентичности не может быть решена до тех пор, пока в историческом нарративе не будет собрана воедино вся тысячелетняя история России и не произойдет согласование исторического нарратива на общенациональном, региональном и локальном уровнях»[224].

Как отмечалось выше, в многонациональном государстве формированием политики идентичности занимаются политические акторы

---

[223] Там же, с. 669.
[224] Там же, с. 669.

общегосударственного и региональных уровней. Разноуровневость субъектов предполагает различающиеся идеологические стратегии не только по уровню политической компетенции, но и по содержательному контенту в процессе формирования *ценностно-политических проектов*. Занимающаяся разработкой этой категории Д.Б. Казаринова, определяет их как *«широко масштабные идеологические стратегии, которые формулируются политической властью от имени больших социально-политических общностей и выстраиваются на ценностно-смысловых основаниях»*[225]. Соответственно, также как и символическая политика и политика памяти, названные стратегии обладают двойной функцией. С одной стороны, они легитимируют проводимый властью политический курс, а с другой – формируют и закрепляют идентификационные характеристики населения территории. Для национальных республик характерно обязательное включение в региональные ценностно-политические проекты этнической компоненты, характеризующей культурную принадлежность преставителей этнической группы, дающей название республики, ценности и символы ее коллективной идентичности. При этом содержание и идеологическая направленность ценностно-политических проектов коррелирует с режимом взаимодействия федеральной и региональной элит. Ситуация этнополитического конфликта стимулирует акцентуацию оппозиционных характеристик идентичности по оси «мы-они», включение при этом не только культурных маркеров, но и социально-экономических, политических; и напротив, интеграционный режим предполагает селекцию объединяющих характеристик и событий. В ситуации политической стабильности субъекты разного уровня формируют и реализуют ценностно-политические проекты с целью укрепления и конкурентного продвижения своих территорий, как в макро-политике, в общегосударственном масштабе, так и на уровне регионов.

---

[225] *Казаринова Д.Б.* Ценностно-политические проекты формирования идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 593.

Культурная составляющая региональной идентичности получила осмысление в ходе сравнительных исследований российских регионов. Так, М.В. Назукина, выделила два основных компонента региональной идентичности, сформировавшиеся в условиях асимметричной федерации: культурно-ценностный и стратегический. При этом культурный уровень автор связывает с объективными особенностями регионов – характеристикой устоявшихся черт региональной уникальности, ценностных особенностей сообщества, а стратегический уровень с политикой идентичности – сознательным использованием данных особенностей элитами в практических целях, например, для повышения известности региона, мобилизации сообщества. В рамках нашего исследования представляет интерес выстроенная исследовательницей типология с использованием культурной компоненты: 1) региональная идентичность с сильным культурным ядром при отсутствии или слабом его стратегическом оформлении; 2) региональная идентичность с сильным культурным ядром при наличии ярко выраженного стратегического его выражения; 3) региональная идентичность со слабым ощущением культурного единства, но при активной имиджевой политике; 4) региональная идентичность, при которой отсутствует выраженное культурное единство ее стратегическое оформление[226]. В соответствии с данной типологией, Татарстану соответствует второй тип, как и для большинства национальных республик, по исследованиям М.В. Назукиной[227].

Свой разворот в изучении региональной специфики политики идентичности в современной России предлагает Е.Ю. Цумарова[228], выделяя два типа региональной идентичности: эксклюзивную и инклюзивную. Первая из них предполагает формирование представлений о региональном «мы-сообществе», которое противопоставляется национальному сообществу.

---

[226] *Назукина М.В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. – Пермь, 2009. – 200 с.

[227] Там же.

[228] *Цумарова Е.Ю.* Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия): автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПбГУ, 2014. – 22 с.

Вторая – направлена на гармонизацию представлений о региональном и национальном сообществах, регион рассматривается как часть более крупного сообщества[229]. При этом автор выделяет факторы, влияющие на выбор региональными элитами стратегии, формирующей тот или иной тип идентичности. К ним автор относит: «статус региона, долю титульного[230] населения, близость или удаленность от федерального центра, экономические характеристики и тип политического режима региона»[231]. На основании действия названных факторов делается вывод о том, что «эксклюзивная идентичность в бóльшей степени была характерна для национальных республик и географически отдаленных субъектов федерации, тогда как административно-территориальные образования чаще демонстрировали формирование инклюзивной идентичности». Приведенные автором факторы носят преимущественно константный характер, что усложняет понимание логики и причин демонстрируемых ею изменений политики идентичности в регионах. Судя по заключению автора: «изменение характера взаимоотношений между федеральным центром и регионами в 2000-е гг. привело к трансформации политики идентичности, при которой доминирующей стратегией региональных элит стало формирование инклюзивной идентичности»[232] – основным фактором трансформации явилась политика федерального центра, направленная на централизацию. Представляется, что для изучения динамики политики идентичности на

---

[229] Там же, с. 14–15.

[230] По замечанию Г.Я. Миненкова, среди ряда существенных факторов неопределенности особо выделяется специфически российский феномен «титульной» нации: «хотя понятие «титульная» нация после распада Советского Союза не принято употреблять, особенно в официальных документах, оно, тем не менее, отражает вполне определенную реальность и весьма широко используется как отдельными исследователями, так и авторитетными научными и аналитическими центрами, правда, иногда – в кавычках». См.: *Перегудов С.П.* Российская и гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 165. Далее по тексту диссертационной работы термин «титульная» нация» приводится в цитатах авторов цитируемых работ.

[231] *Цумарова Е.Ю.* Политика идентичности в регионах России. Указ. соч. С. 18–19.

[232] Там же.

уровне российских регионов важно включить ряд факторов со свойствами переменных, связанных: с различными формами социального неравенства (социально-экономического, статусного, этнокультурного); конфликтом интересов между федеральной и региональной элитами, с режимами их взаимодействия.

Тем не менее, само введение Е.Ю. Цумаровой в научный оборот названных типов региональной идентичности дает перспективу для поиска факторов, влияющих на смену парадигм политики идентичности региональными элитами; изучения конструктивистских возможностей политических акторов в формировании различных типов региональной идентичности; определения места этнического фактора в ее динамике. На наш взгляд, нельзя игнорировать значимость интересов социальных групп населения национальных республик, как адресатов реализуемой политики, поскольку любая политика идентичности должна опираться на поддержку регионального сообщества. Именно этот фактор формирует социальную поддержку властной элиты.

Мобилизационный потенциал этничности формируется на базе *этнокультурной идентичности.* Идентичность – одна из ключевых категорий, используемых исследователями при изучении этничности и социальных процессов с ней связанных. Спектр ее применения широк: от глубинных этнопсихологических исследований специфики культурных идентичностей – до выявления социальных детерминант этнокультурных и этнополитических процессов современности.

Постсоветская территория, охваченная процессами бурного этнического ренессанса, стала полем исследований для российских и западных ученых, где этничность изучалась во всех ее проявлениях. В качестве доминирующего подхода к изучению этничности и этнической идентичности утвердился конструктивистский подход, однако в последние годы усилилось когнитивно-лингвистическое направление его инструменталистского крыла, последователи которого (Р. Брубейкер, Ф. Купер, Мара Лавмэн, П. Стаматов,

Д. Лэйтон, М. Файшмидт) выступают с критикой понятийного аппарата или «языка» традиционных исследований этничности с использованием категории «этнических групп»[233]. Ревизионистский тон задается во Введении Брубейкером, где автор высказывает неудовлетворенность аналитическим потенциалом данного понятия и ставит задачу «выработать способы анализа этничности, не требующие обращения к ограниченным группам, и вместе с тем придать конструктивистскому проекту новую аналитическую ценность»[234]. Поиск выхода из сложившейся ситуации видится автором в отказе от «некритического восприятия категории этнополитической практики в качестве собственных категорий социального анализа»[235]. Эта задача стимулируется тем, что категориями этнополитической практики (этничность, раса, нация и др.) пользуются «дельцы от политики» для мобилизации масс в своих узкогрупповых целях, в то время как использующие их ученые овеществляют их и вносят лепту в производство того, что они описывают[236]. Выход видится в выявлении способов, с помощью которых формируется «кристаллизованное чувство группы». Призывая отказаться от их использования, Р. Брубейкер в своей работе не дает ясных критериев в различении «категорий практики» от «категорий социального анализа» и «категорий науки», в связи с чем реализация поставленной им задачи представляется проблематичной.

Но не только язык, но и центральная категория – «идентичность» подверглась серьезной ревизии со стороны двух авторов указанного сборника - Р. Брубейкера и Ф. Купера: проблематизация изучения идентичности связывается с жесткостью значения понятия у примордиалистов и чрезмерной неопределенностью и пластичностью у конструктивистов. Анализ ее аналитического потенциала завершается собственной разработкой авторов, предложивших выход в отказе от этого

---

[233] *Брубейкер Р.* Этничность без групп. Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Издательский дом Высшая школа экономики. 2012. 408 с.

[234] *Брубейкер Р.* Введение / *Брубейкер Р.* Этничность без групп. Указ.соч. С. 16-17.

[235] Там же, с. 27.

[236] Там же, с. 27-28.

понятия в пользу другого - «идентификация». Термин включает три кластера понятий, призванных охватить все составляющие этого сложного процесса: «идентификация», «категоризация» (с участием агентов-идентификаторов: государство, его институты и другие люди), «самопонимание», «общность», «связанность», «групповость»[237]. Однако исчерпывающих эмпирических исследований с применением предложенных авторами кластеров не проводилось.

В отечественной науке использовался весь спектр подходов к изучению этничности и этнической идентичности. Наиболее яркие из них: теоретико-прикладные изыскания В.А. Тишкова (1994, 1997, 2000, 2001, 2003); ряд сравнительных этносоциологических исследований национализма в субъектах РФ под руководством Л.М. Дробижевой (1994, 1996, 1998, 2000, 2003); этничности в условиях мегаполиса под руководством В.М. Воронкова (1997–1998) и др. Различие подходов (этнополитического, этнологического, этносоциологического, социологического) в изучении этничности обусловило и различие результатов изысканий. К последователям Р. Брубейкера можно отнести социологов группы В.М. Воронкова, которые, опираясь на опыт качественных полевых исследований среди этнических общин Санкт-Петербурга, утверждают, что этнической идентичности как таковой не существует. Этничность, являясь социальным конструктом, проявляет себя в виде этнических кодов, которые группы используют в качестве инструмента для регулирования внутри-и внешне-групповых отношений, а этнические группы и границы между ними определяются результатами социальной практики[238]. Уязвимость данной позиции – в противоречии с теоремой У. Томаса: отрицание этничности исследователями, тем не менее не нейтрализует ее на уровне социальных групп, идентифицирующих себя в качестве этнической группы и действующих сообразно данной идентификации.

---

[237] Там же, с. 89-101.

[238] Конструирование этничности / под ред. В. Воронкова и И. Освальд. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998.

Этнологическое направление представлено значительным числом работ В.А. Тишкова, в которых автор разрабатывал понятие этнической идентичности в конструктивистской парадигме[239]. Ученый, говоря о сложносоставной структуре этнокультурной идентичности, отмечает значимость преемственности и наследственности культурного выбора в сообществах, объединенных представлениями об общем происхождении, духовной и материальной культуре. Ключевую роль он отводит не примордиальным составляющим этнического самосознания, а фактору выбора – того, чему придают значимость члены общности, объединенной на основе самоидентификации по отношению к другим общностям»[240]. Автор рассматривает идентичность как процесс социального конституирования «воображаемых общностей», основанных на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями. По его мнению, именно перенесение внимания на «процессуальность», а не на «процесс», позволяет выявить состязательную и множественную природу идентичности, выстраиваемую в итоге диалога и властных отношений между группами, между группой и государством, между государствами»[241]. Для нашего исследования выделяемый им аспект «процессуальности» важен в связи с исследованием динамики этничности, как на уровне массового сознания населения Татарстана, так и в политике идентичности, проводимой элитой республики.

В политологии используется концепт *«культурной идентичности»*. Так, И.С. Семененко, определяя его функции, отмечает, что «культурная идентичность маркирует принадлежность индивида к объединенной общими ценностями и культурными установками группе и, одновременно, является организующим коллективную идентичность группы или сообщества

---

[239] *Тишков В.А.* Реквием по этносу – М.: Наука, 2003. С.41–42.

[240] *Тишков В.А.* Этнос или этничность? // Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. – М.: Наука, 2001. С. 230.

[241] *Тишков В.А.* Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. статей / под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова и А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. – М., 1997. С. 30.

смыслообразующим стержнем, формируясь в пространстве социальных (межкультурных) коммуникаций, в соотнесении с нормами и ценностными установками «своей» и «чужой» групп[242]. При этом автор справедливо отмечает, что в социальных науках понятие культурной идентичности чаще используется в узком смысле для обозначения отличительных черт приверженцев конкретных культурных паттернов и моделей поведения (готы, веганы, и др.)[243]. В контексте нашего исследования важно отметить базовое различие культурной и этнокультурной идентичностей, заключающееся в конструктивистских возможностях, как самих носителей, так и внешних агентов. Если культурную идентичность можно менять в зависимости от моды, индивидуальных пристрастий, то этническую идентичность, в силу отмеченных В.А. Тишковым характеристик, воспринимаемых ее носителями в качестве наследия предков, части семейной и родовой истории, традиции или судьбы – изменить или переконструировать достаточно сложно, а порой, невозможно в силу субъективных и объективных причин.

Для анализа политики идентичности используется также и понятие «*социокультурной идентичности*»[244], однако, на наш взгляд, оно не позволяет дифференцировать этническую и общегражданскую идентичности, которая также имеет свою культурную составляющую. В российском случае это культура и язык культурного большинства. Но и здесь существует вариативность, когда гражданин может ассоциировать себя и с культурой

---

[242] *Семененко И.С.* Культурная, социокультурная, цивилизационная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 312.

[243] Там же, с. 313.

[244] *Социокультурная идентичность* – аналитическая категория, описывающая принадлежность индивида к сообществу, которое выстраивается на общих культурных основаниях, общих социальных институтах и практиках. В первую очередь речь идет о таких сообществах, члены которых формируют, культивируют и транслируют значимые для коллективной самоидентификации смыслы и ценности. Социокультурная идентичность представляет собой социальный конструкт: как таковая она не осознается индивидом непосредственно (как социальная реальность), но выступает в качестве референтной системы координат для культуры, с которой человек себя отождествляет (*Семененко И.С.* Культурная, социокультурная… с. 314).

большинства, и с культурой своей этнической группы, что является признаком многосоставной социокультурной идентичности.

Для целей нашего исследования в качестве аналитической категории мы используем дефиницию Л.М. Дробижевой, решенную в конструктивистской парадигме, но при этом учитывающей значимость примордиального в соответствии с теоремой У.Томаса, которая гласит, что «Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна и по своим последствиям»[245]. В своих исследованиях ученая опиралась на понимание этнической идентичности, в основе которой – *представления группы о своей территории, общем происхождении, культуре, языке, истории, психологических чертах.* Таким образом, этническая идентичность, несмотря на ее инструментальную трактовку, выступала как некая данность, которая в бóльшей, или меньшей степени должна присутствовать у каждого человека[246]. В более поздних исследованиях[247] Дробижевой акцентировалась роль политических, экономических и культурных факторов в построении и поддержании этнических границ. В недавней работе автор обращает внимание на то, что *этническая идентичность – это не только осознание принадлежности к этнической группе, но и эмоционально окрашенный «образ Мы», и этнические интересы, в соответствии с которыми осуществляется деятельность.* Под «образом Мы» имеются в виду не только автостереотипы, т.е. представления о характерных чертах своей группы, но и другие представления о своем народе, его языке, культуре, территории и т.д.[248] Дробижева подчеркивает неслучайность отсутствия в ее определении расшифровки образа «Мы»,

---

[245] *Кармин А.С.*, Культурология. – СПб, «Лань». 2006. С. 223 - 224.

[246] Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994; Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. – М., 1994; Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М., 1995.

[247] Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.

[248] *Дробижева Л.М.* Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе: основные подходы к изучению // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х гг. – М.: ИЭА РАН, 1994. – С.31.

объясняя это тем, что он очень изменчив и не всегда включает какой-то обязательный набор представлений. Основываясь на теории П. Бергера. Т. Лукмана, ученая заключает, что *этническая идентичность – важнейшая характеристика этнической общности, ключевой элемент субъективной реальности, который поддерживается благодаря механизмам социального конструирования и функционирует ввиду существования в обществе этнических категорий и классификаций, которые усваиваются человеком в процессе социализации*[249].

Дополнительную перспективу в исследовании этнической идентификации сообщает уже названная теория культурных границ Ф. Барта[250], где культурные признаки анализируются не как статичные явления, а с точки зрения функций и смысла этих признаков в связи с феноменом неравенства. Ф. Барт показал значение социальной организации и социального взаимодействия в процессе группового этнического отождествления, когда а) определителем для членства в группе становятся социально задаваемые факторы, в основе которых лежит феномен категориального приписывания, а не «объективно» существующие культурные различия; б) этнические категории, как при самоидентификации, так и в процессе отнесения других к определенным этническим группам принимают во внимание не просто сумму объективных различий, а лишь те из них, которые самими индивидами воспринимаются как значимые[251]. Последнее условие для нашего анализа становится одним из ключевых.

Этнические категории могут действовать на уровне межличностного взаимодействия (сфера повседневности) и на идеологическом уровне. Рассматривая второй уровень, можно предположить, что значимость тем или

---

[249] *Дробижева Л.М.* Этническая идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 417–418.

[250] Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference / Ed. by Fredrik Barth. – Oslo: Universitetsforlaget, 1982 (reprint).

[251] *Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое изд-во, 2006. С. 15–18.

иным этническим категориям придают акторы, действующие в сфере публичности – «символьная» и властная элиты. Они конструируют систему отношений этнических групп, которая закрепляется и легитимируется посредством идеологии и официального дискурса. Таким образом, придание значимости определенным этническим категориям становится одним из способов для формирования и поддержания системы господства – подчинения. Одним из ее проявлений является закрепление соотношения этносоциальных групповых статусов.

Эффективным инструментом, с помощью которого актуализируются, закрепляются и обретают значимость этнические категории, становится *оппозиция «мы – они»*. Универсальность этого психологического механизма – в его действии на всех уровнях социальной организации: самоидентификация на уровне личности («я» и «они»); на групповом уровне он устанавливает отличительность группы от других; и он же действует в формировании установок массового сознания в качестве инструмента идеологии. Выигрышность его использования в качестве операциональной категории в предпринимаемом исследовании в том, что с его помощью можно не только определить «как» актуализируются этнические категории, но и «почему» они работают на личностном уровне, или выносятся на уровень идеологии. В свою очередь, это помогает выстраиванию мотивационной базы в процессе идентификации, как на уровне отдельной личности, так и на уровне социальных групп. Таким образом, опираясь на теоретические посылки Барта, в ходе анализа предполагается выявить содержание основных этнических категорий с помощью которых очерчивается граница этнической группы. Наряду с этим, будет определяться то, каким образом и почему этнические категории закрепляют систему господства – подчинения в соотношении этносоциальных групповых статусов. Как политическая, так и этническая идентичности, проявляя себя в публичной сфере, наиболее влиятельны (по социальным последствиям) в социальных движениях, которые, в свою очередь, формируются на базе групповой идентичности.

В структуре этнической идентичности одно из ключевых мест занимает *категория языка этнической/ национальной общности*. В поле политики язык является одним из ключевых атрибутов формирования нации (Б. Андерсон, Э. Геллнер); формирует фреймы и коды идентичности национальных сообществ и этнических групп (Р. Брубейкер); выполняет коммуникативную функцию (К. Дойч,); является инструментом социальной мобильности граждан государства (Э. Геллнер); выступает символом идентичности (Мухарямов Н.М.)[252]; является объектом культурной политики государства и региональных элит (Макарова Г.И.)[253].

Как отмечает Н.М. Мухарямов, языковая политика связана с властно-управленческим регулированием языковых ситуаций различного уровня – общенационального и локального. Он также отмечает, что в условиях многонационального государства политико-языковая проблематика будет постоянно присутствовать в центре политики идентичности. При этом существует перспектива обострения языковых отношений по линии «большинство – меньшинства»[254]. Автор обращает внимание на конкурентное использование языковых ресурсов борьбы за власть и влияние. Язык в этом случае рассматривается не столько как общее благо, сколько как повод для мобилизации (коммуникативно и символически) сторонников конкурирующих сил[255]. При исследовании многопланового взаимодействия языка и политики Н.М. Мухарямов отмечает несколько принципиальных аналитических перспектив, которые могут быть сгруппированы по двум ключевым основаниям: а) *язык в политике* (политическая коммуникация, политические языки и социолекты, политический дискурс, политическая

---

[252] *Мухарямов Н.М.* Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 678.

[253] *Макарова Г.И.* Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан. – Казань: Казан. ун-т, 2010. 248 с.

[254] Автор, отсылая к ситуации с Украиной отмечает, что события вокруг Юго-Востока Украины доказывают, что языковая политика может выступать и в роли casus'a belli. См.: *Мухарямов Н.М.* Политика языка и языковая политика... С. 681–682.

[255] Там же, с. 681–682.

семантика, политическая метафора и проч.); б) *политика в языке* (языковая политика и языковое планирование, языковые режимы, языковые идеологии, языковой менеджмент и языковое культивирование)[256]. Значимость языка в поле политики, сопряженность его статуса с интересами этнической группы, вплоть до ее выживания, актуализирует исследовательскую проблему поиска баланса между требованием этнической группой территориальной автономии и сохранением территориальной целостности государства. Как отмечает Н.В. Борисова, исследовавшая языковую политику в ряде стран Европы, в Канаде и Индии, способом разрешения этой проблемы в случае государств с федеративным устройством оказывается их территориально-административное переформатирование: выделение новых штатов, изменение границ, объема и масштаба преференций для отдельных субъектов федерации, получающих фактически статус этнической территориальной автономии. Частью этих мер является и языковая преференциальная политика, институционализация которой воплощается в формировании и функционировании различных по силе языковых территориальных режимов как значимых элементов этнических территориальных автономий[257].

Язык в поле политики структурируется его ролью в процессе идентификации личности и шире – этнической группы. Для понимания значимости языка, как структурной составляющей этнической идентичности, мы обратились к обозначенной выше теории социального конструирования, которая детально объясняет его роль, как инструмента социализации и самоидентификации личности[258]. Используемая П. Бергером и Т. Лукманом категория «материнского языка» призвана показать его инструментальную и эмоциональную значимость в процессе постижения мира в условиях

---

[256] Там же, с. 679.

[257] См.: *Борисова Н.В.* Языковые территориальные режимы в этнических федерациях // Вестник Пермского университета. Серия "Политология". 2016. №4 [Электронный ресурс]. URL/: https://elibrary.ru/download/elibrary_27536435_51166818.htm (дата обращения 25.10.2017); *Она же.* Политизация языка и языковая политика в этнических территориальных автономиях // МЭиМО. 2016. №9. с. 67-75. https://www.imemo.ru/jour /meimo/index.php ?page_id=756&id=7593

[258] *Бергер П., Лукман Т.* Указ соч. С. 220–221.

первичной социализации, формирующей субъективную реальность. «Материнское» свойство языка придает ему характер исключительности в ситуации конкуренции с другими языками: авторы обращают внимание на то, что «это редкость, когда язык, выученный позднее, приобретает статус столь же неизбежной, самоочевидной реальности, что и первый язык, выученный в детстве»[259]. Говоря о родном языке в условиях межкультурной коммуникации, исследователи подчеркивают, что важным для идентичности каждой из сторон является не только язык сам по себе, но и его специфические особенности и традиции использования, а знание нескольких языков отнюдь не делает человека менее укорененным в родном языке[260].

Ситуация языковой конкуренции обостряется в период вторичной социализации в том случае, если «материнский» язык не совпадает с тем, на котором основана доминирующая в государстве культура. Особую остроту конфликт приобретает тогда, когда язык и основанная на нем культура становятся ресурсом для успешного социального продвижения и социального положения, что характерно для индустриального общества. В контексте сказанного, большой объяснительный потенциал в рассмотрении функционирования языка культурного меньшинства в модернизирующемся обществе содержит концепция Э. Геллнера, позволяющая проследить драматургию конкуренции языков в новой социально-экономической конъюнктуре. Центральное место в его теории занимает понятие «высокой культуры»[261], которая поддерживается и воспроизводится «образовательной пирамидой», включающей в себя все ступени государственной системы образования. В мобильном обществе социальный успех личности зависит от

---

[259] Там же, с. 234.

[260] *Попова О.В.* Межкультурная коммуникация // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 345.

[261] По Э. Геллнеру, государственная образовательная система представляет пирамиду, в основании которой находятся начальные школы и средние школы, затем следуют средние специальные заведения, и завершают ее ВУЗы и аспирантура. Такая пирамида, по его мнению, является критерием для определения минимального размера жизнеспособной политической единицы. См.: *Геллнер Э.* Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. С. 23, 86.

степени обладания «высокой культурой». В полиэтнических обществах, для представителей культурных меньшинств недостаточное владение языком культурного большинства зачастую становится барьером для социального роста. Поэтому в модернизирующемся обществе язык становится экономической категорией, выполняя роль инструмента в социальном продвижении человека. По Э. Геллнеру, конкуренция или неравенство языков и культур в поликультурных обществах становятся причинами зарождения национализма, поскольку культурное меньшинство стремится защитить свою культуру и язык при помощи своей государственности[262].

Говоря о процессах модернизации важно разделять индустриальную модернизацию, развивавшуюся в парадигме национального государства и развитие общества в условиях глобализации. Эпоха Модерна и современная глобализация по-разному реализуют инструментальную функцию языка: так, эксклюзивная роль государственного языка, защищенного государством и национальными границами, размывается с появлением новых языков-конкурентов в условиях глобализации. В свою очередь, последняя – сопровождается процессами глокализации, когда в ответ на культурную и цивилизационную унификацию и доминирование международных языков локальные сообщества реагируют кристаллизацией локальной идентичности и усиленным вниманием к историческим корням, этнической специфике и родным языкам.

Используемые нами теории структурного функционализма, модернизации и дискурс-анализа в исследовании места и роли структурных компонент этнической самоидентификации и этнических маркеров в поле политики и межкультурной коммуникации, – дополняют концепции символического интеракционизма, разработанные Г. Блумером, Ч. Кули, Г. Зиммелем, У.А. Томасом, Дж. Мидом. Для нашей исследовательской позиции важны те из основополагающих предпосылок символического интеракционизма, которые обращают внимание на: а) значимость

[262] *Геллнер Э.* Нации и национализм. Указ. соч.

субъективного фактора в восприятии человеком окружающего мира и, соответственно, в интеракциях между людьми; б) процессуальность интеракций, обусловленную тем, что значения, на основе которых действуют и взаимодействуют люди появляются, модифицируются и развиваются во взаимодействии с социальным окружением в соответствии с различными интеракционными ситуациями; в) то, что сами значения – это результат интерпретации, рождающейся в определенных интеракционных контекстах[263].

Этничность и ее маркеры получают выражение в ценностях и символах, которые наделяются в процессе межэтнического взаимодействия определенными социальными смыслами. Поэтому тезис о том, что люди существуют не только в физическом и природном мире, но и в «символическом окружении» и поэтому в процессе социального взаимодействия роль символа как посредника в интеракциях становится значимой для их последствий становится ключевым в исследовании и роли политической и «символьной» элит, и межэтнического взаимодействия в контексте продуцируемого элитами символического пространства.

В заключение отметим различия в подходах к исследованию политики идентичности в зарубежном и отечественном обществоведении: в западной науке данное направление связывается с группами, с ценностью культурных, религиозных и других форм идентичностей; в российской науке - с деятельностью государства и территорий по формированию национальной, гражданской, региональной, культурной идентичности. В связи с тем, что в фокусе диссертационного исследования находится российский регион со статусом национальной республики (Татарстан) автором используется отечественная интерпретация политики идентичности. Общим знаменателем для вышеупомянутых исследовательских традиций является

---

[263] *Blumer H.* The Methodological Position of Symbolic Interactionism // Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. – Berkeley: University of California Press, 1969; Американская социологическая мысль. – М.: МГУ, 1994. – Раздел «Теории символического интеракционизма».

конструктивисткая парадигма П. Бергера и Т. Лукмана, согласно которой социальная реальность – продукт конструктивистских усилий социальных акторов (социальных групп, государства, социальных институтов, элит и др.), которые в то же время оказываются под влиянием реифицированных, вошедших в повседневную жизнь людей представлений и практик. При этом политика идентичности является производным, как идентификационных процессов на разных уровнях общественного бытия (глобальный, национальный, региональный, групповой, личностный), так и инструментом реализации интересов ее акторов и социальных групп. Диахронный характер исследования динамики политики идентичности, сопряжённой с действием этнического фактора, а также с включением основных влиятельных ее акторов (государства, политической и «символьной» элит) стимулировал к использованию ее категориального аппарата и составляющих, таких, как: символическая политика, политика памяти, ценностно-политические проекты формирования идентичности, политика языка.

1.2. Национализм и этничность: исследовательские подходы

Рассмотрение существующих в современной науке подходов в осмыслении отечественными и зарубежными учеными феномена национализма позволяет проследить динамику толкований и исследовательских парадигм этого сложного социального явления. В отечественной науке, начиная с 1990-х годов прошлого столетия, намечается стремление уйти от оценки национализма как сугубо «реакционной идеологии», навязанной советским обществоведением. Российские ученые, активно включившиеся в международную научную дискуссию по проблемам обсуждаемого феномена в 1990-е гг. присоединились к принятой в мировой науке классификации концепций национализма, подразделяющей исследовательские подходы на примордиалистский, модернистский, конструктивистский и инструменталистский. Анализ западных концепций и подходов к изучению национализма осуществлялся в ходе разработки программ эмпирических исследований (Л.М. Дробижева, В.В. Коротеева, Н.С. Мухаметшина, Э.Д. Понарин, С.В. Соколовский, В.А. Тишков); а также в учебной литературе по этнополитологии (В.А. Ачкасов, В.С. Малахов, М.Х. Фарукшин, В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев)[264].

Актуализировавшаяся этничность и ее влияние на политическую жизнь страны стимулировала отечественных обществоведов к осмыслению феномена национализма в условиях постсоветской социальной трансформации. В ходе накопления исследовательского опыта в изучении этнополитических и этнокультурных процессов на территории постсоветского пространства, часть исследователей стала склоняться, в

---

[264] *Ачкасов В.А.* Этнополитология: учебник для бакалавров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2014. 495 с. – Серия: Бакалавр. Углубленный курс; *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. – М.: КДУ, 2005. 320 с.; Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов / *В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев.* – М.: Изд-во Московского университета, 2011. 376 с.; Этнополитология. Учебник для студентов и аспирантов факультетов и отделений политологии университетов / *М.Х. Фарукшин.* – Казань: Изд-во Каз. фед. ун-та, 2014. 338 с.

определенной степени, к сочетанию конструктивистских концепций и культурного примордиализма[265], в то время как последовательные конструктивисты отрицали возможность совмещения названных подходов, ссылаясь на различия в языке описания и анализа этничности и национализма[266].

Один из ведущих отечественных теоретиков конструктивистского направления, В.А. Тишков, указал на влиятельность двух научных дискурсов: с одной стороны, вклад отечественной академической традиции в утверждение приоритета этнической взаимоисключающей идентичности, огосударствление и институционализацию этничности, что, на его взгляд, «подпитывало аргументацию политического этно-национализма». С другой стороны, ученый отметил использование объяснительной модели «распадающейся империи» научным сообществом Запада, которое интерпретировало ее как реакцию со стороны культурных сообществ и меньшинств на политический тоталитаризм или нивелирующее воздействие глобальных интеграционных процессов[267]. Характеризуя этнополитические процессы на пост-советском пространстве, В.А. Тишков, выводит определение пост-советского национализма (или этно-национализма) в качестве доктрины и политической практики, основанных на понимании нации как формы этнической общности, обладающей членством на основе глубоких исторических и других объективных характеристик и, проистекающим из этого коллективного членства, праве обладания государственностью, включая его институты, ресурсы и культурную систему[268]. Несмотря на конструктивистское понимание феномена, автору не

---

[265] Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. 388 с.; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. 480 с. и др.

[266] Конструирование этничности / под ред. В. Воронкова и И. Освальд. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 303 с.

[267] *Тишков В.А.* О нации и национализме // Панорама-форум. – 1996. – №1(4). С. 18–19.

[268] Там же, с. 22.

удалось игнорировать значимости примордиального понимания нации («глубокие исторические и другие объективные характеристики»).

Анализ концепций национализма в политологическом ключе был предпринят В.С. Малаховым в его книге «Национализм как политическая идеология». Подчеркивая инструментальный характер национализма, Малахов отмечает, что вопрос о национализме – это не вопрос о «здоровом» или «нездоровом» проявлении национальных чувств, а вопрос об их использовании, вопрос политической практики и идеологии как неотъемлемой части такой практики[269]. Несмотря на то, что автор стремится рассмотреть весь спектр зарубежных концепций национализма, каждая из которых предлагает свои объяснительные модели (детерминируя его появление экономическими, политическими, социальными и культурными причинами), свою позицию он выстраивает в классическом политологическом ключе, выделяя два вектора национализма: «Один из них указывает в сторону обретения общественного единства. Это национализм, исходящий от государства. Второй – направлен против государства. Это национализм, исходящий от культурно-этнических групп, стремящихся к политическому суверенитету. Вот почему, замечает ученый, национализм испанский, индийский, турецкий и грузинский наталкивается на противодействие каталонского, сикхского, курдского и абхазского национализма». Вслед за этим пояснением Малахов дает свое определение национализма: «национализм – идеология, легитимирующая (оправдывающая и обосновывающая) усилия по интеграции или дезинтеграции государств. Последние не случайно называются национальными государствами»[270].

Представленная Малаховым дихотомия «государственный национализм – этнокультурный сепаратизм» характерна для части политологических исследований. Использование представленной дихотомии в жестком противопоставлении сводит анализ к оценочной интерпретации

---

[269] *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология: Указ. соч. С. 4.
[270] Там же, с. 5.

национализма. Это ограничивает возможности адекватного анализа, включающего изучение факторов разного порядка: объективных и субъективных детерминант националистических движений; социально-экономическую и политическую конъюнктуру макро и мезо-уровней; статусные позиции и мотивации их участников; интересы социальных групп.

Наиболее полезный для нашего исследования вектор осмысления феномена национализма был выбран В.В. Коротеевой в ряде ее статей и монографий[271]. Так, в своей известной монографии «Теории национализма в зарубежных социальных науках» исследовательница не ограничивается их простым обзором, а предпринимает попытку систематизации, подразделяя их на теории экономические (Э. Геллнер, Т. Нейрн), политические (Дж. Брейи, М. Манн) и культурологические (Б. Андерсон). Как отмечает сама автор, эти концепции различаются углом зрения и преимущественным объектом внимания, показывая то или иное соотношение между культурой, политической властью, национальной идентичностью и экономическими условиями нового времени. В своей работе Коротеева делает важное замечание, касающееся динамики исследовательского фокуса в зарубежном научном дискурсе: в отличие от предшествующих поколений ученых, которые сосредоточили свое внимание на идеологии национализма, ученые последних двух десятилетий как бы демонстративно отворачиваются от нее, отводя ей незначительное место в своих рассуждениях. Их внимание обращено к социальной реальности, а теоретическую перспективу их концепций определяют экономические законы, политическая практика или культурные системы[272]. Соответственно, формулируются следующие актуальные для современности вопросы: Каково соотношение между

---

[271] *Коротеева В.В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et contra. – 1997. – Т.2 – № 3. – С. 185–203. URL: http://www.rulit.me/books/sushchestvuyut-li-obshchepriznannye-istiny-o-nacionalizme-read-94438-1.html (дата обращения 20.05.2018); *Она же.* «Воображаемые», «изобретенные» и «сконструированные» нации: метафора в науке // Этнографическое обозрение. – 1993. – №3; *Она же.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: РГГУ; ИЭА РАН, 1999; *Она же.* Экономические интересы и национализм. – М.: РГГУ, 2000.

[272] *Коротеева В.В.* Теории национализма… С. 14.

идеологией и социальной практикой: имеет ли значение то, что националисты говорят о своих идеях, какие взгляды преобладают в обыденном сознании, или следует сконцентрироваться исключительно на деятельности? Насколько деятельность осуществляется сознательно, заранее предвидится цель? Каковы возможности и пределы мобилизации и манипуляции массовыми чувствами? Как можно определить «культурное строительство»: заимствование, адаптацию, изобретение, фабрикацию? Насколько реально «воображенное» и «сконструированное» национальное сообщество?[273]

Богатое поле этнополитических процессов первого постсоветского десятилетия предоставляло возможности для поиска ответов на поставленные теоретиками вопросы. Наиболее полно попытка ответить на них была предпринята в рамках сравнительных исследований, проводившихся в разные годы с начала 1990-х гг. в национальных республиках под руководством Л.М. Дробижевой. Их результаты позволили выявить основания региональных национализмов в Российской Федерации в зависимости от местных условий, влияния политической конъюнктуры и, соответственно, вывести их типологию. Анализ объемного спектра источников и полевых данных позволил установить пять типов национализма:

1. *Классический этноприоритетный* национализм, ориентированный на независимые государства и доминирующую роль титульного этноса в нем.

2. *Соотнесенный паритетный национализм* с доминирующей идеей государственной самостоятельности в рамках конфедерации или реального федерализма. Его также называют разделенным суверенитетом. При этом провозглашается верность интересам республики, возрождение языка, культуры представителей этнической группы, дающей название республики, но одновременно декларируется культурный плюрализм и отчасти паритет культур.

---

[273] Там же, с.15.

3. Экономический национализм, когда акцентируется внимание на экономическом суверенитете при демонстрации лояльности центру.

4. Защитный, оборонительный национализм, когда в идеологии и пропаганде доминируют опасения потери территории или дискриминации этнических групп.

5. Модернизационный или реформаторский национализм подпитывался идеями политиков центра (в команде Е. Гайдара (до 1992 г.) разрабатывались идеи преимущества развития России без отстающих колоний»[274].

Приведенная типология национализмов представляет ценность при многофакторном анализе динамики этнополитических процессов. Их сопоставительный анализ в национальных республиках РФ свидетельствует как о сочетаемости их элементов, так и о ситуативности их проявлений в зависимости от внешней и внутренней политической и социальной конъюнктуры, а также конкретного исторического этапа.

Комплексный характер исследования этнополитических процессов предполагает сочетание подходов фокусирующихся как на идеологических функциях национализма и роли элит, так и на социально-экономических и этнокультурных факторах, стимулирующих формирование дискурса национализма с последующей этнической мобилизацией масс. В связи с этим, мы обращаемся к тем теоретикам национализма, для которых была важна социологическая перспектива, помогающая выявить социальные истоки появления идеологий этнонационализма и формирование наций. К таковым следует отнести теоретиков, использовавших для построения своих объяснительных моделей структурно-функционалистский метод: К. Дойча[275] и Э. Геллнера. Оба исследователя национализма связывают его появление и развитие с социально-экономическими преобразованиями –

---

[274] *Дробижева Л.М.* Опыт национализма и демократизация. Указ. соч. С. 39–40.

[275] *Deutsch K.W.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. – Cambridge, 1953.

модернизацией[276]. Важнейшей составляющей этого процесса становится коммуникация и культура. Несмотря на различные определения культуры, авторы, по сути, сходятся в том, какую роль она играет в мобильном обществе. У Дойча «Культура», оперируя информацией, становится функциональной предпосылкой отправления определенной формы власти и авторитета[277]. Для Э. Геллнера – ключевой категорией становится понятие «высокой культуры»[278], а причина стремления к обретению каждой национальной культурой государственных границ связана с возросшей ролью информации, языка, всего семиотического ряда современной национальной культуры для социального положения в обществе. Соответственно под национализмом автор понимает «особый способ обращения с культурой, который выражается в стремлении соединить культуру и политику с целью формирования «государственной» культуры. Это политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и культурная границы должны совпадать»[279]. Важное значение для нашего анализа имеет положение Геллнера о двойном действии национализма, когда конструирование государства и нации может осуществляться как сверху (от государства), так и снизу (против существующего государства)[280].

Для Э. Геллнера главным законодателем процессов новой истории становится индустриальное общество, которое, в силу его включенности в промышленный алгоритм развития, нуждается в культурной однородности и, соответственно, унификации. Именно единство культуры становится базой формирования политических единиц. Последний тип действия национализма иллюстрируется опытом антиколониальных движений направленных против

---

[276] Оба теоретика основной детерминантой национализма и появления наций считают развитие капитализма, который разрушает вертикальную общность феодального строя и устанавливает горизонтальные связи между членами сообщества.

[277] *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. Указ. соч. С. 62.

[278] Термин Э. Геллнера обозначает обладающую своей письменностью, основанную на образовании, гарантированную государством культуру, транслируемую через систему государственного образования. См.: *Геллнер Э.* Нации и национализм. Указ. соч. С. 23.

[279] *Геллнер Э.* Нации и национализм. Указ. соч. С. 24.

[280] Там же.

господства метрополий или имперских администраций. Однако приведенная жесткая оппозиция не исчерпывает всего многообразия проявления национализмов. Некоторые из них заявляют о себе в периоды кризисов, продуцируемых различными формами социального неравенства, и не носят исключительно антагонистического характера по отношению к государству. Положение концепции Э. Геллнера о приоритетности конструирования национализма «сверху» (государством и элитами) критически оценивалось Э. Хобсбаумом, сделавшим акцент на социальных факторах: «… национальные феномены имеют… двойственный характер: в главном они конструируются «сверху», и все же их нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним «снизу», с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе не являются национальными, и тем более националистическими по своей природе»[281]. Эта позиция разделяется и В.С. Малаховым, акцентирующим внимание на том, что национализм может подпитываться чувствами и ожиданиями людей, которые ищут решение острых проблем собственного существования в национальной солидарности – в консолидации на основе общей истории, языка или культуры[282]. При этом ученый утверждает, что вопрос о национализме – это не вопрос о «здоровом» или «нездоровом» проявлении чувств – это вопрос об их использовании, вопрос политической практики, а вопрос идеологии является при этом неотъемлемой частью такой практики[283].

Расширение поля анализа, посредством включения в фокус исследования интересов, как элитных групп, так и населения регионов, помогает увидеть каким образом, созданные в ходе человеческой деятельности ценностные системы и социальные институты влияют на появление национализма и развитие политических процессов на всех уровнях

---

[281] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. – С. 20–21.

[282] Малахов В.С. Указ. соч. С. 5.

[283] Там же, с. 4–5.

социальной системы. Б. Андерсон в своей классической работе[284] вывел многообразие типов национализма на основе анализа националистических движений в разных странах в различные исторические эпохи. Элементы каждого из них можно увидеть в рассматриваемом нами случае этнополитических процессов в Татарстане за последнюю четверть века. Так, исторически первая форма идеологии национализма – «креольский» национализм раскрывает механизмы формирования солидарности политической бюрократии в рамках имперских колоний в Латинской Америке конца XVIII – начала XIX вв., а также мотивы обращения к местному населению колоний, как социальной базе националистических движений[285]. Предложенная им исследовательская перспектива помогает анализу роли и поведения региональных элит в их взаимодействии с элитами политического центра, исходя из влияния субъективных и объективных факторов.

Второй тип национализма – «лингвистический», проявивший себя в странах Центральной и Восточной Европы и имеющий иную логистику: развитие национализма от культурной общности – к политическому единству, – демонстрирует значимость культуры, и прежде всего языка как ценности, объединяющей членов сообщества в единую нацию. Значимость данного сюжета для нашего исследования – в роли интеллектуалов, или «символьной» элиты, которая благодаря печатной продукции и СМИ, придает форму устойчивой целостности разрозненным и подвижным феноменам народной культуры, языковым диалектам, превращая их в национальную или государственную культуру и язык[286].

Третий тип национализма – «официальный» – формируют имперские государства, стремящиеся объединить многонациональное население империи в единую нацию. Анализ политических процессов в трех империях

---

[284] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001.

[285] Там же, с. 71–86.

[286] Там же, с. 89–104.

(Турции, Австро-Венгрии и России) помогает понять перспективу государственной администрации, стремящейся управлять многокультурным населением[287]. Таким образом, различные примеры форм и исторических обстоятельств культурной ассимиляции в рамках полиэтнических государств дают полезную ретроспективу культурной политики правящих элит многонациональных государств и реакции подвластных народов для анализа постсоветской ситуации в России.

Свой взгляд на происхождение национализма, нации, роли элитных групп и государства предлагает Э. Хобсбаум в известной книге «Нации и национализм после 1780 года», а также в сборнике статей под его редакцией «Изобретение традиции». В последнем наиболее цитируемой работой стала статья Х. Тревор-Роупера о деятельности шотландских интеллектуалов по фабрикации шотландской национальной «традиции»[288], поскольку на конкретном примере продемонстрировала потенциал конструктивистских возможностей энтузиастов народной культуры и ученых в формировании культурного багажа как основы для идеологии национализма.

В своей фундаментальной работе «Нации и национализм после 1780 года» Э. Хобсбаум прослеживает связь национализма с экономическими кризисами и войнами на примере ряда европейских стран, когда в сложные исторические периоды правительствам государств необходимо обеспечить поддержку населения, а также и его сплоченность на основе общего гражданства[289].

Еще одним аспектом его анализа стала деятельность государства по нациестроительству с раскрытием механизмов конструирования нации. Это

---

[287] На примере Российской империи Андерсон обозначил напряжение между имперской и национальной идентичностями, показав политические последствия политики русификации. Комментируя этот сюжет его книги, В.С. Малахов отмечает: «Окончательный, и, заметим, фатальный для судьбы империи, выбор в пользу русификации был сделан в 1888-е гг. в пору царствования Александра III. Строить нацию – значит разрушать империю. Ибо тем самым уничтожается ее опора – имперская надэтническая лояльность». См.: *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология... С. 110.

[288] *Понарин Э.Д., Мухаметшина Н.С.* Национальные проблемы на пост-советской территории. Учебное пособие. – СПб.: Европейский университет, 2001. С. 14.

[289] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм. Указ. соч. С. 131–133.

деятельность политической элиты и интеллектуалов по созданию и тиражированию символов, призванных объединить население страны: герба, флага, гимна, общей истории и культуры. В рамках нашего подхода важен его вывод о том, что конструирование традиции бывает успешной тогда, когда трансляция послания элит происходит на той же частоте, на которую настроены массы[290].

Он так же обращает внимание на три важных для нашего анализа обстоятельства. Первое из них указывает на то, что следует четко осознавать различие между такими источниками, как официальные идеологии государств и националистических движений и мысли, чувства простых людей, пусть даже и лояльных названным идеологиям. Второе обстоятельство – отрицание эксклюзивизма национальной идентификации, которая не может превосходить по своей значимости все прочие способы самоидентификации человека; ее сочетаемость с другими идентификациями. Третье обстоятельство (мы расцениваем как принципиально важное для предмета нашего исследования) подчеркивает процессуальность национальной идентификации и всего, что с нею связано: она способна претерпевать изменения и сдвиги во времени, причем довольно резкие. Вслед за этим утверждением, Хобсбаум отмечает, что этот аспект национальной проблематики сегодня особенно нуждается в анализе и осмыслении[291].

Результатом распространения национализма, как на идеологическом, так и на массовом уровнях, становится актуализация культурных маркеров, разделяющих этнические группы на «своих» и «чужих». Эта неотъемлемая, сущностная черта национализма требует особого внимания, поскольку служит основанием не только для внутригрупповой солидарности, но и для серьезных, зачастую сложно регулируемых этнических конфликтов,

---

[290] Так, иллюстрируя этот тезис, Э. Понарин приводит его сюжет о создании национальных символов в Германии, когда за 10 лет царствования императора Вильгельма II его отцу Вильгельму I, как объединителю Германии было построено свыше 300 памятников. Но при этом только за один 1898 год было построено свыше 400 памятников канцлеру Бисмарку. См.: *Понарин Э.Д., Мухаметшина Н С.* Указ. соч. С. 15.

[291] *Хобсбаум Э.* Указ. соч. С. 21–22.

угрожающих социальной стабильности. Процесс политизации культурных маркеров исследуется в известном сборнике под редакцией Ф. Барта «Этнические группы и социальные границы». Его конструктивистский подход выражается в том, что ученый не рассматривает этнические группы в традиционном эссенциалистском ключе. Исходные посылки его анализа принципиально важны для нашего исследования. Барт отрицает жесткость и «непроходимость» культурных границ и показывает, как, несмотря на их сохранность, они постоянно нарушаются в повседневности этнических групп. В качестве необходимого условия существования категориальных этнических различий является наличие социальных процессов исключения и включения, посредством которых дифференциальные признаки продолжают сохраняться. Во-вторых, он указывает на устойчивые, долговременные и жизненно важные социальные отношения, которые устанавливаются поверх этих границ и зачастую базируются на дихотомии этнических статусов. Это означает, что существование этнических различий не предполагает взаимонеприятия и отсутствие социального взаимодействия, но напротив, становится фундаментом, на котором возводятся социальные системы[292].

Подход Барта, дополняющий подходы Б. Андерсона и Э. Хобсбаума, также помогает избежать жесткой дихотомии в интерпретации национализма («созидатель – разрушитель государства»), малопродуктивной для понимания этнополитических процессов в их социальной составляющей.

Методологические подходы к исследованию этнополитических процессов. Этнополитология, как отрасль социального познания, позволяет использовать методологию и методы ряда смежных наук. Возможность применения пластичных категорий, используемых в социологии, этнологии и антропологии, позволяет ухватить изменчивость и процессуальность социальных явлений, а также предоставляет возможность ввести в

---

[292] *Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта, пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое изд-во, 2006. С. 10–11.

исследовательскую систему координат агентов-идентификаторов, формирующих и институционализирующих новую социальную реальность.

К инструментам, содержащим в себе потенциал пластичности, следует отнести такие аналитические категории, как: *«дискурс» и «идентификация»*. Агентами формирования дискурсов являются политическая и «символьная» элиты, которые, наряду с государством, общественными движениями и другими социальными институтами (семья, школа), используют в качестве инструмента идеологии и участвуют в формировании индивидуальных и коллективных идентичностей. В связи с этим, в настоящем исследовании названные понятия вошли в число ключевых операциональных категорий.

Понятие «дискурса» было выбрано прежде всего потому, что природа национализма, как политической или этнокультурной доктрины – дискурсивна. Этничность актуализируется в поле политики в дискурсах и идеологиях различных социальных групп. Исследование истоков и условий формирования этнонациональных дискурсов в конкретный исторический период помогает понять логику конструктивистской деятельности элит и ее восприятие массовым сознанием. Говоря о применении теории дискурса к исследованию процесса конструирования этничности в поле политики и ее влияния на общественные процессы, следует определиться с содержанием самого понятия «дискурс».

Разнообразие интерпретаций понятия «дискурс» варьируется в зависимости от научной традиции или дисциплинарного поля. Множество подходов к анализу дискурса исследователи представляют расположенными на оси между двумя полюсами, условно обозначая их как дескриптивный и критический. На дескриптивном полюсе находятся, по большей части, структурные и интралингвистические вопросы; в точке крайней критичности - исключительно вопросы ситуативной социальной обусловленности порядка

порождения текстов и знания[293]. Несмотря на различие методологических и методических подходов, исследователи указывают на влияние языка в поле политики. Для М. Эдельмана язык является не просто инструментом для описания событий, но и частью событий, оказывающей сильное воздействие на формирование их значения, содействуя оформлению политических ролей, которые признают и политические деятели, и общество в целом[294]. К.А. Пахалюк выделяет три измерения дискурса: коммуникативное, семиотическое и когнитивное в исследовании значимости, или не нейтральности языка в производстве политических отношений[295]. М.В. Ильин, посвятивший ряд работ детальному исследованию взаимодействия политики и языка[296], определяя содержание понятия «политический дискурс», отмечает, что он одновременно оказывается и уже, и шире чисто языкового дискурса, поясняя, что и расширение, и сужение политического дискурса относительно дискурса коммуникативно-речевой деятельности создаются его политической природой. В свою очередь, природа политического дискурса в широком смысле - семиотическая, а в узком – политическая». Семиотика политики распадается на семиотику языка политики и на семиотику политической деятельности или политики как таковой, т.е. деятельности, связанной с целедостижением и реализацией властных отношений между людьми. Непосредственно переживаемый и

---

[293] *Фомин И.В.* Образ государства как предмет политического дискурс-анализа. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук: дис…. канд. полит. наук. Москва, 2014. - С. 27-28.

[294] *Edelman M.* Language and social problems // Discussion papers (University of Wisconsin —Madison. Institute for Research on Poverty).—Madison: Institute for Research on Poverty, University of Wisconsin, 1974.—P. 3.

[295] *Пахалюк К.А.* Измерения дискурсивного пространства политических процессов: коммуникативное, семиотическое и когнитивное. Часть II Текст научной статьи по специальности «Языкознание» [Электронный ресурс] URL.: https://cyberleninka.ru/article/n/izmereniya-diskursivnogo-prostranstva-politicheskih-protsessov-kommunikativnoe-semioticheskoe-i-kognitivnoe-chast-ii (дата обращения 25.11.2018)

[296] *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. - М.: РОССПЭН, 1997; *Он же.* Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука: Сб. научных трудов /РАН. ИНИОН. – М., 2002. – С.7-19; *Герасимов В.И., Ильин М.В.* Политический дискурс-анализ // Политическая наука. № 3. М., 2002. С. 68-75. https://elibrary.ru/download/elibrary_1232773_87854287.pdf

наблюдаемый, «натуралистический» дискурс аналитически разделяется М.В. Ильиным: а) на речевой политический дискурс (высказывания, тексты и прочие продукты коммуникативно-речевой деятельности); б) на политический дискурс (семиотические, «значащие» продукты собственно политической деятельности)[297].

Для уточнения авторской интепретации кратко остановимся на содержании понятия «дискурс»[298]. В узком смысле под дискурсом понимают совокупность (письменных и устных) текстов, которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках – организационной деятельности, области социального взаимодействия, экономике, политике, культуре, СМИ. Часто под термином «дискурс» понимают общую идею о том, что знак структурирован в соответствии с условиями, которые обусловливают высказывание людей в различных сферах социальной жизни[299]. Однако такое понимание является несколько упрощенным (особенно, когда приходится анализировать сложный феномен этничности в сфере политики), поскольку не дает возможности ответить на вопросы: Какие социальные условия способствуют формированию дискурса, связанного с этничностью? Как он функционирует? Как он влияет на процессы идентификации, трансформацию общества и политику идентичности?

На сегодняшний день существует несколько междисциплинарных подходов к дискурс-анализу[300]. Нашим исследовательским целям

---

[297] *Ильин М. В.* Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука - 3. Политический дискурс: история и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. [Электронный ресурс]. URL.: https://elibrary.ru/download/elibrary_1232773_87854287.pdf (дата обращения 22.11.2018). С. 10, 14.

[298] Исследование влияния языка на социальную реальность началось в структуралистской лингвистике на базе революционных идей Ф. де Соссюра и получило развитие в работах Н. Фэркло, М. Фуко, Л. Альтюссера, А. Грамши, Т.А. ван Дейк, Р. Барт, Ж. Деррида, Э. Лакло и Ш. Муфф, Л. Филлипс и М. Йоргенсен. В отечественной науке – М. Бахтин, С. Белановский и др.

[299] Например, «медицинский дискурс», «политический дискурс». См.: *Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. С. 17.

[300] Среди них: 1) строго лингвистический, где анализируются смыслы и законы образования и функционирования знаковых систем; 2) с применением психологического знания – дискурсивная психология; 3) критический дискурс-анализ – использование языка

соответствует теория дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф, Л. Дж. Филлипс и М. В. Йоргенсен, согласно которой, содержание и структура дискурсов[301] не просто отражают представления людей о мире, но и создают символическую реальность со своими социальными законами и правилами поведения. По мнению Лакло и Муфф, дискурс материален сам по себе, а экономика, инфраструктуры и институты являются частью дискурса: дискурс сам полностью конституирует наш мир[302]. Для наших исследовательских целей важно, что концепт дискурса Лакло и Муфф охватывает не только язык, но и социальные явления и их динамику, заявляя, что так же как структура языка никогда не может быть полностью фиксированной, так и общество и идентичность – гибкие и изменяемые сущности, которые никогда не могут быть зафиксированы раз и навсегда. Следуя этой логике, авторы заключают, что *идентичности людей (как коллективная, так и индивидуальная) – это результат условных, дискурсивных процессов и, как таковые, являются частью дискурсивной борьбы*[303].

Значимость идеологических (культурных и интеллектуальных) факторов в развитии общества, как системы показал А. Грамши[304]. Используя в качестве ключевой категории понятие гегемонии[305], он сумел показать, что основные процессы происходят в надстройке и являются частью политики.

Лакло и Муфф наиболее важными считают именно *политические процессы.* Введенная ими аналитическая категория «*политические артикуляции»* – обозначает, способ мышления и действия, как их следствие,

---

анализируется эмпирически в социальном контексте. См.: *Филлипс Л., Йоргенсен М.В*. Указ. соч. С. 48.

[301] «Дискурс – это форма социального поведения, которая служит для репрезентации социального мира (включая знания, людей и социальные отношения)». См.: *Laclau E.* and *Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. – London: Verso, 1985; *Филлипс Л., Йоргенсен М.В*. Указ. соч. С. 45–57; 71.

[302] Там же, с. 45–57, 71.

[303] Там же, с. 54–63, 79.

[304] *Грамши А.* Тюремные тетради. Часть первая. – М.: Изд-во политической литературы, 1991.

[305] А. Грамши понимал «гегемонию» как организацию согласия – процесса, посредством которого подчиненные формы сознания конструируются без насилия и принуждения.

что и формирует, в конечном результате, общество. Для нашего исследования важно понимание Лакло и Муфф политики в качестве широкого понятия, которое относится *к способу, с помощью которого мы постоянно конституируем социальное*. В разработке методологии данного исследования продуктивно использование введенного ими понятия *«объективных, или социальных дискурсов»,* которое обозначает дискурсы, которые утвердились настолько прочно, что об их условности забыли. Граница между объективностью и политикой, или между тем, что кажется естественным и что пересматривается – историческая и изменчивая. *Объективность* – исторический результат политических процессов и борьбы, что обозначено в теории как *«осадочный дискурс»*[306]. Осадочные дискурсы могут в любое время вступить в политическую игру и пересматриваться в новых артикуляциях. В нашем случае в роли *осадочных дискурсов* выступают *доминирующие на определенном историческом этапе идеологические дискурсы либо региональной, либо федеральной элит, которые фиксируют победу политического тренда и определяют вектор дальнейшего развития федерации и ее субъектов до следующей кризисной ситуации, порождающей новые идеологические дискурсы, которые вновь вступают в борьбу за утверждение своего политического порядка*.

Для нашего анализа ценность категории «осадочных дискурсов» в том, что ее использование помогает избежать жесткости конструктивистского подхода (когда социальные процессы анализируются исключительно с позиции социальной инженерии). Тем самым представляется возможность допущения условного эссенциализма – некой рамки координат, внутри которой можно анализировать этнополитические и этнокультурные процессы, с точки зрения понимания и действия социальных акторов, применяя теорему Томаса и культурный/исторический примордиализм Э. Смита. Понятие «осадочного дискурса» коррелирует также с теорией П.

---

[306] По Лакло и Муфф – объективность – это осадочная власть, где следы самой власти уже стерлись, где забыли, что мир сконструирован политически. См.: *Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Указ. соч. С. 75.

Бергера и Т. Лукмана, показавших процесс рутинизации и формирования габитуса в ходе конструирования социальной реальности[307].

Таким образом, теория дискурса Лакло и Муфф позволяет найти новый вектор для анализа заявленной исследовательской темы. А именно, показать, как утвердившийся в эпоху Модерна дискурс национального самоопределения получил развитие на уровне одного из российских регионов в период социальной трансформации в конце XX века. Попытаться ответить на вопрос: почему, казалось бы, изжитая за советский период идеология национализма овладела умами региональной элиты и получила широкий резонанс у представителей этнической группы, дающей название республике? Концепция Лакло и Муфф также помогает проанализировать борьбу дискурсов политических элит Татарстана и федерального центра и охарактеризовать исход этой борьбы.

Для анализа этнополитических процессов и политики идентичности мы вводим операциональную категорию – ***«дискурс национального самоопределения» (ДНС),*** под которым мы понимаем *совокупность фиксированных значений, институционализирующих этничность, как в политической, так и в этнокультурной сферах жизни общества. К фиксированным значениям при этом мы относим такие понятия, как: этнос, этническая группа, этнокультурная общность, нация, национальность, этническая культура и язык, право нации на культурное воспроизводство, национальная идеология, национальное самоопределение, национальное большинство, национальное меньшинство и др.* Применение данной категории (ДНС), на наш взгляд, имеет ряд преимуществ перед обычно используемыми для анализа этнополитических процессов понятиями: «национальная идеология», «национализм», поскольку, во-первых, включает в себя всю совокупность понятий и практик, связанных с проявлением этничности в поле политики и общественной жизни; во-вторых, включает субъектно-объектные отношения, то есть его конструкторов и адресатов. В-

[307] *Бергер П., Лукман Т.* Указ. соч.

третьих, имея процессуальную основу, ДНС позволяет адекватно анализировать политику идентичности и идентификационные процессы на макро-, мезо- и микро-уровнях в зависимости от исторического контекста. Дискурс национального самоопределения уместно соотнести со своего рода конвенцией ученых – политологов, этносоциологов и этнологов в определении феномена национализма. Его центральные положения сводятся к следующему:

1. Существует такая общность, как нация, имеющая свои особые качества;

2. Интересы и ценности этой нации обладают приоритетом перед другими интересами и ценностями;

3. Нация должна быть как можно более независимой. Это требует, по крайней мере, достижения некоторого политического суверенитета[308].

Предложенное О. Бауэром и его единомышленниками[309] решение национального вопроса в том или ином виде явилось как политической, так и идейной моделью организации культуры в рамках государств эпохи Модерна и, прежде всего, в многонациональных империях. Эта концепция нации с небольшими вариациями и сопровождающий ее дискурс национального самоопределения стали главными инструментами политической инженерии в геополитических и внутригосударственных процессах[310].

В заключение отметим, что политизация этничности, получившая развитие со второй половины 1980-х гг. на всем постсоветском пространстве

---

[308] *Breuilly J.* Nationalism and the State. – Manchester, 1982. – С. 3; *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Мысль, 1996. С. 18.

[309] Так, в «Программе демократической национальной автономии», разработанной Й. Зелигером, основное внимание было уделено обоснованию права наций на самоопределение, но само содержание этого права не было четко расшифровано.

[310] Ключевую роль в этом сыграл президент США Вудро Вильсон, который в условиях Первой мировой войны и послевоенного урегулирования стал одним из основных инициаторов привнесения данной концепции в программу реорганизации миропорядка, а также В.И. Ленин, сформулировавший и реализовавший при участии И.В. Сталина концепцию национальной политики в советской России. См.: *Романов В.В.* Вудро Вильсон о национальном самоопределении // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. – 2008. – Т. 1, № 4. С. 30–38.

стимулировала исследовательский интерес, как к самому феномену этничности, так и к национализму, в его разных проявлениях. В западной и отечественной науке изучение этничности ведется в рамках трех подходов: примордиализм (почвенно-биологическое основание или реифицированная группой культурная традиция); конструктивизм (результат социального конструирования и отождествления себя с этнической группой); иинструментализм (инструментальное использование этничности для достижения конкретных целей и задач). В настоящей работе в качестве основного используется конструктивистский подход, его дополняют инструменталистский и концепция культурного примордиализма Э.Смита, объясняющая механизмы реификации конструируемой элитами этничности и ее институтов на массовом уровне.

Касательно феномена национализма, следует отметить, что в мировой и отечественной науке исследователи национализма не пришли к исчерпывающей конвенции относительно определения его сущности. Будучи сложным явлением, зависящим от исторического, регионального, политического, социально-экономического, этнокультурного контекстов, национализм исследовался в рамках примордиализма и историцизма; функционализма и структурно-функционального анализа; марксизма и неомарксизма; социального конструктивизма и инструментализма. В рамках диссертационного исследования использовалось несколько направлений из выше перчисленных: функционализм и структурно-функциональный анализ (К. Дойч, Э. Геллнер); социальный конструктивизм и инструментализм (Б. Андерсон, Р. Брубейер, Э. Хобсбаум, К. Янг; Л.М. Дробижева, В.А. Тишков); культурный примордиализм (Э. Смит).

Центральной категорией, характеризующей те, или иные формы национализма является нация, как специфический объект лояльности либо к государству (гражданская нация), либо к этнической общности (приоритетной является принадлежность этнической группе). Институционализация этничности в ходе советской национальной политики

предопределила формирование дискурса этно-национализмов на постсоветском пространстве с пониманием нации как формы этнической общности, с членством, основанным на объективных характеристиках (общее историческое прошлое, территория, культура, язык) и, проистекающим из этого коллективного членства, праве обладания государственностью, включая его институты, ресурсы и культурную систему.

Дискурсивная природа национализма стимулировала автора к применению теории дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф, Л. Дж. Филлипс и М. В. Йоргенсен, согласно которой, содержание и структура дискурсов не просто отражают представления людей о мире, но и создают символическую реальность со своими социальными законами и правилами поведения. Агентами формирования дискурсов являются политическая и «символьная» элиты, которые, наряду с государством, общественными движениями и другими социальными институтами (семья, школа), используют в качестве инструмента идеологии и участвуют в формировании индивидуальных и коллективных идентичностей.

1.3. Роль элит в этнополитических процессах

Рассмотрение роли основного актора этнополитических процессов – политической элиты следует предварить уточнением понятия и подходов к ее изучению. В политологической науке сложилось три основных подхода к теоретическому рассмотрению политической элиты:

- позиционный (устанавливает степень политического влияния того или иного лица, соответственно его позиции в системе власти);

- репутационный (определение рейтинга политика на основе экспертных оценок);

- определение круга лиц, принимающих стратегические решения[311].

Соответственно, спектр определений включает различающиеся дефиниции этой социальной группы, когда ее определяющими характеристиками назывались: богатство, избранность, аристократическое происхождение, моральные и интеллектуалльные качества, обладание властными ресурсами, позиции, позволяющие оказывать прямое или косвенное влияние на принятие важнейших решений.

В российском обществоведении разнообразие интерпретаций сущностных характеристик элиты[312] чаще сводится к одному общему знаменателю: функциональному подходу, согласно которому «элиты — это не просто те, кто обладает богатством, аристократическим происхождением или потенциалом власти, но те, кто является действующими субъектами, оказывающими прямое или косвенное влияние на принятие важнейших решений. Такое определение, где подчеркиваются деятельностные и

---

[311] *Putnam R.* The Comparative Study of political Elites. N.Y. 1976. P.15.

[312] *Гельман В.* Шахматные партии российской элиты // Pro et Contra. 1996. № 1; Говорит элита республик Российской Федерации: 110 интервью Леокадии Дробижевой. 1996. Указ.соч.; *Крыштановская О.* Элита в зеркале социологии // Психология элиты. 2009. № 1.; *Левада Ю.* Еще раз о проблеме социальной элиты // От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000; *Магомедов А.* Модернизационные вызовы и политические ответы правящей элиты Краснодарского края // Конституционное право. Восточноевропейское обозрение.1998.№1.

субъектные характеристики элит, представляется наиболее востребованным в современной науке»[313]. Преимущество обозначенного понимания сущности элиты – в соединении институциональных и поведенческих (субъектных) направлений в контексте эмпирических исследований.

Собственно и для настоящего исследования введение в фокус анализа элиты в качестве актора направлено не на выявление степени влиятельности, или рейтинга представителей властной элиты Татарстана, а на ее политическую стратегию по формированию и реализации политики идентичности региона. В связи с этим уместно использовать *дефиницию политической элиты* О.В. Гаман-Голутвиной, которая определяет ее как *«внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом»* [314]. В контексте проводимого исследования следует выделить ее сущностную функцию, связанную с выработкой и принятием стратегических решений и обеспечением их трансляции на уровень массового сознания и поведения.

Наряду с этим, важны и характеризующие данную группу аспекты, выделяемые О.В. Гаман-Голутвиной: а) сходство ценностных установок, стереотипов и норм поведения; б) зависимость уровня внутренней сплоченности от степени ее социальной и национальной однородности, доминирующих моделей элитного рекрутирования, преобладающего стиля политического лидерства и т.д.[315] Если первый из них включает универсальные черты элиты, как социальной группы, то второй обращает внимание на влиятельность, среди прочих, этнической составляющей, которая в политической науке разрабатывается в концепте «этнократии». В связи с этим для нас важно было определить аналитический потенциал

---

[313] *Чирикова А.Е.* Региональные элиты России: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Е. Чирикова. — М.: Аспект Пресс, 2010. — С. 6.

[314] *Гаман-Голутвина О. В*. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 99.

[315] Там же, с. 98.

данного понятия применительно к политической элите Татарстана исходя из имеющихся наработок отечественных и зарубежных обществоведов.

Подходы к определению этнократии дискутируются в отечественном и зарубежном научном дискурсе[316]. Преимущественно, сущность и характерные черты «этнократии» рассматриваются с позиции нарушения принципов демократии: в политическом представительстве этнических групп, в дискриминации этнических меньшинств со стороны правящих этнократических элит, отсутствии паритета в правах и ущемлении интересов меньшинств. Так, автор специально посвященной данному явлению монографии, Ж.Т. Тощенко выделяет несколько трактовок понятия: 1) власть, господство элиты какого-либо этноса (нации) над другими народами; 2) моноэтническая политическая власть, цель которой — создание этнически «чистых» территорий как «наилучшего» способа движения народов к «демократии»; 3) доминирование коллективных интересов и прав этноса над интересами и правами личности; и формулирует свое определение, согласно которому, «этнократия — форма политической власти, при которой управление экономическими, политическими, социальными и духовными процессами осуществляется с позиций примата национальных интересов доминирующей этнической группы в ущерб интересам других этносов» [317].

---

[316] *Тощенко Ж.Т.* Этнократия: История и современность. Социологические очерки.— М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. - 432 с.; *Фарукшин М.Х.* Этнократия: зарубежный дискурс // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 44-50; *Сампиев И.М.* Этнический диспаритет как фактор конфликтности // Философия права. 2009. No 1. С. 61–67; *Сарматин Е.С.* Этнократический режим: формирование и функционирование на постсоветском пространстве // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. No 3. С. 95–100; *Peleg I.* Transforming Ethnic Orders to Pluralist Regimes: Theoretical, Comparative and Historical Analysis // Democracy and Ethnic Conflict: Advancing Peace in Deeply Divided Societies / Ed. by A. Guelke. N.Y.: PALGRAVE, 2004. P. 7–26; *Howard L.M.* The Ethnocracy Trap // Journal of Democracy. 2012. Vol. 23. No 4. P. 155–169 и др.

[317] *Тощенко Ж.Т.* Этнократия: История и современность. Социологические очерки [Электронный ресурс]. URL.: http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=619 (дата обращения 20.03.2019).

Критический анализ различных трактовок понятия «этнократия» осуществил М.Х. Фарукшин[318]. Автор справедливо акцентирует неправомерность отождествления или подмены понятия другими явлениями, такими как: этническая политическая или национальная элита, этнический центризм, этническая иерархия, этнический диспаритет, политическое представительство этнических групп, и приводит в пример ситуации, когда представителей титульных наций, пришедших к власти в бывших союзных республиках, именуют этнократами, тем самым искажая смысл понятия и затрудняя дифференциацию типов этнических трансформаций в новых государствах[319]. Следует согласиться с автором и в том, что логика отнесения к этнократии преимущественного представительства самой многочисленной нации в органах государственной власти приводит к тому, что «этнократическими пришлось бы признать не только часть новых государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, но и саму Россию, что не соответствует действительности, поскольку ни в ней, ни в национальных республиках, входящих в ее состав, простые представители титульной национальности, далекие от властных «кормушек», никаких особых преимуществ по сравнению с другими этническими группами не имеют»[320]. В поиске дефиниции оказался полезным разбор характерных черт и особенностей современных этнократических режимов на примере Израиля, Латвии и Эстонии, в результате чего Фарукшиным было предложено определение, отражающее суть явления – «господство титульной этнической нации и подчиненное, униженное положение противостоящего этнического меньшинства (меньшинств)»[321].

На наш взгляд, данное определение этнократии представляется наиболее точным, поскольку определенно указывает на социальные последствия ее политики по отношению к иноэтническим группам. Ни

---

[318] *Фарукшин М.Х.* Этнократия: зарубежный дискурс // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 44-50.

[319] Там же, с. 45.

[320] Там же, с.45.

[321] Там же, с. 44.

доминирующее представительство, ни этнонациональная идеология не могут служить индикаторами этнократического режима, если нет проявлений дискриминации по отношению к этническим меньшинствам. Поскольку в исследуемом случае политическая элита Татарстана законодательно закрепила и проводит политику паритетности этнических групп и их интересов; в республике отсутствуют дискриминационные практики (что раскрывается в дальнейшем изложении результатов исследования) - возможность использования данного понятия представляется аналитически не продуктивным. При этом следует отметить и уязвимость такого признака, как непропорционально высокое число представителей одной нации в органах власти. Анализируя этот аспект, А.М. Хазанов, говоря о полиэтничности государств-наций в современном мире, отмечает, что «тот факт, что этническое большинство в них всегда имеет больший вес или что их политические классы в основном моноэтничны, сам по себе этнократиями их не делает. Иначе Францию, Германию или Голландию тоже надо называть этнократиями»[322].

Преобладание представителей этнических групп, дающих название республикам, во властных структурах также анализируется в контексте квазифеодализации модели элитообразования, с позиций клановости и клиент-ориентированных отношений[323]. Воспроизводство отношений клиентелизма О.В. Гаман-Голутвина рассматривает в качестве основания для диагностирования архаизации процессов элитообразования традиционных обществ (кровное родство, племенные характеристики,

---

[322] *Хазанов А.М.* О русских в центральной Азии и не только о них // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 47.

[323] *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. – 2-е изд., доп. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000 – 318 с.

откровенный клиентелизм) [324], что политологами прежде всего связывается с трендом элитообразования в республиках Центральной Азии и Кавказа[325].

Однако анализ названых процессов в России на протяжении четверти века также свидетельствует о доминировании в системе социальных отношений патрон-клиентных отношений, которые, по исследованиям О.В. Гаман-Голутвиной отличаются от его классических версий в обществах традиционного типа - государствах Центральной Азии. В последних базовым основанием консолидации элитных кланов выступают кровнородственные и земляческие основания, а в России 1990–2000-х годов - экономические интересы, в которых автор усматривает более архаичный компонент, а именно — родственный[326]. Исследовательница указывает на родственные связи в формировании бизнес-элит: «анализ поколенческого обновления бизнес-структур показывает приход на руководящие позиции младшего поколения создателей бизнесов. Однако бизнес-элитами эта тенденция не ограничивается и охватывает сферу публичной власти. Два поколения семей Жириновских, Воробьевых, Пономаревых, Гудковых, родственные связи значительного числа других действующих членов Государственной Думы и Совета Федерации, семейные тандемы в составе правительства в 2007– 2012 гг. — лишь «надводная часть» родственно-семейных айсбергов, отчетливо сигнализирующая о том, что современный российский клиентелизм обретает семейно-родственные очертания»[327].

Анализ рекрутирования элит в Татарстане мало чем отличается от общероссийского тренда, описанного О.В. Гаман-Голутвиной. В связи с этим, проявления клиентелизма в РТ, если и имеют региональную специфику, то по большей части в том, что публичная репрезентация этнического признака в связи с преобладанием татар в представительных

---

[324] *Гаман-Галутвина О.В.* Метафизические измерения трансформации российских элит // Политическая концептология. 2012. №3. С. 50-51.

[325] *Афанасьев М.Н.* Указ. соч.

[326] *Гаман-Галутвина О.В* Метафизические измерения. 2012. Указ.соч. С. 51-53.

[327] Там же, с.53.

органах политической власти связывает региональный клиентелизм с этничностью. Поскольку в настоящей работе исследуется деятельностный аспект политической элиты по формированию политики идентичности региона, а не специфика генеалогии и ротации кадров в элитном слое РТ, клиентелизм, как политическое явление, в нашем случае не используется в качестве операциональной категории.

Постсоветский период развития России и ее регионов в 1990-е гг. во многом определялся политикой региональных элит в их взаимодействии / противостоянии с политической элитой федерального центра. Алгоритм их взаимодействия делится на два этапа: центробежный (начало и конец 1990-х гг.) и центростремительный (с 2000 г. – по настоящее время). Первый этап исследователи характеризовали как перемещение центра реальной власти на региональный уровень[328]. По приводимым А.К. Магомедовым данным, «к осени 1993 г. российские провинции сосредоточили в своих руках 60% полномочий федеральной власти. Остальные 40% делили между собой враждующие высшая законодательная и исполнительная ветви власти», из чего следовал вывод о том, что местные правящие элиты переместились в центр общероссийской политики[329]. С приходом на пост президента В.В. Путина в 2000 г., начинается второй этап – центростремительный, когда перекосы политики региональных властей корректируются в соответствии с единым российским законодательством в контексте общего политического пространства и общих целей общероссийской интеграции.

Постсоветская история дрейфа политических стратегий региональных и федеральной элит, особенно в национальных республиках РФ чрезвычайно важна для понимания того, как характеристики различных групп элит, в сочетании с политическими, экономическими и социальными ресурсами их регионов, влияют на формирование внутренней, региональной политики идентичности в контексте политических процессов на уровне всей страны.

---

[328] *Павленко С.В.* Центр – регионы: кто кого? // Международная жизнь. 1993. №4. С. 90.

[329] *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Указ. соч. С. 4-7.

Этот аспект актуален для каждого из названных выше периодов взаимодействия центральной и региональных элит России. Так, для первого периода развивающегося регионализма исследователи определяли среди важнейших вопросов следующие: Каковы ресурсы и границы сепаратизма и регионализма в российских провинциях? Вселяют ли перспективы дальнейшего развития регионов надежду на стабильное функционирование российского государства, или Россия может превратиться в поле боя для конфликтующих этнических и региональных групп, борющихся за свое собственное доминирование?[330]

Для второго периода и современного развития российского государства важно осмыслить внутреннюю мотивацию и внешние причины поведения региональных (республиканских) элит в контексте динамики политических, экономических, социальных и этнокультурных процессов развития постсоветской России за последнюю четверть века. Когда речь идет о национальных республиках, особого внимания требует рассмотрение того, как и почему элиты используют этнический фактор в политике идентичности, поскольку его действие амбивалентно. С одной стороны, соблюдение баланса между интересами этнического большинства (русских) и интересами народов России, включающих вопросы их этнокультурного развития, – становится основой формирования общегражданской российской идентичности, здоровых межэтнических отношений и эффективного социального взаимодействия. С другой стороны, он несет в себе латентный потенциал социальной дестабилизации, поскольку может стать основанием для сепаратистских движений.

Дестабилизирующую ипостась этничности в условиях полиэтничного государства отмечают российские политологи, отмечая, что этническая идентичность может усиливаться за счет поддержки ее со стороны региональной политической элиты, опирающейся на собственную национальную государственность, а этническая идентичность способна

[330] Там же, с. 10.

превратиться в сильный мобилизационный ресурс, который используется элитой для достижения собственных корыстных целей. В этом случае она идет на сознательное противопоставление возглавляемой ею этнической группы другим этническим группам, провоцируя тем самым возникновение конфликтных и даже враждебных межэтнических отношений[331]. В то же время отмечается, что локальные элиты и вырабатываемые ими идеологии выступают как силы развития, актуализирующие разнонаправленность векторов российского политического устройства[332].

Пример Татарстана в обозначенном выше аспекте представляет несомненный интерес для изучения факторов влияния на поведение элит в национальных республиках, поскольку наряду с региональной спецификой здесь проявляются и универсальные, характерные для других российских национальных республик черты. В первую очередь, анализ деятельности политической элиты невозможен без детального рассмотрения ее генеалогии и социально-профессиональных характеристик. Практически для всех российских регионов характерным стало то, что их элиты были представлены партийной номенклатурой или близкими к ней группами. Комплементарные власти группы были представлены интеллектуалами, которые чаще всего занимали должности советников, экспертов, избирались в законодательные органы (Государственную Думу или региональные парламенты), входили в многочисленные политические партии. Во-вторых, стратегия и деятельность элит определялась составом интеллектуалов и творческой интеллигенции, привлеченных к формированию новой региональной идентичности. В третьих, каждый из регионов имел разные экономические и социальные ресурсы, позволявшие притязать на тот или иной объем полномочий в подведомственном элите регионе.

Российские региональные элиты попали в центр исследовательского интереса с начала 1990-х гг. Это объясняется сменой политического

---

[331] *Фарукшин М.Х.* Этнополитология. Указ. соч. С. 239.
[332] *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Указ. соч. С. 10.

контекста реформировавшейся России: в условиях тотальной централизации власти советского государства политическая инициатива региональных элит была сильно ограничена и в силу закрытости не могла стать объектом научного исследования. Социальная трансформация и нестабильность центральной власти стали тем контекстом, в котором региональные элиты должны были сами решать социальные проблемы подвластных им регионов и в то же время получили неограниченные возможности для реализации внутригрупповых политических и экономических интересов.

Работы ученых конца 1980-х и начала 1990-х гг. создавались в условиях провозглашенной «гласности» и носили преимущественно публицистический характер[333]. Позже появляется множество работ, авторы которых анализируют процесс формирования новых российских региональных элит: преемственность советской номенклатуры и новой политической элиты России[334]; политические стратегии региональных элит по формированию новых идентичностей своих регионов[335]. Значимый вклад

---

[333] *Миннибаев Т.Х.* Политическая карьера провинциалов. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1991. 128 с.; *Березовский В., Червяков В.* Современная политическая элита России // Свободная мысль. 1993. № 1–2; *Мохов В.* Политическая элита в СССР // Перспективы. 1991. №8; и др.

[334] *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. №1; *Афанасьев М.Н.* Изменения в функционировании правящих региональных элит // Полис. 1994. №6; *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане.; *Дискин И.* Россия: трансформация и элиты. – М.: ЭЛТРА, 1995.

[335] *Дробижева Л.М.* Проблема асимметричной федерации в глазах элиты и масс // Федерализм в России / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2001. С. 304–339; *Она же.* Говорит элита Республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой. – М.: ИЭА РАН, 1996. 301 с.; *Гельман В., Попова Е.* Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европ. Ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003; *Бадовский Д., Шутов А.* Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. 1996. №6; *Дука А.* Трансформация местных элит (институционализация общественных движений от протеста к участию) // Мир России. – 1995. Т.4, №2. С. 106–117; *Он же.* Конфликты и компромиссы в структурах региональной политической элиты: типология противоборства // Северная Пальмира. 1997. №9; *Петров Н.В.* Формирование новой идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. – СПб.; М.: Изд-во Европ. Ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003; *Галлямов Р.Р.* Политическая элита Башкортостана; *Он же.* Политическая элита. Этничность. Гражданственность; *Он же.* Постперестроечная эволюция политических элит

в изучение роли региональных элит в политических процессах внесли зарубежные исследователи, такие, как К. Матцузато, К. Стонер-Уайс, Д. Лэйн, Дж. Мозес, М. Маколи, и др.[336]

Для нашей темы полезную исследовательскую перспективу дают работы ученых, в фокусе которых оказались элиты национальных республик. Среди них следует выделить исследования Д.М. Исхакова, Л.М. Дробижевой, Р.Р. Галлямова, Г.Я. Гузельбаевой, А.К. Магомедова, Н.С. Мухаметшиной, Н.М. Мухарямова, М.Х. Фарукшина, на которых мы остановимся подробнее. Говоря о работах этих авторов, в первую очередь следует отметить выделение ими региональных элит в качестве влиятельного субъекта политических процессов постсоветской России. Так, Р.Р. Галлямов отмечает молодость данного понятия в отечественном обществоведении. Отталкиваясь от характеристики региональной элиты, данной В. Моховым, рассматривавшим ее функциональные характеристики, ресурсы и психологические свойства (объем прав и полномочий в выработке решений; контроль за исполнением решений и оценка результатов деятельности; собственный аппарат политических работников; комплекс ценностей и установок), Галлямов акцентирует внимание на динамических, процессуальных характеристиках предметно-структурного содержания политической элиты[337]. В настоящем исследовании мы пользуемся подходом А.К. Магомедова, Н.М. Мухарямова,

---

российских республик; *Он же*. Этнополитические элиты национальных республик России о межнациональных отношениях и перспективах национально-государственного устройства страны (на примере Республики Башкортостан) // На путях политической трансформации (политические партии и политические элиты постсоветского периода). Часть II. – М.: МОНФ, 1997.

[336] *Stoner-Weiss K.* Local Heroes. The Political Economy of Russian Regional Governance. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997; *Матцузато К., Шатилов А.* (ред.) Регионы России: хроника и руководители. – Sapporo: Hokkaido University, Slavic Research Center, Occasional Papers in Slavic-Eurasian World, 1997; *Лэйн Д.* Перемены в России: роль политической элиты // Социс. 1996. №4; *Moses J.C.* Saratov and Volgograd, 1990–1992. A Tale of Two Russian Provinces // Local Power and Post-Soviet Politics / Ed. by T. Friedgut and J. Hahn. – N.Y., 1994. P. 96–137; *McAuley M.* Politics, Economics and Elite Realignment in Russia: A Regional Perspective // Soviet Economy. – 1992. – №1; *Treisman D.* Russian's "Ethnic Revival": The Separatist Activism of Regional Leaders in a Postcommunist Order // World Politics. 1997. Vol.49, №2.

[337] *Галлямов Р.Р.* Политическая элита Башкортостана. Указ.соч.

М.Х. Фарукшина, которые определяя объект своего изучения, в качестве основного критерия этой группы назвали степень непосредственного участия её членов в формировании повестки дня и в принятии политико-управленческих решений[338].

Для нас также представляет ценность анализ, проведенный М.Х. Фарукшиным, который обозначил основной спектр отличий постсоветских региональных элит от партийной номенклатуры. Использование автором парадигмы политической борьбы между автономизирующимися региональными элитами и различными группами элит федерального центра сфокусировало его взгляд на сильных и слабых сторонах первых. Выделенный им аспект стал важным для нашего анализа, поскольку обозначил специфику постсоветского контекста политических процессов. Так, к группе факторов, усиливших позиции региональных элит он относит действие рыночной экономики, формировавшей тенденции к децентрализации власти; укрепление их материальной базы благодаря увеличению масштабов государственной собственности, которая поступила в их непосредственное управление; перманентные конфликты в высших эшелонах российской власти[339]. С другой стороны, автор обозначил и те факторы, что ограничивали возможности региональных элит: объективную тенденцию к централизации; наличие у центра достаточно больших материально-финансовых ресурсов, права на издание законов и других общеобязательных нормативных актов в важнейших сферах жизни общества, контроля над силовыми структурами; социальный ресурс – русскоязычное

---

[338] *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Указ. соч. С. 16; *Мухарямов Н.М.* Модель Татарстана. Указ. соч. // *Он же.* Республика Татарстан // Регионы России: хроника и руководители / под ред. К. Мацузато. – Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. – Т. 7. (Республика Татарстан, Удмуртская республика, Республика Мордовия). С. 15–150; *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане. Указ. соч.

[339] См.: *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане: вызовы времени. [Электронный ресурс]. URL: http://www.politnauka.org /library/elit/farukshin.php (дата обращения 22.11.2016); *Он же.* Политическая элита в Татарстане. Указ. соч.

население национальных республик; особенности политической культуры российского населения[340].

Важным аспектом работ М.Х. Фарукшина, Р.Р. Галлямова и Г.Я. Гузельбаевой явилось исследование происхождения властных элит Татарстана и Башкортостана, что расширило спектр их характеристик и объяснило логику их деятельности. В частности, Фарукшиным и Гузельбаевой отмечались такие характеристики татарстанской элиты, как ее номенклатурное прошлое и сельское происхождение[341]. Галлямов, на прмере Башкортостана, показал, что в 1990-е гг. существенное влияние оказал процесс этнизации элит, который обусловил принципиальные отличия способов идеологического обоснования и механизма легитимации проводимых социально-экономических и политических преобразований от легитимации и политики элит в других российских регионах – областях[342]. Сходные аспекты анализируются применительно к татарстанской политической элите Г.Я. Гузельбаевой[343], Н.М. Мухарямовым[344], М.Х. Фарукшиным. При этом в работе последнего автора больше внимания уделяется социальной базе, интересам русских и татар в условиях общественной трансформации и в политике местной элиты по их реализации, а также анализу процесса подписания Договора о разграничении полномочий между РТ и РФ. В нашем исследовании мы не будем столь подробно

---

[340] Говоря об этом, автор отмечал: «Серьёзным фактором, сковывающим свободу местных элит и играющим на руку элите общенациональной, является доминирующая среди широких слоёв российского общества авторитарно-патриархальная политическая культура. Ей свойственны, как известно, нормы жёсткой централизации; правовой нигилизм; склонность к силовым методам разрешения спорных вопросов; интолерантность к инакомыслию и альтернативным идеям; предпочтение монизма, единообразия, унификации перед плюрализмом и диверсификацией». См. *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане...

[341] *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане. Указ. соч.

[342] *Галлямов Р.Р.* Политическая элита Башкортостана. Указ. соч.

[343] *Гузельбаева Г.Я.* Советские и постсоветские принципы формирования политической элиты современного Татарстана. [Электронный ресурс] // URL: http://www.idmedina.ru /books/materials/faizhanov/3/world_guzelbaeva.htm (дата обращения 12.10.2016.)

[344] *Мухарямов Н.М.* Республика Татарстан // Регионы России: хроника и руководители. С. 15–150.

останавливаться на генеалогии и объеме полномочий татарстанской политической элиты, поскольку эти темы детально исследовалось в работах Н.М. Мухарямова и М.Х. Фарукшина.

Аспект происхождения политической элиты Татарстана и ее номенклатурного прошлого раскрывается в нашем исследовании с точки зрения: а) влияния бюрократического габитуса, воспринятого ее представителями в процессе профессиональной социализации и принятых в данной среде практик в советский период; б) формирования политики идентичности региона и проводимой ею этнокультурной политики. Важным аспектом нашего анализа является действие спектра факторов связанных с тем, каким образом этнический фактор проявлял себя или использовался: а) в мотивации поведения татарстанской элиты; б) в выборе стратегий формирования и реализации новой постсоветской политики идентичности; в) в коммуникациях с представителями федеральной политической элиты.

Отдельно хотелось бы остановиться на исследовании А.К. Магомедовым властных элит областей и республик Поволжья, в том числе, Татарстана[345]. Примененный им политологический метод сравнительного анализа позволил выявить существенные различия между стратегиями политических элит российских областей и национальных республик в самый активный период регионализации 1990-х годов. Ценность представляет исследовательский фокус Магомедова на том, как политические убеждения, элементы мировоззрения и основополагающие политические стимулы локальных правящих меньшинств помогают понять проблему «элита и развитие». Ученый, избрав для сравнения властные элиты двух поволжских областей (Нижегородской и Саратовской) и национальных республик (Татарстана и Калмыкии) исследовал политические убеждения, идеологии, значимые интересы и движущие мотивы локальных элит и их влияние на развитие подведомственных им регионов.

---

[345] *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Указ. соч.

Анализируя идеологии региональных элит, автор дистанцируется от оценочного подхода и убедительно арументирует свой отказ тем, что откровенно предвзятая направленность оценочной концепции идеологии аналитически беспомощна в исследовании социальных корней и последствий идеологии. Также он отказывается от концепта, интерпретирующего содержание идеологии, как бесконечную борьбу за власть, заявляя, что такой подход отрицает более широкие социальные функции идеологии: определение социальных интересов, стабилизацию социальных ожиданий, поддержание социальных норм, ослабление социального напряжения[346].

Его позиция особенно продуктивна для нашего исследования, поскольку интерпретация действий татарстанской властной элиты, как исключительно борьбы за власть и максимизацию своей выгоды, оставляет за рамками анализа сложный социальный контекст региона, коммуникацию «элита – население региона», не позволяет понять мотивацию действий элиты, логику принимаемых ею решений, и в целом, сущность динамики движения состояния региона от лидера суверенизации – к одному из лояльных центру, успешных регионов-доноров Российской Федерации. В данном контексте важна проводимая Магомедовым мысль о двойной ипостаси идеологий: с одной стороны, они предстают как жесткие системы, которые механистически направляют индивидуальное мышление и поведение. С другой – являются гибкими сетями идей, открытые интерпретациям и инновациям индивидуальных и групповых действующих лиц. Говоря о двойственной природе идеологии как причинного фактора и человеческого творения, ученый отмечает, что идеологии могут одновременно и творить, и выражать настроения и предпочтения[347].

Нашей исследовательской позиции также близка используемая Магомедовым теория напряжения, которая исходит из факта периодически повторяющейся дезинтеграции общества, что, собственно, апеллирует к

---

[346] Там же, с. 40–41.
[347] Там же, с. 45.

традиции социологии, рассматривающей конфликт как закономерное явление, являющееся неизбежной частью общественной жизни. Исследователь акцентирует внимание на том, что социально-психологическое напряжение является системным, таким же, как и общество, и личность. Исходя из этого тезиса, автор рассматривает идеологическое мышление, как своего рода ответ на социальную деструкцию, а идеологию как шаблонизированную реакцию на шаблонизированное напряжение социальной роли. Она обеспечивает символический выход для эмоциональных беспокойств, порожденных социальным неравенством и дезинтеграцией в обществе. Место этничности в данном континууме видится автором в том, что, идеологические реакции на беспокойства будут стремиться к однообразию, укрепляемому (создаваемому усилиями элит) общностями среди членов того или иного сообщества региона, этноса, культуры и.т.д. В качестве примера, Магомедов поясняет: «Татария на стала бы Татарстаном, Калмыкия – Хальм Тангчем, а Чечня – Ичкерией без производства популярных символов (на уровне этнокультурной и региональной общности), с помощью которых бросался вызов эмоциям всеобъемлющего социального кризиса в обществе[348].

Последний тезис особенно важен для нашего исследования, поскольку выводит на этнический фактор, который для Магомедова не является центральным. Этничность неявно проявляет себя в анализе концептов регионального развития республик исключительно в качестве исторических ценностей и символов, дающих основание для консолидации элиты и населения. Вот как автор раскрывает механику их действия: «Наличие интегрированной элиты, которая создает атмосферу идеологической консолидации вокруг региональных ценностей и смыслов, помогает фокусировать региональные интересы и повышать взаимозависимость основных действующих лиц. В свою очередь, идеологический охват и концентрация имеют результатом ограничение уровня фракционности и

[348] Там же, с. 41–42.

конфликта внутри региональной элиты. Это является важным фактором в поддержании политических обязательств между ними. Такой характер взаимоотношений способствует консенсусу и увеличивает эффективность регионального руководства в целом»[349]. Таким образом, можно сделать логический вывод о том, что детерминантой успешности республиканских элит явилась региональная идеология, выстроенная на региональных ценностях и смыслах, имеющих этническую основу.

Собственно, в 1990-е годы стратегию развития Татарстана и республиканскую идеологию умеренные политики называли «татарским национализмом», а более радикальные – «татарским сепаратизмом». Мы, продолжая стратегию безоценочного анализа Магомедова, постараемся дополнить и развить его анализ кейса с Татарстаном. На наш взгляд, парадигма политизированной этничности и национализма, являющаяся одной из центральных в нашем исследовании, имеют большой объяснительный потенциал для многих наблюдений и выводов А.К. Магомедова. Их применение позволит более детально разобрать те вопросы, что остались за рамками его анализа. А именно: Какие психологические и социальные факторы сыграли роль в консолидации татарстанской элиты? Почему этнический фактор приобрел высокий уровень значимости, как для внутренней консолидации татарстанской элиты, так и для многих татар республики и обеспечил эффективную коммуникацию элиты и населения в период социального кризиса? В чем основа и какова динамика этнического фактора во взаимодействии «элита – население республики»?

Формирование символической политики невозможно бех участия ученых-гуманитариев и художественной интеллигенции. Данный аспект не раскрывается в работе Магомедова, поскольку не является темой его исследования. Однако он является существенным в анализе деятельности республиканской элиты. Поэтому для нас важно изучить основания тандема

[349] Там же, с. 192.

властной элиты и гуманитарной интеллигенции Татарстана в формировании, и реализации политики идентичности региона, так и в программах его дальнейшего развития в анализируемые периоды.

Исследуя татарстанскую правящую элиту, М.Х. Фарукшин подчеркивает многосоставной характер региональных элит: «на политической сцене любого региона, как и в стране в целом, действуют много акторов: и те, кто располагает реальной властью, и те, кто ей оппонирует, и те, кто создаёт эмоциональную атмосферу»[350]. Оппонирующие группы могут включать как внутреннюю политическую оппозицию в самих властных структурах, так и интеллектуалов, художественную интеллигенцию. Часть интеллектуалов может сочувственно относиться к политике властной элиты, тогда ее представители включаются в состав властной элиты, либо ее участие в формировании идеологии власти происходит опосредованно. Социальная роль «символьной» элиты в том, что, не имея реальных властных полномочий, она обладает неформальной, символической властью среди населения и способна его консолидировать, мобилизовать на те, или иные формы социальной активности. Кроме того, именно эта группа элиты поставляет «строительный материал» для формирования символических, смысловых и ценностных компонентов символической политики и политики памяти.

Участие гуманитарной и творческой интеллигенции в политических процессах стало активно изучаться на волне исследований постсоветских национализмов. Актуализация этничности потребовала изучения той социальной группы, которая занималась сохранением, селекцией и воспроизводством этнических, ценностей, символов и идеологем. Эта группа получила название «символьной» элиты. Деятельности названных групп элиты посвящена работа Н.С. Мухаметшиной[351], исследовавшей идеологии башкирского, татарского и русского национализма. Функциональный подход,

---

[350] *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане. Указ. соч. С. 67–79.

[351] *Мухаметшина Н.С.* Трансформации национализма и «символьная элита». Указ. соч.

который использовала автор, акцентирует политическую направленность деятельности интеллектуальной этнической элиты, соответственно, автор определяет «символьную» элиту «как политически активную группу, занимающуюся идеологическим обеспечением деятельности политической элиты или контрэлиты. Идеологическое обеспечение предусматривает создание ценностей и символов, а также поддержание и распространение их в массовом сознании. Если ценности и символы носят этнический характер, то и направлены они на обеспечение соответствующей политики»[352].

Последний тезис исследовательницы сформулирован в политологической перспективе, направленной на исследование идеологий. Для нас же, наряду с этим, важна социологическая составляющая деятельности обозначенной группы, которую, на наш взгляд, нельзя однозначно интерпретировать, как намеренную (заказную) работу по селекции, созданию этнических символов и ценностей. Подход Н.С. Мухаметшиной сводит научные исследования и художественное творчество исключительно к преднамеренной социальной инженерии в контексте обслуживания идеологии властной элиты. Это исключает этническую культуру из континуума ценностной структуры личности творца и игнорирует духовные основания любого народного или профессионального творчества.

Говоря об этом, для нас важно подчеркнуть еще и аспект собственно профессиональный: творчество писателей, поэтов, художников и музыкантов является самовыражением, творческой интепретацией личностью окружающего мира. Так, исследовавшая национальную интеллигенцию Т.С. Гузенкова подчеркивала специфичность этой социальной группы: «Интеллигенция – это коллективный субъект познания и самопознания, причем последнее оказывается одним из способов духовного освоения мира и приобретает в сфере профессиональной деятельности научно-гуманитарной и художественной интеллигенции немаловажное значение». Далее исследовательница отмечает, что деятельность представителей национальной

[352] Там же, с. 51.

профессиональной культуры, а также ее результаты являются составляющими этнокультурного процесса»[353]. Национальный язык при этом является основным и неотъемлемым инструментом творчества, а образы, символы и историческое наследие национальной культуры являются контентом, который переосмысляется, переинтерпретируется творческой личностью в новых исторических условиях, в конъюнктуре новой эпохи. Этническое самосознание интеллигенции проявляется как на психологическом, так и на идеологическом уровнях, поэтому довольно сложно определить грань между тем, что создается «от сердца», является самовыражением, а что делается специально для обслуживания идеологии. Тем более, что зачастую политическая элита и ее обслуживающий персонал пользуются уже созданными либо историей, либо творцами – символами, ценностями, мифами и идеологемами. В связи с этим, преднамеренность творческой деятельности художественной интеллигенции практически не поддается научной верификации. Из этих соображений, мы в нашем анализе используем идеологически не нагруженное авторское определение «символьной» элиты представленное во Введении.

Однако, наряду с этим, следует отметить, что деятельность «символьной» элиты в русле проводимой властью культурной политики находит выражение в создании ценностей, образов и символов, которые тиражируются в сфере публичности и тем самым формируют массовое сознание и определенный тренд этнической культуры в поле политики. На этот аспект обращают внимание татарстанские политологи С.А. Сергеев и З.Х. Сергеева, анализировавшие культурную политику в Татарстане 1990-х гг.: «Открытие нового здания консерватории, проведение оперного фестиваля или фестиваля народной песни, не говоря уже о всенародных празднествах по тому или иному поводу, оказывается не только и не столько событием, относящимся в сфере культуры, сколько знаком, символом того

---

[353] *Гузенкова Т.С.* Проблема самоидентификации национальной интеллигенции республик Поволжья и Приуралья. Указ. соч. С. 44.

или иного политического курса и одновременно средством его осуществления»[354].

Таким образом, «символьная» элита становится основным актором символической политики, а ее специфика и политический вектор во многом зависит от ее состава. Так, исследования Л.М. Дробижевой[355] демонстрируют, как от состава интеллектуальной элиты, включавшейся в национальные движения в 1990-е гг., зависела общественно-политическая ситуация в республиках. Там, где были сильны позиции научной интеллигенции (экономисты, юристы, историки, социологи) реформы проходили более конструктивно на основе рационально принимаемых решений. Доминирование художественной интеллигенции привносило повышенный эмоциональный фон, способствовало разжиганию страстей и конфликтов[356]. Социальные последствия участия интеллигенции в национальном движении актуализировали проблему ответственности этой социальной группы перед обществом, моральные аспекты ее деятельности[357].

Политизация этничности и формирование идеологии национализма, а затем и организация национальных движений происходит при непосредственном участии интеллектуалов и политической элиты. Практически все основные теории национализма инструменталистского и конструктивистского направлений, так или иначе, затрагивают обозначенную тему. Фокус использования этничности в сфере политической и социальной

---

[354] *Сергеев С.А., Сергеева З.Х.* Этнокультурная политика и этнический национализм. Указ. соч.

[355] *Дробижева Л.М.* Интеллигенция и национализм. С. 71–85; *Она же.* Роль интеллигенции в развитии национального самосознания народов СССР. С. 83–101.

[356] Так, Дробижева отмечала, что в республиках Прибалтики при лидерстве научной интеллигенции национальное движение использовало парламентские формы. В кризисных ситуациях там быстро искали новые подходы, понимали значение консенсуса и использовали его. См.: *Дробижева Л.М.* Интеллигенция и национализм. С. 94.

[357] Оценивая эффекты национального движения, Л.М. Дробижева оговаривала тот факт, что с одной стороны, ненасильственные действия, связанные с завоеванием гражданских прав, свободы, борьбы против этнической дискриминации – историческая неизбежность. С другой стороны, завоевав свободу, например, эстонцы и латыши оказались не готовыми дать равные права всем жителям в своих государствах, осуществить концепцию культурного плюрализма. В этом проявились гримасы национализма и слабость либерализма в посттоталитарных обществах». См.: Там же.

конкуренции использовался инструменталистами[358], которые занимались поиском политических факторов, способных привести ее в действие, а также тех «антрепренеров культуры», которые производят идеологии национализма и активистов, эксплуатирующих подобного рода солидарность. Однако слабой стороной данного направления является то, что его последователи сводят использование этничности лишь к максимизации выгоды, оставля за рамками анализа гуманитарные и социальные основания мотивации политической активности акторов.

Конструктивисты обращают внимание как на условия, актуализирующие этнические (традиционные) ценности, так и на процесс социального конструирования, когда в ходе обыденной жизни индивиды участвуют в постоянном определении и переопределении самих себя и окружающих их людей. Этничность интерпретируется ими не как некая данность, а как результат созидания, как инновационный акт творческого воображения[359]. Соответственно, в этой парадигме исследуется конструктивистская деятельность интеллектуалов. Несколько концепций представителей этого направления будут полезны для нашего исследования республиканской элиты. Так, Л. Вейль, Э. Хобсбаум и Т. Рэнджер, исследуя европейский национализм XIX века, показали роль интеллектуалов в создании «народных традиций», явившихся основанием для консолидации этнических групп вокруг ценностей «народной культуры». При этом Вейль обращает внимание еще на одну переменную, участвующую в создании идеологии национализма, говоря о том, что во времена общественных перемен простые люди реально нуждались в так называемых «традиционных ценностях», и таким образом открывалась широкая возможность для принятия ими новых идеологий»[360].

---

[358] Среди представителей этого направления следует назвать К. Янга, Д. Бэлла, Д. Ротшильда, С. Олзак и Д. Нэйджела и др.

[359] *Янг К.* Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах. – М.: Наука, 1994. С. 116–117.

[360] Там же.

Большой объяснительный потенциал содержит и известная работа Б. Андерсона «Воображенные сообщества. Размышления о происхождении и распространении национализма». Несколько сюжетов, детально рассмотренных этим ученым, показывают условия и механику формирования и распространения различных типов национализма. По сути, в каждом из них прослеживается участие различных групп элит в процессе «воображения» национальных сообществ, которые выступают либо в роли политических активистов («креольский национализм»); либо в роли интеллектуалов-конструкторов уникального сообщества на основе единой культуры и языка («лингвистический национализм»); либо в роли административной элиты имперских государств, стремящихся объединить многокультурное сообщество под эгидой национального государства. Что касается интеллектуальной элиты, то в работе Андерсона, «печатный капитализм», вытеснив конфессиональный тип воображаемого сообщества, вывел ее в качестве основного конструктора воображаемых национальных сообществ, через массово тиражируемую литературную и газетную продукцию[361]. Возвращаясь к тезису об идеологизированности творчества «символьной элиты», отметим, что по Андерсону, конструирование сообщества, нации с помощью слова в виде газетного текста не является преднамеренной деятельностью, так как образы распространяются, а не навязываются. Читатели и пишущие связаны лишь взаимным пониманием, а издатели заинтересованы в большем тираже своей продукции[362].

Конструктивистская роль элит детально представлена в работах ученых – авторов сборника «Изобретение традиции». Э. Хобсбаум убежден, что многое из того, что субъективно относится к нации, состоит из конструктов. Сформулированные им типы вымышленных традиций: 1) устанавливающие или символизирующие общественную связь или групповое членство в реальных или выдуманных общностях; 2) устанавливающие или

---

[361] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества.
[362] Там же, с. 161.

узаконивающие институты, статусы или отношения авторитета; 3) те, главной задачей которых являляется социализация, внушение веры, системы ценностей и модели поведения[363], составляют суть символической политики и политики памяти. Ее инструментами являются объединяющие сообщество / нацию символы (гимны, флаги, праздники, вымышленные образы). Большая роль отводится в этом правящим элитам, которые являются субъектами конструирования[364]. В отличие от Андерсона, авторы сборника говорят о манипулировании культурными символами, поскольку, по их мнению, интеллигенция, черпая из неоформленного запаса культуры, сознательно моделирует национальную культуру.

Э. Геллнер, в своей работе «Нации и национализм», не рассматривая специально роль элиты подчеркивает, что основной вопрос, который в современных условиях приобретает первостепенную значимость – это «вопрос о том, хотят ли и могут ли правители осуществлять руководство мобильным обществом, в котором управители и управляемые могут соединиться и составить культурную целостность»[365]. Интеллигенция выступает как субъект формирования «высокой культуры» и символической политики. «Общество больше не поклоняется себе через посредство религиозных символов; современная рационализированная, механизированная «высокая культура» прославляет себя в песне и танце, заимствуя их /при этом стилизуя/ из народной культуры, которую, как ей кажется, она любовно увековечивает, защищает и заново утверждает»[366]. Как и Андерсон, он говорит о роли гуманитарной интеллигенции, которае преобразует сырой материал в «большую традицию», и при этом также отрицает преднамеренность творчества[367], участвуя в формировании нового самосознания общества. Наряду с этим, ученый подчеркивает значимость

---

[363] *Шамильоглу Ю.* Шигабетдин Мәржани һәм Алтын Урда образы // Татарстан. 1991. № 10. С. 51.

[364] *Коротеева В.В.* «Воображенные», «изобретенные». Указ. соч. С. 161–163.

[365] *Геллнер Э.* Нации и национализм. Указ. соч.С. 264.

[366] Там же, с.131–132.

[367] Цит. по: *Коротеева В.В.* «Воображенные», «изобретенные». Указ. соч. С. 161.

уже сложившейся культурной традиции, когда обладание языком и ее кодами делает человека «своим» в этнической / национальной группе[368]. Сложившаяся в течение длительного исторического времени на определенной территории культура приобретает большую значимость для ее носителей, делает вывод Э. Смит, интерпретируя национализм как «специфическое тяготение к своим территориям»[369]. Именно культурная традиция, наряду с обстоятельствами жизни того или иного социума, вызывает к жизни национальные чувства[370]. Культурный примордиализм Э. Смита вполне вписывается в констркутивистскую парадигму, однако современные процессы глобализации, котоые описываются А. Аппадураи, Р. Робертсоном[371] подвергают сомнению приоритет национального государства, его территории и локальной принадлежности в культурной идентификации человека и соответственно, вносят коррективы в символическую политику элит.

Теоретическая рамка для анализа деятельности региональной политической и «символьной» элит по формированию символической политки и политики памяти совмещает подходы ряда парадигм, предлагающих различающиеся исследовательские фокусы массовой коммуникации. В качестве зонтичного используется заявленный ранее дискурс-анализ Лакло и Муфф, поскольку дискурсы формируются и функционируют в публичном пространстве. Он дополняется классической формулой Г. Лассуэлла, соединяющей все аспекты массовой коммуникации: Кто говорит? Что говорит? По какому каналу? Кому говорит? С каким

---

[368] «Самым существенным оказывается язык и стиль общения, так как только тот, кто может их понять или хотя бы может получить такую возможность, имеет моральные и экономические основания быть членом сообщества, а тот, кто не может – не имеет». См. *Коротеева В.В.* Указ. соч. С. 261.

[369] *Smith A.D.* Nationalist movements. – London and Basigstoke, The Macmillan Press LTD, 1976. P. 21.

[370] Там же, с. 22.

[371] *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis, 1996. 229 p.; *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London, 1992. 211p.

эффектом?[372], дополненной компонентами Р. Брэддока, акцентировавшего важность цели, с которой выступает коммуникатор (Для чего?) и условий, в которых протекает коммуникация (При каких обстоятельствах?)[373]. Дистанцируясь от бихевиористского объяснения Лассуэллом функционирования массовой коммуникации в обществе, несовместимого с избранным нами методом дискурс-анализа, мы считаем продуктивным использование структурных составляющих Лассуэлла и Брэддока, в качестве инструмента, помогающего детально исследовать роль и цели политической и «символьной» элит в формировании символической политики.

Исследование деятельности республиканских СМИ и их аудитории актуализируют размышления П. Лазарсфельда и Р. Мертона[374] о социальной роли средств массовой коммуникации в их влиянии на организованное социальное действие. Выработка исследовательской позиции в отношении взаимодействия «СМИ – аудитория» становится важным в свете медиаориентрованного и человеко-ориентированного подходов. Согласно первому, аудитория пассивно воспринимает поставляемую СМИ информацию и не способна противостоять потоку внушаемых сообщений и идей. С этим связывается успех пропаганды, которая навязывает индивиду «образцы» и «мерила», с помощью которых он оценивает себя и других[375]. Эта позиция коррелирует с подходом некоторых теоретиков национализма, отводящих исключительную роль конструктора социальной реальности политической элите и интеллектуалам.

---

[372] *Lasswell H.D.* The structure and function of communication in society // The Communication of Ideas / L. Bryson (ed.). – N.Y.: Harper and Brothers, 1948. [Электронный ресурс]. URL: http://pracownik.kul.pl/files/37108/public/Lasswell.pdf ; http://sbiblio.com /biblio/archive/hrest_pr/00.aspx (дата обращения 10.05.2018).

[373] *Richard Braddock.* An Extension of the «Lasswell Formula» // Journal of Communication. – Vol. 8, Issue 2, 1 June 1958. P. 88–93.

[374] *Layirsfeld P., Merton R.* Mass Communication, popular taste and organized social action // The Communication of Ideas / L. Bryson (ed.). – N.Y.: Harper and Brothers, 1948. [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/hrest_pr/01.aspx (дата обращения 10.11.2016).

[375] *Мельник Г.С.* Mass-media: психологические процессы и эффекты. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 16.

Последователи человеко-ориентированного подхода заявляют об активной роли личности в коммуникационном процессе[376]. И.С. Кон, указывает на значимость социального взаимодействия, в процессе которого складываются черты личности. Но наряду с этим, социальные по своей природе мотивы, установки и ориентации, которые составляют внутреннюю структуру личности, сосуществуют с неповторимой индивидуальностью личности[377]. Влияние социальной установки на поведение аудитории рассматривается через понятие стереотипа, впервые введенного У. Липманом[378]. Его высказывание: «Тот, кто овладевает символами, определяющими в настоящий момент общественные чувства, в значительной мере завладевает дорогой в политику»[379] – говорит о потенциале влияния «символьной» элиты в поле политики, и роли символов, созвучных настроениям масс. В исследовании взаимодействия «символьная» элита – население РТ мы придерживаемся человеко-ориентированного подхода, который утверждает диалектическое взаимодействие между субъектом и объектом процесса идентификации с участием СМИ.

Трансформация роли «символьной» элиты в публичном пространстве и ее влияния на массовое сознание в связи с технологической революцией, появлением Интернета и сетевого общения исследуется нами в русле подходов Г.М. Маклюэна[380] и М. Кастельса[381], показавших последствия

---

[376] *Кон И.С.* Социология личности. – М., 1967; *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. С.89; *Андреева Г.М.* Социальная психология. – М., 2005. С. 225–298.

[377] *Кон И.С.* Указ. соч. С. 35.

[378] Под стереотипом Липман понимает «кристаллизацию представлений и мнений в эмоционально окрашенных стереотипах». Стереотипы, по У. Липману, выполняют несколько функций: способствуют быстрому распространению общественного мнения; являются маркерами для приверженцев той или иной идеи. Стереотип может выступать в качестве инструмента санкции по отношению к событию, деятелю и т.д. со стороны общества, власти или какой-либо группы. См.: *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с. С. 205.

[379] Цит. по: *Ноэль-Нойман Э.* С. 205.

[380] *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. 2-ое изд. / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007.

перехода от книжной культуры сначала к образному восприятию реальности аудиторией электронных СМИ; а затем – к виртуальному общению субъектов интерактивных сетей.

Обобщая приведенные выше подходы к пониманию роли «символьной» элиты в формировании символической политики следует отметить условия, стимулирующие ее деятельность: эпоха Модерна, становление национальных государств, печатный капитализм; и специфичность этой группы в качестве конструктора. Будучи сущностно связанной с хранением, селекцией и производством этнокультурных / национальных ценностей и символов, ее деятельность по формированию символической политики и политики памяти совмещает непреднамеренный и намеренный характер, в зависимости от объективных и субъективных обстоятельств.

В заключение обозначим исследовательские позиции касательно основного субъекта региональной политики идентичности – политической элиты. Из известных трех теоретических подходов к ее изучению (позиционный, репутационный, принятие стратегических решений) используется последний, как отвечающий целям исследования. Среди характеризующих данную группу универсальных аспектов (сходство ценностных установок, стереотипов и норм поведения); приобретает значимость аспект внутригрупповой сплоченности, зависящей от степени ее социальной и национальной однородности, а также доминирующие модели элитного рекрутирования. Среди других характеристик региональной элиты рассмотрена ее генеалогия, общая для всех постсоветских политических элит: ее номенклатурное происхождение. Специфика исследования элиты в национальной республике потребовала уточнения понятий «этнократия» и «клиентела» с целью определения продуктивности их использования в качестве операциональных категорий. Рассмотрение спектра интерпретаций

---

[381] *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / пер. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

этнократии в зарубежной и отечественной элитологии позволило выделить наиболее точное, с точки зрения социальных последствий политики, определение: «господство титульной этнической нации и подчиненное, униженное положение противостоящего этнического меньшинства (меньшинств)»[382]. В связи с отсутствием соответствующих данному определению практик дискриминации, осуществление политики паритета в отношении этнических групп в Татарстане - использование данного понятия представляется аналитически не продуктивным.

Преобладание представителей этнических групп, дающих название республикам, во властных структурах также анализируется в контексте квазифеодализации модели элитообразования, с позиций клановости и клиент-ориентированных отношений. Для анализа случая с Татарстаном актуальность приобретают характерные для всей России основания консолидации элитных кланов на основе экономических интересов, в отличие от классических версий патрон-клиентных отношений в обществах традиционного типа - государствах Центральной Азии (О.В. Гаман-Голутвина, 2012).

Формирование региональной политики идентичности задействует, в качестве инструментов ее легитимации, символическую политику и политику памяти, ведущим актором которых выступает «символьная» элита. Теоретическая рамка для анализа деятельности региональной политической и «символьной» элит по их формированию совмещает подходы ряда парадигм, предлагающих исследовательские фокусы массовой коммуникации. В качестве зонтичного используется заявленный ранее дискурс-анализ Лакло и Муфф, поскольку дискурсы формируются и функционируют в публичном пространстве.

Выводы по Главе 1.

Заключая главу, обозначим основные исследовательские позиции.

---

[382] *Фарукшин М.Х.* Этнократия: зарубежный дискурс. Указ. соч. С. 44.

1. Использование концепта «политики идентичности», разрабатываемого в констркутивистсокм ключе, позволяет сочетать политологическое, социологическое, этнологическое и этнопсихологическое направления обществоведческих наук для выявления и анализа динамики этнополитических процессов в постсоветском Татарстане с применением категориального аппарата, включающего концепты: «идентичности», «этнической идентификации», «символической политики», «политики памяти», «языковой политики», «этнополитического конфликта».

2. Использование социолого-феноменологического подхода в исследовании этничности позволяет интегрировать конструктивистский, инструменталистский подходы, с использованием культурного примордиализма. Их сочетание помогает исследовать взаимосвязь уже созданной обществом «объективной реальности» с «субъективной реальностью» индивидов, которые в ходе социализации реифицируют ее.

Комплексный характер исследования этнополитических процессов предполагает сочетание подходов фокусирующихся как на идеологических функциях национализма и роли элит, так и на социально-экономических и этнокультурных факторах, стимулирующих формирование дискурса национализма с последующей этнической мобилизацией масс. В связи с этим, в работе используются такие направления теории национализма, как: социальнай конструктивизм, функционализм, структурно-функциональный анализ и культурный примордиализм, для которых была важна социологическая перспектива, помогающая выявить социальные истоки появления идеологий этнонационализма и формирования наций.

3. Основой исследовательской позиции является отказ от оценочного подхода в изучении феномена национализма и, соответственно, отход от взаимоисключающей оппозиции «государственный национализм – национализм этнических меньшинств». Развивая тезис В.С. Малахова о том, что «национализм – это идеология политизированной идентичности», мы формируем исследовательскую перспективу, использующую подходы Б.

Андерсона, Ф. Барта, Э. Геллнера, К. Дойча, Л.М. Дробижевой, В.А. Тишкова, Э. Хобсбаума, помогающие выявить детерминанты актуализации этнической идентичности в зависимости от факторов:

– макро-уровня, таких, как: модернизация, транзит европейской идеологии «национального государства», постсоветская общественная трансформация, процессы глобализации и глокализации;

– мезо-уровня – социально-экономическая, политическая и этнокультурная конъюнктура, формирующаяся на общефедеральном и региональном уровнях; их влияние на жизнь и представления этнических сообществ; деятельность государства по интеграции культурно отличительных народов России в единую гражданскую нацию.

– субъективных – интересы элиты и социальных групп, включающих: статусные позиции, обладание ресурсами, возможности социальной мобильности, уровень социально-экономической обеспеченности, удовлетворение этнокультурных потребностей и т.п.

4. В исследовании мы акцентируем дискурсивную природу национализма: стержнем его идеологии является дискурс национального самоопределения (ДНС), сформировавшийся в эпоху Модерна. В связи с исследованием социальных оснований и условий формирования дискурса национального самоопределения мы используем теорию дискурс-анализа (Э. Лакло и Ш. Муфф; Л.Д. Филлипс и М.В. Йоргенсен). Применимость их концептуального подхода к предмету нашего исследования состоит в объяснении механизма соотнесенности и взаимозависимости дискурсивных, идеологических явлений с социальными институтами, практиками и процессами личностной и групповой идентификации.

5. Агентами формирования дискурсов являются политическая и «символьная» элиты, которые, наряду с государством, общественными движениями и другими социальными институтами (семья, школа), используют в качестве инструмента идеологии и участвуют в формировании индивидуальных и коллективных идентичностей. В связи с этим, в

настоящем исследовании ключевыми операциональными категориями были определены такие понятия, как: «политика идентичности», «символическая политика», «политика памяти», «языковая политика», «этнонационализм», «идентификация», «дискурс», политическая и «символьная» элиты.

6. В изучении роли элит в формировании политики идентичности мы дистанцируемся от нормативного подхода и используем призму понимающей социологии для того, чтобы рассмотреть причины актуализации этнического фактора в политике идентичности, формируемой и реализуемой политической и «сивольной» элитами Татарстана. Деятельность «символьной» элиты в русле проводимой властной элитой культурной политики находит выражение в создании ценностей, образов и символов, которые тиражируются в сфере публичности и тем самым формируют массовое сознание и определенный тренд этнической культуры, составляя суть символической политики и политики памяти.

ГЛАВА 2
ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В ТАТАРСТАНЕ: АКТОРЫ И ИХ ИНТЕРЕСЫ

2.1. Политическая и «символьная» элиты Татарстана в формировании постсоветской идентичности региона

Формирование и реализация политики идентичности постсоветского Татарстана связаны с деятельностью республиканской политической и «символьной» элит. Солидаризируясь с выводами исследования региональных элит А.К. Магомедова, отмечавшего роль региональных идеологий в интегрированности элит, в консолидации элиты и населения республики вокруг региональных ценностей и символов, а также в развитии самих регионов, мы более глубинно исследуем роль этнического фактора. Для нас важно выявить социальные и психологические корни его действия на уровне самих элитных групп; проследить, почему именно дискурс национального самоопределения был выбран элитой в качестве основы для республиканской идентичности и идеологии развития Татарстана; а также охарактеризовать социальную базу, обеспечившую поддержку региональной элиты в условиях социальной трансформации.

Степень участия элитных групп и их заинтересованность в формировании своего этнорегионального «Я» обусловлена различными факторами и мотивами. Конфигурации сосуществования официальной (республиканской) и приватной идентичностей могут быть различны. Они могут конфликтовать, стремясь к взаимоисключению, конкурировать, или образовывать некий симбиоз. В свою очередь, та, или иная форма диспозиции зависит от интересов субъекта, его ресурсов, статуса и внутренних мотиваций. Именно эти факторы и составляют суть социологического основания процесса формирования политики идентичности и региональной этнонациональной идеологии. Они же влияют

на распределение ролей участников. Одни из них относятся к группе генераторов. Есть стимулирующие группы, и есть пассивные потребители.

Для нас в исследовании важны все группы участников, поскольку все они участвуют в процессе формирования политики идентичности и стратегии развития Татарстана. Элитные группы подразделяются: на властную элиту, которая задает основной вектор социальных преобразований в республике, и интеллектуальную, или «символьную» элиту, которая формирует содержательные и ценностно-символические компоненты политики идентичности, или, наоборот, генерирует идеологию, отличительную от официальной. К стимулирующим группам относятся те, кто заведует каналами распространения идеологии, этнических и региональных ценностей и символов. К ним можно отнести СМИ, систему образования и культуры. И третья группа-реципиент – те, на кого направлено воздействие, поскольку именно она становится социальной базой проводимых реформ. Речь идет о населении Республики Татарстан. Но более подробно следует остановиться на характеристике главных акторов региональной политики идентичности.

Властная элита

Интересы и мотивации действий этой группы определяются сочетанием ее внутренних, сущностных характеристик и динамикой политической ситуации в постсоветской России 1990-е гг. Сущностные характеристики политической элиты включают, как универсальные свойства (социальная активность, стремление к власти, социальному статусу, престижу; максимизация экономической выгоды), так и специфические, сформировавшиеся в российском поле политики (привлечение национальных кадров в сферу управления и партийно-номенклатурное прошлое элиты).

К началу 1990-х гг. доля занятых в партийно-государственном аппарате у татар была более чем в полтора раза выше, чем у русских в республике, так же как и доля художественно-творческой интеллигенции[383]. Вследствие

---

[383] *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы. С. 254.

политики коренизации, начавшейся в 1920 гг., в административный аппарат ТАССР, наряду с русскими, вводились представители «коренной нации» – татары. Так, Г.М. Мансурова отмечала: «Благодаря сложившейся модели селекции управленческих кадров, (которая воспроизводилась и в перестроечный период), высший управленческий слой состоял в бóльшей мере из представителей титульной нации»[384].

Другая характеристика татарстанской политической элиты была универсальной для перестроечной России: номенклатурное происхождение региональных элит. По данным М.Х. Фарукшина, представители бывшей номенклатуры в правящей элите Татарстана составляли в 1990-е годы 92%[385]. Входящие в ее состав персоны имели биографическое сходство, обусловленное как объективными, системными детерминантами, такими, как инерция советской политики коренизации, так и субъективными, региональными. Исследовавшая биографии высших татарстанских чиновников – выходцев из партийной номенклатуры, Г.Я. Гузельбаева вывела ряд позиций картерного пути, которые должны были присутствовать в биографии республиканского чиновника высшего звена:

1) сельское происхождение (на момент распада СССР подавляющее большинство политической элиты ТАССР были выходцами из сельской местности (по данным М. Фарукшина, около 70%); это явно не соответствовало распределению населения Татарстана на городскую (71%) и сельскую (29%) части);

2) высшее образование, часто – сельскохозяйственный и ветеринарный институты;

3) партийное образование;

4) работа в районной администрации и/или районом комитете партии[386].

---

[384] *Мансурова Г.М.* Динамика ротации политических элит РФ и РТ. С. 52.

[385] *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане.

[386] *Гузельбаева Г.Я.* Советские и постсоветские принципы формирования политической элиты.

Представляется, что опыт профессиональной биографии наиболее значимых республиканских функционеров формировал чувство солидарности внутри этой группы. А наложение названных выше характеристик региональной элиты предопределило ее внутреннюю консолидацию по этническому принципу.

Сложившийся режим взаимоотношений между Москвой и Татарией в советское время отчасти напоминал отношения метрополии и колоний по Б. Андерсону в его сюжете с «креольским национализмом». Сходство в том, что Москва обладала бесспорным правом на монополию во всех сферах жизни: политической, экономической и культурной. А советская модель карьерного роста имела черты сходства с карьерным «путешествием» абсолютистского функционера. В сменившейся после революции 1917 г. системе социальной мобильности не наследственная принадлежность к высшему классу давала шанс подняться по социальной лестнице, а честолюбие, талант, внутренняя экспрессия и демонстрация лояльности государственному режиму.

Какие факторы влияли на формирование групповой идентичности этого слоя в советское время? Ответ на этот вопрос поможет нам не только реконструировать корпоративное самосознание его представителей, но и вычленить интересы первостепенной и второстепенной важности. А они, как правило, определяют мотивы поведения и деятельности исследуемой нами группы бюрократов. На наш взгляд, существенную роль могли играть несколько факторов: кадровая политика центра, ранжирование республик и областей, культурно-языковая дифференциация и степень экономической самостоятельности региональной элиты.

В советское время кадровая рокировка внутри республиканского управленческого слоя полностью зависела от центра. Назначение на партийную или управленческую должность согласовывалась в Москве. Кроме того, доступ к получению должности в самой столице провинциальному функционеру был крайне затруднен. Положение осложнялось существованием

негласных установок, действовавших внутри высшего партийного бюрократического слоя. Память о пассионарности татар (претензии татар на собственную государственность, начиная с проекта штата Идель-Урал в 1918 г., требование в 1936, 1954 и 1977 гг. смены автономного статуса республики на союзный) поддерживала опасливое к ним отношение.

На характеристики партийной региональной элиты и, соответственно, ее деятельности в сфере этничности, сказывались модуляции советской национальной политики и идеологический курс центрального правительства. Так, в 1920-е гг. большая часть дореволюционного интеллектуального наследия татар была причислена к реакционному «феодально-байскому» прошлому и имела идеологический ярлык «буржуазного национализма», но при этом параллельно осуществлялась политика «коренизации» (в республике – «татаризации»). Управленческие кадры из татар должны были отмежеваться от национального культурного багажа и стимулировать развитие пролетарской национальной культуры. Наполнение управленческого слоя местными туземными кадрами уже в следующее десятилетие (1930-е гг.), с разворачиванием форсированной индустриализации, сопровождается политикой культурной унификации на основе языка и культуры этнического большинства – русских. Характеризуя тот период, С.А. и З.Х. Сергеевы приводят примечательный факт, зафиксированный В. Гроссманом: «Репрессиям подвергается не только политически нелояльная часть татарской интеллигенции, но и советизированная культурная элита. Однако этнический национализм как социальное настроение уничтожен не был. Интересным свидетельством тех лет остается роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Действие ряда эпизодов романа происходит в Казани в 1942 г.; есть основания предполагать, что они не являются чистым вымыслом автора. Татарский интеллигент Каримов с едкой иронией замечает, что Советская власть дала татарам «государственную оперу и оперное государство», но урожай уходит в Москву и «сажает нас тоже Москва»[387]. Примечательно, что на реплику

[387] *Гроссман В.* Жизнь и судьба. – Таллинн, 1990. С. 149.

относительно того, не все ли ему равно, кто его посадит – русский или татарин, Каримов ответа не дает. Видимо, ему это не все равно...»[388]. Приведенное свидетельство указывает, по крайней мере, на ряд существенных аспектов: а) закрепляющуюся уже в тот период в сознании татарских интеллектуалов и, скорее всего, части партийных функционеров-татар, оппозицию «центр – регион»; б) осознаваемое ими экономическое неравенство по оси «центр-регион»; в) контролирующую и репрессивную функцию центра. При этом признаваемый ими вклад советской власти в модернизацию татарской культуры видится им менее значимым по отношению к вышеперечисленным аспектам.

Важное значение имела и культурно-языковая дифференциация, которая ограничивала карьерный путь партийного функционера пределами ТАССР. Республиканская бюрократия систематически пополнялась выходцами из села (по данным Г.М. Мансуровой, в конце 1980-х и 1990-е гг. в руководстве Татарстана выходцы из сельской местности составляли 73%)[389]. Сельский компонент в биографии татарстанских функционеров играл значимую роль в селекции советских партийных работников в ранние годы советской власти, а в последующие годы неизменно воспроизводился уже в рамках клановой системы. Сложившиеся принципы селекции воспроизводятся и в постсоветский период[390]: по исследованию Г.Я. Гузельбаевой сохраняется: а) представительство негородских татар

---

[388] *Сергеев С.А., Сергеева З.Х.* Указ. соч. С. 190–191.

[389] *Мансурова Г.М.* Указ. соч. С. 52.

[390] Как отмечает Г.Я. Гузельбаева, «биография Президента РТ М. Шаймиева, который родился в деревне, закончил Казанский сельскохозяйственный институт, является типичной и включает в себя хозяйственную деятельность в аграрном комплексе, партийную работу, руководство номинальным правительством республики, затем ее обкомом и парламентом (интересно, что он избежал обязательное в те годы партийное образование). Нынешний вице-премьер, министр сельского хозяйства и продовольствия РТ М. Ахметов имеет в своей биографии все четыре пункта. А премьер-министр РТ Р. Минниханов только два (сельское происхождение и сельхозинститут). Председатель Госсовета и все три его заместителя (все – члены партии «Единая Россия») имеют опыт работы в обкоме КПСС. Всего по элите к началу XXI в. подавляющее большинство лидеров республики имело опыт работы в партаппарате». См.: *Гузельбаева Г.Я.* Советские и постсоветские принципы формирования политической элиты. Указ. соч.

(исследовательница отмечает равное количество выходцев из села и уроженцев города – по 50%); б) принадлежность к титульной нации (татары) является «желательным», но не обязательным фактором (распределение между татарами и русскими в верхнем слое элиты составляет 66% и 34% соответственно; в) сохраняется, хотя и в меньшей степени, связь с сельскохозяйственным и ветеринарным институтами. Их выпускниками являются 14% представителей высшей властной элиты РТ[391].

Сельчане воспитывались и получали образование на родном татарском языке. Плохое владение русским языком становилось барьером в карьерном росте за пределами республики. Провинциальную идентичность функционера усиливала действовавшая иерархия «столица – провинция». А издержки отчужденности от «столичности», русского языка и городской культуры компенсировала комфортность и комплементарность родственного окружения, имеющего общее сельское происхождение.

Региональная идентичность функционеров стимулировалась и системой ранжирования территорий, образующих СССР. Так, союзные республики получали бóльшее финансирование, больше прав и возможностей в социально-экономическом развитии и в воспроизводстве культуры населяющих их народов, по сравнению с автономными республиками. Ниже шли области и автономные округа. Эта форма неравенства была особенно чувствительной для политической и «символьной» элит. Это объясняет, почему первый этап суверенизации проходил под лозунгом повышения статуса республики. Один из лидеров Татарского общественного центра (ТОЦ) Д.М. Исхаков отмечал: «При обсуждении проблем национального возрождения проблема статуса Татарстана в первой программе движения занимала одно из важнейших мест.

---

[391] Г.Я. Гузельбаева отмечает значимость не количественных, а качественных показателей – количество занимаемых высоких постов на период середины 2000-х гг.: «они включают в себя президента, главу его администрации, премьер-министра, начальника контрольного управления президента, двух из пяти вице-премьеров, 4 министров, а также Председателя Счетной палаты РТ и депутата Госдумы РФ». См.: *Гузельбаева Г.Я.* Указ. соч.

Основной круг вопросов сосредотачивался вокруг неравенства прав и возможностей союзных и автономных республик (неравное представительство в Совете национальностей Верховного Совета СССР депутатов от союзных и автономных республик; противоречивость принципов образования РСФСР; фактическая номинальность ее федеративности при отсутствии Совета национальностей, представляющего интересы субъектов Федерации; несогласованность Конституции РСФСР, в которой автономная республика признается социалистическим государством, и Конституция СССР, где государством признаются лишь союзные республики; различия в принципах формирования бюджетов; худшие условия для культурного развития народов автономий»[392].

Описанное ранжирование воспроизводилось и во всем укладе внутренней корпоративной культуры государственных чиновников, особенно когда они приезжали в Москву. Приводимое высказывание одного из депутатов Татарии убедительно иллюстрирует существовавшее положение:

«Не было равноправия и в зале заседаний Верховного Совета СССР… В 1990 году народные депутаты СССР, избранные от ТАССР, сидели в зале заседаний Верховного Совета СССР в последних рядах, как представители «второсортной» республики. … В первых рядах сидели представители союзных республик, на галерке – автономных»[393].

Таким образом, полученный в ходе профессиональной деятельности опыт системного неравенства влиял на формирование внутренней солидарности региональной партийной элиты и ее комплиментарность идеям национального движения. По данным С.А. и З.Х Сергеевых «наличие тесных связей правящей элиты республики с этнонационалистическим движением было очевидны: около 60% участников I съезда ТОЦ были членами КПСС, а

---

[392] *Исхаков Д.М.* Неформальные объединения в современном татарском обществе // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. – Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. Вып. 1. С. 11.

[393] *Якупова В.* 100 историй о суверенитете. – Казань: Идел-Пресс, 2001. С. 52.

один из идеологов ТОЦа Р. Хакимов был зам. зав. Татарского рескома КПСС»[394].

Чувствительность приведенных выше факторов, тем не менее, отодвигает их на второй план перед могуществом последнего фактора. Пожалуй, самым болезненным для власти, вообще любой, является ограничение самостоятельности, особенно в такой ключевой сфере, как экономическая. По данным М.Х. Фарукшина, до начала перестройки 80% промышленных предприятий, расположенных на территории ТАССР, управлялись союзными органами, а 18% – российскими; и только двумя процентами предприятий управляла сама республика[395]. Безусловно, сложившаяся ситуация предопределяла общность интересов республиканских функционеров высшего звена.

Общность интересов в экономической сфере усилилась в перестроечный период. Короткий период дезориентации в начале реформ сменился бурной приватизацией объектов государственной собственности. Именно в этот период обостряется оппозиция «центр – регионы», поскольку демократические принципы нивелировали вертикаль. Приветствуемая горизонтальность отношений предполагала равенство и в претензиях на собственность, поэтому региональные элиты, в соответствии с этим, должны были получить свою долю. Динамизма добавляли два обстоятельства текущего момента: приватизация государственной собственности предоставляла шанс укрепить личные экономические позиции и обеспечить базу будущей стабильности республики. Претензии стимулировались и слабостью федерального центра, усиливавшейся противостоянием политических групп; и известной фразой, брошенной Б.Н. Ельциным во время визита в Татарию: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить!»

---

[394] *Сергеев С.А., Сергеева З.Х.* Этнокультурная политика… Указ. соч. С. 193.
[395] *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане. Указ. соч.

В условиях кризиса 1990-х экономическая самостоятельность явилась принципиальным требованием в движении за суверенитет. Эффективное использование ресурсов республики для решения социальных проблем стало одним из первостепенных условий легитимности власти в глазах населения Татарстана. Подавляющая часть опрошенных Л.М. Дробижевой экспертов от властной элиты в 1990-е годы первой в ранге проблем отмечала экономические. Последние воспринимались не только как следствие тягот общественной трансформации, но и наследие тотальной централизации. Поэтому лозунг Б.Н. Ельцина воспринимался как восстановление справедливости: *«К высказыванию Ельцина о суверенитете я отношусь положительно. Это нормально. У нас слишком высока была централизация – сколько туалетов строить – и то надо было согласовывать. Региональный суверенитет, он остается как следствие того, что не хотим мы быть дойной коровой и общипанной курицей»*[396].

Таким образом, для усиления и закрепления экономической самостоятельности региональной элите было необходимо защитить свою собственность своей же государственностью, которая существовала бы не только юридически, но и фактически. Единственным основанием, дающим такую возможность, было закрепленное в международном законодательстве право наций на самоопределение. Поэтому эффективным инструментом в политике идентичности становится этничность, поскольку только она в сложившемся политическом контексте могла стать основанием легитимации собственной государственности. Дискурс национального самоопределения в этих условиях выполнял двойную функцию. С одной стороны, как норма, принятая в международном сообществе, а с другой – как основа консолидации и мобилизации представителей этнической группы, дающей название республике. Его базовое понятие – этническая идентичность, поэтому усилия властной элиты были направлены на поддержку и развитие этничности, что соответствовало настроениям татар. Активизация татарского национального

[396] *Дробижева Л.М.* 110 интервью Леокадии Дробижевой. С. 21.

движения и массовые митинги с требованиями повышения статуса языка и культуры татар были переведены в плоскость политической повестки дня. Так, 3 августа 1990 года первый секретарь областного комитета КПСС М.Ш. Шаймиев, выступая на пленуме Татарского обкома, обосновал рассмотрение вопроса о государственном суверенитете Татарской АССР на сессии Верховного Совета республики, как совокупностью политических, экономических и юридических факторов, так и активным ростом национального самосознания, нарастанием в республике гражданского движения за повышение ее конституционного статуса. При этом М.Ш. Шаймиев сослался на «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» 1918 года, провозгласившую Россию федерацией, положения которой вошли в первую Конституцию РСФСР[397].

Исследователи специфики региональных элит в Российской Федерации отмечали клановый характер элит в национальных республиках[398]. Принцип организации управленческой элиты в Татарстане О.В. Гаман-Голутвина описывала следующим образом: «Она представляет собой совокупность кланов, сформировавшихся вокруг влиятельных властных фигур. В свою очередь, эти кланы, подобно спутникам Солнечной системы, вращаются вокруг центра – президента РТ М.Ш. Шаймиева. Согласно мнению экспертов, структура элиты Республики Татарстан расположена концентрическими кругами вокруг М.Ш. Шаймиева: наиболее близкий круг – «семья» – близкие родственники; следующий круг – друзья «семьи»; третий круг – «социально близкие» высокопоставленные функционеры (этнические татары – выходцы из деревень); четвертый круг – «приближенные к трону» – функционеры, выдвинувшиеся благодаря

[397] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 1899. Л. 4–6.

[398] О.В. Гаман-Голутвина отмечает, что «в национальных республиках основой формирования кланов нередко являются родственные и земляческие отношения, общность социального происхождения». См.: *Гаман-Голутвина О.В*. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М., 1998. С. 364.

деловым качествам, но с учетом безусловной личной лояльности первому лицу»[399].

Собственно, клановость можно рассматривать, как своего рода эволюцию, советской политики коренизации. Имевшая значение в 1920-е – 1940-е годы этническая принадлежность, со временем уступает место родственному или земляческому принципам селекции во власть. Помимо всего прочего приоритет сельчанина перед горожанином состоял в его бесспорной конформности. Поэтому сельчанин, попав во власть, отбирал нижестоящих функционеров не по этническому принципу, или принципу компетентности, а по принципу родства, или дружбы, гарантировавших лояльность выдвиженца.

По данным исследователей, современная татарстанская политическая элита из числа советской номенклатуры укрепила свое политическое и экономическое положение. В Татарстане к 2006 г. среди политической элиты доля выходцев из советской партийно-хозяйственной номенклатуры составляет 50%. В высшем политическом слое имеются «бывшие комсомольцы» – руководящие работники райкомов, горкомов и обкома ВЛКСМ[400]. Основной тенденцией состава политической элиты Татарстана после 2000-х гг. стало возникновение слоя так называемых «универсалов»[401] – лиц, влиятельных как в политике, так и в экономике, что привело к совпадению составов политической и экономической элит.

«Символьная» элита

Активным участником процесса формирования региональной, и, в бóльшей мере, этнической идентичности стала татарская интеллигенция. Пожалуй, это единственная группа, интересы которой и самоидентификация глубоко встроены в генерируемый ею общественный дискурс. Интеллектуалы гуманитарной сферы всегда, косвенно или прямо, становятся

---

[399] Там же.

[400] *Гузельбаева Г.Я.* Указ. соч.

[401] *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Полис. 2004. №3. С. 25.

участниками формирования идеологии, или же ее критиками. Процесс обслуживания идеологии, направление которой задает властная элита, не всегда однозначен. Мотивация участия в этом процессе может быть самая разная. Генерируемый дискурс может совпадать с внутренним «Я», с личностной позицией и взглядами. В этом случае реализуются идеальные интересы, а может быть просто работой, необходимым средством поддержания себя в избранной социальной роли; средством материального обеспечения. Возможны и дополняющие стимулы, которые носят объективный характер. К ним, в нашем случае, относятся социальное происхождение и, сложившееся в советское время сужение функциональной сферы татарской культуры и языка.

Значительную часть татарской интеллигенции в конце 1980-х и в 1990-е составляла «молодая интеллигенция». Первые этносоциологические исследования 1970-х гг. показали, что три четверти национальной интеллигенции в ТАССР были работниками умственного труда в первом поколении[402], выходцами из села. Соответственно, татарская гуманитарная и творческая интеллигениция имела сельские корни, несмотря на то, что к 1990-м годам доля горожан в их среде выросла[403].

Социально-психологический анализ, проведенный нами ранее, показал, что у интеллигенции, имеющей сельские корни, этнический компонент в структуре ценностей был актуализирован всегда. В советское время выходец из татарского села, получивший образование на татарском языке, ощущал чувство ущербности, попадая в русскоговорящий город для продолжения обучения в техникуме, или институте, поскольку татарский язык, в силу ограниченной функциональности и бóльшей распространенности в сельской местности, воспринимался как «архаичный», «деревенский» язык». В

---

[402] *Дробижева Л.М. и др.* Демократизация и образы национализма. Указ. соч. С. 244.

[403] Проведенный автором статистический анализ показал, что научная и творческая интеллигенция была представлена в 1990-е гг. на 60,7% – выходцами из села; на 39,3% – горожанами. См.: Кто есть кто в Республике Татарстан. – Вып. 2. – Казань, 1996; *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Указ. соч.

постсоветский период, когда этничность была легитимирована, владение национальным языком и культурой стало престижным достоянием в новой социальной конъюнктуре[404]. Это обстоятельство наряду с общим трендом этнического ренессанса стимулировало обращение к дореволюционному культурному наследию и стимулировало формирование политики памяти.

Ее доминантой стала утраченная государственность и протест против сложившейся традции интерпретации прошлого татар в российской историографии. В соответствии с канонами советской истории, Золотая Орда трактовалась как хищническое паразитическое государство, но при этом в учебниках по истории отсутствовала сама история Золотой Орды[405]. Тиражированная школьными учебниками негативная оценка татар формировала соответствующее представление о татарах у народов России и ущербную самооценку у носителей этнонима. Сюжеты о таких формах дискриминации присутствовали как в социологических интервью, так и на страницах прессы. Вот один из ярких примеров – воспоминания писателя, журналиста и депутата Госсовета РТ, активного защитника суверенитета, Р.И. Валеева: *«1967 год. Разиль Валеев – студент первого курса московского Литературного института им. М. Горького. В институте училось всего 125 человек – в основном из союзных республик. Из Татарстана он один. (!)*

И вот идет лекция по истории Коммунистической партии Советского Союза. Читает ее бывший секретарь по идеологии Сталинградского обкома партии, а ныне профессор Водолагин. Вдруг… Валеев не поверил своим ушам! Профессор назвал предателями всех крымских татар! Более того, все татары на его взгляд, не только крымские, крайне сомнительный народ, всегда враждебно относятся к русским. Недаром казанских татар готовили к выселению…

Услышав все это, Разиль, оскорбленный, встал с места и громко сказал:

---

[404] *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Указ. соч.
[405] Татары. – М.: Наука, 2001. С. 525–526.

– Я вашу лекцию больше слушать не могу!

И направился к выходу. И тут случилось невероятное. За Валеевым один за другим покинули аудиторию бурят, калмык, монгол, негр, поляк… Набралось человек восемь, хлопнувших дверью. Лекция была сорвана[406].

Или высказывание еще одного из татарских интеллектуалов, участников процесса суверенизации республики:

«Это то, что накипело у людей на душе. Многие испытали унижение в школе, или услышали по телевидению, узнали из СМИ о якобы немыслимых ужасах татаро-монгольского нашествия, тяготах татарской дани. Они требовали ответов на мучившие их вопросы. Многие самостоятельно пытались докопаться до истины. Наконец, это просто моя боль»[407].

Несомненно, такое внешнее приписывание черт формировало негативный образ татар и, ответно, усиливало внутриэтническую солидарность. Актуализация этничности в среде гуманитарной и творческой интеллигенции была связана и со спецификой профессиональной деятельности: периферийность положения основного инструмента творчества – татарского языка и национальной культуры требовали восстановления равенства с русским языком и русской культурой. Причина упадка и «второсортности» национальной культуры виделась в неравном положении культур. Все эти причины явились стимулами для того, чтобы национальная интеллигенция активно включилась в процесс возрождения национальной культуры и родного языка, а вслед за этим и в формирование региональной этнической идентичности на массовом уровне. Апелляция к массовой поддержке в оскорбленных национальных чувствах получала эмоциональный отклик у татароязычной аудитории в силу сходства опыта и отсутствия дистанции между читателями и пишущей «молодой» интеллигенцией[408].

---

[406] *Якупова В.* Указ. соч. С. 11.

[407] *Хакимов Р.С.* Каково быть татарином? – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 7.

[408] См.: *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Указ. соч.

Тандем властной и «символьной» элит сложился на основе совпадающих или общих интересов. Разделение социальных ролей и ресурсов этих групп элиты формирует сложную структуру взаимодействия, которая включает как устойчивые позиции, так и ситуативные, меняющиеся в зависимости от социально-политической конъюнктуры. Здесь уместно использовать типологию интересов М. Вебера, который ввел понятия материальных и идеальных интересов. Первые, включающие экономические (доход, прибыль), политические (достижение власти, осуществление влияния) и территориальные (сохранение, расширение территории[409]) интересы в бóльшей мере характеризуют мотивацию властной элиты. Для «символьной» элиты чаще характерны идеальные интересы, состоящие в стремлении выполнить безусловные требования, налагаемые верой, конечными ценностями, групповой идентичностью. Однако сложно говорить об однозначной привязке приведенных типов ценностей к названным группам. Так, интеллигенция, занимаясь духовной деятельностью, реализует идеальные интересы, однако при этом ее представители также могут быть движимыми материальными интересами, и здесь символический капитал, по Бурдье, конвертируется – в экономический.

Стремление политической элиты, в самом начале реформ, легитимировать более широкие, по сравнению с прежними, властные полномочия, как внутри, так и вне республики, должны были иметь свои аргументы. В контексте России, имелось только одно основание, которое отличало республику от обычной российской области – этнический фактор. Его значимость подкреплялась международными нормами о праве наций на самоопределение и уже начавшимся процессом выхода из СССР союзных республик. Кроме того, внутреннюю экспрессию этому фактору в республике придавало национальное движение, которое пополнялось все новыми неформальными организациями. Их активисты имели достаточно широкую поддержку среди определенной части татарского населения.

---

[409] *Коротеева В.В.* Экономические интересы. Указ. соч. С. 17.

Другим веским аргументом, который политическая элита использовала в споре с центром в конце 1980-х гг. – низкий социально-экономический уровень жизни населения республики в сравнении с союзными республиками и столичными городами. Ответственность за сложившуюся систему распределения несло центральное правительство и, в целом, государство. Поэтому выстраивание оппозиции «центр – республика» в формирующемся этнонациональном дискурсе способствовало четкому распределению акцентов: кто – «узурпатор», и кто – «жертва». Эта оппозиция получила отражение в информационном поле, формируемом «символьной» элитой:

«Государства – нет. Язык – в упадке. Нет ни национальной армии, ни национального банка, наша религия, можно сказать, только, что оправилась от долгой клинической смерти. Что касается образования – всего 7% татарских детей обучается на родном языке.

Славный некогда град Казань ... представляет собой ... настоящие развалины. Вместо нефтяного богатства нам достались его издержки: химизация, загрязненность почвы, землетрясения, спровоцированные нещадной и вульгарной эксплуатацией наших природных богатств, наконец, чувство опустошенности в нас самих»[410].

Таким образом, этничность и оппозиция «центр – республика» стали несущими опорами всей республиканской идеологии, формирующей свое региональное «Я» в 1990-е гг., а дискурс национального самоопределения, помимо этнической, приобрел и социально-экономическую составляющую. Значимость и вес этнического фактора в торге за экономические преференции с федеральным центром в тот период иллюстрирует высказывание председателя Законодательного собрания Оренбургской области В.Л. Нефедова в связи с обсуждением договорных отношений Татарстана с центром: *«С одной стороны – логично: заключайте договор. Применяйте свои какие-то методы давления на центр. Все вроде бы*

---

[410] См.: *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Указ. соч.; *Рахимова Б.* Соседи // Идель. 1990. №1. С. 53.

хорошо. Но, первое отличие – у нас нет национального флага. Хитро же все устроено! Размахивая национальным флагом, добиваются своей экономической независимости. Мы же не можем махать и кричать, что мы – казачья Оренбургская республика…»[411].

Таким образом, апелляция элитных групп к усилению своей государственности в 1990-е гг. имела две мотивации. Первая касалась непосредственно интересов возрождения этнической культуры и языка татар. Вторая – была связана с переделом властных и экономических ресурсов. Государственность татар понималась как необходимое условие для создания благоприятного климата их сохранения и развития. В связи с этим, дискурс национального самоопределения включал как идеальные, так и материальные интересы. Различающиеся мотивации (для одних акторов этничность являлась самоцелью, а для других – ресурсом) не мешали интеллигенции и политикам формировать общий этнонациональный дискурс.

Политизация этничности в 1990-е гг.

Актуализированный политической и «символьной» элитами дискурс национального самоопределения в поле политики выражался как борьба за суверенитет. Последний, будучи категорией из сферы политики, приобрел в Татарстане в период подъема национализма статус национального символа и стал стержнем символической политики республиканской элиты. В качестве символа и ценности понятие суверенитета было мобилизовано национальной интеллигенцией, которая тяжело переживала периферийное положение национальной культуры и исчезновение татарского языка практически из всех сфер публичной жизни, что воспринималось как проявление неравенства с этническим большинством – русскими. «Незащищенная этничность» в формируемом в тот период дискурсе национального самоопределения апеллировала к своей, национальной государственности, гарантирующей ее защиту. В связи с этим становится актуальным значение

---

[411] *Дробижева Л.М.* Проблема асимметричной федерации в глазах элиты и масс // Федерализм в России / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2001. С. 335–336.

исторического контекста. Одной из стержневых составляющих дискурса становится тема былой государственности татар. Тема завоевания Иваном Грозным Казанского ханства и потеря собственной государственности звучала как в выступлениях национальной интеллигенции на митингах и собраниях, так и на страницах прессы. Так, одним из главных компонентов национального самосознания татар писатель С. Шамси назвал «чувство государственности и чувство исторической правоты народа, защищавшего свою независимость»[412]. Память о былой государственности татарского народа силами гуманитарной и творческой интеллигенции была институционализирована празднованием Дня памяти (Хатер кене) татар – защитников Казани, погибших во время штурма города Иваном Грозным, собиравшим в день празднования (15 октября) в 1990-е годы тысячи людей. Цепочка исторической преемственности, выстроенная татарским историком и теологом XIX в. Ш. Марджани, дополнилась преемственностью государственности Казанского ханства и Татарстана. Былая государственность татар интерпретировалась национальной интеллигенцией и официальной властью в качестве основы самодостаточного современного национального государства, в рамках которого нация имеет возможность воспроизводить свой жизненный уклад и сохранять свою культуру. Эта идея поддерживалась как участниками национального движения, так и официальной властью. Так, М.Ш. Шаймиев заявлял: «Здесь нет дискриминации, но это и государство татар, так как здесь живет самая большая часть татарского населения. Где же еще быть такому государству? Или этой нации не позволено его иметь и устраивать житье-бытье по своему разумению?»[413]

Период с 1989 по 1994 гг. в республике характеризовался острой борьбой между властной элитой и оппозиционными политическими движениями, когда каждая из сторон стремилась утвердить в общественном

---

[412] *Шамси С.* «Памятник?» // Идель. 1990. № 8. С. 44.
[413] Республика Татарстан, 17.06.1997.

мнении свою интерпретацию дискурса национального самоопределения или же, напротив, оспорить его правомерность. Так, М.Х. Фарукшин, анализировавший взгляды, оппозиционные татарскому национальному движению и властной элите, заострил внимание на двух аспектах. Первый связан влиянием этнического фактора на интерпретацию суверенитета. Автор отмечал, что оппозиционные властям политические партии и движения, опирающиеся главным образом на часть русскоязычного населения, понимали суверенитет как некоторое расширение полномочий республиканской власти и сводили его к некоей автономии в рамках единой и неделимой, по сути своей имперской России. Влиятельность второго аспекта Фарукшин связывал с тем, что оппозиция не считалась и пренебрегала признанным мировым сообществом принципом национального самоопределения, что шло вразрез с общечеловеческими демократическими ценностями. При этом он обращал внимание на то, что территория нынешнего Татарстана была историческим местом расселения татар, а затем и других народов; что она никогда не формировалась за счёт агрессивных войн и завоеваний, а память о собственной государственности татар прочно сохраняется в историческом сознании нации[414].

Содержание ДНС и модели национально-государственного развития, выстраивалось национальными движениями с учетом характера расселения татар. Их идеологи исходили из того, что современные татары живут в большинстве регионов России и меньшая их часть проживает на территории Татарстана. Поэтому вопрос территориальных требований звучал редко, и лишь у представителей радикального крыла[415]. В связи с этим, государственное самоопределение Татарстана планировалось дополнить правом татарской диаспоры на татарстанское гражданство, а также ее самоопределением в различных формах территориальной и экстерриториальной автономии, подкрепленной воздействием Татарстана как

---

[414] *Фарукшин М. Х.* Политическая элита в Татарстане.
[415] Программные положения партии «Ватан» // Панорама. 1991. № 3. С. 13.

культурно-исторического очага татарского народа. И если проект татарстанского гражданства для татар РФ не был реализован, то идея закрепить за Татарстаном культурно-историческое ядро для российских и зарубежных татар получила воплощение в общественной организации с государственным участием – Всемирном Конгрессе татар (ВКТ). Избираемый на общетатарских съездах Исполком ВКТ, организует, или принимает участие в проектах по сохранению и развитию национальной культуры и языка; поддерживает сетевые активности татар в российских регионах и за рубежом и является одним из активных агентов политки идентичности республики.

Активность националистических партий частью исследователей связывается с либерализацией[416]. Национальные партии и движения, исходя из своих политических платформ, разрабатывали содержательные аспекты суверенитета для последующего его использования в качестве инструмента общественной трансформации. В качестве модели в тот период использовался опыт Эстонии, довольно быстро продвинувшейся по пути построения национального государства. Часть требований была заимствована татарским национальным движением из программы Народного Фронта Эстонии. Среди них:

– независимость Татарстана как государства татар (этногосударственность);

– выборочность гражданства для жителей РТ;

– создание альтернативных органов власти по этническому принципу (тат. милли меджлис – народное собрание)[417].

---

[416] «Общий процесс политической либерализации неизбежно вызвал к жизни и этнонационалистические организации: летом 1988 г. начинается формирование Татарского общественного центра (ТОЦ). Первый съезд состоялся в феврале 1989 г.». Они также отмечали приоритетность, как для власти, так и для национальных движений повышение статуса республики до союзного. См.: *Сергеев С.А., Сергеева З.Х.* Этнокультурная политика. С. 193.

[417] Там же, с. 193–194.

Отмечая этноизоляционистский характер программ радикального крыла национального движения, С.А. Сергеев и З.Х. Сергеева отмечали, что «эта программа реализована не была, так как она натолкнулась на сопротивление большинства жителей Татарстана и части депутатского корпуса»[418]. Если учесть, что радикалы-националисты в депутатском корпусе были представлены единицами, то можно говорить о том, что включавший партийную номенклатуру депутатский корпус, в большинстве представленный татарами (о чем мы писали ранее), отчетливо отмежевывался от радикальных националистических лозунгов, так же как и правящая элита Татарстана.

Разработанная национальным движением модель государственной независимости включала как внешне-, так и внутриполитическую стратегию. Первая исключала тенденцию к автаркии и ориентировала на создание, укрепление и расширение внешних связей Татарстана с учетом его исторически сложившейся специфики, географии и внутренних возможностей. Вторая – основывалась на идее правового, демократического государства и содержала, наряду с политико-экономическими, культурно-цивилизационные составные его государственности, которые сводились к культурно-языковому и, в целом, государственному и этнонациональному возрождению татар в Татарстане с соблюдением прав его русскоязычных граждан[419]. Таким образом, стратегия центристов в программах развития республики сочетала западные ценности – рынок, частную собственность, плюрализм и демократию, и национальные – учет этнических ценностей и исламского фактора.

Ведущая роль в формировании новой идентичности республики была за властной элитой. Реальные властные полномочия, ее легитимность в диалоге с Москвой (в противовес национальному движению), способность контролировать ситуацию и нести ответственность; опыт партийной работы в

---

[418] Там же.

[419] *Габидуллин Р.* Этнополитическая концепция государственного возрождения Татарстана в программных положениях татарского национального движения // Ислам в татарском мире: история и современность. – Казань, 1998. С. 300–302.

сочетании с умением использовать идеи пользующихся массовой поддержкой общественных сил позволили команде М.Ш. Шаймиева провести свое видение: добиться экономической самостоятельности; нейтрализовать радикальные проявления национализма и заложить основы республиканской культурной политики, направленной на выравнивание статусов русской и татарской культур и языков. Говоря об этом, нельзя обойти вниманием влияние личностного фактора: политические способности первого президента РТ М.Ш. Шаймиева в сложных условиях противостояния разнонаправленных общественных сил. Отсутствие яркой харизмы компенсировалось в нем политическим чутьем, личностными качествами, сочетающими: решительность и твердость с чуткостью и пониманием конъюнктуры текущего момента; учет специфики многокультурного региона; умение договариваться и налаживать отношения; нарабатывать и использовать кредит доверия. Так, один из экспертов в интервью отмечал: *«Сейчас М. Шаймиев во многом наши отношения строит на связке доверия Шаймиев – Ельцин. А если кто-то уйдет, возникнут новые проблемы»*[420].

Важным качеством политика явилось и его умение интегрировать политически активных интеллектуалов, лидеров разнонаправленных общественных движений республики. Так, в августе 1990 г. М.Ш. Шаймиевым в Казанском Кремле было организовано собрание по вопросу принятия Декларации о государственном суверенитете республики[421] с приглашением представителей общественных организаций, научного сообщества, активистов, представлявших различные слои населения. Актуализация этничности обусловила его обращение к татарским гуманитариям – историкам, этнографам, творческой элите. Так, на один из ключевых постов, в качестве Советника Президента по политическим вопросам в 1991 г. был назначен Р.С. Хакимов[422], один из разработчиков двух

---

[420] Цит. по: *Дробижева Л.М.* 110 интервью Л. Дробижевой. С. 21.

[421] *Исхаков Д.М.* Татарское национальное движение 1980–1990-х годов // Татары. – М.: Наука, 2001. С. 520–522.

[422] Р.С. Хакимов, сын известного татарского поэта Сибгата Хакима.

программ ТОЦ. Выбор определялся также и умеренной позицией Хакимова в интерпретации суверенитета, интегрировавшей интересы, как татар, так и русских в концепции политики идентичности 1990-х гг. Последний так характеризовал свои взгляды: *«Мы трактовали суверенитет как идеологию всего татарстанского общества. Было радикальное крыло, его представляла Фаузия Байрамова. Она считала, что суверенитет должен быть этническим и означать полную независимость. Титульная нация, полагала она, должна быть хозяином в доме. Спрашивается, кто же тогда русские?»*[423].

Участие татарских интеллектуалов-гуманитариев не ограничивалось формированием символической политики и политики памяти. Часть из них активно участвовала в разработке Декларации, в подготовке Договора о разграничении полномочий между Татарстаном и федеральным центром.

Социологические и исторические основания дискурса национального самоопределения татар

Политические усилия властной и «символьной» элит не были бы столь плодотворны, если бы не было социальной основы – групп, которые разделяют транслируемую систему ценностей, а также исторической традиции, с помощью которой можно было бы обосновать легитимность конструируемого этнонационального дискурса. Анализ содержания дискурса национального самоопределения выявил приверженность его авторов идеям модернизации татарского общества. Идеи ТОЦа и радикальной партии «Иттифак» были комплиментарны дискурсам джадидистов и кадимистов, получивших наиболее яркое выражение в конце XIX – начале XX вв. Идеологии джадидизма и кадимизма пытались сохранить этнорелигиозную идентичность татар в условиях буржуазной эпохи и национализирующихся государств. Модернизационные идеи Европы, получившие широкий резонанс в русском обществе, по-своему интерпретировались в татарской среде. Татарские либералы приветствовали европейские ценности,

[423] *Овруцкий Л.* Разговоры с Хакимовым. – Казань, 2000. С. 19.

признавали значимость русской культуры и языка для прогресса татарского общества. Кадимисты видели путь сохранения общности через ее консервацию. В его основе лежала стратегия замкнутости мусульманской общины. Самодостаточность обеспечивалась социально-экономическим укладом жизнедеятельности традиционных сельских общин, с соблюдением шариата во внутренней жизни и догматической системой мусульманского образования.

Воспитание конформной и ограниченной личности оспаривалось сторонниками реформаторского движения. Введение джадидистами светских наук, творческий подход к изучению ислама, введение русского языка, наряду с татарским языком обучения – должны были, по их замыслу, преодолеть инертность сельского менталитета и способствовать формированию урбанизированной личности, адаптированной к быстро развивающейся социальной реальности на основе своей национальной «высокой культуры».

Позиции джадидизма явно прослеживались в официальной модели государственного развития Татарстана. В ней сочетались западные ценности – рынок, частная собственность, демократия, и национальные – учет исламского фактора и этнических ценностей. Преемственность идей на идеологическом уровне элит обеспечивалась участием татарских интеллектуалов-историков, владевших наследием татарской общественной мысли. Если же говорить о массовой поддержке идей, о социальной базе дискурса национального самоопределения, то ее основу составили сельчане и горожане первого поколения, среди которых уровень актуализации этничности был наиболее высок[424]. В чем же причины социальной поддержки модернизационного дискурса?

---

[424] Настроения этнически ориентированной части татар помогает понять проведенный автором контент-анализ читательских писем, поступавших в редакции республиканских газет и журналов в 1989–1990 гг,; а также опыт массовых этносоциологических опросов 1994, 1996, 1998 гг. Детально эти аспекты анализируется в монографии: *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане.

Татарское общество 1990-х, если его рассматривать с точки зрения актуализированности этнических ценностей на уровне личности, делилось примерно на две равные половины. Демаркационная линия затрагивала категорию социального происхождения и фактор социализации, которая проходила либо на татарском, либо на русском языках. Этнически направленная система ценностных ориентаций была сильнее представлена у татар-сельчан и горожан первого поколения. В свою очередь, внутри последней группы можно было выделить наиболее активные подгруппы. Первая – этническая элита, ядро которой составляла художественная и гуманитарная интеллигенция и политическая элита. Вторая – рабочие относительно молодых индустриальных центров, выходцы из села (примером мог послужить г. Набережные Челны: не случайно, этот город составлял национально-радикальную оппозицию умеренной, центристской Казани).

Чтобы представить удельный вес анализируемой группы (этнически ориентированных татар) в татарстанском обществе 1990-х гг., полезно обратиться к данным по миграционным процессам в республике. По сравнению с переписью 1979 г., перепись 1989 г. показала, что городское население Татарстана выросло с 37,7% до 42,1%. Численность татар в сельской местности республики уменьшилась на 21,5%[425]. Учитывая активность урбанизационных процессов в республике, можно говорить о том, что удельный вес данной группы – значителен. Из нее рекрутировались активисты национальных движений, а представители, составляющие ее пассивную часть, с пониманием и сочувствием относились к их идеям.

Как показали предыдущие исследования автора, сочувствие национальным идеологемам не возникает на пустом месте, а определяется непосредственным опытом человека. Негатив этого опыта, объединяющего выходцев из села, был связан с асимметричностью общесоветской и татарской «высоких культур». Их несовпадение нарушало преемственность

---

[425] *Мустафин М.Р., Хузеев Р.Г.* Все о Татарстане. Экономико-географический справочник. – Казань, 1994. С. 16–17.

первичной и высшего звена вторичной социализации, что затрудняло включение бывших сельчан-татар в престижные сферы социальной деятельности. Именно этот фактор и обусловил, на наш взгляд, актуальность модернизационного вектора на этнонациональной почве.

Психологические «корни» – связаны с потерей своего «дома» в условиях города, когда в столкновении с другой культурой и языком разрушалась, или подвергалась сомнению неизбежность и самоочевидность субъективной реальности, выстроенной на «материнском языке» и этнической культуре. Когда «значимые другие» в рамках этой культуры (в соответствии с которыми личность выстраивала свое идеальное «Я») теряли свой престиж в контексте общесоветской «высокой культуры». Попытка снять стресс заставляла бывшего сельчанина воссоздавать свой национальный «дом» в условиях города, а когда этничность была легитимирована на государственном уровне, и защищать его гласно.

Не случайно, контент-анализ читательских писем, присланных на конкурс «Татар–90»[426] (где надо было обосновать выбор лучшего представителя нации), показал, что самым ценным качеством, победившей в 1990 г. в этом конкурсе Ф. Байрамовой, стала ее характеристика как защитника нации (этничности, «дома»). Это отметили 72% читателей. Ярким примером стремления отстоять право на жизнь своего «дома» могут послужить публикации писателя и народного депутата РТ Т.А. Минуллина в газете «Татарстан яшьләре», печатавшиеся в специальной рубрике. В качестве характерного примера можно привести его «Кодекс татарина», опубликованный в преддверии проведения II Конгресса татар, в июле 1997 г. Обращаясь к читателю, автор писал, что татарская молодежь может гордиться своим народом, его языком и культурой, и далее, призывал:

---

[426] Ежегодные конкурсы, которые проводил, начиная с 1989 г., один из наиболее этнически ориентированных для того периода, республиканский журнал «Идель» (выпускался как на татарском, так и на русском языках).

«Татарин! Помни, ты не хуже ни одного народа на земле! В истории народа есть достойное место и для тебя. Не верь тем, кто чернит твою историю!»[427].

Доминирующие в региональных татароязычных СМИ темы «своего места в истории у татар», достоинства, призывы к татарам гордиться своей историей, языком и культурой – свидетельствуют о стремлении восстановить чувство собственного достоинства не столько в реальном социальном контексте, сколько в символическом пространстве истории, в иерархии статусов.

Асимметричность «высоких культур» явилась основанием внутринационального раскола среди татар, поскольку произошло наложение социального конфликта между городом и деревней на конкурентность культур, когда носители невостребованной национальной культуры оказывались в невыгодном положении по отношению к русскоязычным городским татарам. Актуальность этнических ценностей сильно снижалась уже у второго поколения татар-горожан. Родителям, бывшим сельчанам, было трудно обосновать (кроме как эмоциональной привязанностью) важность национальной культуры и языка рационально настроенным детям, успех социального продвижения которых зависел от знания русского языка и культуры[428].

В заключение отметим, что исследование деятельности ключевых акторов в формировании политики идентичности Татарстана в 1990-е гг. свидетельствует о слаженности тандема политической и «символьной» элиты. Ролевое распределение состояло в том, что властная элита задавала основной вектор в идентификации региона, где стержневую роль выполнял этнический факор, а «символьная» элита формировала содержательные и ценностные компоненты символической политики и политики памяти. Идеологический спектр в большей мере был представлен центристской

---

[427] Татарстан яшьләре, 22.07.1997.

[428] См.: *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Указ. соч.

позицией (развитие татарского языка и культуры в рамках Татарстана как субъекта Российской Федерации) при снижающейся активности радикального крыла национального движения. Значимую роль в реализации символической политики и политики памяти выполняли стимулирующие группы: редакции и журналисты официальных и татароязычных изданий, творческая и гуманитарная интеллигенция.

Высокая степень сплоченности тандема и стимулирующих групп обеспечивалась этническим происхождением, сходством социального опыта и ощущением чувства ущербности, в связи с восприятием своей национальной культуры и языка как «архаичных», «отсталых» относительно общесоветской «высокой культуры», основанной на русской культуре и языке. Социальная поддержка проводимой политической элитой в 1990-е гг. политики обеспечивалась актуальностью двух форм социального неравенства: социально-экономического (несоответствие уровня экономического потенциала ТАССР уровню жизни населения республики) – поддерживалось всем населением региона; и этнокультурного (сужение сфер функционирования татарского языка и отставание в развитии татарской культуры) – что было актуально для татар.

2.2. Республиканские масс-медиа в легитимации политики региональной элиты

Исследования татарстанской прессы, начиная с конца 1980-х годов[429], показали ее важную роль в процессе воспроизводства этничности в республике, в формировании символической политики и политики памяти. Политизация этничности в национальных республиках РФ стимулировала ученых исследовать причины возросшей роли СМИ в этнополитических и этнокультурных процессах. Первая, по их мнению, состояла в том, что со второй половины XX века этничность перешла из материальной сферы в духовную, в сферу массовой психологии и политики. Ко второй можно отнести деятельность новых элит, которые стали формировать новые этнополитические и этнокультурные идеологии, широко используя при этом массовые коммуникации[430].

Изучение деятельности республиканских СМИ в контексте нашего исследования приобретает особую значимость в связи с использованием аналитического концепта «дискурс национального самоопределения». Будучи продуктом власти и интеллектуалов, ДНС не смог бы иметь социального эффекта без его репрезентации в публичном пространстве, общественных дискуссий и без внедрения его стержневых идеологем в массовое сознание.

Как происходят сдвиги в массовом сознании, что влияет на эти трансформации? С одной стороны известно, что массовое сознание – достаточно инертное явление, и его сложно изменить. С другой стороны, мы

---

[429] *Малькова В.К.* Пресса о современной этнополитической ситуации в Татарстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 41. – М., 1993; *Сагитова Л.В.* Республиканская пресса как фактор формирования национального самосознания в Татарстане в современных условиях // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М., 1995; Республиканская пресса и межнациональные отношения. Информационный бюллетень. – М., 1995; *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Указ. соч. и др.

[430] Досье для журналистов, специализирующихся по этнической тематике / сост. В.К. Малькова // Материалы семинара «Разрушение негативных этнических стереотипов, употребляемых в российских СМИ», Казань, 29–30 мая 2001 г. 54 с.

стали свидетелями того, как такая общность, объединенная общей идентичностью «советский народ» – в течение нескольких лет распалась на этнические группы, нередко конфликтующие между собой. Что же повлияло на такого рода трансформацию? Какова здесь роль журналистов и СМИ? Каковы социальные основания восприимчивости ДНС массовой аудиторией СМИ и какова роль масс-медиа в формировании политики идентичности?

Проблема взаимодействия аудитории и СМИ активно обсуждалась и обсуждается учеными до сих пор. Суть споров сводится к вопросу: каковы пределы манипулирования массовым сознанием? Одни исследователи рассматривают человека в системе коммуникаций как пассивный элемент. На него направлено все воздействие СМИ, их «пропагандистская тренировка», и он почти полностью подпадает под их влияние[431]. Их оппоненты подчеркивают значимую роль условий жизни человека. По их мнению, идеи и представления, создаваемые СМИ, «вплетены в материальную действительность и материальное общение людей»[432].

Наши исследования деятельности СМИ в контексте развития этнополитической и этнокультурной ситуации в Татарстане за последние 25 лет подтверждают справедливость второй точки зрения. Оказалось, что на восприятие информации, тиражируемой СМИ, влияет совокупность самых разнообразных факторов. Среди них – политический, социально-экономический, этнокультурный. Названные факторы оказывают влияние и на деятельность самих субъектов информационного поля – журналистов. Взаимообусловленность социального контекста с формирующимся информационным полем стимулировала нас использовать комплексный подход, когда в ходе анализа сопоставляются содержание и характер этнической информации в различных республиканских печатных изданиях с действием факторов, о которых говорилось выше. Мы исходим из того, что

---

[431] *Lasswell H.D.* The Theory Political Propaganda // Reader in Public Opinion and Communications / Ed. by B. Berelson, W. Janovitz. – Glencoe, IL: Free Press, 1953. P. 176–180.

[432] *Мельник Г.С.* Mass-media: психологические процессы и эффекты. С. 12.

многомерный анализ способен дать более глубокую картину и помочь избежать одностороннего взгляда на изучаемую проблему.

В настоящем исследовании для нас было важно не только провести мониторинг этнической информации[433], появляющейся в республиканской прессе, поскольку она несет не только то или иное содержание, но и выполняет определенную инструментальную функцию в формировании политики идентичности. С одной стороны, делает достоянием общественности и тем самым реифицирует идеологические концепции и стратегии элитных групп, легитимирует их властные полномочия на уровне региона. С другой стороны, формируя социальные установки у своей аудитории, СМИ предопределяют стратегию поведения у достаточно больших групп населения, формируя мобилизационный потенциал социальной базы, к которой адресует свои обращения властная элита.

Дискурс национального самоопределения, как фактор легитимации татарстанской правящей элиты в 1990-е гг., формировался и получал кристаллизацию в публичном пространстве благодаря деятельности региональных средств массовой информации. Исследование деятельности СМИ в контексте решения поставленных задач требует детального анализа комплекса факторов, повлиявших на становление нового формата коммуникации центральной и региональной властей в трансформирующемся поле российской политики. Исследование этих изменений, предоставивших новые возможности для региональной элиты в реализации ее интересов и в формировании политики идентичности, невозможно без учета влияния политической конъюнктуры с одной стороны, и особенностей системной трансформации института массовой коммуникации от централизованной советской модели – к демократической в условиях рыночной экономики.

---

[433] Употребляя этот термин в качестве основного операционального понятия, мы используем определение, данное В.К. Мальковой, под которым подразумевается информация, в которой содержатся четкие этнические маркеры: этнонимы, национально-административные регионы и страны, слова «этнический», «национальный», упоминаются общеизвестные национальные символы и ценности. См.: Досье для журналистов. С. 6–7.

* * *

Исследование роли публичного пространства и, собственно, деятельности СМИ становится важным для анализа процесса легитимации региональной политической элиты в условиях ее борьбы за власть и массовую поддержку населением региона. Для нас важно проследить путь легитимации национализма, как идеологии-девианта, и понять, каким образом дискурс национального самоопределения получил легитимность в публичном пространстве региона в конце 1980-х и в 1990-е гг., тогда как еще совсем недавно он интерпретировался как чуждая и враждебная советской власти идеология? Это связано с исследованием структурных составляющих коммуникации, сфокусированного на обстоятельствах, или условиях коммуникации, а также на субъекте, контролирующем публичное пространство.

Политическая трансформация конца 1980-х – начала 1990-х сопровождалась процессами девальвации советской модели общественного развития, деидеологизации, пересмотром роли союзного центра в жизни государства и бесправного положения регионов в условиях чрезмерной централизации. Инициированная союзной партийной элитой ревизия советского наследия вызвала к жизни общественный подъем, вдохновленный идеями обновления и поиска нового вектора развития в условиях кризиса советской системы. Объявленная парадигма общественной демократизации кардинально меняла содержание и способы функционирования постсоветского публичного пространства, формируемого СМИ. Среди значимых в контексте нашего исследования последствий следует назвать:

– изменение коммуникации «центр – регион» вследствие кризиса политической системы и ослабления самой центральной власти;

– трансформация стиля коммуникации центральной власти с региональными элитами с командно-административного – на диалоговый;

– переход функции контроля СМИ к региональной элите;

– плюрализация идеологического пространства, формируемого центральными и региональными СМИ;

– обогащение агентов идеологического влияния субъектами «снизу» – журналистами, оппозиционными общественными деятелями, представителями национального движения, ранее, вследствие цензуры, не имевшими доступа к СМИ.

Переход функции контроля над информационным полем республики к региональной элите следует расценивать как обретение ею ключевого ресурса влияния на массовое сознание населения Татарстана и в то же время – инструмента формирования его постсоветской идентичности. Характеризуя ресурсную базу – республиканских СМИ, следует остановиться на аспекте плюрализации и усложнения идеологического поля информационной среды. Так, уже начиная с конца 1980-х гг., довольно небольшой спектр официальных русскоязычных и татароязычных СМИ обогатился, как новыми изданиями с государственным участием, так и частными. Выигрышность приобретенного правящей элитой ресурса состояла в четкой функциональности идеологического обеспечения ее политики республиканскими СМИ. Так, официальные издания «Республика Татарстан» и «Ватаным Татарстан» – в сложный период противостояния с федеральным центром придерживались позиции политкорректности и фокусировались преимущественно на безоценочной ретрансляции происходящих в республике событий. Часть прежних и появившихся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. государственных и частных татароязычных изданий, представляли платформу для национальных движений, как центристского, так и радикального направлений. И, по сути, два частных русскоязычных издания (газеты «Вечерняя Казань» и «Крис») представляли позицию демократического и русско-ориентированного республиканского движения. Если учесть стремительный рост татароязычных изданий[434] с конца 1980-х

[434] В 1996 г. в Мининформпечати РТ было зарегистрировано 333 издания. Из них на татарском языке – 40 газет и 8 журналов, на русском 149 газет и 10 журналов,

гг., формирующих дискурс национального самоопределения республики, а также размер аудитории печатных СМИ, можно говорить о системной и влиятельной информационной базе властной элиты.

Характеристика главного субъекта коммуникации, формирующего и направляющего информационный контент в идеологическом русле, заслуживает особого внимания. Ибо именно в этой плоскости тандем политической и «символьной» элит продемонстрировал наибольшую эффективность. В первом разделе данной главы мы подробно представили основания общности интересов названных групп элит. В то же время анализ механики действия дискурса национального самоопределения в начале 1990-х требует детального изучения факторов эффективности идеологического влияния на массовое сознание. В связи с этим, остановимся на изучении взаимодействия составляющих триады коммуникационного процесса: «политическая и «символьная» элита – СМИ – аудитория СМИ». В представленной коммуникационной цепи важно проследить, какие факторы стимулировали включенность в этнонационалистический дискурс журналистов республиканских СМИ и какие идеологемы вызывали отклик у их аудитории.

Исследуя механизм этнической мобилизации в республиках СССР, в конце 80-х – начале 90-х годов, Л.М. Дробижева дифференцирует различные группы интеллигенции по их участию на разных этапах национальных движений. Так, она отмечает, что если инициативу перестройки в стране взяла на себя часть лидеров Политбюро ЦК КПСС, подпитываемая научной интеллигенцией из центра, то в национальных движениях инициатива уходит из центра, она переходит к более широким и различающимся по регионам

одновременно на русском и татарском языках – 67 газет и 14 журналов. Из них – 31% имели в качестве учредителей государственные структуры; 12% – общественные организации и движения; 12% – принадлежали физическим лицам; 21% – предприятиям и научным учреждениям; 23% – акционерным обществам, финансовым компаниям и фирмам См.: *Ахметзянов И.Г.* «Язык народа моего» // Информационно-методический бюллетень Аппарата Президента РТ. – № 9. – Казань, 1997; Татар китабы, матбугат һәм массакуләм мәглумат чоралары. – Казан, 1997. – С. 3.

группам интеллигенции. Функционально, различные группы интеллигенции отличаются тем, что научная интеллигенция вырабатывает идеи, имеющие силу воздействия на массы, отражающие национальные интересы, создает организационные принципы новых структур. Творческая интеллигенция выступает глашатаем этих идей; третий эшелон интеллигенции (работники СМИ – журналисты, ответственные лица и корреспонденты радио и телевидения) – «настраивают» массы. Когда движение оформилось, к нему присоединяются учителя, производственная интеллигенция, превращая его в массовое. Административно-управленческая интеллигенция чаще остается конформистской[435].

По мнению автора, включенность в национальное движение тех или иных групп интеллигенции зависела также от того, какие выдвигались идеи: приоритет политических и экономических требований выдвигал на первый план политологов, юристов, экономистов; требования, связанные с необходимостью возрождения культуры и языка – разрабатывали филологи, историки, писатели. Кроме того, Дробижева выделяет две формы влияния интеллигенции на выработку правительственных решений: создание общественного мнения вокруг проблем; участие в разработке государственных актов, программ, постановлений.

Для нас важен вывод автора о связи социального происхождения интеллигенции со скоростью и эффективностью мобилизации населения вокруг этнических ценностей. Ученая объясняет это тем, что интеллигенция первого поколения социально близка широким слоям населения[436]. Кейс с татарской интеллигенцией подтверждает это наблюдение.

Социальные характеристики национальной интеллигенции татар формировались под влиянием советской социально-экономической и политической конъюнктуры. До революции 1917 г. ее численность была невелика: по переписи 1897 г. 91,5% татар составляли сельчане. В первые

---

[435] *Дробижева Л.М.* Роль интеллигенции в развитии национального самосознания. Указ. соч. С. 90–91.

[436] Там же, с. 92–95, 96, 98.

советские годы, в 1926 г. в городах республики проживало 5,2% татар. И лишь форсированная советская индустриализация на территории ТАССР привела к значительному увеличению татар-работников умственного труда[437]. Наряду с этим, со второй половины 1940-х гг., процесс урбанизации стимулировал миграцию татар-сельчан в города, что привело к увеличению доли татар – горожан первого поколения[438] (Таблица 1).

Таблица 1

Удельный вес городского и сельского населения в Татарстане с 1920 по 1994 гг.

Год	Городское население в %	Сельское население в %
1920	9,5	90,5
1939	21,1	78,9
1959	41,8	58,2
1970	51,5	48,5
1979	63,4	36,6
1989	73,0	27,0
1994	73,5	26,5

[437] В 1926 г. в республике работало 3 инженера-татарина, а по переписи 1959 г. только в Казани их было более 1200. Соответственно, педагогов имелось 1680 человек, а стало – 4400 человек; работников искусства – 76 человек, к 1959 г. их число увеличилось в 7 раз. См.: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. – М.: Наука, 1973. С. 15; *Исхаков Д.М.* Этнодемографические процессы в Татарской АССР в 1920–1980-х гг. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 1990. С. 244. По исследованиям этносоциологов, проведенным в 1970-е гг. 3/4 татар-интеллигентов были работниками умственного труда в первом поколении. Эта тенденция сохранялась и среди высшего звена интеллигенции. В ходе республиканского исследования татарской творческой интеллигенции (1989–1990 гг., рук. Д.М. Исхаков, Р.Н. Мусина) было выявлено, что из общего числа опрошенных писателей – 56% респондентов составляют выходцы из села. См.: *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. С. 252–254. Проведенный автором статистический анализ книги «Кто есть кто в Республике Татарстан» (Вып. 2. Казань, 1996) показал, что научная и творческая татарская интеллигенция представлена на 60,7% – выходцами из села; на 39,3% – горожанами. Но среди отдельных групп интеллигенции существовали диспропорции. Татары в республике, по данным 1967 г., были лучше представлены в таких отраслях народного хозяйства, как искусство и управление, и меньше – в науке и здравоохранении. См.: Социальное и национальное. С. 21.

[438] *Исхаков Д.М.* Этнодемографические процессы. С.244.

Именно эта категория населения была близка по социальному происхождению и духу «молодой» татарской интеллигенции и составила социальную базу этнонациональной идеологии. В этой цепи ключевая роль агента-ретранслятора принадлежала журналистам татароязычных СМИ, которые также в большинстве своем были выходцами из села. В цепи взаимодействия «элита – СМИ – население РТ» она вполняла роль проводника, доводящего идеологию элитных групп на уровень массового сознания.

Содержание дискурсов, задающих повестку дня в республиканском информационном поле, определялась в 1990-е гг. политической конъюнктурой, формируемой взаимодействием «федеральный центр – Татарстан». Как показывает практика постсоветского развития республики, идеологическая и эмоциональная составляющие дискурсов формируются в условиях различающихся режимов взаимодействия «центр – регион»: конфронтационного или режима сотрудничества. В Татарстане, в период активного формирования дискурса национального самоопределения (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) уровень насыщенности информационного поля этнической информацией был высоким. Показательно, что идеи этнического ренессанса вышли в поле публичности после широкого обсуждения социально-экономических и экологических проблем республики. В свою очередь, эти темы стимулировали обращение к положению национальной культуры и языка татар.

Актуализация этничности в республике вывела в поле публичности этнические стереотипы, ранее существовавшие лишь на бытовом уровне. Характерно, что первая волна этнической информации в республиканской прессе (конец 1980-х первая половина 1990-х годов) была насыщена этническими стереотипами о самом народе (автостереотипы) и о народе – соседе (гетеростереотипы). Характеристики русских в тот период находили отражение, в основном, в журнальных публикациях, и чрезвычайно редко – в газетных. Содержательный анализ гетеростереотипов показал, что на фоне

противостояния с федеральным центром, который часто отождествлялся с русскими, стремление к самостоятельности сопровождалось усилением подачи отрицательных гетеростереотипов. В качестве примера можно привести характерную формулу сопоставления положительного автостереотипа и отрицательного гетеростереотипа из журнальной публикации за 1990-ый год*: «Известно, что татарский народ славен как народ активный, работящий, созидательный. Но все чаще и чаще в наш народ проникают ... такие пороки как лень, пьянство, безразличие»*[439]. Подача образа смягчалась фразой о том, что эти пороки «в наш народ проникают не от соседа, не от соседства, а от «подселения», тем самым происходила переориентация негатива с бытового уровня – на уровень идеологический, связанный с деятельностью государства, ведущего политику «подселения»[440].

Данные анализа СМИ показали, что в период актуализации этничности «символьной» элитой и агентом-проводником более выпукло преподносились позитивные автостереотипы и замалчивались позитивные гетеростереотипы. Наряду с этим муссировались отрицательные гетеростереотипы и вводились дополнительные отрицательные автостереотипы, выполняющие инструментальную функцию: их цель – пробуждение национальной гордости, самоуважения, активизации читателя и побуждение его к определенным действиям, реабилитирующим чувство национального самоуважения.

Эффект идеологической оппозиции «мы – они» усиливался и за счет использования образа «народа – жертвы»[441], который, по словам авторов, на протяжении длительного исторического периода «подвергался притеснениям со стороны российского государства». Эмоционально заряженный образ «жертвы» концентрировал в себе жизненный опыт бывших сельчан,

---

[439] *Рахимова Б.* Соседи. Указ. соч. С. 53.

[440] Там же.

[441] Доминирующим мотивом значительной части публикаций с этнической тематикой являлся «мотив жертвы». Из общего числа публикаций (86) журнала «Идель» за два года (1990–1991 гг.), этот мотив звучал в 25-ти, причем чаще он встречался при оценке социально-экономического положения и в статьях, посвященных восстановлению исторической памяти.

столкнувшихся с теми или иными формами этнокультурного/ социального неравенства, что показал проведенный нами контент-анализ читательских писем, поступивших в журнал «Идель» с 1989–1990 гг. Основной спектр тем их авторов комплиментарен публикациям татароязчных СМИ: негативное восприятие русификации татар; умаление роли наций, в том числе и татарской, в истории России, наличие негативных стереотипов по отношению к ним со стороны государства и русского населения; тенденциозность в освещении истории татар; ощущение второсортности татар; восприятие татар, как народа-жертвы; Россия, интерпретируемая как «империя-колонизатор». В тот период газетные публикации почти не содержали конкретно, лексически оформленных этнических стереотипов. Другой их особенностью являлось то, что обсуждение национальных отношений, их конфликтные проявления, переносились в сферу межгосударственных отношений. Интенсивность обсуждений коррелировала с наиболее напряженными для государственности Татарстана периодами, и, как правило, здесь, в бóльшей степени, активизировалась татароязычная пресса. В период конституционного кризиса 1993 г. контент-анализ татароязычной прессы показал, что в 95% анализируемых статей[442], присутствовала тема России. Наиболее актуальной из них была тема обвинения России в унитаризме, ущемлении суверенных прав республики, которая развивалась «символьной» элитой во время октябрьских событий 1993 г. у Белого Дома. Противопоставление центра и региона по-разному представлялось официальной и неофициальной прессой. Первая публиковала безоценочную информацию с хроникой тревожных московских событий на фоне «спокойной» и «стабильной» ситуации в Татарстане и «эффективного взаимодействия исполнительной и законодательной власти». Неофициальная пресса была более свободной в интерпретации событий и печатала

[442] В источниковую базу входило 180 публикаций из газеты «Татарстан яшьләре» и 120 публикаций из газеты «Ватаным Татарстан».

эмоционально заряженные статьи с оценкой событий у Белого Дома, назвав их «вторым кровавым воскресеньем»[443].

«Символьная» элита на страницах прессы транслировала оппозиционный Москве и центральной власти дискурс: если в России идет выяснение отношений, борьба, поиски врагов, то в Татарстане тем временем работают, стараются найти выход из экономического кризиса. Таким образом, положительный автостереотип «татары – трудолюбивый народ» использовался в качестве характеристики республики и переносился в сферу межгосударственных отношений.

В 1990—е гг. наряду с символической политикой активно формировалась и политика памяти. Исторические сведения получали художественное освещение в газетных публикациях и в произведениях поэтов, писателей, художников и музыкантов, а также в учреждении нового национального праздника – Дня памяти погибшим защитникам Казани при завоевании Казанского ханства Иваном Грозным; актуализации древних Булгар в качестве святой земли предков. Идея собственной государственности, получившая развитие в дискурсе национального самоопределения выступала в качестве гаранта свободы от «государства-колонизатора»[444]. Дата покорения Казани, 15 октября 1552 г. была институционализирована в качестве народного праздника – Дня памяти погибших предкам, ежегодно проходившем в виде массовых шествий по центральным улицам Казани с завершающим молебном на территории Кремля.

---

[443] Наиболее эмоциональной была статья М. Юныса, в которой писатель провел аналогию с октябрем 1552 г. (взятие Казани), октябрем 1956 г. (события в Венгрии), сделав вывод, что для России кровопролития – закономерность См.: Татарстан яшьләре, 09.12.1993; 10.12.93; 11.12.1993.

[444] В качестве яркого примера можно привести статью писателя М. Юныса «Уста руин», где инструментальная функция символа выражена наиболее ярко: «Под этими камнями (в Булгарах – *Л.С.*) похоронена эпоха наших дедов, живших свободно. И если мы сегодня, борясь за независимость, не сумеем сплотиться, ... то наши зародившиеся надежды тоже будут похоронены под этими руинами». См.: Татарстан яшьләре, 13 мая 1993.

Политика памяти вводила в символический контент объекты исторической архитектуры. Так образом «несвободы» и «покорения» татар русскими стал Памятник покорителям Казани в 1552 году, расположенный в центральной части города. Представители татарской интеллигенции интерпретировали его как «символическое закрепление неравноправия татарского народа»[445]. Общим знаменателем для всех тем, касающихся этнического ренессанса, стала тема государственности, которая преподносилась в СМИ как необходимое условие для сохранения и развития этнической культуры, языка татар; дальнейшего социально-экономического развития республики; как формы государственности для всех татар РФ и мира.

Анализ информационного поля в новой политической конъюнктуре 2000-х гг. показал, что доля этнической информации в республиканских СМИ значительно уменьшилась[446]. Изменилась и направленность ее подачи. Так, официальные издания «Республика Татарстан» и «Ватаным Татарстан» воспроизводят дискурс паритетности культур[447] в духе советской идеологии дружбы народов. В качестве характерного примера можно привести репортаж с открытия мечети Кул-Шариф в Казани:

«Несколько тысяч человек, съехавшиеся со всего Татарстана, приняли участие в церемонии водружения последнего полумесяца на минарет строящейся в Казанском Кремле мечети Кул Шариф. Тема мира и дружбы

---

[445] См.: Ватаным Татарстан, 1 ноября 1996. выход виделся в восстановлении принципа справедливости ко всем участниками исторических событий: установление памятника защитникам Казани или же превращение существующего памятника в Музей с экспозицией, воссоздающей события 1552 года. См.: *Шамси С.* «Памятник?». Указ. соч. С. 49.

[446] Для сравнения: доля этнической информации в официальной газете «Известия Татарстана» в 1994 г. доходила в среднем до 45%, в 2001 г. – до 11%. См.: Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения. Указ. соч. С. 7.

[447] Из всего проанализированного объема публикаций за 2000–2001 гг. доля публикаций, освещающих темы истории, культуры и взаимодействия народов республики и Поволжья, составила 34% .

между народами и конфессиями звучала из уст всех выступавших у мечети Кул Шариф»[448].

Материалы, как правило, выдержаны в неконфликтной, доброжелательной форме. Так, если в теме татар в России, ранее преобладали эмоции, чувство обиды, акцентировалась роль жертвы, то с 2000-х годов преобладает фактический материал, нейтральное, спокойное повествование в интегративном ключе. Показательным примером может стать освещение республиканского проекта «Великий Волжский путь», реализуемого в течение 5 лет в ходе подготовки празднования 1000-летия Казани, которое обозначило идеологический разворот к интеграции с общероссийским пространством. В одной из публикаций Великий Волжский путь рассматривался как культурно-историческое достояние татар, несущее потенциал для успешного развития России: *«Чтобы поднять сегодня Россию на ноги, необходимо развитие Великого Волжского пути»*[449].

Татароязычная пресса в этот период преимущественно воспроизводит дискурс единения татар России, печатая статьи об истории татар и их культуре. Отход редакций татароязычных изданий от эмоциональной репрезентации этничности в журналистских публикациях, тем не менее, не исключил ее из контента СМИ: оценочность и эмоции к событиям подаются в формате читательских писем, публицистических или поэтических произведений деятелей национальной культуры и самодеятельных поэтов.

Динамика в подаче этнической информации в республиканских СМИ в различающиеся периоды политической конъюнктуры 1990-х и 2000-х гг. ярко прослеживается и в освещении этноязыковых проблем татар официальными изданиями РТ. Одним из показательных сюжетов, иллюстрирущим динамику интерпретации этнической информации в республиканских СМИ, явилось обсуждение перехода татарской

---

[448] Республика Татарстан, 6 октября 2001.
[449] Ватаным Татарстан, 16 февраля 2002.

письменности с кириллицы – на латинскую графику[450]. Дискуссия, развернувшаяся в связи с этим в прессе 1990-х гг. обозначила наряду с культурологическими и политические аспекты: обоснование перехода содержало, как инструментальные позиции, так и сепаратистски ориентированные[451]. Смена социально-политической конъюнктуры с приходом к власти В.В. Путина и усиление центростремительного тренда во внутренней политике страны стимулировали интеграционные идеологемы в политике идентичности Татарстана и уход этнонационалистических тем на периферию публичного поля. Так, с 2000-х годов обсуждение проблем развития языка и перехода на латинский алфавит обсуждалось не так интенсивно и с меньшими эмоциями, чем в предыдущее десятилетие. За 2001–2002 гг. в «Республике Татарстан» всего 6% публикаций из всего проанализированного объема было посвящено языковым проблемам. В «Ватаным Татарстан» – 9%. Информация о переходе на латинский алфавит представлялась официальными заявлениями политиков, стремящимися снизить накал страстей вокруг этой проблемы, мнениями экспертов и откликами читателей. Официальная позиция подавалась в русле правительственных соглашений по разграничению полномочий между РФ и РТ. Так, «Республика Татарстан» репрезентировала официальную позицию Председателя Госсовета РТ Ф.Х. Мухаметшина:

«Думаю, что это неправильно – указывать из Москвы, какому народу каким шрифтом писать на своем родном языке. Это не дело и не

---

[450] За период советской власти у татар два раза менялась графика – с арабской – на латиницу (1929 г.); с латиницы – на кириллицу (1939 г.). Этот факт предопределил деление татарской интеллигенции на сторонников введения того или иного шрифта. Предложение о возврате к арабской графике – неизменная позиция Булгарского национального конгресса. Считая, что арабская графика более близка фонетике и традициям татарского языка, его представители выдвигают еще один аргумент: «национальному самосознанию наиболее приемлем возврат к арабской графике, открывающей каждому доступ не только к Корану и исламской культуре, но и к литературным и историческим первоисточникам».

[451] Татароязычные СМИ, освещая дискуссии ученых и общественности, приводили высказывание лидера «Иттифака» Ф. Байрамовой, которая заявляла: «Здесь не только о языке поставлен вопрос. В первую очередь нам нужно, чтобы наша нация, наша политика отошла от России». См.: Татарстан яшьләре, 22 февраля 1997.

полномочия федерального центра. Я думаю, что не стоит даже утруждать себя принятием такого рода закона»[452].

Официальные издания дали старт общественным дискуссиям, используя прием обратной связи с публикацией писем читателей и комментариями экспертов и общественных деятелей на продолжавшую оставаться злободневной тему. Преимущественно, подчеркивался инструментальный характер алфавита: удобная графическая система для татарского языка и средство эффективного овладения новыми компьютерными технологиями[453].

При этом на страницах независимых от государства СМИ («Вечерняя Казань» и «Татарстан яшьләре») ось напряжения «федеральный центр – субъект» проявляла себя и в новой политической конъюнктуре. В контексте нашего исследования будет полезным сопоставить подачу некоторых тем этими изданиями. Последовательность позиции газет проявляется в тоне подачи материалов, в сопутствующих комментариях. Так, и «Вечерняя Казань», и «Татарстан яшьләре» использовали приемы: иронии, сарказма, «говорящего» сопоставления фактов. Например, «Вечерняя Казань» сообщая о решении правительства РТ обсудить всенародно проект Конституции РТ, приводимой в соответствие с российским Основным Законом, использовала прием обесценивания события в восприятии читательской аудитории:

«Проблема всенародного обсуждения Конституции в том, что этот документ не увеличит толщину масла на хлебе у Васи Пупкина, не ввернет выкрученную соседом лампочку в его подъезде и не вылечит от болезни… Словом, никаким лишним благом не обрадует обывателя… следовательно, подавляющая часть населения наверняка останется равнодушной к ее обсуждению»[454].

Особенно ярко, в соответствии со стратегией «Вечерней Казани», подавались ключевые темы: тема языка, республиканского гражданства,

---

[452] Республика Татарстан, 4 октября 2001.
[453] Республика Татарстан, 9 октября 2001; Ватаным Татарстан, 3 октября 2001.
[454] Вечерняя Казань, 20 февраля 2002.

этничности в республике. Ответно, стратегия прореспубликанской и этнически ориентированной газеты «Татарстан яшьләре» делала объектом сарказма и насмешек факты российской внутренней и внешней политики. Причем, обе газеты «окрашивали» в соответствующие тона даже самый, казалось бы нейтральный материал. Так, в наиболее популярном субботнем приложении «Вечерней Казани» в рубрике «Субботний репортаж» была напечатана статья журналистки газеты с названием: *«Я татарский бы выучила! Только где?!»* У репортажа – особая маркировка, отличная от других публикаций: более темный цветовой фон внутри рамки и крупный, напечатанный жирным шрифтом заголовок на второй полосе. Журналистка рассказывает о перипетиях, связанных с поиском бесплатных курсов татарского языка. Начинается репортаж с иронической фразы: *«Помнится, закон принимали с большой помпой. Сколько пылких речей было сказано…»*[455].

Стратегия газеты «Татарстан яшьләре» нацелена на поддержание внутриэтнической солидарности. Газета изобилует краткой по форме информацией, репортажами, репликами. В них коротко передается суть событий, дается яркий, запоминающийся комментарий. Здесь четче проявляется оппозиция «мы» – «они» в сфере государственных отношений «федеральный центр – субъект». Например, процесс приведения Конституции РТ в соответствие с российской Конституцией газета преподносит, как возвращение к тоталитарному прошлому, когда автономные республики были бесправными[456]. Так, в публикациях газеты приводятся высказывания заинтересованных лиц (представители власти), говорится об абстрактных интересах народа, и при этом акцентируется этнический фактор («лакмусовой бумагой ее настроения станет День памяти, традиционно проводимый 15 октября, – по количеству и настроению участников можно будет судить о том, каков градус общественных

[455] Вечерняя Казань, 22 февраля 2002.
[456] Татарстан яшьләре, 2 октября 2001.

настроений» и делается заключение: «Ничем хорошим все это в конечном итоге не обернется». Общий тон статьи пафосный.

В «Вечерней Казани» – подход рациональный. Основной акцент в публикациях делается на повседневные нужды простых жителей Татарстана, независимо от их этнической принадлежности. Вся информация, содержащаяся в газете, подается с позиции простого обывателя, оппозиционного власти. Но поскольку власть представлена в бóльшей мере татарами, то информация несет посыл критики «этнократии в республике».

«Симметричность» стратегий и приемов этих двух газет выражается еще и в том, что даже краткая информация о республике в «Вечерней Казани» или о России в «Татарстан яшьләре» содержит оценочный компонент. Каждая газета нацелена на поиск негатива у противоположной стороны и умалчивание недостатков у своей. В «Вечерней Казани» в статье, посвященной обмену паспортов[457] – на конкретных примерах показывается как невыгодно, на практике, иметь в новом паспорте вкладыш на татарском языке, какие сложности поджидают его обладателя, если он выезжает за пределы республики. В противовес газета «Татарстан яшьләре» дает информацию о больших долгах по выплате заработной платы по всей России. Публикация «Государство снова утонет в долгах» заканчивается фразой: «А у нас в Татарстане долги по выплате заработной платы не высоки - 0,6%, относительно 8% по России»[458]. Информация подавалась на период обсуждения Договора о разграничении предметов ведения между РФ и РТ.

Таким образом, можно проследить, как каждое из независимых изданий находит свое основание для выстраивания оппозиции «мы» – «они»: для «Вечерней Казани» - это солидарность по принципу «мы – народ (безотносительно к этнической принадлежности)» – «они – власть - этнократия». Власть российская подается, как правило, обобщенно, без

---

[457] Особенность нового российского паспорта, в том, что в нем может фиксироваться (с помощью специального вкладыша на татарском языке) или же не фиксироваться республиканское гражданство, наряду с общероссийским.

[458] Татарстан яшьләре, 21 февраля 2002.

конкретных персонажей. Акцентируется ее функция восстановителя закона и справедливости. Постоянный мониторинг публикаций газеты показывает популярность темы нарушений местными властями российских законов в республике. Оппозиция «Татарстан яшьляре» выстраивалась по оси «татарский народ, республика» - «федеральный центр, российское государство» преимущественно на эмоциональных и оценочных образах.

Несмотря на изменение позиции и риторики властной элиты Татарстана в связи с установлением новой политической конъюнктуры, элементы дискурса национального самоопределения продолжали сохраняться в 2000-е гг. в негосударственных татароязычных СМИ. Их актуальность связывалась с опасением возврата к советской модели отношений «центр-регион»; игнорированием этнических интересов татар. Показательным сюжетом может послужить серия публикаций в издании «Татарстан яшьләре» в преддверии переписи населения 2002 г., когда разделение татар на этнографические группы в переписных бланках интерпретировалось политической и «символьной» элитами как политическая стратегия федерального центра в подготовке упразднения национальной республики[459]. Идеологический посыл публикаций был направлен на усиление внутриэтнической солидарности, укрепление связки «татары – республика», где Татарстан рассматривался в качестве гаранта сохранения самобытности татар.

Аудитория татароязычных СМИ в качестве социальной базы политики идентичности власти Татарстана

Продолжающая сохраняться в новой политической конъюнктуре актуальность идеологем дискурса национального самоопределения может иметь ряд объяснений. Среди них: нерешенные задачи модернизации татар; продолжающаяся с советской эпохи инерция ощущения второсортности у части татарского сообщества и татарской гуманитарной и творческой интеллигенции; несбалансированная национальная политика федерального

[459] Татарстан яшьләре, 9 октября 2001.

центра. Представленный ряд объяснений находится в плоскости конкуренции языка и культуры этнического большинства (русских) и меньшинства (татар). Для адекватного анализа принципиально важно саму ситуацию конкуренции рассматривать в динамике, поскольку меняющиеся условия (политические, социальные, этнокультурные, коммуникационные) меняют отношение аудитории СМИ к этнонациональной идеологии, этническим ценностям, языковому поведению.

Проведенный ранее анализ социального эффекта советской модели модернизации показал увеличение к 1980-ым гг. доли русскоязычных татар, жителей городов, что привело к внутриэтническому расколу татарского сообщества. Модернизационная модель советской власти предусматривала «доразвитие» «отсталых» нерусских народов до индустриального уровня, приобщение их к общенациональной «высокой культуре» и языку культурного большинства – русскому. Этничность в данной общественной парадигме мыслилась линейно: как движение от дикости – к цивилизации и воспринималась в обществе как архаика. Соответственно, городские татары, знающие русский язык и получившие на нем образование имели более высокий социальный статус в отличие от татар-сельчан. От поколения – к поколению происходила ассимиляция. Наблюдения в ходе этносоциологических опросов 1990-х гг. показали, что русскоязычные татары второго и далее поколений были ориентированы, в бóльшей мере, на русскую и западную культуру, и мало интересовались национальной культурой, поскольку их социализация проходила на русском языке, на основе русской культуры и ее «значимых других». Влияние оказывал и советский миф о «второсортности», «архаичности» этнических культур[460].

В постсоветский период возросший интерес татар к этническим ценностям и культурная политика республиканской власти восстановили позиции татарского языка. Закрепление его в качестве второго государственного языка на территории Татарстана с 1992 г., открытие

[460] См.: *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Указ. соч.

татарских школ и введение татарского языка в качестве обязательного во всех школах республики способствовало повышению языковой компетенции, в особенности среди молодежи. Так, по опросу 2011 г. среди школьников г. Казани 67,4% среди татар отметили позицию «Свободно говорю, читаю, пишу»[461]. Однако для нас важно рассмотреть, как конструктивистская деятельность республиканской элиты в сфере этничности повлияла на языковые предпочтения аудитории СМИ.

Результаты исследования республиканской медиа-аудитории в 2014 г.[462] показали, что предпочтение среди татар отдается русскоязычным СМИ. Данные качественного этапа исследования позволили сделать вывод о том, что это связано с качеством контента и профессионализмом журналистов. При этом каждый из видов СМИ имеет свою специфику, о которой пойдет речь ниже.

Печатные СМИ. По результатам названного исследования из 49,3% выборочной совокупности опрошенных татар 29,4% в разной степени используют татарский язык при чтении газет и журналов. При этом наблюдается достаточно сильная асимметрия между городской и сельской медиа-аудиторией (Таблица 2).

Таблица 2

Использование татарского и русского языков городскими и сельскими татарами при чтении печатных СМИ (укрупненные категории) %

На каком языке Вы читаете газеты и журналы?	городские татары	сельские татары
Только на татарском	8,2	35,8
В одинаковой степени на татарском и русском	37,6	44,4
Только на русском	54,3	19,8
ИТОГО:	100	100

[461] Данные республиканского этносоциологического исследования «О языках народов Республики Татарстан» (2011 г., Рук. Р.Н. Мусина).

[462] Республиканское исследование «Социолингвистический мониторинг этно-языковой ситуации в Республике Татарстан» (2014 г.).

Как было показано выше, основная аудитория печатных изданий на татарском языке – жители села. По возрасту наибольшая доля читателей – представители среднего поколения – 49%; доля пожилых – 32% и почти пятая часть аудитории – молодежь – 19%. Исследования татароязычной прессы за последнюю четверть века позволяют проследить корреляцию: изменение медийного рынка приводит к изменению аудитории национальных СМИ. Так, в условиях слаборазвитых национальных электронных СМИ и отсутствия интернета в 1990-е гг. – сегмент аудитории печатных татароязычных СМИ был достаточно развит. Соответственно, влияние печатных СМИ на массовое сознание было достаточно высоким. Развитие татарского телевидения, появление интернет-изданий и развитие социальных сетей имеют следствием сокращение читательской аудитории.

Показателен пример с популярной газетой «Татарстан яшьләре», наиболее активным выразителем этнических ценностей и транслятором дискурса национального самоопределения. В последние годы аудитория газеты стареет и сокращается: молодежь и представители среднего возраста уходят с печатного рынка в Интернет. Вот как охарактеризовал этот процесс один из респондентов: «Раньше даже мы читали, дедушка с «Ватаным Татарстан», мы (молодежь – *Л.С.*) с «Татарстан яшьләре» начинали читать газеты… Сегодня эти газеты не интересуют молодежь, и это показатель их состояния». (М., 28 л.)

Здесь важно отметить, что татароязычные газеты, отвечая на вызовы времени, создали интернет-версии газет, однако опрошенные нами в ходе исследования читатели и эксперты оценивают качество сайтов и публикуемых на них материалов как низкое[463].

Оперативность и актуальность предоставляемой информации является одним из первых конкурентных требований к информационным источникам. Оценивая татароязычную прессу, опрошенные нами эксперты отметили и

[463] В ходе опроса «Аудитория республиканских средств массовой информации» (2014 г.) было проведено 4 фокус-группы и взято 22 глубинных интервью.

такой важный аспект, как взаимодействие с правительственными чиновниками. По их наблюдениям, все важнейшие государственные вопросы, события в первую очередь освещаются в русскоязычных СМИ, и это поднимает их престиж в глазах потребителя. Главные создатели информационного контента – журналисты – по мнению экспертов, не отвечают современным требованиям медиа-рынка: в качестве основного недостатка называлось отсутствие критического мышления. Свою нишу нашли частные татароязычные издания, не контролируемые государством, пользующиеся свободой слова и способные оперативно реагировать на конъюнктуру событий и общественных проблем. Таким образом, востребованность татароязычной печати имеет тенденцию к существенному снижению в ситуации конкуренции с другими видами информационных источников и с русскоязычной прессой.

Телевидение Если говорить о телевизионной и радио-аудитории, то и здесь можно увидеть диспропорцию в пользу русского языка (Таблица 3).

Таблица 3

Использование татарского и русского языков при просмотре телепередач и прослушивании радио (общая выборка)

На каком языке Вы смотрите телепередачи слушаете радио?	% от % опрошенных
И на татарском, и на русском	33,7
На татарском языке	2,7
На русском языке	63,5
Итого ответивших:	99,9

Данные по использованию родного языка среди опрошенных татар вновь свидетельствует об асимметрии среди горожан и сельчан (Таблица 4).

Таблица 4

Использование татарского и русского языков городскими и сельскими татарами при просмотре телепередач и прослушивании радио (укрупненные категории)

На каком языке Вы смотрите телевизор и слушаете радио?	городские татары	сельские татары

И на татарском, и на русском	56,5	79,4
На татарском языке	3	8,8
На русском языке	40,5	11,8
ИТОГО:	100	100

Результаты социологического исследования республиканской медиа-аудитории (2013 г.)[464] свидетельствуют о том, что телепрограммы на русском языке в целом пользуются бóльшей популярностью в сравнении с татароязычными: их смотрит 88% населения республики, телевещание на татарском языке пользуется спросом у 44% аудитории СМИ. При этом наблюдается совсем незначительная дифференциация по возрастным группам в аудитории русскоязычного телевещания (средний показатель для всех возрастных групп 88%), в то время как аудитория татароязычного телевидения имеет различные доли возрастных групп: 85% у старшего поколения; 74% – у среднего и 65% – у молодежи.

Исследование показало, что просмотр программ на татарском языке зависит от образования – чем выше его уровень, тем меньше людей привлекают татароязычные передачи. Отмеченный ранее телеканал «ТНВ», вещающий на татарском и русском языках пользуется популярностью среди татар, проживающих в других регионах РФ, а также в Татарстане среди жителей села и горожан первого поколения. Несмотря на ориентацию руководства телеканала «ТНВ» развивать этническую идентичность и солидарность у татар России и Татарстана, наиболее взыскательная часть аудитории (телезрители с высшим образованием и молодежь) чувствует дефицит качественно сделанных новостных и познавательных программ. Ее представители зачастую характеризовали телеканал как архаичный, сохраняющий советские традиции, не способный ухватить нерв времени и репрезентировать общественно значимые темы на высоком уровне. Отмечалось, что отсутствует современная подача татарской культуры и другой информации, связанной с татарами.

[464] Республиканское исследование «Аудитория средств массовой информации» (2013 г., рук. Л.В. Сагитова).

Сокращение молодежного сегмента аудитории связано не только с тем, что ее завоевывает Интернет, но и со слабым качеством детских и молодежных программ, низким уровнем профессионализма ведущих.

Аудитория Интернета. Бурное развитие нового коммуникационного ресурса – Интернета с начала 2000-х годов явилось серьезным вызовом для национальных масс-медиа. По результатам проведенных нами исследований, в 2004 г. число пользователей Интернет-ресурсов в Татарстане составляло около 8%; в 2007 г. – 16%; в 2013 г. – 43,9%; в 2016 г. – 70%. Вполне закономерно, что увеличение пользователей Интернета приводит к тому, что значимая часть медиа-аудитории уходит из традиционных СМИ (к ним мы относим прессу и телевидение). Причиной является не только его огромные информационные ресурсы, но и отсутствие географических ограничений, прозрачность границ. Важнейшим преимуществом является оперативность и возможность сетевого онлайн-общения, отсутствие цензуры. Результаты исследования свидетельствуют о большом потенциале Интернет-ресурсов в качестве альтернативы государственным СМИ. Творчески активная молодежь, используя социальные сети и молодежные объединения, организует конкурентоспособные в рамках молодежной аудитории Интернет-проекты.

Ретрансляция этнических ценностей, проблем этнической культуры и языка, внутриэтническая коммуникация активно перемещается в Интернет-пространство. По свидетельству З.А. Махмутова, татарский Интернет представляет собой один из самых развитых национальных глобальных сетей народов России. В нем впервые появилась веб-страница на миноритарном языке России и свой домен первого уровня[465]. По данным его исследования, татарские виртуальные сообщества широко представлены на одной из самых популярных сетевых платформ в России русскоязычной социальной сети

[465] *Махмутов З.А.* Языковой ландшафт татарского Интернета. – Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 33.

ВКонта́кте, где насчитывается более 6000 сообществ. Автор условно разделяет их по принципу объединения пользователей:

– на основе общетатарской или субэтнической идентичности «Татары и татарочки» (113603 участника)[466], «Мишари»[467] (1634 участника) и т.д.);

– по территориальному признаку («Татары и татарочки Москвы» (9365 участника)[468], «Татары и татарочки» Ульяновска (6098 участников)[469] и др);

– на основе узкой этнической тематики («Иң шәп татарча җырлар | Татарстан | Казань|Челны» (215314 подписчиков)[470], «КЫЗЫК-МЫЗЫК (Татарча юмор) | Татарстан | Казань» (Татарча юмор)[471] (122999 участников)[472].

Несмотря на этнически ориентированный контент, по данным этносоциологического опроса 2014 г. Интернет-пользователи используют преимущественно русский язык (Таблица 5).

Таблица 5

Языковые предпочтения аудитории Интернета, (укрупненные категории)

На каком языке Вы читаете информацию в Интернете?	Частота	% от опрошенных
Только на татарском	4	0,3
В одинаковой степени на татарском и русском	38	3,1
Только на русском	684	56,6
Итого ответивших:	726	60

Характеризуя изучаемую аудиторию, З.А. Махмутов отмечает, что более 60% членов сообществ ВКонтакте – молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет с

[466] URL: https://vk.com/tatar_vk (дата обращения 28.08.2016).
[467] URL: https://vk.com/club1007720 (дата обращения 28.08.2016).
[468] URL: https://vk.com/msktatarlar (дата обращения 28.08.2016).
[469] URL: https://vk.com/tatari73 (дата обращения 28.08.2016).
[470] URL: https://vk.com/tatarchamusic (дата обращения 28.08.2016).
[471] URL: https://vk.com/kizik_mizik (дата обращения 28.08.2016).
[472] *Махмутов З.А.* Об особенности виртуальных татарских сообществ в социальной сети ВКонтакте // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 17–18 ноября 2016 г. / отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 293.

широкой географией проживания: Казань, Москва, Уфа, Санкт-Петербург и др. по странам: Казахстан, Украина, Узбекистан, США. По охвату аудитории приводятся данные о том, что в сетевое общение включены не только члены сообщества. Например, несмотря на то, что в паблике «Иң шәп татарча җырлар | Татарстан | Казань|Челны» численность 200.000 человек, публикации в нем за один месяц просматривают порядка 400.000 пользователей[473].

Если говорить о функциональном спектре татарских пабликов, то он многогранен: в них распространяется информация, аудио-, видео- и текстовые материалы (в том числе, по татарской истории и культуре); осуществляется внутриэтническая коммуникация; проводится организация и координация разных мероприятий (включая этнические)[474]. Татарскую молодежь привлекают нестандартные подходы к актуализации этнического самосознания среди татар, их культуры и языка. В качестве примера одним из экспертов была приведена передача «Фәрхәт һәм Фәрхәт»[475], проект, имеющий стендап формат, пришедший из Америки. В нем посредством шутливых или сатирических сюжетов подаются проблемы сохранения татарской культуры и языка. Все большую популярность получают авторские Интернет-проекты, такие как «Матбугат.ру»[476] на татарском языке, или «Татпресса.ру» на русском языке. Примечательно, что последний, татаро ориентированный проект на русском языке, по отзывам самих создателей, по посещаемости выше чем «Матбугат.ру» в полтора, два раза. Важно отметить также, что названные ресурсы отличаются и по аудитории, если пользователи «Татпресса.ру» в основном из Казани, то у «Матбугат.ру» аудитория шире: это и Казань, и все районы Татарстана.

Тенденция последнего времени – адаптация проектов социальных сетей к нишевым форматам. Складываются ниши национально-ориентированных сетей, причем не столько для татароязычной аудитории

---

[473] *Махмутов З.А.* Об особенности виртуальных татарских. Указ. соч. С. 293.
[474] Там же.
[475] «Фархат» – мужское имя.
[476] В переводе с татарского «матбугат» – «пресса».

самой республики, сколько для граждан татарской национальности по всей России, для их объединения. Так, в 2000-е гг. большой популярностью пользовалась социальная сеть «Duslar.ru»[477] , объединяющая татар из разных регионов РФ. Эффективным каналом взаимодействия и приобщения к национальной культуре татар, живущих в разных странах, стала татарская социальная сеть, формирующаяся на основе информационного Интернет-ресурса «Татар иле»[478], а также образовательный сайт «Ана теле»[479], программа дистанционного обучения татарскому языку в онлайн режиме, численность пользователей которого на сегодняшний день составила 10000 человек. Среди виртуальных площадок, активно использующих татарский язык можно назвать форумы сайтов Юлдаш, сайт молодежного клуба «Шарык», этнонишевые сообщества «Иң шәп татарча җырлар | Татарстан | Казань|Челны» и «КЫЗЫК-МЫЗЫК (Татарча юмор) | Татарстан | Казань»[480].

На них активно обсуждаются вопросы сохранения национального языка, этнических ценностей и этнического самосознания. По исследованию З.Ф. Максутовой высказывания такого рода, как *«... никогда и ни в коем случае не забывайте свои корни, наоборот, гордитесь этим, тогда и все окружающие будут вас уважать. Ассимилироваться, стать частью серой массы – это очень просто, непросто сохранить свою индивидуальность»* – являются типичными[481].

Наряду с такими мнениями, хотя и в меньшей степени, высказываются противоположные, воспроизводящие советский тренд этничности как архаики и выступающие за интеграцию в мировую европейскую культуру, как, например, молодой татарин из Минска: *«...я полагаю, что пора прекращать определение себя по этническому признаку. Этот признак –*

---

[477] В переводе с татарского «дуслар» – «друзья».

[478] В переводе с татарского «татар иле» – «татарские края».

[479] В переводе с татарского «ана теле» – «язык матери».

[480] *Махмутов З.А.* Об особенности виртуальных татарских. С. 293.

[481] *Максутова З.Ф.* Интернет в формировании этнической идентичности татар // Этнологические исследования в Татарстане. – Вып. II. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. С. 126–127.

прошлое, а не будущее. И характерная этническая культура (язык, традиции, ортодоксальное понимание религии и следование ей) – тоже прошлое. Не нужно бороться за прошлое, оно уже было, само по себе, хотим мы этого или нет»[482].

Тем не менее, тема исторического прошлого, как давнего, связанного с этногенезом татар, Золотой Ордой, завоеванием Казанского ханства Иваном Грозным, так и относительно недавним – депортацией крымских татар в 1944 г. активно обсуждается в татарских сетевых сообществах. При этом пользователи создают виртуальные библиотеки, в которых выкладывают электронные книги по истории татар[483]. И здесь вновь, наряду с когнитивной составляющей (информация об истории татар), проявляет себя и психологическая – стремление повысить социальный статус и чувство собственного достоинства через значимые проекты прошлого (так, Золотя Орда рассматривается как пример успешного государственного строительства, осуществленного татарами) или через призывы: «Религия и история, культура и язык должны объединять народ и поднять его достоинство!»[484], По свидетельству З.А. Махмутова и Г.Ф. Габдрахмановой, контент сетевого общения включает лозунги, связанные с важностью истории и других элементов этнического самосознания в сохранении татарской идентичности: фотографии с символическим содержанием (например, сопоставление символов разных эпох: спортивный грузовик российской автогоночной команды «КАМАЗ-мастер» и всадник с копьем и стрелами, скачущий по степным просторам[485].

Исследование специфики и контента национальных сетевых ресурсов свидетельствует о расширении возможностей и средств ретрансляции этнических ценностей, поддержания этнонационального дискурса не только в

---

[482] Там же, с. 127.

[483] *Махмутов З.А., Габдрахманова Г.Ф.* Особенности этнической идентичности виртуальных татарских сообществ в социальной сети ВКонтакте // Историческая этнология. – 2016. – Т. 1, №2. – С. 284.

[484] Цит. по: *Махмутов З.А., Габдрахманова Г.Ф.* С. 284.

[485] Там же, с. 283.

виде знаний, информации об истории татар, современного развития республики, как центра воспроизводства их культуры и языка, но и в виде социальной активности, сетевого взаимодействия в этнокультурных и этнополитических процессах Татарстана и России. Одним из ярких примеров может послужить описанный З. Махмутовым кейс с поддержкой поста президентства в республике, когда участники группы «Татары и татарочки» в 2015 г. призвали виртуально поддержать сохранение института Президентства в Татарстане, разместив на главной фотографии своей личной страницы прикрепленный плакат с надписью: «Сохранить институт Президентства в Республике Татарстан» и предложив сделать запись в комментариях на личной страничке Р.Н. Минниханова: «Хәерле иртә, Президентыбыз!»[486].

По исследованию Махмутова, началом одного из самых популярных коллективных мероприятий среди участников сети – флешмоба «Доброе утро, Татарстан!» стала инициатива Президента РТ Р.Н. Минниханова, опубликовавшего в своем «Instagram» фотографии и это приветствие. По подсчетам З. Махмутова, на сегодня в социальной сети, ориентированной на публикации фотографий «Instagram», опубликовано более 60000 снимков с данным хештэгом[487].

По результатам тематического анализа пабликов З.А. Махмутова и Г.Ф. Габдрахмановой, в группе «Татары и татарочки» активно обсуждаются темы, связанные с современной политической сферой, такие понятия, как «нация», «суверенитет», «Президент»; дискутируются темы, связанные с политическим статусом Республики Татарстан. Рассуждения строятся вокруг значимых для государственности татар документов – Декларации о Государственном суверенитете, Договоре между РФ и РТ 1994 г. Развивается тема президентства в РТ, которая увязывается со статусом и полномочиями республики: *«Вопрос о наименовании высшей должности республики важен и в другом отношении. Это вопрос о том, сколько ещё полномочий будет*

---

[486] «Доброе утро, Президент!» – пер. с татарского. См.: *Махмутов З.А.* Об особенности виртуальных. С. 296.

[487] Там же.

отнято у нашей республики. Что отнимут у республики завтра? Нефтяную отрасль? Сколько-нибудь крупный бизнес? Сельскохозяйственный сектор? Но тогда нам надо быть готовыми к тому, что послезавтра наша столица будет иметь уровень не европейского города, а провинциального российского городка». Следом звучат призывы: «Защищайте свою Родину… Татарстан»[488].

Наряду с этим, сайты задают повестку дня, публикуя актуальные сюжеты, касающиеся национальных проблем в современной России. Так, например, на сайте московских татар было опубликовано открытое письмо заслуженного деятеля науки РТ, ответственного редактора многотомной Татарской энциклопедии Г. С. Сабирзянова Сергею Говорухину в связи с его интервью в первом номере газеты «Аргументы и факты» за 2017 г.[489] Автор письма выражает негодование по поводу отождествления известным режиссером российской нации с русскими: *«Вы убеждены в том, что чукчам, бурятам, карачаево-черкесам, балкарцам, чеченцам, крымским и другим татарам, башкирам сподручнее называть себя русскими, чем своим, исторически закрепившимся, именем. Почему? Оказывается, «весь мир нас знает, как русских!» <…> Мы, нерусские граждане России, многие годы наблюдаем, как целый ряд столичных политиков спешат избавиться от этой докучливой многонациональности России. Они торопятся превратить огромные территории в пространство обитания только русских. «Россия для русских!» С некоторых пор и Вы встали в их ряды»*[490].

Таким образом, символическая политика и политика памяти перемещаются из контролируемых элитами традиционных СМИ в свободное пространство Интернета, а участники национальных сетевых сообществ не только выполняют функцию поддержания и развития функционаирования

---

[488] *Махмутов З.А., Габдрахманова Г.Ф.* Особенности этнической идентичности виртуальных татарских сообществ. С. 284.

[489] Открытое письмо Сергею Говорухину – отклик на интервью С.С. Говорухина в первом номере газеты «Аргумент и факты» за 2017 год. URL: http://www.mtss.ru/?page=otkr_pismo (дата обращения 27.02. 2017).

[490] Там же.

татарского языка, но и становятся агентами этнической идентификации: актуализируют в сетевом общении компоненты этнического самосознания; являются посредниками между «символьной» элитой и широкой интернет-аудиторией. При этом следует отметить роль администраторов и координаторов сайтов, задающих темы для дискуссий и координирующих сетевое общение. Среди них следует отметить активистов из молодежного крыла Всемирного Конгресса татар, творческую молодежь.

В заключение отметим, что формирование символической политики и политики памяти в Татарстане в 1990-е гг. обеспечивалось имеющимся у властной элиты ресурсом – региональными СМИ. Формирование и утверждение дискурса национального самоопределения (ДНС) обеспечивалось тандемом политической и «символьной» элиты с активным участием центристского и правого крыла татарского национального движения. Функции ДНС определялись целями: а) легитимации властных амбиций политической элиты в рамках национальной республики; б) восстановления статуса татарской культуры и языка наравне с русской культурой и языком; в) этнической мобилизации представителей населения, дающего название республике, в качестве социальной базы проводимой политики идентичности. Эффективность воздействия ДНС на татар в республике была обусловлена близостью социального происхождения и, соответственно, опыта у адресата и актора символической политики и политики памяти: этнически ориентированных татар – сельчан и горожан первого поколения; и «молодой» татарской интеллигенции, имевшей сельские корни.

Реализация региональных интересов после подписания Договора о разграничении полномочий в 1994г., а также последующая, с 2000-х гг., смена политического вектора, заданная центральной властью, нейтрализовали конфликтную составляющую символической политики и политики памяти, уступив место идеологии интеграции. При этом актуальность этнических ценностей и символов продолжает проявлять себя

как в региональных СМИ, так и в Интернет пространстве. Прогнозируя тенденции развития татарской информационной среды, следует отметить потенциал интерактивных форм общения пользователей Интернета. Практика свидетельствует о том, что типы, виды и география интерактивных форм будут активно развиваться.

2.3. Договорной процесс, как новая парадигма отношений «федеральный центр – субъект федерации»

Новая форма договорных отношений между федеральным центром и Татарстаном складывалась в условиях политического кризиса начала 1990-х гг. Кризис был обусловлен сложностью трансформационных процессов, когда старые формы взаимоотношений между центром и субъектами были изжиты: декларируемая Москвой демократизация логически подразумевала бóльшую самостоятельность субъектов, а советский бюрократический габитус исключал любую инициативу снизу. Ломка старой императивной модели сопровождалась поисками новых оснований для взаимодействия центра и регионов. Практика этих лет показала значимость региональной дифференциации, различие потенциала и ресурсов (экономических, политических и человеческого фактора) в том, как выстраивались отношения между структурами государственной власти центра и регионов.

Рассмотрение истоков договорных отношений между федеральным центром и Татарстаном представляется значимым, поскольку по прошествии двух десятилетий важно понять: какие факторы сыграли свою роль в становлении «Модели Татарстана» в 1990-е гг. и каким образом заложенное политическое наследие реализовалось в политике современного татарстанского руководства.

Политическая ситуация, стимулировавшая договорную парадигму между центром и регионом, структурировалась как этнополитический конфликт[491], вызванный кризисом. Известны несколько концептуальных подходов к изучению данного явления с позиций различных отраслей социальных наук. Так, историки рассматривают кризис как поворотный,

[491] Автор солидаризируется с подходом И.С. Семененко, согласно которому, основным ресурсом этнополитического конфликта выступают этническая идентичность и ее значимые для консолидации участников конфликта проекции (этноконфессиональная, этнолингвистическая, этнотерриториальная). См.: Гл. 1, раздел 1.1 диссертации; а также *Семененко И.С.* Этнополитический конфликт. Указ. соч. С. 445.

переломный момент в истории страны, или ее региона[492]. Политологическая наука в рамках теории политических систем обращает фокус исследования на кризис, как на этап, необходимый для адаптации и выживания системы, как реакцию на социальное напряжение, за чем следует функциональное изменение самой системы[493]. Кроме того, получил развитие и подход, разработанный в рамках теории политического развития, где в качестве детерминанты выступает процесс модернизации общества. При этом кризисы трактуются как типы проблем политического развития, с которыми сталкиваются политические и общественные институты в процессе социальной трансформации[494]. Этот подход, с которым мы солидаризируемся, использовала исследовательская группа ученых под руководством Л.М. Дробижевой для анализа постсоветских национализмов и межэтнических конфликтов в Российской Федерации в 1990-е годы[495]. А.Р. Аклаев, изучавший аспект легитимности власти в условиях этнополитических конфликтов в национальных республиках федерации, рассматривал разрешение серии кризисов модернизации, среди которых: кризис идентичности, кризис легитимности, кризис политического участия, кризис распределения и государственного проникновения – как попытку политических систем адекватно реализовать функции равенства, способности к адаптации[496]. Важная функция при этом принадлежит правительству, политической элите, которая, собственно, и должна решать проблемы, для

---

[492] Например, известный американский ученый Ч. Тилли рассматривал кризис политических систем на примере государств Западной Европы. См.: The Formation of National States in Western Europe / Ch. Tilly (ed.). – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1975; *Tilly Ch*. From Mobilization to Revolution. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1978.

[493] См.: *Easton D*. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. – New York: Alfred A. Knopf, 1953; *Almond G.A., Powell G.B. (Jr.).* Comparative Politics System. A Developmental Approach. – Boston: Little, Brown and Company, 1966.

[494] См.: Crises of Political Development in Europe and the United States / R. Grew (ed.). – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1978.

[495] Проект «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и конфликты в Российской Федерации» (1993–1995 гг.), в котором автор принимала участие.

[496] *Аклаев А.Р.* Этнополитические конфликты в Российской Федерации и проблемы легитимности власти // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М., 1995. С. 17.

того, чтобы обеспечить модернизацию политических инструментов управления обществом и правил его жизнедеятельности. Ученый подчеркивает, что с одной стороны: разрешение кризиса требует от правительства существенной институциональной инновации, изменения политических институтов общества через создание новых, или обновления функций уже существующих. С другой стороны, отмечается, что нерешенность или откладывание решения той, или иной проблемы приводит к тому, что такая проблемная область превращается в кризисную ситуацию, становится ареной социальных конфликтов, и, в конечном счете, проявляется уже в форме кризиса как области межгрупповой борьбы[497].

Собственно идея установления договорных отношений, в первую очередь, стимулировалась социально-экономическим неравенством автономии в сравнении с союзными республиками и столичными городами, скудностью ресурсов, находящихся в ведении республиканского руководства и сложностью процедуры согласования нужд региона с московской бюрократией. О кризисе экономической составляющей во взаимодействии «центр – регионы» заявлял Р.С. Хакимов[498]: *«Существующий политический статус автономной республики не может обеспечить экономического суверенитета, ибо такие права, как право собственности на основные средства существования, самостоятельность в выработке стратегии социально-экономического развития, бюджетная самостоятельность, взаимоотношения с общесоюзным бюджетом и другие не могут быть решены в рамках существующего законодательства. Переход на региональный хозрасчет в такой же мере политика, как и экономика»*[499]. При этом проблема неравенства по-разному виделась идеологами и

---

[497] Там же.

[498] Будучи работником идеологического отдела Обкома ТАССР, Р.С. Хакимов выражал официальную точку зрения.

[499] *Хакимов Р.С.* Проблемы политического и экономического суверенитета республики // Проблемы перестройки управления социально-экономическим развитием автономных республик на основе самоуправления и самофинансирования. – Казань, 1990. С. 44.

разработчиками социально-экономической стратегии развития республики. Так, Р.С. Курчаков, хотя и считал РСФСР самой бесправной среди союзных республик (что сказывалось и на положении входящих в нее автономий и областей), но при этом акцентировал различия регионов и неправомерность рассмотрения Российской Федерации, как единого хозяйственного комплекса. В качестве разрешения проблемы предлагалось создавать новые союзные республики в составе Союза ССР[500]. Однако после Беловежского соглашения о прекращении существования СССР концепция создания новых союзных республик в рамках РСФСР потеряла силу, а набирающие силу в Татарстане националистические движения заставляли местную элиту искать новые основания своей легитимности и в целом, выстраивать новую идентичность региона.

Сам ход и содержание длительных переговорных процессов между федеральным и региональным правительством, в результате которого был разработан и подписан двусторонний Договор, знаменовавший новый формат взаимоотношений между центром и субъектом, демонстрируют значимость комплекса факторов, включающих, как субъективные: роль личности в политике, характеристики элитных групп; так и объективные: экономические и культурные ресурсы и социальную базу региона. Здесь следует отметить и влияние кулуарного компонента: те переговоры и, возможно, политический торг, которые велись tet a tet между чиновниками высшего эшелона власти Москвы и Казани. Они не получили широкой огласки в средствах массовой информации и, возможно, находятся в закрытом доступе, в силу чего этот источник для нас закрыт. Тем не менее, опубликованный Стенографический отчет Программы «Гаагская инициатива», реализованной в рамках Круглого стола в январе 1995 г. во Дворце Мира в Гааге по инициативе Президента Татарстана М.Ш. Шаймиева, группы по урегулированию конфликтов Гарвардского университета и Института этнологии и антропологии

---

[500] *Курчаков Р.С.* Проблемы разработки экономической самостоятельности Татарии // Проблемы перестройки управления социально-экономическим развитием автономных республик на основе самоуправления и самофинансирования. – Казань, 1990. С. 49.

Российской Академии наук, позволяет проанализировать содержание переговорных процессов, аргументы и критику сторон, включая мнение членов экспертного сообщества по этнополитическим конфликтам.

Как уже упоминалось выше, переговорный процесс был инициирован татарстанской политической элитой в условиях, когда демократизирующееся региональное сообщество, включавшее все этнические группы, выступало за повышение социально-экономического уровня жизни и реализацию вопросов развития этнической культуры и языка татар. Региональная элита имела в конце 1980-х – начале 1990-х ограниченные ресурсы для выполнения поставленных задач[501]. При этом сама парадигма центральной власти о демократизации, условия гласности актуализировали вопрос равенства и справедливости на уровне субъектов федерации. В данном контексте следует отметить, что региональная власть декларировала в первую очередь проблему равенства в этнической парадигме, соединяя права народов и демократизацию. Так в 1995 г., избранный президентом республики М.Ш. Шаймиев, открывая гаагскую встречу, заявлял: *«Почему именно Татарстан одним из первых в Российской Федерации в условиях перестройки заговорил во весь голос? Это, прежде всего, связано с историей этого государства и народа. Даже в условиях 70-ти лет тоталитарного режима <…> люди всегда думали о своих правах, хотя редко говорили о них. С каждым днем народ терял свою культуру, духовность, язык»*[502].

Политическую стратегию региональной власти в новых условиях можно охарактеризовать как осторожную и осмотрительную. Будучи лидером процесса суверенизации, Татарстан, тем не менее, шел в фарватере федеральных политических процессов: Декларация о независимости РТ была

---

[501] Как уже отмечалось, всего лишь 2% промышленных предприятий находились в ведении республики. При этом ее реальный потенциал был выше потенциала трех прибалтийских республик вместе взятых См.: Публичная лекция Президента Татарстана М. Шаймиева в Гарвардском университете (США) в октябре 1994 г. // Суверенный Татарстан. – М.: Инсан, 1997.– С. 47.

[502] Приветственная речь М. Шаймиева на 1 сессии «Опыт взаимоотношений Татарстана и России» // Панорама-форум. Специальный выпуск. Международный опыт урегулирования этно-политических конфликтов. – Казань, 1996. – №3 (6). С. 7.

принята после принятия соответствующей Декларации на уровне России. В связи с этим, М.Ш. Шаймиев подчеркивал: *«Сказанное справедливо и в отношении России, которая считала себя бесправной в условиях СССР и приняла одной из первых Декларацию о государственном суверенитете. Но Россия многонациональна: она состоит из республик, областей, краев. Поэтому совершенно естественно, что после принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации, о своем государственном суверенитете провозгласила и Республика Татарстан»*[503].

Этнический императив в качестве основного аргумента в процессе суверенизации, тем не менее, нивелировался в основных законодательных актах, и прежде всего в Конституции РТ, в которой заявлялось, что первоисточником права является многонациональный народ Татарстана. Апелляция ко всему населению республики получила выражение в выборе основного политического инструмента в отстаивании интересов региона: республиканского Референдума, состоявшегося в марте 1992 г. и набравшего 62% голосов.

Сложность переговорного процесса заключалась в разнонаправленности политических групп на уровне Российской Федерации. Различие в подходах и взглядах было обусловлено широким представительством участников переговорного процесса от РФ, а также позицией опасавшихся этнического протекционизма в республике депутатов Верховного Совета РФ от Татарстана русского происхождения[504]. С одной стороны, было историческое заявление Б.Н. Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», с другой – зрели опасения в том, что республика может отделиться и выйти из состава РФ. В информационном пространстве Российской Федерации действия Татарстана интерпретировались как сепаратистские, соответственно, часть высших федеральных политиков всячески стремилась препятствовать становлению

---

[503] Там же.

[504] Выступление В.А. Тишкова на Круглом столе «Гаагская инициатива» // Панорама-форум. – Казань, 1996. – №3 (6). С. 17.

новой политической идентичности республики[505]. При этом по оценке экспертов, непосредственно перед Референдумом накал политических страстей в Москве достиг очень высокой отметки[506].

В условиях двойного давления: с одной стороны, национальное движение татар; с другой – федерального центра – укреплялась центристская позиция Шаймиева и его команды, а также стремление без ущерба для сторон разрешить конфликтную ситуацию. Переговорный процесс занял около трех лет, в течение которых велись переговоры с Б.Н. Ельциным и его помощниками. Создание сильных команд с обеих сторон и длительная кропотливая работа помогли найти компромиссный вариант, в результате чего в феврале 1994 г. был подписан «Договор между Российской Федерацией и Республикой Татарстан о разграничении и взаимном делегировании предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан», главным результатом которого было утверждение принципа построения новой Федерации путем делегирования полномочий снизу. Одновременно в рамках названного Договора было подписано 12 межправительственных соглашений: по проблемам собственности, предметам совместного ведения и другим вопросам.

На положительный исход переговоров между Татарстаном и Москвой повлияла стратегия Президента республики и его команды в формировании основополагающих нормативных документов: Конституции Республики Татарстан. Как отмечал М. Ш. Шаймиев, Конституция прошла длительный этап подготовки и обсуждения и была «принята после тщательных экспертных оценок представителей самых демократических государств»,

---

[505] Так, М.Ш. Шаймиев в гаагской речи привел примеры, когда прокурорами РФ были выписаны уведомления председателям избирательных участков о том, что они за участие в Референдуме будут привлечены к судебной ответственности. См. Приветственная речь М. Шаймиева на 1 сессии «Опыт взаимоотношений Татарстана и России» // Панорама-форум. Специальный выпуск. Международный опыт урегулирования этно-политических конфликтов. – Казань, 1996. – №3 (6). С. 8–9.

[506] Панорама-форум. – Казань, 1996. – №3 (6). С. 17.

подчеркивая при этом, что «она «соответствует канонам международного стандарта по правам человека и народов». В качестве благоприятного межэтнического климата, он приводил данные по миграционной ситуации в РТ, согласно которым в начале 1990-х гг. наблюдался большой приток беженцев из союзных республик бывшего СССР, среди которых были как татары (70–75%), так и русские (20–25%)[507].

Один из основных идеологов суверенитета Р. С. Хакимов, раскрывая его идеологию акцентировал две базовые формулы: 1) формула баланса этнических и религиозных интересов в ходе построения поликультурного и полиэтнического общества; 2) демократические принципы в деятельности государственных институтов, когда система выборов и демократических институтов ориентирована на поддержание консенсуса, внутренней стабильности и баланс интересов этнических групп, проживающих в республике[508].

Исследование факторов, влиявших на ход и результаты переговорного процесса, требует учета и ситуации в этнополитической сфере в целом на постсоветском пространстве. Так, занимавший в 1990-е гг. должность Советника Президентского Совета РФ, Э.А. Паин отмечал значимость опыта межэтнических конфликтов в Карабахе и Абхазии в решении спорных вопросов с Татарстаном. Рациональный выбор в сторону уступок требованиям татарстанской власти был обусловлен соображением: «Карабах нам будет стоить дороже»[509]. Другим фактором, сдерживавшим конфликтный сценарий в поведении федерального центра, являлось общественное мнение в России, формировавшее позицию лидеров, которые стали оценивать общие политические решения с точки зрения: не приведет ли это к распаду Федерации[510].

---

[507] Там же, с. 24.

[508] Там же, с. 23–24.

[509] Выступление Э.А. Паина на Круглом столе «Гаагская инициатива» // Панорама-форум. Указ. соч. С. 13.

[510] Там же, с. 14.

Собственно та же мотивация, по словам Э.А. Паина, не позволяла политикам федерального центра идти на поводу руководителей краев и областей, требовавших уравнивания (урезания) прав республик до их уровня[511]. Таким образом, руководство федерального центра демонстрировало наиболее пластичную модель регулирования спорных ситуаций со своим регионом, в противоположность другой модели, когда центральная власть жестко стоит на своих ультимативных требованиях и не взаимодействует с регионом, пока тот их не исполнит.

Сложная и противоречивая обстановка 1990-х гг., особенно на фоне чеченской войны, давала новые стимулы для осмысления значимости переговорного процесса и принятого в его ходе документа – Договора о разграничении полномочий между РФ и РТ. «Модель Татарстана» примеряли к ситуации в Чечне, отмечая, что если бы своевременно были приняты договорные отношения между Чечней и РФ, военной эскалации можно было бы избежать. Однако эксперты, глубоко включенные в процесс, отмечали ряд глубинных, субъективных факторов, повлиявших на исход спора между РФ и Татарстаном, отличающих последний от Чечни. Так, Э.А. Паин отметил три условия. Первое из них было связано с внутриполитической обстановкой в регионах: то, что в Татарстане политика Президента строилась на достижении компромисса между разными политическими силами, чего не было в Чечне. Консенсус между основными политическими силами мешал политикам из Москвы играть на противоречиях. Второе условие – стабильность региона, означавшая то, что власть контролирует ситуацию в республике и, следовательно, является реальной и ответственной властью.

В качестве третьего фактора эксперт называл личностный фактор, а именно персону лидера Татарстана М.Ш. Шаймиева. По его мнению, если бы Шаймиева не было во главе переговорного процесса, то Договора не было бы. Обосновывая свою точку зрения, эксперт отметил ряд сугубо личностных обстоятельств.

---

[511] Там же.

К числу первых он отнес бюрократический опыт советского номенклатурного функционера, имеющего не только административные навыки управления большим регионом, но и способность адаптироваться к новым условиям. В качестве антитезы его персоне, эксперт привел таких лидеров, как Гамсахурдия, Тер-Петросян, Эльчибей, Дудаев, не имевших большого политического опыта и настроенных оппозиционно к федеральной власти. Другое качество – личностное: лидер Татарстана по своим психологическим качествам представлял собой центристски ориентированного политика, что позволяло находить компромисс и с федеральным центром, и примирять основные политические силы внутри республики. Кроме того, он также обладал умением договариваться[512]. Именно эти качества – бюрократический габитус, опыт работы в советской административной системе и личностные психологические характеристики – явились основанием доверия между Б.Н. Ельциным и М.Ш. Шаймиевым, что стало залогом долговременных, стабильных и обоюдно выгодных договоренностей.

Представители экспертного сообщества по-разному оценивали факт подписания Договора между федеральным центром и субъектом федерации, а также его содержание. Часть экспертов отмечала множество юридических несоответствий документа, как Конституции Российской Федерации, так и Конституции Татарстана. Так, М.Х. Фарукшин усматривал основания уязвимости Договора в условиях, обеспечивших его заключение[513]. В первую очередь, ученый отмечал, что в ст. 1 Договора «разграничение предметов ведения и взаимное делегирование полномочий между органами государственной власти Республики Татарстан осуществляются (?)

---

[512] Панорама-форум. – Казань, 1996. – №3 (6). С. 15.

[513] Фарукшин отмечал давление властной элиты Татарстана на федеральные власти в период выборов в Федеральное Собрание РФ. Срыв выборов в декабре 1993 г. и угроза нового срыва выборов, назначенных на март 1994 г., заставили федеральные власти пойти на компромисс и подписать Договор 15 февраля 1994 г. Именно на этой компромиссной основе был достигнут, по оценке ученого, временный баланс интересов и неустойчивое равновесие. Это не могло не сказаться на содержании документа, а главное – на его исполнении. См.: *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане.

Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан и настоящим Договором», хотя при этом обе Конституции совершенно по-разному разграничивают предметы ведения. Во-вторых, он подчеркивал, что «Договор прямо противоречит Конституции Республики Татарстан, поскольку не предусматривает ассоциированности РТ с Российской Федерацией, как это предполагалось ст. 61 Конституции РТ, а закрепляет положение Татарстана как одного из субъектов Федерации – и не больше»[514].

Участники, разрабатывавшие Договор, обращали внимание на его компенсаторную функцию при решении специфических проблем региона. В частности, Р.С. Хакимов, объяснял позицию партии власти: *«Часто слышу: есть Конституция, зачем вам еще договоры? Но в Конституции не отрегулированы многие вещи. Договоры ее не разрушают. Егор Строев утверждает, что договорная практика разрушает целостность государства, ведет от федерации к конфедерации. А субъекты возражают: есть проблемы, Конституцией не решаемые, через министерства мы добиться толку не можем, а нам нужно это решить. Поэтому мы идем на договор, соглашения, которые регулируют какие-то специфические отношения»*[515].

Другая часть экспертов отмечала значимость подписания Договора между РФ и РТ, как с точки зрения становления новой политической культуры и мышления в развитии федеративных отношений в обновляющейся России, так и с прагматических позиций: Договор между РФ и РТ послужил основой для других договорных отношений, например, с Кабардино-Балкарией и Тывой. Отмечалась также и символическая, психологическая и эмоциональная стороны подписания Договора, которые способствовали снятию напряжения между федеральным центром и республикой[516].

---

[514] *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане. Указ. соч.

[515] *Овруцкий Л.* Указ. соч. С. 69.

[516] Выступление Э.А. Паина на Круглом столе «Гаагская инициатива». Указ. соч. С. 19.

Подписание Договора между федеральным центром и республикой имело важное значение для населения РТ, и в первую очередь для русских. Конструктивное взаимодействие политических элит центра и региона явилось основанием социальной стабильности, особенно для русского населения, опасавшегося этнократии. Так, по результатам опроса «НИК» (1994 г.), одобрили подписание Договора 52,2% горожан и 28,1% сельчан (среди татар, соответственно, 34% и 12,9%); скорее одобрили, чем нет 16,2% русских-горожан и 31,3% сельчан (среди татар, соответственно, 23% горожан и 15,8% сельчан); около трети во всех подгруппах затруднились оценить данное событие для республики.

При всем положительном влиянии реализации договорных отношений между субъектом и центром существовал ряд обстоятельств, воспринимавшихся экспертами в качестве потенциальных угроз. Первая из них была связана с тем обстоятельством, что получение региональной властью бóльших властных полномочий могло породить у руководителей республики искушение распорядиться ими исключительно в своих узкогрупповых интересах. Другая угроза связывалась со сферой межэтнических отношений. Так, известный теоретик национализма Д. Горовиц отмечал: *«Опасность заключается в том, что в автономных регионах с разными национальностями у этнических групп может возникнуть убеждение, что получив автономию, они смогут делать то, что им захочется, а именно доминировать над другой этнической группой»* [517].

В связи с обозначенными выше угрозами особую актуальность приобретала готовность и умение региональной власти взять на себя полную меру ответственности для того, чтобы:

а) доказать, что перераспределение властных полномочий – более эффективный путь для развития региона, чем, если эти функции остались бы в ведении федерального центра;

---

[517] Панорама-форум. – Казань, 1996. Указ. соч. С. 22.

б) формировать и поддерживать паритет этнических групп, проживающих на территории республики, во всех сферах жизнедеятельности.

Таким образом, после подписания Договора в середине 1990-х годов для властной элиты РТ создалась ситуация жесткой конкуренции: в непростых условиях упадка экономики и трудностей трансформационного периода руководству республики нужно было делать шаги на опережение с тем, чтобы уровень жизни населения был выше, чем в других регионах РФ, также смягчать издержки социальной трансформации; обеспечивать межэтнический и межконфессиональный консенсус. Успех региональной власти в реагировании на сложности трансформационного периода, в частности, резонансный отказ от «шоковой терапии», объявленной Москвой, обеспечивался отвоеванными у центра нефтяными доходами[518]. Влияние социальной политики иллюстрирует признание Советника Президента Р.С. Хакимова: *«Между прочим, нам сильно помогла «шоковая терапия». Как говорится, нет худа без добра. Когда остановилась оборонка, те, кто привык сидеть на «вертушках» и смотреть на нас сверху вниз, вдруг обнаружили, что реально им помогает только республика. Конечно, все заводы мы взять на себя не могли, но хоть что-то пытались сделать, чтоб они не лопнули. А ведь в оборонке сотни тысяч занятых. Это солидный электоральный ресурс»*[519].

В дальнейшем, смена вектора развития России с дезинтеграционного – к интеграционному стимулировала коррекцию Договора между РФ и РТ и приведение части его положений в соответствие с Российской Конституцией в русле путинской реформы федеративных отношений. В 2007 г. Договор о разграничении полномочий после доработок и согласований был продлен в качестве Федерального закона при поддержке

---

[518] В результате децентрализации РТ стала распоряжаться 65% госсобственности, имеющейся на её территории. Эти ресурсы значительно укрепили позиции властной элиты. См.: *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане.

[519] *Овруцкий Л.* Указ. соч. С. 64.

главы государства В.В. Путина. Эксперты оценивают данное обстоятельство особым отношением Президента РФ, как к самому региону, так и к его политическим лидерам[520].

Вопрос о пролонгации Договора по истечении десяти лет – в 2017 г. явился предметом общественных дискуссий. Так, представители национально ориентированной элиты татар и депутатский корпус РТ выступали за сохранение договорных отношений между Татарстаном и федеральным центром[521]; представители Администрации Президента РФ заявляли о том, что данный инструмент исчерпал свои функции[522]. Часть экспертов и представители политического истэблишмента РТ отметили ряд негативных последствий в случае его не продления: ослабление конституционных принципов федерализма; опасность превращения региона-донора в регион-реципиент; негативное влияние на этнокультурный климат в регионе и др.[523] Окончательное решение было озвучено Р.Н. Минниханов в Ежегодном Послании Президента РТ Государственному Совету РТ 21 сентября 2017 г. Глава республики, отметил важнейшую историческую роль Договора в укреплении российской государственности и в совершенствовании практики российского федерализма в течение четверти века. Он также заявил, что в нынешних условиях приоритетной становится не столько форма отношений между республикой и федеральным центром,

---

[520] *Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М.* Татарстан в условиях рецентрализации по-путински // Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? / под ред. К. Мацузато. – М.: Материк, 2004. С. 312.

[521] Необходимость продления Договора о разграничении полномочий между РФ и РТ была внесена в Резолюцию III съезда народов Татарстана в апреле 2017 года; озвучена на Пленарном заседании VI съезда Всемирного Конгресса Татар (участники: 810 делегатов и около 300 гостей из 41 страны и 73 регионов РФ); депутаты Госсовета Татарстана обратились с соответствующим письмом к президенту страны В.В. Путину в июле 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/351169 (дата обращения 11.07.2017)

[522] Договорная пауза. Москва и Казань не спешат возобновлять открытую дискуссию о разграничении полномочий. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/ 3342100 (03.07.2017).

[523] Мнение: 3 причины, по которым Татарстану необходим новый договор с Россией. URL: http://prokazan.ru/news/view/118839/ (дата обращения 04.08.2017).

сколько их содержание, возможность находить взаимоприемлемые решения возникающих вопросов в общих интересах[524].

В заключение отметим, что политическая ситуация, стимулировавшая договорную парадигму между центром и регионом, структурировалась как этнополитический конфликт, вызванный кризисной ситуацией на уровне государства. Разработка темы о политических инструментах и механизмах урегулирования конфликта между центром и регионом рассматривается нами в рамках теории политического развития, где в качестве детерминанты выступает процесс модернизации общества. При этом кризисы трактуются как типы проблем политического развития, с которыми сталкиваются политические и общественные институты в процессе социальной трансформации.

Идея установления договорных отношений между центром и регионом стимулировалась, в первую очередь, социально-экономическим неравенством автономии в сравнении с союзными республиками и столичными городами, скудностью ресурсов, находящихся в ведении республиканского руководства и сложностью процедуры согласования нужд региона с бюрократией центра. Поиск выхода из кризисной ситуации привел к компромиссу между федеральной и региональной элитами, и выработке политического механизма согласования интересов в виде Договора о разграничении полномочий, подписанного обеими сторонами в 1994г. В поле российской политики тем самым был утвержден принцип построения новой федерации путем делегирования полномочий снизу.

Исследование факторов, влиявших на ход и результаты переговорного процесса с Татарстаном, свидетельствуют о значимости опыта межэтнических конфликтов в Карабахе и Абхазии; пластичной стратегии федеральной власти по отношению к региону, а также личностного фактора – политического опыта лидера Татарстана, М.Ш. Шаймиева.

---

[524] Ежегодное Послание Президента РТ Р.Н. Минниханова Государственному Совету Республики Татарстан. [Электронный ресурс].URL: http://president.tatarstan.ru/news /view/1015109 (дата обращения 21.09.2017).

В дальнейшем, смена вектора развития России с дезинтеграционного – к интеграционному стимулировала коррекцию Договора между РФ и РТ и приведение части его положений в соответствие с Российской Конституцией в русле реформы федеративных отношений В.В. Путина.

Умение властной элиты использовать имеющиеся ресурсы и строить как внутреннюю, так и внешнюю политику сообразно складывающейся социально-политической конъюнктуре в полной мере проявило себя в условиях новой политики федерального центра, начиная с 2000-х годов.

2.4. Этнополитическая стратегия республиканской элиты в условиях централизации

Маятниковое движение в сторону централизации было обусловлено растущими негативными настроениями среди российской политической и интеллектуальной элиты в отношении многих тенденций, порожденных перестройкой. Плоды дезинтеграции и, собственно, сам распад СССР связывали с деятельностью национальных движений, процессами суверенизации и этно-территориальным федерализмом. По оценке политологов, растущее беспокойство о возможной дезинтеграции самой России, привело к усилению враждебности в отношении различных проявлений федерализма и национализма. Перестали обсуждать концепцию РСФСР как федерации на добровольной основе, в новой Конституции были опущены ссылки на республиканский суверенитет, не оговаривалось право на отделение, а субъекты получили только те полномочия, которые не передавались федеральному правительству[525]. Наряду с этим, Б.Н. Ельциным практиковалась стратегия «выборочных уступок» по отношению к определенным субъектам Федерации с целью примирить и приучить республиканские и местные элиты. Как отмечали исследователи процесса федерализации России, несмотря на выступления сторонников централизации и унификации прав регионов, в совместном ведении центрального и республиканских (региональных) правительств оставались существенные права, включая защиту прав человека и прав этнических меньшинств, прав собственности на землю и полезные ископаемые; защиту окружающей среды на территории республики. В дополнение, республики (регионы) получили полномочия на независимые законодательства и налогообложение, право устанавливать национальные языки и другие важные права. Принятие новой Конституции не привело к окончательному решению целого ряда ключевых вопросов, которые стали предметом

[525] *Лапидус Г.В.* Трансформация национального вопроса. Указ. соч. С. 159.

продолжительного обсуждения и закулисного торга между центральными и местными властями. Для этого был включен ряд неформальных и часто тайных двусторонних договоренностей в отношении бюджета, налогообложения и других прерогатив, которые дополняли, а во многих случаях игнорировали федеральное законодательство[526]. Все это порождало недовольство и зависть региональных элит, не пользовавшихся президентскими привилегиями, и не могло продолжаться длительное время.

Изменение социально-политической конъюнктуры в связи с новой политикой федерального центра в 2000-е гг. усилило центростремительные тенденции. Эффект маятника выразился в подъеме русского национального самосознания, в политике «собирания земель», укреплении вертикали власти, в формировании общероссийской идентичности. Новая идеология федеральной власти получила отражение в дискурсе «единого российского государства» и в политике формирования единой российской нации.

Аналитики, исследующие конъюнктуру взаимодействия федеральной и региональных элит отмечают глубокие изменения, произошедшие за 15 лет от начала перестройки: «трансформации подверглись ключевые параметры взаимодействия – его политико-правовые основы, содержание, механизмы. При этом, если смена политико-правовых основ межэлитных отношений была определена отказом от унитарных принципов взаимодействия в пользу федералистских, то изменение их содержания и механизмов обусловливалось динамикой двух тенденций. На первом этапе, в начале 1990-х годов, долгосрочные стратегии упорядочения системы «центр-регионы» уступили место ситуативной тактике, направленной на реализацию корпоративных интересов федеральной элиты, затем, после прихода к власти новой команды, последовал перенос центра тяжести с политической конъюнктуры на стратегические цели единства Федерации. Аналогичные изменения претерпели и механизмы взаимодействия. В 1990–х годах на смену характерному для советского периода всеобъемлющему контролю центра над

[526] Там же, с. 159–160.

регионами пришли компромиссные стратегии политического торга. Если в ельцинские годы слабый центр в обмен на политическую лояльность предоставлял региональным элитам политическую автономию и статус политического актора общероссийского масштаба, то с 2000-х гг. главным субъектом политического процесса становится федеральная власть, гарантирующая регионам экономическую помощь со стороны Москвы. <…> Несмотря на существенное изменение территориально-государственного устройства страны, федеральный центр сохранил приоритет в отношениях с региональными элитами»[527].

Оценивая ресурсы влияния федеральной власти на региональные элиты, О.В. Гаман-Голутвина отмечает, что для воздействия на региональную политику федеральный центр использовал всю совокупность находящихся в его распоряжении инструментов – административных (система территориальных органов федеральной власти, прежде всего институт Полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе), политических (поддержка лояльных центру политиков и организаций, в т.ч. на выборах в федеальный и региональный парламенты), и экономических (финансово-бюджетных). Также ею подчеркивалась значимость проблемы «третьего срока», ставшей эффективным средством давления на региональных лидеров. При этом степень влияния федерального центра определяется экономическим положением региона. Главы регионов-доноров обладают бóльшей независимостью, однако, при принятии стратегических решений, они тоже вынуждены ориентироваться на мнение Кремля. Их взаимодействие с федеральным руководством осуществляется в режиме партнерства и поиска компромиссных решений. Но в конфликтных ситуациях регионы-доноры оказываются в уязвимом положении[528]. На смену идеологическому противостоянию приходит борьба за ресурсы: прагматизм становится основным принципом взаимодействия региональных элит с центром. Так,

---

[527] *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Полис. 2004. №3. С. 27.

[528] Там же, с. 28.

О.В. Гаман-Голутвина отмечала зависимость перспективности политиков в регионах от поддержки влиятельных политико – финансовых кланов и от наличия связей в структурах федеральной власти[529].

Политическая элита республики в этих условиях уходит от акцентирования этнического фактора, переводя его с роли ведущего на роль дополняющего специфику региона. В политике идентичности и дискурсивном поле, связанном с этничностью, татарская идентичность не противопоставляется «России-колонизатору», а органично встраивается в общероссийский общенациональный контекст. Одним из значимых событий этой модуляции стало проведение 1000-летия Казани в 2005 г. Сам по себе этот переход можно интерпретировать как некую модель, сочетающую в политике идентичности Татарстана общероссийскую (общенациональную) и этническую идентичности. Также можно говорить о том, что это событие задало новый вектор символической политики в РТ. Поэтому имеет смысл детально рассмотреть этот кейс.

Анализ названного события следует начать с его первопричины: древние исторические артефакты были найдены археологами Института истории АН РТ[530]. Таким образом, татарская гуманитарная интеллигенция выступила инициатором данного мега-события. Древность татарстанской столицы тесно увязывалась с историй татарского народа и его былой государственностью. Поддержанная правительством республики[531] инициатива обрела общероссийское и международное измерения. Так, в СМИ акцентировалось внимание на неординарности события в общероссийском контексте: «Каждые два года ЮНЕСКО утверждает

---

[529] Там же, с. 31.

[530] При раскопках на территории Казанского Кремля были найдены чешская монета (датированная правлением св. Вацлава предположительно, чеканки 929–930 гг., считающаяся самой ранней чешской монетой), остатки каменной кладки и деревянной городской ограды, предметы ремёсел и утвари.

[531] Инициатором проведения и подготовки юбилея был мэр Казани К.Ш. Исхаков, главными организаторами – он же и Президент Татарстана М.Ш. Шаймиев.

юбилейные даты мирового значения. По Российской Федерации в 2005 г. было утверждено одно-единственное событие – 1000-летие Казани»[532].

Дискурс подготовки события, получившей старт в 2000 г., был выстроен в интегративном ключе. В республиканских СМИ отмечалось, что Федеральная программа празднования 1000-летия г. Казани была принята уровне руководства России. Подчеркивалось, что ее руководителями стали Президент Российской Федерации В.В. Путин, а заместителем – министр финансов РФ А.П. Кудрин. Значимость событию придавало учреждение Президентом России специальной Юбилейной медали 1000-летия Казани, что интерпретировалось как «свидетельство всероссийского признания исторической даты возникновения уникального центра булгаро-татарско-русского зодчества и, пожалуй, второго после Стамбула мирового перекрестка восточной и западной культур»[533]. То же можно сказать и об Обращении мэра г. Казани К.Ш. Исхакова в связи с подготовкой празднования 1000-летия, которое было адресовано ко всем категориям населения г. Казани: *«Мы призываем представителей всех религий и национальностей, политических партий и общественных организаций к объединению и сотрудничеству. Именно такие общечеловеческие ценности, как любовь к родной земле, доброта, вера, станут крепкой основой для празднования юбилея»*[534].

Богатое и разнообразное содержание празднования 1000-летия Казани было призвано оттенить и отвоеванные позиции в борьбе за суверенитет (легитимацию этничности, экономическую самостоятельность и выход на международную арену), а также новую тенденцию активной интеграции Татарстана в общероссийское пространство и претензию на роль ведущего региона РФ. Так, если в 1990-е годы Татарстан противопоставлял себя российским регионам, в качестве республики с большим экономическим и

---

[532] Казань тысячелетняя. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tataroved.ru/publication/kazan /6/2/ (дата обращения 25.04.2016).

[533] Там же.

[534] 1000-летие Казани. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vipkazan.ru/kazan 1000/ (дата обращения 25.04.2016).

интеллектуальным потенциалом, и выстраивал своего рода иерархию регионов «имеющих» и «не имеющих» потенциал для отстаивания своей самостоятельности, то теперь политическая элита выступала в качестве зачинщика инициативы: объединить российские регионы в рамках большого проекта «Великий Волжский путь» (2001–2005 гг.) для сотрудничества в самых разных сферах жизнедеятельности.

Позиционирование международного измерения 1000-летия Казани было связано как с тесным сотрудничеством с ЮНЕСКО, так и с проведением Саммита глав государств Содружества Независимых Государств в рамках Программы празднования 1000-летия Казани. В его работе участвовали президенты стран СНГ. Прошли двусторонние встречи Президента России В.В. Путина с приглашенными на праздник главами других иностранных государств и международных организаций. В эти же дни состоялось выездное заседание Государственного Совета Российской Федерации с участием всех глав субъектов России[535].

Пятилетняя подготовка к празднованию события была сопряжена со стремлением руководства республики и администрации города придать Казани столичный лоск, обновить и модернизировать ее инфраструктуру. Поэтому для организации проведения празднования (включая сооружение и реконструкцию объектов), согласно указу президента России Б.Н. Ельцина в 1999 г. и постановлениям правительства России 2000 и 2001 гг., была создана Государственная комиссия по подготовке, возглавляемая сначала премьером, а затем президентом России В.В. Путиным. По их руководством действовала федеральная целевая Программа подготовки. Для ее реализации были привлечены большие средства из бюджета Российской Федерации и самой республики[536]. Реализация Программы явилась модернизационным прорывом

---

[535] Казань тысячелетняя... Указ. соч.

[536] Общая сумма строительства и реконструкции объектов в рамках подготовки к Тысячелетию составила более 86 млрд руб., в том числе 12 млрд из бюджета Российской Федерации, 38,6 млрд. – из регионального бюджета, ещё 35,7 млрд привлечено за счёт средств инвесторов. См.: Универсиада вытесняет с рынка мелких металлотрейдеров.

для Казани: были не только отреставрированы архитектурные памятники зодчества, но и построены крупные объекты: мост «Миллениум», первая ветка Казанского метрополитена, спортивный комплекс «Татнефть-арена», парк, площадь и музей Тысячелетия Казани.

Интеграционный тренд получил выражение и в символической политике середины 2000-х гг. В рамках празднования 1000-летия Казани интеграционную составляющую были призваны подчеркнуть открытие филиала Государственного Эрмитажа на территории Кремля. При поддержке правительства Санкт-Петербурга и Москвы были реконструированы и оформлены две из центральных улиц, получивших, соответственно, новые имена: Петербургская и Московская. Символом единения с Россией стала многоэтажная главная сцена-конструкция в форме Шапки Мономаха для проведения торжественных церемоний и массового концерта звезд эстрады.

Роль «символьной» элиты в новом политическом векторе отводилась к формированию этнокультурной специфики региона. Этническая составляющая этого события была заложена в ассоциации Казани с бывшей столицей Казанского ханства и как этнического ядра для всех современных татар. Символика празднования, герб Казани содержали изобразительные элементы и символы татарской истории и татарского национального искусства. Символ тысячелетия Казани был выбран по итогам конкурса из работ, представлявших собой вариативные изображения Казанского Кремля, башни Сююмбике, Зиланта и арабской вязи. Символично, что первое место получил эскиз со стилизованной башней Сююмбике, лилиями и флагом Татарстана[537]. К празднованию 1000-летия было приурочено проведение Съезда Всемирного Конгресса татар, а также открытие в Кремле самой большой мечети Европы Кул Шариф, названной в честь просветителя и философа, организатора защиты Казани в 1552 г. При этом паритетность

[Электронный ресурс]. URL: http://kazan.dk.ru/news/universiada-vytesnyaet-s-rynka-melkix-metallotrejderov-236587138 (дата обращения 14.05.2018)

[537] Тысячелетие Казани. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/1000-летие_ Казани (дата обращения 22.07.2016)

ислама и православия в Татарстане была призвана продемонстрировать церемония возвращения в Казань иконы Казанской Божьей Матери. Казань позиционировалась и как столица татар всей планеты. Вот характерное для того периода сообщение в республиканских СМИ: *«Татары всей планеты гордятся своей столицей. Во многих странах, в десятках татарских общин в эти месяцы проходят мероприятия, посвященные юбилею Казани. Духовное единение с исторической родиной через юбилей ее столицы – это, пожалуй, самая благородная и возвышенная цель состоявшихся торжеств»*[538].

Результаты подготовки и проведения события оценивались достаточно высоко: «За 20 лет Казань из провинциальной столицы автономной республики превратилась в город европейского уровня, сохранив при этом неповторимый восточный колорит»[539]. Их оценка отсылала к достижениям суверенитета, благодаря которому бесправная автономия смогла стать одним из ведущих регионов РФ. А широко тиражируемая в период празднования цитата Президента РФ В.В. Путина укрепляла республику в новом статусе: «Тысячелетие (1000-летие) Казани – это событие, без преувеличения, мирового масштаба. Я думаю, что это даже международное событие. Поэтому наша общая задача – сделать эти юбилейные торжества действительно ярким, запоминающимся событием, достойным и этого великого города, и Республики Татарстан. А также всей России»[540].

Проведение 1000-летия Казани и реализация Программы по его подготовке явились стимулом для становления нового стиля в стратегии управления республикой у татарстанской политической элиты: ставка на мега-проекты, в качестве локомотивов для модернизации республики и формирования символического капитала, как среди российских регионов, так и на международном уровне. С приходом нового Президента Татарстана, Р.Н. Минниханова, прошедшего школу управления у М.Ш. Шаймиева,

---

[538] Казань тысячелетняя. Указ. соч.
[539] Там же.
[540] Тысячелетие Казани... Указ. соч.

меняется вектор развития республики. Инициируемые его командой и командой мэра Казани И.Р. Метшина мега-проекты: Универсиада – 2013, Чемпионат мира ФИНА по водным видам спорта – 2015 (ЧВВС–2015), грядущий Чемпионат мира по футболу FIFA – 2018 сформировали новый имидж Татарстана, центром которого является Казань, позиционируемая в качестве третьей спортивной столицы России.

Несмотря на далекую от спорта этничность, Татарстан остался верен традиции позиционирования себя как этнокультурного региона и в рамках прошедшей в 2013 г. Молодежной Универсиады. Так, в качестве символов события были выбраны: талисман – котёнок крылатого белого барса[541], названный в честь международного события – «Юни»; логотип – стилизованный тюльпан, исполненный в олимпийских цветах пяти континентов, со звёздами и соответствующим текстом латинскими буквами. Слоган Универсиады был представлен космополитично – «You are the World», трансформировавшимся под влиянием базовой эмблемы Универсиады латинской буквы «U» – в «U are the World». Это позволяло трактовать слоган в двух значениях: «Ты – это мир» и «Универсиада – это целый мир»[542].

Весомость этнонациональной составляющей проявилась в проведении в рамках Универсиады специального мероприятия – Культурной Универсиады, которая включала не только грандиозные представления открытия и закрытия спортивного события, но и проведение традиционного праздника Сабантуй. Так, подчеркивалось, что «Впервые среди универсиад параллельно проводилась «Культурная Универсиада» с приуроченным к ней самым масштабным в республике и стране главным татарским национальным праздником Сабантуй»[543]. В рамках культурных мероприятий участники и гости Универсиады посетили традиционный праздник татар-кряшен

---

[541] Ак Барс – национальный и исторический символ Татарстана, изображённый на гербе республики. Барс был символом булгарских царей, особенно был почитаем в племени барсилов, составлявшего одну из основных групп населения Волжской Булгарии.

[542] Летняя Универсиада 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Летняя_ Универсиада_2013 (дата обращения 18.04.2016)

[543] Там же.

«Питрау»; была реконструирована ремесленная слобода ханской Казани «Бибарс Сарай», знакомящая посетителей с «древней музыкой», костюмами татар, их кулинарией и декоративно-прикладным искусством[544]. Реконструирована Старо-татарская слобода в качестве туристического объекта. Но самая яркая и эффектная репрезентация этнокультурной специфики республики была представлена на церемонии открытия и закрытия Универсиады, которая транслировалась на всю Россию.

Названные мега-проекты становятся локомотивами развития спортивной, городской и социальной инфраструктуры[545] и логично встраиваются в стратегию развития республики, которая все больше позиционирует себя как регион инновационного развития. Разработанная и принятая к исполнению в 2015 г. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г.[546] провозглашает в качестве приоритетов конкурентоспособность и лидерство среди российских регионов на основе качественной системы развития человеческого капитала. Этничность в стратегии рассматривается амбивалентно: и как культурный потенциал, и как зона рисков.

Таким образом, представленный кейс свидетельствует о значимой роли социально-политической конъюнктуры в проявлениях этнического фактора, а также ведущей роли политических элит, использующих его в качестве

---

[544] *Макарова Г.И.* Репрезентация Республики Татарстан в мероприятиях Культурной Универсиады и церемонии открытия Универсиады–2013 // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 87.

[545] Проведение Универсиады в Казани оценено Счётной палатой России примерно в 68 млрд руб. (в том числе сооружение стадиона Kazan-arena, на котором проходят церемонии открытия и закрытия Универсиады, обошлось в 12,5 млрд. руб.). В рамках подготовки мероприятия Казань получила: новый терминал международного аэропорта «Казань», новый железнодорожно-автобусный вокзал «Казань–2», реконструкцию главного ЖД вокзала «Казань–1», вторую очередь метрополитена, линию скоростного трамвая, линию аэроэкспресса к международному аэропорту «Казань», 11 транспортных развязок, автомобильные дороги длиной 65 км. Для проведения соревнования было задействовано 64 объекта.

[546] Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: https://chistopol.tatar.ru/rus/file/Presentation_Tatarstan-2030.pdf (дата обращения 26.05.2018).

инструмента для реализации социально-экономической стратегии своих регионов, своих групповых интересов и этнокультурных запросов общества. Роль национальных «символьных» элит в бóльшей степени вспомогательная: наряду с решением проблем этнической общности, они легитимируют в общественном сознании стратегии политических элит.

Утверждение интегративной концепции республиканской политики идентичности после 2000-х гг. было обусловлено и позитивной направленностью взаимодействия федеральной и татарстанской элит.

Выводы по Главе 2

1. Политика идентичности постсоветского Татарстана формировалась под влиянием этнического фактора при активном участии политической и «символьной» элит республики. Ключевым фактором успеха их социальной инженерии явилась высокая степень интегрированности политической элиты, ее продуктивный тандем с «символьной» элитой и наличие социальной базы в виде национального движения и массовой поддержки со стороны этнической группы, дающей название республики, а также поддержка социально-экономической части политики идентичности со стороны русских и татар республики.

2. Поведение и интересы политических элит национальных республик в начале 1990-х гг. предопределялись, наряду с другими причинами, реакцией на сформировавшиеся в советский период формы статусного неравентсва. Заложенная советской системой иерархия республик (союзные, автономные республики и автономные округа) воспроизводилась в системе советской бюрократии, что формировало в рядах партийной элиты нижних этажей недовольство и общность интересов. При этом статусное неравенство в среде партийной бюрократии республик имело наложение на этничность, поскольку высший слой партийной элиты (вследствие советской политики коренизации) был представлен, в соответствии с советской терминологией, «титульными национальностями». Названные формы неравенства

предопределили этно-национальный контент политики идентичности, воплотившийся в дискурсе национального самоопределения.

3. Эффективность республиканских масс-медиа в качестве инструмента политики идентичности, формируемой правительством Татарстана в начале 1990-х годов, объясняется как объективными, так и субъективными причинами. К числу первых следует отнести уровень политизации населения страны и республики, в частности, вызванной атмосферой политики гласности, популярностью, в первую очередь, прессы, оперативно реагирующей на злобу дня. В качестве субъективных – следует отметить эффективность тандема политической и «символьной» элит, характеризующегося высоким уровнем интеграции. Близость их идеологических позиций была обусловлена социальным и этническим происхождением (бывшие татары-сельчане) и сходным опытом переживания «второсортности» родной национальной культуры и языка относительно общегосударственного русского языка и культуры в советский период. «Символьная» элита, как генератор и ретранслятор дискурса национального самоопределения руководствовалась интересами сохранения и развития татарской национальной культуры и языка, что отвечало запросам татарского населения республики.

4. Двусторонний договор между федеральным центром и Татарстаном обозначил новый формат становления федеративных отношений в России путем делегирования полномочий снизу – от субъектов федерации. Необходимость применения этого политического инструмента была вызвана ситуацией этнополитического конфликта между центром и субъектом, вызванного несоответствием политического статуса и имеющихся полномочий у автономной республики (ТАССР) тому объему задач социального развития, что соответствовал новым потребностям трансформирующегося общества. Стимулирующим фактором пересмотра формата взаимоотношений «центр-регион» выступала парадигма центральной власти курса на демократизацию, что, в свою очередь, актуализировало вопрос

равенства и справедливости на уровне субъектов федерации. В данном контексте региональная власть декларировала проблему равенства в этнической парадигме, соединяя права народов и демократизацию.

5. Договорные отношения продемонстрировали значимость комплекса факторов, включающих, как объективные: экономические и культурные ресурсы и социальную базу региона, так и субъективные: роль личности в политике, характеристики и интересы элитных групп центра и региона. Ключевым фактором разрешения этнополитического конфликта стало продуктивное взаимодействие федеральной и татарстанской элит по согласованию спорных позиций. Руководство федерального центра продемонстрировало пластичную модель регулирования спорных позиций со своим регионом, в противоположность модели жесткого ультиматума. Результатом этой стратегии стало разрешение конфликтной ситуации и укрепление интегративного тренда со стороны субъекта.

6. Анализ развития Татарстана после 2000-х гг. свидетельствует об эффективности договорных отношений, позволивших региону укрепить экономическую базу и в полной мере взять на себя ответственность за укрепление стабильности и дальнейшее поступательное развитие республики. Достигнутые договоренности способствовали деполитизации этнического фактора и переинтерпретации его с этнонационалистического – в формат этнокультурной специфики республики.

7. В условиях политики интеграции со стороны федерального центра политическая элита республики уходит от акцентирования этнического фактора, переводя его с роли ведущего на роль дополняющего специфику региона. В политике идентичности и дискурсивном поле, связанном с этничностью, татарская идентичность не противопоставляется «России-колонизатору», а органично встраивается в общероссийский общенациональный контекст. Одним из значимых событий этой модуляции стало проведение 1000-летия Казани в 2005 г. Сам по себе этот переход можно интерпретировать как некую модель, сочетающую в политике идентичности

Татарстана общероссийскую (общенациональную) и этническую идентичности.

8. Проведение 1000-летия Казани и реализация Программы по его подготовке явились стимулом для становления нового стиля в стратегии управления республикой у татарстанской политической элиты: ставка на мега-проекты, в качестве локомотивов для модернизации республики и формирования символического капитала, как среди российских регионов, так и на международном уровне.

ГЛАВА 3
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РТ

Будучи лидером федеративного движения в России, Татарстан начинал и стремился продолжать свою политику в русле заявления Б. Ельцина, сделанного им на татарстанской земле: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Попытки татарстанской номенклатурной элиты, предпринимаемые в перестроечный период, освободиться от опеки Москвы и распоряжаться республикой по своему усмотрению, были обусловлены рядом причин, носивших объективный характер. Основанием, позволившим выдвинуть такую инициативу, являлось социально-экономическое развитие региона. Как уже отмечалось, в советское время республика имела потенциал, равный потенциалу трех прибалтийских республик. Взаимодополнящее сочетание индустриального и аграрного секторов экономики, могли обеспечить ее самодостаточность. Другим важным основанием было социокультурное развитие: в республике имелась солидная многопрофильная база высшего и среднего профессионального образования; структурно развитый слой интеллигенции, широкая сеть культурных учреждений. Еще один немаловажный фактор, выполнивший роль детонатора в инициации общественного движения за суверенитет в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: несоответствие юридически закрепленного статуса этничности – реальному положению дел в сфере татарской национальной культуры, образования и языка.

Причины социально-экономического и этнокультурного неравенства с другими наиболее развитыми союзными республиками и Москвой виделись в несправедливом распределении средств центральным правительством. В общественном дискурсе тех лет доминировали две темы: социально-экономической и национально-культурной деградации региона. Политическая элита республики, в ситуации перераспределения властных

ресурсов, приводила требования общественных движений в качестве аргументов в пользу передачи ей больших экономических, а затем и политических полномочий. Она заявляла о своей готовности взять не себя всю ответственность за экономическое и культурное процветание региона. Основными доводами местной элиты в ее противостоянии с федеральным правительством в начале 1990-х гг. были:

– ее большая компетенция в социально-экономических и этнокультурных потребностях региона;

– ее республиканский патриотизм;

– ее интерпретация процесса децентрализации как основы становления и утверждения демократических принципов правления в современной России.

Результатами правления правительства, возглавляемого М.Ш. Шаймиевым, в первой половине 1990-х гг. стали: «мягкое вхождение в рынок»; паритетный подход в национальной политике; относительная экономическая и этнополитическая стабильность. Этносоциологические исследования, проведенные в этот период[547], констатировали усилившееся региональное самосознание у населения республики. Сопоставление степени доверия к Президенту РФ и Президенту РТ показало, что 42,1% русских и 63,4% татар в республике считали, что М. Шаймиев лучше других выражает интересы народа, 11,6% и 3,5%, соответственно, назвали Б. Ельцина. За высокую степень децентрализации высказались 66,0% татар и 50,1% русских. За сильное централизованное российское правительство, соответственно, 12,2% и 26,3%.

Однако динамика трансформирующейся России выдвигала новые вызовы самоопределившейся политической элите субъектов. Способность адекватно отвечать на них становилась решающим фактором в борьбе

[547] Проект «Этническая идентичность, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» («НИК») (1993–1996 гг., рук. Л.М. Дробижева); Авторский проект «Роль республиканской прессы в формировании новой системы ценностей в условиях социально-экономической трансформации общества в Татарстане» (1996–1998 гг.).

центробежных и центростремительных тенденций. Изменение политического вектора было обозначено твердым заявлением избранного в 2000 г. Президента России В. Путина о его намерении усилить властную вертикаль федерального центра над регионами, что положило начало реальным политическим шагам для воплощения этого заявления в жизнь.

СМИ, как чуткий индикатор ситуации, сделали темами своих обсуждений наиболее уязвимые места двух, вновь начавших самоопределяться, сторон. Журналисты и аналитики из числа сторонников суверенитета республики заговорили об опасности восстановления жесткой вертикали, в результате которой сведется на нет экономическая и этнокультурная самостоятельность Татарстана. Сторонники усиления центра упрекали власти республики в узурпации власти, тотальном контроле над экономикой, нарушении российских законов. Не случайно широкое обсуждение в республиканской прессе в тот период получила статья американской журналистки С. Боулин в «Нью-Йорк таймс»[548], которую подняли на щит противники Шаймиева. Вот одна из характерных цитат: *«Местные жители возмущены, что они живут не в современном государстве, а в феодальном обществе, в котором правит клан президента Шаймиева. Он держит под контролем не только правительство, но и экономику, которая не имеет ничего общего с экономикой остальных российских регионов, стремительно идущих к свободному рынку»*[549].

Отход Шаймиева от твердой позиции отстаивания самостоятельности республики, авторы публикаций иллюстрировали многочисленными уступками федеральному центру, наиболее яркой из которых стал переход президента республики от проигравшего на выборах в Госдуму блока «Отечество вся Россия» к победившему блоку «Единство». Один из политических обозревателей так прокомментировал сложившуюся ситуацию: *«Внутренняя причина нынешней уязвимости Шаймиева – в невозможности*

---

[548] Нью-Йорк таймс, 9 марта 2000.
[549] *Сагадеев И.* Тучи над президентом Шаймиевым // Крис, 03.03.2000.

опереться на население республики. Некогда президент соседней Башкирии с завистью жаловался нашему. Мол, тебе хорошо проявлять строптивость по отношению к Москве – у тебя народ горой стоит за суверенитет.

Где сейчас эта гора? Все выгоды от мягкого вхождения в рынок», от возможности самим реализовывать половину добываемой нефти в республике, ушли на обогащение местной элиты. Властные структуры сначала претерпели «татаризацию», а затем и «клановизацию». Сейчас, по словам одного из осведомленных лиц, нами правят три семьи из 49 человек. Татарская часть населения разочарована, русская возмущена. (В былые времена Шаймиеву достаточно было мимоходом сказать перед выборами пару слов в пользу того или иного кандидата, и народ голосовал «как надо»[550].

Итак, опыт исследования детерминант процесса регионализации и формирования политики идентичности Татарстана в 1990-е гг. показал, что наиболее значимые из них были связаны с факторами:

– социально-экономического неравенства республиканского сообщества в целом (по сравнению с центром и более развитыми союзными республиками);

– этнокультурного неравенства представителей этнической группы, дающей название республике, чья этническая культура не имела возможности развиваться наравне с общесоветской (на основе русской культуры).

Рассмотрение социально-экономического развития республики в контексте формирования новой для Татарстана политики идентичности согласуется с получающим распространение в политологии поворотом к изучению влияния неполитических практик, формально не связанных с реализацией политики идентичности, таких, как социальная защита населения; знаковые экономические проекты. Как отмечает И.С. Семененко, такого рода нетрадиционные для политического анализа источники и

---

[550] *Сагадеев И.* Указ.соч.

ресурсы особенно важны ввиду фрагментарности данных социологических опросов – обстоятельства, которое не могут не принимать во внимание исследователи постсоветских социальных и политических реалий[551].

В контексте политических событий 2000-х гг. в России актуальность приобретали ответы на вопросы: Что сумела сделать властная элита Татарстана для решения проблем, двигавших локомотив ее политической легитимации? Какие факторы обусловили конкуренцию или взаимодополнение региональной и общероссийской идентичностей на уровне массового сознания? Какова роль в этих процессах этнического фактора?

3.1. Региональная элита как субъект реализации социально-экономической стратегии Татарстана в 1990-е гг.

Попытка охарактеризовать социально-экономическую ситуацию во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. в республике неизменно подводит нас к проблемам становления рыночной экономики. Характеризуя общественные настроения того периода, Л.М. Дробижева отмечала: «Было еще две особенности в понимании демократии в это время. Во-первых, с ней связывали развитие частной собственности как проявление свободы в экономической сфере. К тому же демократизация понималась в варианте лучших образцов гражданского общества, а такое общество связывалось с некоторыми странами Западного мира, в которых люди живут по законам рынка. Таким образом, ориентация на рыночную экономику и частную собственность выступала также индикатором установки на демократизацию»[552]. Именно с ее развитием идеологи реформ и властная элита связывали улучшение общей экономической ситуации, а вслед за этим – повышение уровня благосостояния каждого человека. Развитие рыночной

---

[551] *Семененко, И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И.* Между государством и нацией. Указ. соч. С. 59-60.

[552] *Дробижева Л.М.* Опыт национализма и демократизация. Указ. соч. С. 44.

экономики в массовом секторе – малом и среднем бизнесе становилось значимой составляющей политики идентичности постсоветского Татарстана. Становление слоя мелкого и среднего собственника являлось условием достижения как экономической, так и политической стабильности. Являясь базой среднего класса наряду с интеллектуалами и интеллигенцией, этот слой способен обеспечить равновесие социальной структуре. Ученые выделяют гармонизирующую функцию среднего класса. В области социальных отношений (в сфере политики, семейных отношений) он сглаживает противоречия: между верхним и нижним классами; между содержанием труда различных профессий; городским и сельским образом жизни. В политике средние слои чаще всего являются сторонниками центристских позиций. В сфере культуры и семейных отношений – являются основными носителями традиций, норм и знаний[553].

К началу 2000-х гг. исследователи отмечали, что социальная структура российского общества выглядела как «придавленный к основанию треугольник» (в отличие от «лимона» в развитых странах, где средние слои составляют основу всей социальной структуры общества). Средний слой по данным социологических исследований составлял 20%, а 60% – включал специалистов и работников, которые существовали на грани бедности[554].

Кризисы 1998 г. и 2008 г. ограничили ресурсы государства в социальных обязательствах перед незащищенными слоями страны. Поэтому вся надежда на прорыв в экономической сфере связывалась и продолжает связываться с внутренними ресурсами наиболее активных слоев населения. Хорошее образование, инновационный и личностный потенциал стимулирует их к предпринимательской деятельности. Самым важным условием для осуществления этим слоем инновационной практики в начале рыночных реформ, являлось введение наиболее эффективных «правил игры» законодательного поля для осуществления экономической деятельности. А это

---

[553] Социальное расслоение и социальная мобильность. – М.: Наука, 1999. С. 33–34.
[554] Там же, с.32–34.

– прерогатива властной элиты. Неслучайно и отечественные, и зарубежные ученые выделяют среди важнейших элементов социального механизма трансформации: а) целевую реформаторскую деятельность, которую реализует преимущественно правящий слой; б) предпринимательскую деятельность широко понимаемых средних слоев[555].

Во многом, формирование «поля игры» зависит от стартовых условий, которые включают систему уже сложившихся экономических институтов, систему сложившихся межсубъектных и межличностных связей акторов экономической сферы, а также их интересов.

Поэтому, рассматривая динамику социально-экономической ситуации в Татарстане, мы выделяем в качестве объекта исследования как процесс институционализации новых экономических отношений, который включает деятельность властной элиты в экономической сфере по развитию малого и среднего бизнеса (далее – МСБ) в республике, так и деятельность представителей предпринимательского слоя; режим их взаимодействия, мотивируемый объективными потребностями и групповыми интересами.

Анализ особенностей реформирования экономики в сторону рыночных отношений позволит рельефно рассмотреть региональные особенности формирования среднего слоя, перспективы его дальнейшего развития. Наряду с этим предпринимается попытка определения степени актуальности этнического фактора в социально-экономической сфере. В совокупности все это поможет выявить факторы, влияющие на интеграцию или, наоборот, дезинтеграцию социальных групп татарстанского сообщества.

Интрига взаимоотношений акторов экономического поля требует рассмотрения их характеристик, поскольку многие из них становятся детерминантами групповых интересов, без прояснения которых сложно представить мотивацию тех или иных действий субъектов.

---

[555] *Заславская Т.И.* Социальные результаты и задачи социальной политики // Куда идет Россия? – М.: Дело, 1998. С. 10; *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

Обозначение акторов как властной элиты и предпринимательского слоя будет в сложившихся условиях неточным. Дело в том, что предпринимательский слой сам по себе неоднороден, а различия составляющих его групп принципиальны. Исследователи предпринимательского слоя в России выделяют в качестве определяющих характеристик:

– масштабы и сферу хозяйствования (директор приватизированного промышленного гиганта – и распространитель мелкой посреднической конторы).

– происхождение капитала (государственный – личный);

– близость к каналам распределения дешевых государственных ресурсов, и госсектору в целом: доступом к внешнеэкономической деятельности и связями с иностранным капиталом.

Таким образом, в целом предпринимательский слой представлен частично обуржуазившейся хозяйственно-политической номенклатурой и новой деловой элитой – с одной стороны, и множеством мелких и средних слоев, поддерживаемых активностью самозанятых работников – с другой стороны. Первые гнездятся близ государства и внутри государственных секторов, вторые образуют почвенный уровень[556].

В связи с этим, в нашем исследовании мы выделяем в качестве действующих субъектов властную элиту, близкую к ней группу крупного бизнеса (в бóльшей мере она представлена директорами крупных предприятий и промышленных гигантов), и группу мелких и средних предпринимателей. Близость директорского корпуса к властной структуре объясняется, во-первых, сохранением доли уставного капитала на крупных предприятиях за государством; во-вторых, практикой назначений директоров хозяйственных объектов правительством республики; в-третьих, введением их в состав законодательных органов. Так, большинство

[556] *Радаев В.В.* Явление предпринимательства и группы предпринимателей // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. – М.: Аспект Пресс, 1995. С. 176–177.

депутатов Госсовета РТ второго созыва (1999–2004 гг.) было представлено главами администраций районов республики (курирующими аграрный сектор) и директорским корпусом: из 130 избранных депутатов: 51 человек – главы администраций городов и районов, 5 человек – их заместители; 47 чел – руководители предприятий и организаций всех форм собственности, что составило 79,2% от всего состава[557]. Красноречивым является факт, свидетельствующий о том, что среди депутатов Госсовета этого созыва не было ни одного представителя МСБ.

Приведенные данные говорят о том, что интересы властной элиты и директорского корпуса во многом совпадают, кроме того, они представлены институционально и, следовательно, защищены, а экономическая элита приобрела еще и статус политической элиты. Исследователи региональных элит, в частности О.В. Гаман-Голутвина, обращает внимание на тенденцию, окончательно оформившуюся к середине 2000-х гг. – массовый приход бизнеса во власть и возникновение слоя т.н. «универсалов», т.е. лиц, влиятельных как в политике, так и в экономике, что привело к совпадению составов политической и экономической элит в большинстве регионов. В результате, снизился удельный вес «чистых предпринимателей» (с 24% в 2000 г. до 19% в 2003 г.) и возрастные доли «универсалов»« (с 18% до 45%, соответственно). Автор отмечает и обратный процесс: проникновение «чистых политиков» в сферу экономики, что также является источником пополнения слоя «универсалов»[558].

Детерминанты данного процесса носят, по мнению О.В. Гаман-Голутвиной не субъективный (личностные качества представителей элиты), а объективный характер, и в зависимости от характера факторов выделяет две группы регионов: первая из которых выделяется тем, что политико-административная бюрократия конвертирует свой политический и административный капитал в экономический; вторая, наоборот – когда

---

[557] Молодежь Татарстана, 3 февраля 2000.

[558] *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России. 2004. Указ. соч. С. 22–32.

формирование истэблишмента происходит при активном участии крупного бизнеса. Татарстан в этой типологии отнесен к первой группе[559].

Иллюстрацией процессов, происходящих в первой группе регионов, может служить ситуация в Татарстане, Башкортостане, Бурятии, Удмуртии и Мордовии, где административно-политическая элита оказывает определяющее влияние на формирование бизнес-элиты и развитие бизнеса в целом. Главным фактором вхождения в бизнес-элиту в этих регионах является принадлежность к элите политической, и что особенно важно, к команде действующего главы республики. Продвижение в состав политической элиты по каналам бизнес-структур хотя и возможно, но играет сугубо подчиненную роль. В подобных условиях экономическая элита – лишь компонент политической. Значительная часть бизнес-элиты – это лица, наделенные властью и контролирующие бюджетные средства, а главы регионов – единый управляющий центр региональной политики и экономики. Обозначенные выше тенденции и характеристики не распространяются на слой малого и среднего предпринимательства.

Существует еще ряд немаловажных для нашего исследования факторов. Характеристика правящей элиты и ее деятельности не может быть адекватной без учета новых тенденций того процесса, что происходит внутри этого слоя, так же как и региональной специфики социально-экономических и политических ресурсов, которыми она обладает, поскольку последние во многом детерминируют стратегию ее деятельности.

Для Татарстана, как и для других российских регионов, характерно отмечаемое исследователями завершение этапа открытости круга правящей номенклатуры, когда ее ряды пополнялись множеством новых акторов. По наблюдениям экспертов, экономическая и политическая конкуренция ослабли. Как отмечала М. Мендрас, в игре остались одни инсайдеры: «во

---

[559] К этой группе автором также относятся Башкортостан, Бурятия, Мордовия, Удмуртия. Ко второй группе – регионы с мощным эконмическим потенциалом и/или значительными запасами природных ресурсов – Самарская, Волгоградская, Иркутская области, Краснодарский край, Эвенкия, Таймырский, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО. См.: *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России. Указ. соч. С. 26.

многих региональных центрах элиты защищаются, отгораживаясь, и даже возводя крепости из доморощенных правил и способов выживания. Условный рефлекс самозащиты приводит многих, в том числе занимающихся бизнесом, к желанию отгородиться от внешнего вмешательства – от тех, кто не принадлежит к сложившимся сетям и истеблишменту»[560].

Заключая, следует отметить, что для Татарстана 1990-х – 2000-х гг. главным условием вхождения в бизнес-элиту, как и в ряде национальных республик РФ, являлась принадлежность к политической элите, и что особенно важно, к команде действующего главы республики. Таким образом, политико-административная бюрократия конвертировала свой политический и административный капитал - в экономический. Обладание рычагами законодательной и исполнительной власти в республике предоставляло неограниченные возможности для высшего слоя административной и экономической элиты в выстраивании «правил игры» в сфере экономики согласно своим узкокорпоративным интересам. В совокупности, приведенные данные свидетельствуют о том, что частные интересы высших элитных слоев ограничивали развитие субъектов экономической сферы на основе конкуренции, а закрытость этих слоев и этнический протекционизм снижали уровень мобильности и эффективности отбора управленческих кадров.

---

[560] *Мендрас М.* Как региональные элиты защищают свою власть // Pro et Contra. – Т. 5, №1, Зима 2000. С. 74.

3.2. Проблемы становления малого и среднего бизнеса в Республике Татарстан в 1990-е – первой половине 2000-х гг.

Характеризуя развитие МСБ в Татарстане, следует оговорить одно важное обстоятельство, которое связано с тем, насколько выстроенные элитой правила игры эффективны в контексте социально-экономической и политической конъюнктуры развития республики. Дело в том, что развитие рыночной инфраструктуры и ее субъектов в республике происходило и происходит в условиях «большой нефти», когда сверхдоходы нефтяной отрасли воспринимаются управленцами в качестве надежной экономической «подушки» и для дальнейшего развития республики, и для поддержания социальной сферы. В таких условиях МСБ воспринимается в качестве периферийного сектора экономики с соответствующим отношением к нему власти.

Другими важными обстоятельствами, формирующими динамику развития республики, выступают как внешняя финансово-экономическая конъюнктура в виде глобальных кризисов, так и политика федерального правительства по отношению к региону. В совокупности, все перечисленные выше факторы, как показывает практика, заставляют властную элиту республики выстраивать краткосрочные и перспективные направления стратегии развития региона.

Для анализа динамики этих изменений и деятельности руководства республики мы выбрали два периода, которые можно определить в качестве показательных с точки зрения развития Татарстана: первый – 1990-е – начало 2000-х гг.; второй – с 2005 по 2016 гг. Данная периодизация обосновывается различающимися (в политическом и экономическом отношениях) стадиями: первая из них характеризуется началом активного политического и экономического строительства в условиях политического либерализма и начального формирования рыночной экономики. Вторая стадия развития проходила в новых политических реалиях укрепления властной вертикали со

стороны федерального центра. Экономическая конъюнктура данного периода формировалась как меняющимся экономическим регламентом отношений «центр-регион», так и экономическими кризисами 2008 и 2014 гг.

В контексте нашего исследования немаловажную роль выполняют некоторые показатели развития республиканской экономики в 1990–2000-е годы. Для тех лет 90% экспорта Татарстана приходилось на нефтяную, нефтехимическую и другие, связанные с ними, отрасли неглубокой степени переработки[561]. В аграрной сфере республика полностью обеспечивала себя продукцией сельского хозяйства и животноводства. В структуре промышленного производства доминирующее положение занимают химическая и нефтехимическая, топливная промышленность и машиностроение. Именно эти отрасли являются бюджетообразующими. Закономерно, что на эти сферы экономики, направлено все внимание и усилия правительства республики[562].

Среди первых шагов в процессе институциональных преобразований на пути к рыночной экономике правительством была проведена приватизация и акционирование предприятий, что по замыслу должно было способствовать разрушению монополии государственной собственности. К 1997 г. приватизация крупных и средних предприятий была в основном закончена. Распределение зарегистрированных предприятий по формам собственности на начало 1997 г. выглядело следующим образом: 62,8% – являлись частной собственностью; 10,2% – государственной собственностью; 10,1% – прочие формы собственности; 8,5% – муниципальной собственностью; 8,4% – собственностью общественных объединений[563]. Таким образом, приведенные данные говорят о том, что определяющей структурной составляющей сложившейся социально-экономической ситуации в республике, стало

---

[561] Республика Татарстан: время больших перемен. – Казань, 1996. С. 102.

[562] Приоритетность положения крупного бизнеса в республике подтверждается стратегией инвестиций. Основной формой иностранных вложений является финансирование крупных производственных проектов. См.: Республика Татарстан: время больших перемен. С. 21.

[563] Там же, с.4.

завершение раздела и приватизация общественного богатства. Основная его часть оказалась в руках бывшей партийной номенклатуры и новой элиты. Если учесть приведенные выше характеристики этого слоя, а именно: закрытость круга политического и экономического истеблишмента; существующие в нем отношения личной зависимости и покровительства, доминирование татар в высших эшелонах власти, – то можно предположить, что основной интерес данной социальной группы заключается в сохранении контроля над системообразующими субъектами экономики в республике и в ограничении претендентов на владение сконцентрированным в ее руках богатстве. Сырьевая база крупнейших субъектов экономики стимулирует пассивное экономическое поведение, основанное на стратегии продажи сырья и распределении полученных доходов, определенная часть которых расходуется на развитие самой экономической инфраструктуры республики. Наличие сырьевых запасов формирует психологию уверенности в завтрашнем дне. Этим можно объяснить равнодушие властной элиты к развитию альтернативных секторов экономики, в частности – МСБ в 1990-е гг.

Приведем статистические данные, характеризующие избранные для анализа сферы экономики. На 1 января 1999 г. в республике было приватизировано 1101 республиканское предприятие с численностью работающих более 620 тыс. человек, что составляет около 35% экономически активного населения республики. На базе приватизированных предприятий было создано 740 акционерных общества, 87 обществ с ограниченной ответственностью. Несмотря на то, что ведущее место в экономике республики занял негосударственный сектор с акционерной формой собственности, государство продолжало играть ведущую роль в базовых отраслях промышленности, топливно-энергетический, нефтехимический, транспорте и других, сохраняя контрольные пакеты акций. В 392 акционерных обществах было введено специальное право «золотой» акции.

Помимо этого, обеспечивалось избрание представителей государства не только в Советы директоров, но и в ревизионные комиссии[564].

Рейтинг предприятий-лидеров бизнеса республики показал, что среди 200 лидеров – 20% составили государственные предприятия; 4,5% – муниципальные; 64,5% – акционерные общества различных типов; 4,5% – совхозы и колхозы; 8,5% – прочие. Среди отраслей наиболее эффективны топливная, пищевая, машиностроение, химическая и нефтехимическая, промышленность стройматериалов. На долю названных 200 предприятий-лидеров приходилось 49,8% общереспубликанского объема реализации, 76,5% прибыли; 23,9% среднесписочной численности работников[565].

В сфере малого бизнеса наблюдался рост предприятий: с 15000 в 1996 г. до 28699 в 1999 г. Отраслевая структура была представлена, в основном, предприятиями торговли и общественного питания (36,6%); строительства (23,7%), промышленности (10,8%); транспорта и связи (3,1%); фермерством (1,6%) и другими отраслями (24,2%)[566].

Как правило, сферы крупного и малого бизнеса сосуществуют, не мешая друг другу и прямого столкновения интересов нет. Но в анализируемый период существовал определенный вид неравенства, который негативно сказывался на развитии малого предпринимательства – это слабая представленность интересов этого слоя во власти. Несмотря на то, что правительство республики декларировало необходимость государственного стимулирования малого и среднего бизнеса[567], практика тех лет показывала, что именно сфера государственного управления названным сектором

---

[564] *Бикбов Д.* Реализация программы приватизации в Татарстане // Экономика Татарстана после 17 августа. – Казань, 1999. С. 44.

[565] Лидеры бизнеса Татарстана. Аналитический рейтинг-справочник. – Казань, 1997. С. 40, 44.

[566] Аналитический отчет по результатам мониторинга субъектов малого предпринимательства Департамента по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства РТ.

[567] Доклад Премьер-министра РТ Ф.Х. Мухаметшина на Пленарной сессии Госсовета РТ 8 июля 1996 г. «О Государственной программе экономического и социального прогресса РТ и неотложных мерах по ее реализации» // Республика Татарстан: время больших перемен. – Казань, 1996. С. 33; Послание Президента Республики Татарстан Государственному Совету РТ. – Казань, 1999.

экономики концентрировала в себе большинство проблем. Так, говоря о проблемах малого предпринимательства в названный период, Генеральный директор Торгово-промышленной палаты РТ Ш.Р. Агеев представил рейтинг проблем отмеченных предпринимателями: 90% опрошенных считали главным препятствием налоговую политику государства; 81% – отсутствие нормального законодательства; 67% затруднительный доступ к капиталу, 66% – нестабильность банковской системы, 55% – коррупцию во властных структурах – все они находятся за рамками бизнеса как такового. Он также отмечал, что более трети предпринимателей считают, что административные барьеры в конце 1990-х гг. значительно усилились, причем в Татарстане по его словам они были намного сильнее, чем по России в целом[568].

По результатам проведенного нами экспертного опроса самые болезненные точки в сфере малого предпринимательства в республике тех лет составляли: существование дополнительных налогов, помимо федеральных; затрудненность процесса регистрации предприятий; усложненность порядка получения лицензий; огромное число контролирующих, проверяющих, штрафующих государственных структур.

Равнодушие республиканского правительства к решению перечисленных проблем стимулировало частных предпринимателей республики обратиться с письмами сначала к Президенту Татарстана, а затем и к Президенту Российской Федерации с просьбой навести порядок в данном секторе[569]. Безысходность борьбы с чиновничьим аппаратом заставляла частных предпринимателей проводить акции протеста[570]. Отчаянность попыток частных предпринимателей защитить свои интересы свидетельствовала либо об отсутствии у властных структур желания вести диалог, либо о слабости социальных институтов, представляющих их интересы.

---

[568] *Агеев Ш.* Некоторые проблемы развития предпринимательства в Татарстане после 17 августа. – Казань, 1999. С. 56.

[569] Вечерняя Казань, 29 апреля 2000.

[570] Там же.

В Татарстане был организован ряд институтов, во многом при поддержке М.Ш. Шаймиева, для обслуживания потребностейМСБ. В 1992 г. была учреждена Торгово-промышленная палата РТ, как независимая, некоммерческая, негосударственная организация. Ею была создана сеть филиалов в городах и районах республики. На начало 1999 г. ТПП РТ объединяла 901 предприятие всех форм собственности. Немного позже был учрежден Департамент по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства (ДПРП) при Министерстве экономики и промышленности РТ. На тот период – это единственный орган, призванный осуществлять государственную поддержку предпринимательства. Департаментом, совместно с ТПП, была разработана Программа государственной поддержки малого предпринимательства в РТ, которая завершилась в 1999 г. В ходе ее реализации было создано 5 фондов финансовой поддержки малого бизнеса, открыто 5 представительств лизинговой компании. Созданы свои информационные источники: газета «Предприниматель», телепрограмма «Бизнес-TV». О постепенной координации и объединении усилий предпринимательских структур можно судить по проведенному в 1999 г. I съезду предпринимателей РТ, на котором обсуждались проблемы частного предпринимательства и пути их разрешения.

Предприниматели считали, что отсутствие системного подхода к развитию малого бизнеса в государственных структурах мешает устранению таких имеющихся преград:

– часто меняющиеся законы, постановления, что мешает реализации долгосрочных проектов, связанных с производством;

– сложная процедура налогообложения;

– вольное истолкование законов на местах;

– высокая стоимость капитала; неэффективная банковская система.

По отзывам предпринимателей, для тех лет было характерно то, что власти рассматривали частный бизнес, коммерческие банки как элемент

государственной системы и пытались руководить бизнесом в рамках административного типа управления[571].

Сам представитель государственных органов, занимавшийся в те годы решением проблем МСБ, генеральный директор Департамента по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства (ДПРП) Н.А. Мустафаев вынужден был признать, что осуществление фискальных функций государства дублируется различными министерствами, ведомствами, государственными учреждениями, а это ставит предпринимателя в тяжелейшие условия и не способствует доверию государству. Н.А. Мустафаев видел в этом основную причину формирования черного рынка оборота наличных денег, серого рынка труда, который катастрофически рос изо дня в день и создавал благоприятные условия для вывоза капитала за территорию Республики Татарстан[572].

Абсолютное недоверие предпринимателей к государству было обусловлено не только его исключительно фискальным подходом к их деятельности, но и результатами экономического кризиса 1998 г., когда вследствие финансовой политики государства огромное число малых и средних предприятий оказалось разорено. Мнение одного из опрошенных экспертов: *«… нашему государству необходимо предпринять колоссальные усилия в сфере малого бизнеса, для того, чтобы хоть в какой-то мере вернуть утраченное доверие бизнесменов»*[573] – звучало в различных вариациях у всех респондентов проведенного опроса.

Как следствие экономического кризиса 1998 г., в 1999 г. возросло число зарегистрированных, но реально не осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность субъектов малого предпринимательства. Если в

---

[571] *Агеев Ш.* Некоторые проблемы развития предпринимательства. С. 59–60.
[572] Предприниматель. – №2. – Февраль, 2000.
[573] Из экспертного интервью, взятого автором у бизнесмена А. Виниченко (2000 г.)

1998 г. их было 38807, то в 1999 г. их число увеличилось до 43292. Их удельный вес составил в 1998 г. – 30,5%, и 30,8% – в 1999 г.[574].

Сопоставление результатов взаимодействия чиновничьего аппарата и предпринимателей с результатами исследования поля их взаимодействия Компанией «Монитор» в 1995 г. свидетельствовало об отрицательной динамике[575]. Из всех проблем, которые выявила исследовательская группа «Монитор», защита интересов малого бизнеса от бюрократических препон – требовала безотлагательного решения. Из проведенного ею опроса две трети опрошенных предпринимателей согласились с мнением, что бюрократ в Татарстане может уничтожить предприятие. И лишь 0,7% опрошенных чиновников не согласились с ним[576]. Показательны и результаты проведенного ими социально-психологического теста на доверие различных социальных групп друг к другу. По количеству указанных баллов, характеризующих уровень доверия бизнесменов к чиновникам, последние оказались на предпоследнем месте – 7 из 60-ти баллов. Далее, с отрывом в два балла, следовала группа конкурентов (5 баллов)[577].

Сопоставление проведенных характеристик с результатами анализа ситуации тех лет позволяет сделать вывод, о том, что интересы государственной бюрократии были напрямую связаны с динамично развивающимся слоем предпринимателей. Однако эта заинтересованность была обусловлена стремлением использовать служебное положение для получения дополнительного дохода. Тот факт, что во второй половине 1990-х и первой половине 2000-х гг. слой чиновников увеличил и укрепил свое влияние по сравнению с периодом начала 1990-х гг., связано не столько с

---

[574] Информация о положении дел в сфере малого предпринимательства в РТ на 01.01.2000 г., подготовленная Департаментом по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства РТ.

[575] Консалтинговая компания «Монитор» (США) в 1995–96 гг. проводила исследование конкурентных преимуществ Татарстана в рамках разработки Программы экономического и социального прогресса РТ, подготовленной по заказу Правительства РТ. См.: Панорама-форум. Экономическая стратегия Татарстана. – Казань, 1996. – №2(5); Республика Татарстан: время больших перемен. – Казань, 1996.

[576] Республика Татарстан: время больших перемен. С. 126.

[577] Там же, с. 137.

бессилием правительства республики, сколько с рядом факторов объективного и субъективного характера.

К первым можно отнести сохраняющуюся инерцию советского мышления у руководства республики. Представители бывшей партийной номенклатуры, работавшие в условиях административно-командной системы, привыкли связывать эффективность экономики с привычными ее секторами: крупной промышленностью и сельским хозяйством[578].

Сложившаяся система приоритетов усугублялась отсутствием знаний о функционировании и законах развития частного сектора экономики, так же как и опыта законодательного регулирования и управления им. К числу субъективных факторов можно отнести систему и особенности функционирования сложившихся сетей истеблишмента республики. Как и во всех субъектах Российской Федерации, в Татарстане наблюдался рост влияния финансово-промышленных кругов. Здесь, так же как и во многих регионах, произошло сращивание крупного капитала с государственной властью[579]. Их симбиоз укреплялся тем, что, с одной стороны, наличие административной «крыши» избавляло предприятие от многих проблем и обеспечивало ему условия для экономического успеха. С другой стороны, утвердившаяся система выборов, где многое зависело от поведения электората и уровня финансового обеспечения, актуализировало заинтересованность политиков в лояльности и ресурсах (человеческих и финансовых) руководителей экономических структур.

Отличительная особенность симбиотических связей, сложившихся в Татарстане, в сравнении с другими регионами РФ, в их традиционализме. Исследователи отмечали приток новых предпринимателей в законодательные

---

[578] По данным опроса компании «Монитор», высшие государственные чиновники и представители «директорского корпуса» связывали экономический подъем и повышение конкурентоспособности республики с добычей нефти, развитием ряда отраслей крупной промышленности и аграрного сектора. См.: Республика Татарстан: время больших перемен. С. 132–134.

[579] *Афанасьев М.Н.* В России сформированы представительные собрания правящих региональных групп // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. – М.: Дело, 1998.

органы субъектов РФ. Они вытесняли традиционный директорат там, где была велика доля «лежащих» индустриальных предприятий[580]. В Татарстане, об этом говорилось выше, подавляющее большинство бюджетообразующих предприятий уверенно стоят на ногах. Поэтому ротация кадров в высшем экономическом слое осуществлялась, в основном, не за счет прихода новых руководителей, а за счет перестановки инсайдеров, что придавало вотчинный колорит кадровой политике на уровне республиканского управления.

Отсутствие необходимого эффекта в деятельности названных социальных институтов в сфере МСБ в Татарстане объяснялось на тот период, прежде всего, слаборазвитостью экономического и социального ландшафта, несформированностью институтов гражданского общества, так же впрочем, как и во всей России. Как следствие подобного положения – воспроизводилась и укреплялась традиция клиентельных отношений, получившая свое развитие в советский период. Стремление предпринимателей защитить свои интересы стимулировало низовые инициативы, такие как попытки купить депутатов в Госсовете[581] или объединяться в организации, создавать клубы предпринимателей, чтобы иметь возможность реально воздействовать на государственные институты. Другой путь объединения – активная работа в политических партиях, таких как «Татарстан Новый Век» и СПС. Вот как характеризовал этот процесс один из активных участников Союза правых сил А.В. Татьянчиков: *«Я сейчас ощущаю интенсивность этого процесса. К нам в исполком приходят предприниматели с предложениями участвовать в разрешении проблем. Они предлагают свою помощь и средства для объединения усилий в борьбе за отстаивание своих интересов»*[582]. В анализируемый период такие партии, как «Новая сила», «Общее дело» и др., входящие в блок «Союз правых сил» имели значительное число приверженцев из предпринимательского слоя в Татарстане, поскольку, по словам бизнесменов, не было таких организаций, которые «в такой

[580] Там же, с. 141.
[581] Вечерняя Казань, 29 апреля 2000.
[582] Экспертное интервью с А.В. Татьянчиковым 2000 г. (из архива автора).

концентрированной форме пытались бы отстаивать интересы малого бизнеса»[583]. Базовыми из этих интересов назывались:

– незыблемость частной собственности;

– экономическая свобода;

– функционирование экономических институтов;

– правовое общество, в котором закон правит всем.

Очевидно, что протекция руководства республики крупному бизнесу связана с реализацией как частнокорпоративных интересов политической и экономической элиты, так и татарстанского общества в целом. Банкротство бюджето- и градообразующих предприятий республики чревато социальным взрывом. И, как уже говорилось ранее, макро-экономические приоритеты в политике властной элиты сыграли свою положительную роль на первом этапе рыночных реформ. В начале реформ стабильность была нужна как основа для дальнейшего развития. Со временем, для республики насущной потребностью становится необходимость создания институциональной базы экономического развития, которая в дальнейшем обеспечит социальную стабильность. Эффективность ее структур будет зависеть не столько от формального творчества, сколько от понимания специфики современных экономических условий и законов рынка у представителей управленческой элиты, и способности выйти за пределы частнокорпоративных интересов политической и экономической элиты в целом.

Специалисты по современным рыночным технологиям еще вначале 1990-х гг. говорили о том, что привлекательность расчета на то, что экономический рост Татарстана может быть достигнут путем эксплуатации нефтяных ресурсов – не обоснована. Несмотря на то, что разведанные запасы еще значительны (их должно хватить на 30–40 лет), они не смогут поддержать экономику республики в будущем[584]. В связи с этим, для любой модели будущего развития Татарстана нефть и нефтехимический сектор

---

[583] Там же.

[584] См.: Республика Татарстан: время больших перемен. Указ. соч. С. 132.

должны служить катализатором экономики. Подвижки в данном направлении стали намечаться к началу 2000-х гг. Республиканское общественно-политическое движение «Татарстан – новый век» (ТНВ) объявило о поддержке МСБ: его активистами была проведена работа по созданию льготных условий для малых предприятий, перерабатывающих сельхозпродукцию. Партия инициировала обсуждение и принятие в Госсовете Программу по поддержке малого бизнеса[585].

Если говорить в целом, об экономической составляющей политики идентичности региональной элиты в 1990-е гг. следует отметить, что в республике был разработан ряд региональных программ, направленных на социальную поддержку населения. В исследовании экономической стратегии властной элиты РТ в эти годы Г.Ф. Габрахманова отмечает: «Программу адресной социальной защиты населения», предусматривавшую предоставление компенсаций наиболее незащищенным слоям населения в виде чеков на продовольственные товары и жетонов для оплаты жилищно-коммунальных услуг; «Программу ликвидации ветхого жилья», по которой часть населения, имеющая жилье в непригодном для жизни виде, безвозмездно переселилась в новые квартиры; «Программу ипотечного кредитования», согласно которой кредит на покупку новой квартиры оформляется на условиях относительно низкой процентной ставки и т.д. В итоге по ряду социально-экономических показателей Татарстан вошел в число лидеров среди субъектов РФ. Как отмечают специалисты, в середине 1990-х гг. по таким показателям благосостояния, как соотношение денежных доходов к прожиточному минимуму, уровню бедности, обеспеченности легковыми автомобилями и т.д. республика имела более высокие показатели, чем в среднем по России[586]. Г.Ф. Габдрахманова также отмечала довольно быструю реанимацию экономики Татарстана после кризиса 1998 г., когда с

---

[585] Молодежь Татарстана, 4 мая 2000.

[586] *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма. Указ. соч. С. 240.

сентября 1999 г. в республике вновь отмечался рост экономических показателей, реальных денежных доходов[587].

В заключение отметим, что реформирование социально-экономической системы региона в русле рыночной экономики являлась одной из приоритетных задач политики идентичности Татарстана в 1990-е – первой половине 2000-х гг., в связи с чем властная элита РТ сделала ставку на развитие малого и среднего предпринимательства, как базового слоя рыночного сектора. На данном этапе реформирования слабая институциональная база МСБ, наряду с инерцией мышления в русле советской плановой экономики, а также неравная конкуренция с крупным бизнесом, в республике создавали множество препятствий в становлении и развитии названного сегмента экономики.

Крупный бизнес (частично обуржуазившаяся хозяйственно-политическая номенклатура и новая деловая элита) пользовался всем возможным спектром преференций со стороны государственной власти (близость к каналам распределения дешевых государственных ресурсов, и госсектору в целом: доступом к внешнеэкономической деятельности и связями с иностранным капиталом). В то время как почвенный слой мелких и средних предпринимателей не имел представительства в законодательном органе – Госсовете РТ и выживал в сложных условиях, создаваемых бюрократическими и контролирующими структурами со стороны государства. Отсутствие необходимого эффекта в деятельности создаваемых институций в сфере МСБ в Татарстане объяснялось на тот период, прежде всего, переходными условиями от государственно-плановой экономики – к рыночной, несформированностью институтов рыночной экономики и гражданского общества. Как следствие подобного положения в республике воспроизводилась и укреплялась традиция патрон-клиентельных отношений.

---

[587] *Габрахманова Г.Ф.* Адаптация этнических групп к социально-экономическим преобразованиям как фактор интеграции российского общества (на материалах Республики Татарстан): дисс. ... докт. социол. наук.– М., 2011. С. 163–164.

3.3. Концепция инновационного развития Татарстана в 2005–2016 гг.[588]

Со второй половины 2000-х гг. правительство Татарстана делает ставку на развитие инновационного кластера в экономике республики, который должен был объединить научно-образовательную инфраструктуру с активностью резидентов малого и среднего бизнеса. В рамках этой программы, в Татарстане активно развивается системная инфраструктура для развития МСБ. Она представляет собой логистически выстроенную структуру, включающую государственные и общественные организации курирующие развитие МСБ; государственные программы по поддержке предпринимательской деятельности и многоплановую систему бизнес-образования, сочетающую государственные программы и практические школы от бизнес-сообщества. В целом, формируемый усилиями власти и бизнеса климат для развития МСБ имеет как точки роста, так и проблемные зоны.

Достижения и точки роста связаны как с усилиями руководства РТ, так и с влиянием негативных тенденций на мезо и мега-уровнях. Волны кризисов последних лет, падение цен на нефть и провозглашенный федеральным правительством курс на импортозамещение стимулировали руководство республики озаботиться проблемами малого и среднего предпринимательства. Ощутимые подвижки в деле развития МСБ начались с приходом Р.Н. Минниханова, сначала в должности Премьер-министра РТ, а затем, с 2010 г. – Президента республики, когда он одним из приоритетных направлений развития экономики РТ объявил развитие данного сектора, так же, как и курс на инновационное развитие респулики. За эти годы

[588] Исследование условий развития МСБ в РТ велось в рамках разработки «Стратегии развития Республики Татарстан до 2030 г.». Автор работала в качестве эксперта и исследователя направления «Человеческий капитал» по теме: «Условия начала и ведения бизнеса в Республике Татарстан: проблемы и перспективы» (2014–2015 гг.).

расширилась и развилась институциональная система, связанная с МСБ. Она состоит из нескольких групп агентов:

– государственные институты (Министерство экономики, Инвестиционно-венчурный фонд и Агентство инвестиционного развития РТ);

– бизнес-агенты (негосударственные венчурные фонды, банки, брокеры, бизнес-ангелы, и т.д.);

– общественные объединения (НКО, профессиональные ассоциации, информационно-ресурсные центры):

– инфраструктурные агенты развития (бизнес-инкубаторы, особые экономические зоны (ОЭЗ), индустриальные и технопарки).

Так, Министерство экономики РТ ведет разноплановую работу в данном направлении, включающую, как разработку программ и дорожных карт развития предпринимательства в РТ, так и конкретную помощь молодым предпринимателям. В качестве одной из реализованных инициатив можно назвать систему «одного окна» для людей, желающих зарегистрировать фирму. Как отмечают предприниматели, в настоящее время нет проблем с официальной регистрацией при открытии предприятий. Другой важной составляющей государственной политики в названной сфере является изучение опыта стран с динамично развивающимся МСБ. Так, Президент РТ и правительство республики налаживает долговременные связи и сотрудничество с такими странами, как Сингапур, Малайзия.

В качестве эффективно проявивших себя инициатив правительства РТ стала программа «Лизинг-грант», в рамках которой предприниматели могут приобретать на льготных условиях необходимое для производства оборудование, компенсировать понесенные затраты при заключении договоров финансовой аренды и т.п. Многие из опрошенных нами предпринимателей пользовались поддержкой в рамках программы и положительно ее оценивают. Под кураторством Минэкономики РТ создаются площадки для развития МСБ, такие как технополисы и технопарки, например, такие, как «Химград», «IT-парк». Первый из них представляет

собой индустриальный парк, на базе которого работают малые и средние фирмы, осуществляющие деятельность в области переработки и производства полимеров и других продуктов нефтепереработки. «Химград» не только предоставляет оборудованные всем необходимым рабочие площадки, но и осуществляет деятельность по таким важным направлениям, как: согласование документации с экологическим контролем и МЧС; упрощение процедуры выдачи технических условий, сокращение процедуры сертификации продукции своих резидентов. Второй инфраструктурный проект «IT-парк» оказывает поддержку малым инновационным (венчурным) компаниям на начальной стадии их развития (предоставляет на льготных условиях помещения, оборудование, рабочие места; оказывает информационную и консультационную помощь). Компании-резиденты «IT-парка» занимаются разработкой программного обеспечения, участвуют в разработке и обслуживании «электронного правительства», электронных госсуслуг. Наряду с ними активно развиваются региональные бизнес-проекты такие, как халяльный парк «Балтач», особая экономическая зона «Алабуга».

Инфраструктурное развитие МСБ в республике обеспечивается как силами общественных организаций, так и организациями от бизнес-сообщества. Важной составляющей этого направления является обеспечение взаимодействия с государственными чиновниками: данные организации проводят консультирование, разрабатывают рекомендации, выступают в качестве инициаторов законов по развитию МСБ, работают в одной связке с государственными чиновниками в разработке и реализации совместных с государством программ, проводят мониторинги и исследования мнения предпринимателей РТ по злободневным вопросам.

Названные организации осуществляют не только налаживание сетевого взаимодействия и лоббирование вопросов развития МСБ[589], но и занимаются

[589] Имеется в виду деятельность таких организаций, как: «ОПОРА России», Торгово-промышленная палата РТ, Ассоциация предприятий малого и среднего бизнеса

образовательной деятельностью, как для начинающей молодежи, так и для уже имеющих свое дело предпринимателей. Так, Казанский федеральный университет активно взаимодействует с общественной организацией «Бизнес-молодость» в организации обучения, тренингов и консультаций по малому и среднему предпринимательству. Активную деятельность ведет молодежный бизнес-клуб «Навигатор». Наряду с этим, государственная программа «Алгарыш» направлена на поддержку студенческой и работающей молодежи в получении целевого образования в сфере ведения бизнеса.

Отдельно следует сказать о формировании образовательной платформы для развития инновационных технологий, в том числе и в сфере МСБ. Первая в РФ особая экономическая зона для IT-компаний (ОЭЗ) «Иннополис» представляет собой синтез науки и производственной деятельности. Здесь на конкурсной основе получают образование студенты из Татарстана, других регионов России и из-за рубежа. Преподавательский состав включает специалистов мирового уровня. Студенты и магистранты в ходе учебного процесса включаются в производственную деятельность. Производственная инфраструктура развивается благодаря предоставлению резидентам условий и льгот. Резиденты ОЭЗ получают доступ к налоговым льготам, в том числе в первые пять лет освобождаются от уплаты налогов на прибыль и на землю, в течение 10 лет от уплаты налогов на транспорт и имущество. Им предоставляются земельные участки под строительство коммерческой и социальной инфраструктуры, готовое арендное жилье. Перечисленные меры повышают привлекательность площадки для потенциальных резидентов[590]. В 2016 г. Премьер-министр РФ Д.А. Медведев подписал

РТ, Ассоциация фермеров, крестьянских подворий и сельскохозяйственных потребительских кооперативов Татарстана, Союз молодых предпринимателей РТ, проекты «Бизнес-молодость» и «Фабрика предпринимательства», а также молодежный бизнес-клуб «Навигатор».

[590] В 2016 г. Экспертный совет при Минэкономики РФ утвердил проекты шести компаний, увеличив количество резидентов ОЭЗ «Иннополис» до 21, при этом объем заявленных инвестиций составляет 4,8 млрд. рублей. Решения экспертного совета ожидают еще пять компаний, претендующих на получение статуса резидента ОЭЗ

постановление о создании инновационного производственного центра в Татарстане на базе Иннополиса в рамках Национальной технологической инициативы[591].

Стремление властной элиты Татарстана позиционировать республику в качестве одного из наиболее развитых и перспективных находит выражение в поиске и реализации инновационных проектов, стимулирующих модернизацию региона. Так, получивший старт в Татарстане проект «Электронное правительство» был успешно реализован в других субъектах РФ и высоко оценен на федеральном уровне[592]. Планируется дальнейшая разработка онлайн услуг для малого и среднего бизнеса в РТ[593].

Наши исследования показали эффективность перечисленных выше инициатив: бизнесмены позитивно оценивают деятельность государственных организаций в связке с общественными организациями предпринимателей. Развитие накопленного в данной сфере опыта заложено в «Стратегии развития Республики Татарстан до 2030 года».

Несмотря на внимание руководства РТ к МСБ, существуют проблемные зоны, требующие своего разрешения. Так, наши эксперты отмечали тормозящее влияние на развитие МСБ административно-интегрированной системы управления и клановой модели выстраивания взаимоотношений, в связи с чем, активность общественных организаций не развивается в полной мере, хотя в последнее время руководство республики

«Иннополис». См.: Число резидентов ОЭЗ «Иннополис» в Татарстане выросло с 15 до 21. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/economics /26555988/?frommail=1 (дата обращения 26.07.2016).

[591] Медведев подписал постановление о создании инновационного центра в Татарстане. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/politics/26225980/ ?frommail =1 (дата обращения 24.06.2016).

[592] Герман Греф: «Если в Татарстане что-то делают, то делают хорошо». [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/politics/27437355/?frommail=1 (дата обращения 13.10.2016).

[593] По словам вице-премьера – министра информатизации и связи РТ Р.А. Шайхутдинова, в Татарстане планируется дополнить пакет электронных услуг для предпринимателей: возможность получать в режиме онлайн разрешение на строительство и другие государственные услуги. См.: В Татарстане появятся электронные услуги для бизнеса. [Электронный ресурс] . URL: https://news.mail.ru/economics/27956859/ ?frommail =1 (дата обращения 13.10.2016).

стремится устранить издержки инерции прошлых лет, хотя и в том же командно-административном стиле. Так, управленцев районов РТ правительство обязывает повысить квалификацию в деле развития МСБ. Этот вопрос контролирует Президент РТ Р.Н. Минниханов. Вот одно из его заявлений по этому поводу: *«Мы хотим изменить отношение к малому и среднему бизнесу. Для этого надо готовить людей. Прекрасная программа, которая позволит нам выйти на новый уровень. (...) В первую очередь каждый из специалистов, отвечающих в районе за малый и средний бизнес, обязан пройти эту программу!»*[594].

Часть проблем – имеет общефедеральное измерение и характерно для всех российских регионов. Назовем основные из них:

– дефицит «дешевых денег» особенно на начальной стадии бизнес-проекта;

– высокое налоговое давление;

– необходимость упрощения законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность и укрепление независимой судебной власти;

– неопределенность и риски в условиях кризиса последних лет.

Часть проблем – региональные. Среди них:

– необоснованные проверки предприятий и организаций контролирующими органами. Хотя снижение этого бремени предпринимателями также отмечается.

– неоднородность и малодоступность инфраструктурного обеспечения в районах республики;

– техно-парки и индустриальные парки доступны пока небольшой части малых и средних предприятий.

---

[594] Руководители районов РТ и их заместители должны в обязательном порядке пройти поддерживаемую правительством бесплатную программу обучения предпринимателей «Бизнес-класс» от Сбербанка России и компании Google с последующей аттестацией. См.: Отвечающих в Татарстане за малый и средний бизнес чиновников ждет экзамен. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/politics/26156190/?frommail=1 (дата обращения 18.06.2016).

Подводя итог, следует отметить положительную динамику по развитию предпринимательства в республике. Изменение отношения власти к МСБ прочитывается в изменении представительства социальных групп в парламенте республике. Так, в депутатский корпус Госсовета РТ пятого созыва вошли: представители крупного и среднего бизнеса (19%); представители финансового бизнеса (4%); представители социальной сферы (СМИ, образование, медицина, спорт) – 10%; представители общественных организаций – 6%[595].

Очевидна заинтересованность Президента РТ Р.Н. Минниханова и его команды в проведении последовательной политики по поддержке и развитию экономической активности в регионе. Этому способствует взятая руководством РТ стратегия на осуществление мега-проектов, таких, как Тысячелетие Казани, Универсиада – 2013, Чемпионат мира по водным видам спорта и футболу и др. Умение привлекать значительные средства из федерального бюджета, которые тратятся не только на возведение спортивных комплексов, но и на строительство новых объектов (дорог, гостиниц, рекреационных и культурных зон, ремонт жилого фонда г. Казани) – создает конкурентные преимущества для республики. Формируется новый брэнд Татарстана, стимулируется рост экономики, обогащаются инфраструктурные ресурсы, в том числе, и для МСБ, создаются новые рабочие места, культивируется передовое мышление и ориентация на технологический прорыв. При многих положительных тенденциях вопросы, требующие решения остаются: среди них: совершенствование системы взаимодействия власти и предпринимателей в сфере практики; формирование благоприятной кредитно-банковской системы; наведение порядка в контрольно-ревизионной деятельности государственных органов.

Инновационный кластер экономики республики, также как и развитие малого и среднего бизнеса стали важной составляющей политики

---

[595] Исследование профессионального состава Госсовет РТ пятого созыва проведено автором на основе официальных данных по депутатам.

идентичности Татарстана, что получает отражение в официальном дискурсе властной элиты и активно транслируется в информационном поле региона и Российской Федерации.

3.4. Этнический фактор в экономической сфере и интересы социальных групп

Влиятельность этнического фактора в элитных слоях республики озадачивает вопросом о распространенности и проявлениях этнического протекционизма в экономической сфере. Как отмечалось ранее, инерция политики «коренизации» привела к преобладанию татар в верхних слоях партийной бюрократии,[596] а в постсоветский период проявила себя в этнизации элит: в состав Госсовета РТ второго созыва входило: татар – 95 чел.; русских - 27 чел.; другие - 1 чел.[597]. Статистический анализ этнического состава экономической элиты 1990-х гг. подтверждал сложившуюся тенденцию: из 663 руководителей предприятий республики 68% составляли татары; 30% – русские; 2% – другие национальности[598]. Данное процентное соотношение лишь с небольшим отклонениями воспроизвелось при статистическом анализе списков аффилированных лиц и советов директоров 12-ти наиболее крупных республиканских ОАО, АО и ООО (из 155 человек – 65% – татары; 34% – русские и 1% – другие национальности)[599]. По данным исследователей, три четверти состава руководства республики тех лет составляли выходцы из сельской местности[600].

Приведенная ранее типология формирования региональных элит РФ О.В. Гаман-Голутвиной, также обнаруживает корреляцию с этнокультурным

---

[596] Ранее мы приводили данные М.Х. Фарукшина о том, что в 1990-е гг. 78,1% руководства республики составляли татары. См.: *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане. Указ. соч. С. 69–70; *Мансурова Г.М.* Динамика ротации политических элит. С. 52.

[597] Молодежь Татарстана, 3 февраля 2000.

[598] В качестве источника был взят Реестр контрактов найма руководителей предприятий РТ Государственного комитета РТ по управлению государственным имуществом на 01.04.2000 г.

[599] Республика Татарстан, 01.02.2000; 04.02.2000; 08.02.2000; 26.02.2000; 15.04.2000; 28.04.2000; 19.05.2000; 27.07.2000.

[600] *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане. Указ. соч.; *Мансурова Г.М.* Динамика ротации политических элит РФ и РТ. Указ. соч.

фактором. В выделяемую ею первую группу[601] входят республики, наиболее активно участвовавшие в процессе суверенизации, когда местными политическими элитами активно использовался дискурс национального самоопределения, в отличие от национальных республик второй группы. Выявленное обстоятельство стимулирует нас обратиться к исследованию А.К. Магомедова, акцентировавшего внимание на высокой степени корпоративности элит Татарстана и Башкортостана и сделать вывод о влиятельности этнического фактора в типологии формирования состава региональных элит. То есть в тех регионах, где этничность получила высокую степень политической организации и институционализации (обусловленных историческим компонентом), сложилась высокая степень корпоративности в рядах политической элиты. Это усилило ее властные позиции и привело к тому, что шторм-трапы в слой высшей бюрократии контролировались административно-политической бюрократией, это облегчало проникновение ее представителей в сферу экономики, преимущественно, крупного бизнеса. Совмещение административного и экономического ресурсов позволяло этим элитам усилить как внутриреспубликанские, так и общефедеральные позиции.

Исследование действия этнического фактора показало, что в сфере социально-экономических отношений и в процессе формирования среднего слоя его действие нейтрально. Об этом свидетельствуют данные экспертных интервью, беседы с предпринимателями и результаты массовых опросов[602]. Этнический протекционизм (на родственной основе) характерен в бóльшей мере для высших слоев административной элиты. На уровне экономической

---

[601] В типологии О.В. Гаман-Голутвиной первая группа выделяется тем, что политико-административная бюрократия конвертирует свой политический и административный капитал в экономический; во второй группе формирование истэблишмента происходит при активном участии крупного бизнеса. См.: *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты. 2004. Указ. соч. С. 25–26.

[602] Данные массовых опросов в рамках этносоциологических исследований разных лет: «НИК», «ЭГ», «СЭН».

элиты степень его действия ниже. В средних и нижних слоях управленческой иерархии – он может проявляться лишь как частный случай.

Анализ проявления этнического фактора в сфере экономики Татарстана будет неполным, если не учитывать влияние социально-экономических и демографических процессов советского периода на представленность татар и русских в различных секторах региональной экономики. Исторические данные свидетельствуют о том, что до революции, в 1897 году, 91,5% татар составляли сельчане. К 1926 году лишь 5,2% татар жило в городах республики. Так, в 1926 г. в республике работало 3 инженера-татарина, по переписи 1959 г. в Казани их число составило более 1200[603]. Сельские татары преимущественно заселяли Юго-Восток ТАССР, который со второй половины 1940-х гг. стал нефтедобывающим. Поэтому нефтяные предприятия Альметьевска, Азнакаево, Бугульмы, Лениногорска концентрировали татар – выходцев из близлежащих сел, которые по мере профессионального роста занимали руководящие позиции. Русские, проживавшие преимущественно в городах получали специальности в модернизационно развитых отраслях производства, таких, как: машиностроение, авиастроение, приборостроение, химическое производство и т.п. Соответственно, из представителей названных этнических групп формировался руководящий состав в соответствующих отраслях производства республики. Именно из их числа в 1990-е гг. сформировался корпус «красных директоров», вошедших в состав парламента республики.

Тем не менее, на уровне массового сознания русской части населения республики, представления о привилегированном положении этнической группы, дающей название республике, остаются. Безусловно, на эти представления влияет преобладающее представительство татар во власти. С одной стороны, это следствие выравнивания социально-профессиональной структуры у татар, произошедшее в советский период. Это, как уже говорилось, и следствие советской политики «коренизации», которая

[603] Социальное и национальное. Указ. соч. С. 15.

впоследствии стала воспроизводиться уже за счет внутренних ресурсов номенклатуры. В-третьих, сложившийся принцип селекции в высшие эшелоны власти республики зеркально отражает принцип отбора в управленческие структуры федерального центра, где преобладают русские. Названный факт можно интерпретировать и как защитную реакцию, и как пример для подражания. Тем не менее, динамика по относительному выравниванию пропорций в представительстве этнических групп наблюдается. Так, если в составе депутатского корпуса Госсовета РТ второго созыва (1999–2004 гг.) татары составляли 77,2%; русские – 21,9%; другие – 0,9%, то в депутатских составах Госсовета РТ последующих созывов представительство русских увеличилось до трети и более. Например, из 100 депутатов Госсовета РТ четвертого созыва (2009–2014 гг.) татар – 62%; русских – 37%; 1% – затруднился определить этническую принадлежность. Из 100 депутатов Госсовета РТ пятого созыва (2015–2020 гг.) – из 100 человек 62% татар, 38% русских[604]. Еще более изменились пропорции в составе корпуса депутатов Госдумы РФ членов Совета Федерации от Республики Татарстан: из 17 человек татар – 10 чел., русских – 7 чел.

Наглядность диспропорции во властном представительстве двух этнических групп в Татарстане, ее публичный характер неизбежно выводят ее на идеологический уровень массового сознания, формируя у части русского населения РТ представления об этническом протекционизме.

Политика идентичности Татарстана в контексте представлений и интересов русских и татар республики

Интеграционный потенциал русской и татарской общин в республике во многом коррелирует с деятельностью властной элиты в социально-экономической и этнокультурной сферах. Практика показывает, что эти сферы имеют точки пересечения. Как уже говорилось, борьба за экономический

---

[604] Исследование этнического состава Госсовет РТ разных созывов проведено автором на основе официальных списков депутатов. См.: Официальный сайт Государственного Совета РТ [Электронныя ресурс]. URL.: http://www.gossov.tatarstan.ru /news/show/3466 (дата обращения 28.11.2016)

суверенитет в начале 1990-х гг. была сопряжена с определенными ожиданиями, содержание которых определялось этнокультурной дифференциацией населения. Так, по результатам опроса «НИК» 43% татар понимали экономические аспекты суверенитета как необходимое условие для возрождения народа, его культуры и языка. Для русских этнокультурный аспект не был существенен – 19%. Русское население (также впрочем, как и татары) связывало с суверенизацией реализацию социально-экономических интересов: рачительное использование ресурсов, развитие экономики и, как следствие, повышение благосостояния граждан республики. Исследования «НИК» (1994) и «СЭН» (1999) устойчиво фиксировали объединяющее представителей обеих общин доминирование региональных интересов: в 1999 г. 50% татар и 45% русских заявляли о том, что землей и природными ресурсами Татарстана должна распоряжаться только республика (в 1994 г. – 62% татар и 40% русских). Близость позиций русских и татар в социально-экономической сфере, которую демонстрировали наши исследования, подтверждают данные опроса общественного мнения, проведенного Г.А. Исаевым (1999 г.)[605]. Так, среди самых болезненных проблем повседневности и татары, и русские выделили: – рост цен – 59% и 58% соответственно; неплатежи, задержка зарплаты – 49% и 46%; нехватка средств на приобретение продуктов питания – 43% и 37%; обнищание населения – 28% и 28%; рост безработицы – 22% и 19%. Восприятие новой экономической стратегии властной элиты массовым сознанием противоречиво. Данные исследования НИК показывали, что сторонники продолжения рыночных реформ явно преобладали над теми, кто их активно не принимал. Поскольку различия между этническими группами незначительны, приводим общие цифры: 46% – «за» и 26% – «против».

Переходя к характеристике межэтнического взаимодействия в середине 2010 гг. приведем данные республиканских массовых опросов. Анализ и

---

[605] Республиканское социологическое исследование «Социально-экономическое самочувствие населения РТ» (1999 г., рук. Г.А. Исаев).

сопоставление данных массовых опросов населения республики свидетельствует о сопоставимости оценок ситуации в Татарстане у представителей обеих этнических групп. По результатам Мониторинга социально-политической ситуации в РТ на выявление конфликтогенных проблем, проведенного в 2013 и 2014 гг. Фондом общественного мнения «Татарстан» разница в положительной оценке межнациональной ситуации в республике у представителей доминирующих этнических групп в 2013 г. составила 5%: 74% татар и 69% русских оценили межнациональную ситуацию как спокойную и стабильную. При этом 19% татар и 22% русских оценили ситуацию как спокойную, но отметили, что напряженность начинает расти. Тем не менее, о не критичности ситуации в данной сфере свидетельствует коррелирующий вопрос «Хотели бы Вы уехать из Татарстана?» Ответ «Определенно нет» выбрали 61% татар и 56% русских; скорее нет – 28% татар и 25% русских. При этом важно отметить, что наиболее многочисленную долю желающих уехать составляет молодежь. У этой группы, составившей 22% среди других возрастных групп (в 2014 г.) отъезд из республики связывается с намерениями продолжить образование или с поиском работы в столичных городах РФ и за границей (Таблица 6, Диаграмма 1).

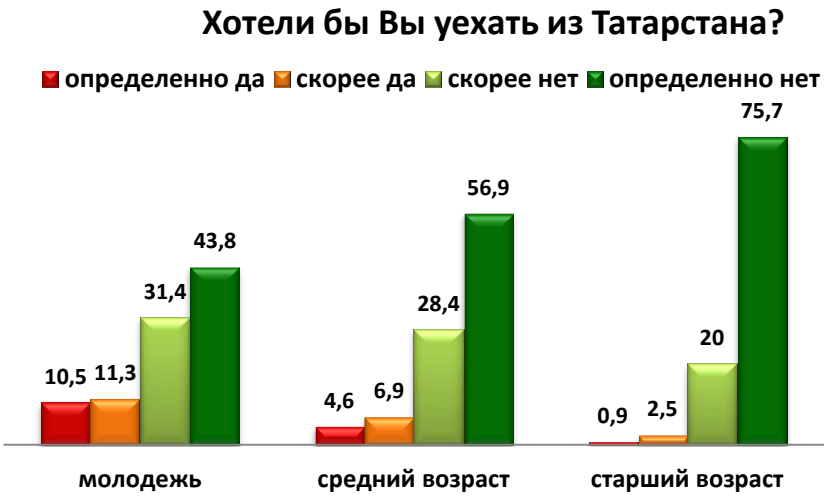
Таблица 6

Оценка межэтнической ситуации и миграционные установки в Республике Татарстан

	Национальность			Общий %
	Татары	Русские	Чуваши	
Какова сейчас межнациональная ситуация в республике Татарстан в целом?				
спокойная, стабильная	74,5	69,4	78,9	72,1
спокойная, но напряженность начинает расти	18,9	22,5	10,5	20,5
напряженная, конфликтная	3	5,2	5,3	4,2
Хотели бы Вы уехать из Татарстана?				
определенно да	4,4	5	5,3	5,1
скорее да	5	10,8	10,5	8,3

скорее нет	28,1	25,1	26,3	26,2
определенно нет	60,6	56,5	57,9	58,2
ИТОГО:	100	100	100	100

Диаграмма 1



Если же говорить в целом о восприятии социально-экономической ситуации населением РТ, то по данным «ФОМ Татарстан» 2014 г. более четверти опрошенных (27%) отметили рост и развитие республики; 37% – стабильность; 21% – застой.

Рейтинг социальных проблем 2014 г. свидетельствует о влиянии кризиса: три первые позиции разделили, соответственно, рост коммунальных платежей отметили 65% опрошенных; низкие заработки/пенсии – 55%; высокие цены на товары и услуги первой необходимости – 45%. Все перечисленные проблемы характерны для Российской Федерации в целом (Диаграмма 2).

Диаграмма 2

Развитие Татарстана и социально-экономическая стабильность связывается и с деятельностью Президента РТ Р. Н. Минниханова. К 2014 г. «ФОМ – Татарстан» зафиксировал позитивную динамику оценок первого лица Татарстана: от 66% положительных отзывов в феврале 2013 г. до 81% в феврале 2014 г. (Диаграмма 3).

Диаграмма 3

Приведенные данные свидетельствуют о положительной динамике социально-экономической ситуации в Татарстане, несмотря на ряд сохраняющихся проблем, требующих своего разрешения.

Заключая, следует отметить, что действие этнического фактора в экономической сфере дифференцировано по социальным группам. Его влиятельность проявляется в высших слоях политической и бизнес-элит; на среднем и нижнем уровне социальной иерархии его действие нейтрально. Региональная специфика представительства этнических групп в различных секторах экономики РТ носит отчасти объективный характер (инерция экономических и демографических процессов советского периода) и, отчасти, субъективный, связанный с кадровой политикой этнически-родственного протекционизма республиканской власти. Несмотря на проводимую властью политику паритета этнических групп, доминирующая представленность татар в публичном пространстве политики воспринимается частью русского населения как дискриминация по этническому признаку и связана в большей мере с символическим статусом, нежели с реальной дискриминацией. Последний вывод подтверждается данными социологического мониторинга самочувствия этнических групп в РТ, результаты которого свидетельствуют о высокой степени сопоставимости восприятия социально-экономической и межэтнической ситуации в республике.

Выводы по Главе 3.

1. Политика идентичности властной элиты республики в 1990-е годы строилась на двух идеологических составлющих: социально-экономическое и этнокультурное неравенство региона в сравнении с союзными республиками СССР. Названные виды неравенства представлялись как перекос в политике центра, практическим исходом которого являлся дефицит ее полномочий в решении нужд региона. Легитимность местной элиты определялась ее способностью справиться с проблемами экономического кризиса и реализовать стратегию социально-экономического развития республики в условиях кризиса трансформирующегося общества. Социально-экономическая стабильность региона связывалась не только с сохранением и модернизацией крупной промышленности, но и с развитием

человеческого капитала, с формированием нового класса собственников, состоящего из представителей малого и среднего бизнеса, с развитием институтов гражданского общества.

2. Развитие МСБ в Татарстане можно разделить условно на два периода, которые в бóльшей мере определяются деятельностью федеральной и региональной элит по установлению «правил игры» для предпринимателей и влиянием состава элиты и ее характеристик на развитие данного сектора экономики. Первый период – 1990-е гг. характеризовался болезненным сломом государственной плановой экономики и «диким рынком». Управление республиканской экономикой осуществлялось бывшей партийной номенклатурой, прошедшей социализацию в условиях государственной плановой модели экономики, что сказывалось на том, что власти рассматривали частный бизнес как элемент государственной системы и пытались руководить бизнесом в рамках административного типа управления.

3. Исследование данного периода также показало, что целый комплекс факторов: отсутствие эффективно работающего законодательного поля в сфере малого предпринимательства, условий для его развития; привилегированность слоя крупных предпринимателей, наряду с его закрытостью, – создавал ситуацию блокирования мобильности внутри данной страты общества. Она слабо воспроизводила социальных акторов, способных успешно выполнять общественную роль в экономической и политической жизни республики. Несмотря на успешность социально-экономической политики команды М.Ш. Шаймиева в социально-экономической сфере (противопоставление «мягкого вхождения в рынок» – «шоковой терапии» Е. Гайдара), эксперты отмечали отсутствие логики и последовательности в осуществлении экономической стратегии региона.

4. Преобладание в рядах властной элиты этнических татар, а также сложившийся принцип селекции кадров, позволял на тот период выдвинуть предположение о формировании стратегии этнического протекционизма на высшем уровне кадровой политики в республике. Проведенное исследование

подтвердило нашу гипотезу о том, что частные интересы высших элитных слоев ограничивали развитие субъектов экономической сферы на основе конкуренции, а закрытость этих слоев и этнический протекционизм снижали уровень мобильности и эффективности отбора управленческих кадров. Все это обуславливало вялость экономических процессов, снижение числа потенциальных участников экономического поля, особенно в сфере МСБ.

5. Вторая половина 2000-х гг. знаменуется новым этапом в развитии МСБ в республике. Особенностью этого периода можно назвать сохранение преемственности в управлении промышленным и сырьевым секторами экономики при акцентировании стратегического значения модернизации промышленных объектов и необходимости развития перерабатывающих предприятий в нефтяной отрасли. Делается ставка на инновационные наукоемкие отрасли производства. Новый импульс развитие МСБ получает с приходом в правительство Р.Н. Минниханова. Политика поддержки этого сектора экономики принимает комплексный характер: разрабатывается несколько программ по поддержке и развитию предпринимательства в республике, создаются эффективные механизмы экономического стимулирования предпринимательской деятельности; создается развитая инфраструктура МСБ по всей республике в виде ОЭЗ, технополисов; наряду с этим, поддерживаются инициативы бизнес-сообщества по развитию образовательных программ, призванных сформировать класс образованных предпринимателей среди молодого поколения. Развитие МСБ в республике декларируется в качестве одной из приоритетных задач в «Стратегии развития Республики Татарстан до 2030 года».

ГЛАВА 4
ДИНАМИКА ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН (1990–2016 гг.)

Перспективы развития языков в полиэтническом сообществе обусловлены действием нескольких ключевых факторов. Первый из них связан с процессами социально-экономической модернизации, которые, в условиях сосуществования этнического большинства и этнических меньшинств, создают ситуацию языковой конкуренции. Язык и культура этнического большинства становятся в мобильном обществе основным инструментом во всех сферах жизнедеятельности: политической, социально-экономической, культурно-образовательной. Второй фактор связан с инженерией политической элиты в этноязыковой сфере. Культурная политика правительства, которая формирует алгоритм сосуществования культуры доминирующего большинства и культур этнических меньшинств, способна гармонизировать межэтнические отношения, либо заложить узел противоречий между народами страны. Третий фактор связан с поведением и жизненными стратегиями наиболее мобильной части населения – молодежи, поскольку именно с этой социальной группой связывается будущее развитие страны. В этнокультурной сфере, в условиях конкуренции языков, языковое поведение и установки молодежи предопределяют выживаемость и развитие этнических культур и языков.

Республика Татарстан, являясь субъектом многонационального государства, сама является полиэтническим регионом, где конкуренция языков имеет свою историю. Языковые процессы, активизировавшиеся в татарском сообществе с началом модернизации России во второй половине XIX века, несут на себе печать универсальности, характерной для многих народов России, но в чем-то имеют свою специфику. Для понимания глубинных факторов, влияющих на языковые процессы и языковую

политику, как на уровне региона в целом, так и в молодежной среде, имеет смысл осуществить краткую ретроспективу, освещающую специфику взаимодействия русского и татарского языков в татарском сообществе.

Эпоха, на которую пришелся расцвет нациестроительства, и современный глобализирующийся мир по-разному интерпретируют символическую и инструментальную роль языка. Оппозиционные глобализации процессы глокализации усиливают символическую функцию родного языка и культуры и их ценность в качестве важной составляющей идентификационной структуры личности. При этом социально-экономический контекст, выражающийся в особенностях протекания процесса модернизации в XX веке или современная информационная эпоха – вносят свою коррекцию в сосуществование языков и культур. В этих условиях молодежь становится целевой аудиторией языковых процессов и языковой политики, как группа, включенная в образовательный процесс; как наиболее активный потребитель новейших коммуникационных технологий, и как субъект глобализированной культуры, международной коммуникации.

4.1. Этноязыковой дискурс в РТ: история и современность

Тема двуязычия в татарском обществе имеет историческое измерение, которое характеризуется действием динамической и инерционной составляющих. Первая из них связана с процессами модернизации дореволюционного татарского общества. Татарские интеллектуалы стали остро осознавать значимость русского языка для татар с развитием капитализма в России. Язык культурного большинства становился необходимым инструментом не только для интеграции татар в стремительно развивающуюся рыночную экономику, но и для разностороннего развития в контексте требований эпохи. Русский язык стал неотъемлемой частью реформирования системы мусульманского образования у джадидистов: Ш. Марджани и К. Насыри стремились ввести курсы русского языка в прог-

рамму национальных школ – мектебе[606]. Газета «Фикер» (1906 г.) призывала татарскую молодежь, «не теряя времени, пройти обработку в горячих котлах реальных училищ, гимназий и схватиться за полу русской молодежи»[607]. Газета «Эль-ислах» писала, что после обучения детей в начальных классах на родном языке, их следует отдавать в русские торговые, реальные училища. Со своих страниц она призывала как можно скорее превратить одно из казанских медресе в реальное училище русского типа с восьмилетней программой обучения, в котором русский язык преподавался бы на высоком уровне[608]. Активизация общественной жизни в царской России в начале XX века также актуализировала значимость русского языка для татар: участие в политических партиях и коалициях совместно с русскими, а также работа в Государственной Думе требовали знания языка культурного большинства.

Советская власть узаконила этничность на государственном уровне. Нациестроительство в союзных и автономных республиках обеспечивалось комплексом мер: внутри национальных квартир этнические меньшинства развивали национальные культуры и языки в рамках республиканских образовательных и культурно-просветительных ведомств. В первые годы советской власти Татарская республика активно выстраивала систему национального образования: открылось множество светских школ с татарским языком обучения и учебных заведений среднего специального звена, где готовились национальные кадры с татарским языком для отраслей народного хозяйства. Были учреждены институты национальной творческой и гуманитарной интеллигенции: Союз композиторов ТАССР, Союз писателей ТАССР, Союз художников ТАССР, Институт языка, литературы и истории КФАН СССР. Однако со временем функциональная сфера татарского языка сужалась, поскольку языком модернизация страны стал язык этнического

---

[606] Так, К. Насыри издал учебники «Правила чтения русского языка», «Грамматика русского языка», «Русско-татарский словарь для татар».

[607] *Амирханов Р.У.* Татарская демократическая печать (1906–1907 гг.) / отв. ред. Х.Х. Хасанов, Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. – М.: Наука, 1988. С. 121.

[608] Там же.

большинства – русский, на котором была организована вся образовательная система страны. Знание русского языка являлось необходимым условием для получения работы в социально престижных отраслях. Именно этот язык обеспечивал социально-профессиональную мобильность и повышение жизненных шансов. Автономные республики, бюджет которых был весьма ограничен в сравнении с союзными республиками, имели возможность обеспечить образование на национальном языке лишь на отдельных гуманитарных факультетах педагогических институтов, в некоторых средних специальных заведениях, а в основном – в школах. Последние постепенно исчезали из городов республики, оставаясь, преимущественно на селе. Сложившаяся таким образом асимметричность татарского и русского языков предопределила их конкурентное сосуществование, которое оказалось не в пользу языка этнического меньшинства. Так, многие представители из числа национальной интеллигенции делились воспоминаниями о том, как в детстве, их родители призывали лучше учить русский язык: «Рус телне белсэн, зур кеше булырсын» (*Будешь знать русский язык, станешь большим человеком* – перевод автора)[609].

Республиканское руководство относилось к татарскому языку довольно снисходительно, относя его к уходящим языкам. Сохранилось свидетельство периода развитого социализма, середины 1970-х годов, оставленное участником группы татарской интеллигенции, приглашенной на прием к первому секретарю Обкома КПСС ТАССР. Просьбу писателей о необходимости поднять на должный уровень татарский язык и развитие национальной культуры в республике, Ф.А. Табеев прервал словами: «Кому нужен ваш татарский язык? Через двадцать, эдак двадцать пять лет, татарский язык исчезнет. Вы пишете на уже мертвом языке!»[610].

Таким образом, татарский язык прошел путь от языкового эксклюзивизма в условиях традиционной общины (в 1897 году 91,5% татар

---

[609] Материалы республиканского исследования «Национальная интеллигенция и национальное самосознание» (1990–1991 гг., рук. Д.М. Исхаков. Р.Н. Мусина).

[610] *Батулла Р*. Табеев // Звезда Поволжья, 20–26 марта 2008 г.

составляли сельчане[611]) – до языка культурного меньшинства в условиях советской индустриализации, когда конкуренция с русским языком – языком, обеспечивающим социальную мобильность, закончилась не в его пользу. В 1926 г. 96,8% татар советской России называли татарский язык родным. Конкуренция с русским языком снизила этот показатель до 83,2% в 1989 г.[612] В Советском Союзе 1979 года – 18,3% татар-горожан отметило русский язык в качестве родного[613], в Татарстане – 3,4%; среди городских татар – 5%[614]. Если же коснуться сферы функционального использования языка, то в самой республике лишь 47% городских татар говорили на родном языке на работе. В приватном пространстве – дома – на татарском языке разговаривало менее половины татар Казани и примерно 40% в других городах республики. По данным социологических исследований начала 1990–х гг., лишь 40% татар отметили, что владеют родным языком в совершенстве, а 43% – ответили, что знают только разговорный язык[615].

Дискуссия о проблемах языка и национальной культуры татар была выведена в публичное пространство представителями татарского национального движения, научной и творческой интеллигенцией. В ряду злободневных проблем конца 1980-х – начала 1990-х годов тема национального языка заняла одно из первых мест. Дискурс о языке выстраивался в логической цепочке: исчезновение языка – предпосылка исчезновения народа и его культуры. В многочисленных публикациях той поры звучала формула «Пока жив родной язык – жив и народ»[616]. Исчезновение языка увязывалось представителями национального движения с «намеренной» политикой советской власти по «уничтожению» татарской

---

[611] Социальное и национальное. С. 15.

[612] Современные национальные процессы в республике Татарстан. Приложение. – Казань, 1992. С. 133.

[613] *Исхакова З.А.., Зинурова Р.И., Мусина Р.Н.* Современная этноязыковая ситуация в Республике Татарстан. – Казань: Печатный двор, 2002. С. 11.

[614] Данные переписи населения 1989 г.

[615] *Мухаметшин Ф.Х. , Лозовой А.П. и др*. Татарстан на перекрестке мнений: проблемы, тенденции, перспективы. – Казань, 1993. С. 98–99.

[616] *Ахмадуллин Ш*. Пока жив язык // Идель. – 1990. – №8; *Фаизов Ф*. Капля йода // Идель. – 1990. – № 2.

культуры и языка. Советская власть в идеологемах стойко ассоциировалась с российским государством, которое на протяжении всей истории, начиная с эпохи правления Ивана Грозного, после взятия им в 1552 г. Казани, проводило «дискриминационную политику» по отношению к татарам – наследникам Золотой Орды, державшей контроль над Русью в течение многих веков. Татары в данном дискурсе репрезентировались в качестве народа – жертвы, имевшего в прошлом свою государственность и потерявшего ее в ходе неравной борьбы с русским государством.

Таким образом, языковой дискурс формировался как политическая концептуализация социальной проблемы, связанная в нашем случае с сужением функциональной сферы языка и национальной культуры. Содержание дискурса выстраивалось по правилам идеологии, которая была призвана указать на социальную проблему, представить объяснение причинам ее появления; назвать авторов проблемы и ее жертв; найти рациональные и эмоциональные объяснения сложившейся ситуации; предложить пути решения проблемы и выхода из создавшейся ситуации.

Представленное выше содержание дискурса было общим, как для центристского Татарского общественного центра (ТОЦ), так и для партии радикального толка «Иттифак». Выход виделся в принятии закона о языках, в котором статус языка этнической группы, дающей название республике, должен был быть поднят до статуса русского языка. Это положение стало центральным в программах национального движения и заявлениях татарских интеллектуалов.

Различия обозначились в видении перспективы развития республики. Если ТОЦ выступал за признание государственного статуса за двумя языками – татарским и русским и равноправное сосуществование двух общин, то «Иттифак» видел в этом лишь временную краткосрочную меру, выступая в будущем за мононациональное государство и единственный государственный язык – татарский. Были и сторонники немедленного

утверждения татарского языка в качестве единственного государственного языка Татарстана[617].

Национальной и творческой интеллигенцией дискутировалась тема значимости русского языка и культуры в татарском сообществе. Ее радикальная часть видела в них угрозу идентичности татар и их целостности, как этнического сообщества. Единственным выходом представлялась изоляция татар от Запада и России и возвращение письменности татар к арабскому, а не латинскому алфавиту[618]. Сохранение татарской культуры и этнической общности возлагалось на крестьянство, сохранившего связь с национальной культурой[619]. Центристски ориентированная интеллигенция воспринимала русский язык и культуру как дополнительный и важный ресурс дальнейшего развития татар в соответствии с требованиями времени. Наряду с этим, подчеркивалась роль русского языка в качестве посредника в передаче культуры и технологических достижений западной цивилизации[620].

Таким образом, русский язык в среде «символьной» элиты интерпретировался и как средство ассимиляции (радикалы), и как «мост» к достижениям российской и европейской культуры и прогресса (центристы). Это расхождение проявило себя и в проекциях, связанных с разработкой концепции национального образования и в отношении к действующему в республике образованию, основанному на русском языке. Общественный дискурс и дебаты на уровне законодательных органов обозначили две взаимоувязанные проблемы: с одной стороны, асимилляционная роль российской образовательной системы для детей-татар; с другой - ограниченность образования исключительно в национальных школах снижает шансы детей-татар в социальной мобильности и в повышении жизненных шансов.

---

[617] Такие предложения звучали со стороны лидеров радикального крыла национальных движений. После принятия Декларации о суверенитете эту позицию продолжала поддерживать Исламско-демократическая партия.

[618] Мәдәни җомга, 19 декабря 1997.

[619] *Байрамова Ф.* Милләт, дин һәм хакимият // Мәдәни җомга, 3 апреля 1998.

[620] *Еники А.* Кыйбла алмаштыру // Мәдәни җомга, 29 мая 1998.

Созвучность споров в среде татарской гуманитарной элиты настроениям значительной части татарского сообщества подтверждает авторское исследование читательских писем в журнал «Идель»[621]. Среди наиболее горячо обсуждаемых тем были требования для татарского языка равного статуса с русским; открытия татарских школ; предложения вести курсы татарского языка на страницах журнала; увеличить радио- и телевещание на татарском языке. Мнение читателей подкреплялось массовыми настроениями: по данным опроса «НИК»[622] (1994 г.) на вопрос о необходимых условиях для возрождения своего народа татары чаще всего называли: возрождение и развитие национальной культуры (53%) и поддержку языка (43%)[623]. На вопрос о необходимости принятия специальных мер для развития национальной культуры 39% горожан-русских считали, что такие меры нужны для развития татарской культуры и 46% – для развития русской культуры. Вопрос о желательной языковой ориентации для своих детей показал, что 70% русских-горожан и 92% сельчан хотели бы, чтобы их дети знали татарский язык, и соответственно, 78% и 100% – русский язык. Для 81% татар-горожан и 82% сельчан – было желательным знание их детьми родного языка. Ориентацию на двуязычие в системе школьного образования подтвердили данные массового опроса, проведенного М.Н. Губогло (1994 г.). На вопрос о желательном обучении своих детей в школе на двух языках – 83% татар, 61% русских; только на одном языке – татарском: утвердительно ответило 7% татар, 0% – русских; на русском языке – 4% татар, 31% – русских[624].

---

[621] Литературное и общественно-политическое печатное издание, ставшее дискуссионной площадкой по социально-экономическим и этнокультурным проблемам Татарстана. Выходит с 1989 г. В период 1989 – июнь 1990 гг. в редакцию поступило 1743 читательских письма, 72% из которых были посвящены темам татарского языка, национальной культуры и истории.

[622] Данные массового опроса «НИК».

[623] Информационный бюллетень. Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения в республиках Российской Федерации. – Вып. 4. – М., 1994. С. 24.

[624] См.: *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели экономического развития. Очерк I. Плоды суверенизации. Исследования по прикладной и неотложной

Сильная дифференциация не только между русскими и татарами, но и в самом татарском сообществе по оси «город – село» проявила себя по отношению к требованию радикальной интеллигенции придать статус государственного языка в республике только татарскому языку: одобрили эту меру 18% татар-горожан и 53% сельчан; выступили против 19% сельчан и 57,2% горожан. Среди русских ее не одобрили 91% горожан и 71% сельчан (23% сельчан затруднились ответить)[625].

Общий тренд этничности в 1990-е гг., массовые настроения среди татарского населения, проблемы с сохранением и развитием татарской культуры и языка получили выражение в политическом решении власти республики о провозглашении татарского языка в качестве государственного на территории РТ и принятии в 1992 г. Закона о языках народов Республики Татарстан». В нем был провозглашен равноправный статус двух языков (русского и татарского); утверждались гарантии государственной защиты (социальной, экономической, юридической) для обоих языков, были определены сферы их употребления. Принятый закон явился необходимой базой для проведения языковой политики в сфере образования, культуры и науки.

Таким образом, история сосуществования татарского и русского языков в татарском сообществе обнаруживает черты и конкурентности, и органичного их взаимодополнения. При этом значимость языков для сообщества идеологизируется в публичном пространстве в периоды социальных трансформаций:

- развитие капитализма в имперской России второй половины XIX в. и первая русская революция стимулировали призывы со стороны татарской буржуазии и интеллигенции к освоению русского языка татарами в качестве

этнологии. – М., 1994. С. 31–33; *Сагитова Л.В*. Этничность в современном Татарстане. Указ. соч.

[625] См. табл. 3 в статье: *Гузенкова Т.С., Коростелев А.Д*. Этнокультурные ценности и ориентации в республиках Российской Федерации: сходство и различия // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М.: ИЭА РАН, 1995. С. 189.

основного инструмента коммуникации и дальнейшего национального развития татар в рамках Российской империи;

- болезненный слом советской системы и новая социальная трансформация конца XXв. стимулировала татар к ревизии состояния национальной культуры и языка, которые в ходе советской индустриализации оказались на периферии модернизационных процессов.

Постсоветская языковая ситуация воспринималась большинством татар как кризисная, что привело к политизации языка. Татарский язык был объявлен «символьной» элитой главной ценностью и доминирующим индикатором этнической идентичности. Являясь стержнем дискурса национального сомоопределения, языковая проблема усиливала этническую составляющую в политике идентичности Татарстана.

4.2. Динамика билингвизма в Татарстане: результаты языковой политики правительства РТ

Билингвизм неизбежно связан с конкуренцией языков и их ролью в социальных процессах. Сущность языковых процессов в постсоветском Татарстане определяется ключевым обстоятельством: изменением места и роли татарского языка в жизни татарстанского сообщества. Объявленный в советский период «отсталым», «архаичным» и «мертвым» национальный язык был утвержден в качестве государственного языка наравне с русским; введен в качестве обязательного предмета в школах, ссузах, отчасти в вузах. Для его сохранения и развития были созданы поддерживающие институции, разработаны государственные программы, которые реализуются в ходе культурной политики правительства РТ. В исследовании динамики языковых процессов[626] для нас было важно рассмотреть режим сосуществования двух государственных языков в республике; понять, как изменилось отношение к татарскому языку русских и татар; как молодые представители этнических групп оценивают его роль и значимость в системе образования, на рынке труда, в повышении жизненных шансов, место языков во внутриэтнической и межкультурной коммуникации, а также в сфере политики. Наряду с этим, в анализ был включен третий язык – иностранный, поскольку изучение иностранных европейских языков входит учебный план школ, ссузов и вузов. При этом основной акцент мы делаем на английском, как наиболее распространенном в образовательной системе республики.

Перспективы развития двуязычия в Татарстане связываются с выравниванием статусов государственных языков, увеличением сфер функционирования татарского языка, повышением языковой компетенции среди населения РТ и, в первую очередь, среди молодежи. В постсоветском Татарстане татарский язык был введен, как обязательный предмет, в систему среднего образования. Выросло количество школ с татарским языком

[626] Республиканское исследование «Языковое поведение народов РТ» (2014 г.).

обучения: к середине 1990-х гг. в республике действовало 1240 школ с татарским языком обучения[627]. По данным Минобрнауки РТ за 1999–2000 учебный год 48% школьников-татар республики обучались на татарском языке (32% в городах; 64,9% в селах). В 1989 г. данная категория учащихся составляла 12%[628]. По данным Министерства образования и науки РТ за 2014/2015 уч. год из общего количества школ в республике (1488 с охватом 374151 учащихся) количество школ с татарским языком обучения составило 827 учебных заведений с количеством учащихся 74232 человек (43,32%).

Уменьшение количества учебных заведений с татарским языком в последние годы в сравнении с 2000-ми годами объясняется изменениями языковой конъюнктуры. Наиболее чувствительными к этим изменениям оказались политическая и культурная элиты, а также молодежь. Примечательно то, что названные группы обнаруживают различающееся видение складывающейся языковой ситуации. Политическая элита и национальная интеллигенция продолжает артикулировать проблему преимущественно в рамках дискурса нациестроительства. А молодежь выстраивает жизненные стратегии, ориентируясь на информационную модель общества, не ограничивая потенциал мобильности внутринациональными рамками. Сущность изменений связана с процессами глобализации, которые в первую очередь затронули сферы коммуникации, образования и рынка труда.

Сосуществование оставшихся с советского времени традиционных сфер занятости с новыми, рыночными и транснациональными, придают гибридный характер рынку труда. Социальная мобильность теперь уже не обеспечивается исключительно одним государственным языком. У него появились конкуренты – английский, ряд других западноевропейских и восточных языков. Новые сферы деятельности и формы коммуникации открывают новые возможности, а мобильность не ограничена рамками

---

[627] Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность / Мусина Р.Н., Гарипов Я.З., Зиннурова Р.И., Мухаметшин Р.М., Сагитова Л.В. – Казань: РИЦ «Школа», 2000. С. 10.

[628] Там же, с. 38.

одного национального государства. Культурные последствия трансформации проявляют себя в том, что сфера языковой компетенции обогащается и усложняется. Так, сфера управления и обслуживания в Татарстане требует знания, наряду с русским, татарского языка. Университетское образование, система повышения квалификации, работа в филиалах международных организаций и фирм, на совместных предприятиях – требуют знания иностранных языков. Таким образом, складывается сложная языковая конъюнктура. Молодые быстрее других реагируют на новые условия, не только в силу специфики возраста, но и потому, что осознают: умение уловить конъюнктуру дает возможность преуспеть в будущем. А если говорить о сохранении и развитии национального языка и культурного наследия, то именно с молодежью связывается их будущее.

Вполне закономерно, что в этой динамичной среде, как в никакой другой, ощущается острота конкурентности языков. Русский и татарский языки на территории республики имеют статус государственных и являются обязательными предметами в школе. Западноевропейские и восточные языки – не имеют подобного статуса, но дают шанс социальной мобильности, как в рамках России, так и в глобальном обществе. Постоянно меняющаяся социальная конъюнктура, а ее образуют: деятельность регионального правительства в сфере культурной политики; образовательный рынок Российской Федерации; региональный и общенациональный рынки труда, в которых представлены как традиционные, так и глобализационные сегменты – явственнее всего проявляет себя в установках и ориентациях молодежи. Проводимые нами исследования языковых процессов на протяжении последней четверти века[629] позволяют увидеть глубинные процессы языковой динамики в молодежной среде Татарстана.

---

[629] Этносоциологические исследования: «СМ» (1999); «Государственные языки в школьном образовании Республики Татарстан. Этносоциологический аспект» (2006–2007); «Языковое поведение народов РТ» (2014); «Государственные языки в системе образования РТ» (2015); г., рук. Г.Ф. Габдрахманова); «Языковое поведение молодежи в коммуникационной среде» (2016 г., рук. Г.Ф. Габдрахманова).

Мотивационные основания к изучению языков

Мотивация к изучению языка является одним из базовых оснований в процессе обучения. Если для старшего поколения язык выполняет функцию межличностного общения, делопроизводства, воспроизводства духовной сферы, то для молодежи мотивационная составляющая связана в бóльшей степени с межличностным общением и ориентациями на будущую профессиональную сферу деятельности, с возможностями социального продвижения. При этом имеет значение уровень образовательной системы. Так, мотивации школьника, учащегося колледжа или вуза могут различаться в силу возрастных различий, имеющегося опыта и теми возможностями на рынке труда, которые предоставляет то или иное учебное заведение.

Прежде, чем дать детальный анализ установок к изучению языков среди учащейся молодежи, кратко представим данные опроса взрослого населения РТ к названным языкам в этническом разрезе. Для нас это важно и потому, что значимая часть взрослого населения представлена родителями, а их установки и отношение к языкам также должны оказывать влияние на отношение к языкам их детей в период учебы. По данным последнего массового опроса (2014 г.)[630] на вопрос: «Какими языками Вам бы хотелось, чтобы владели Ваши дети? – 96% татар отметили русский язык; 95% – татарский язык и 83% – английский, при этом доли горожан и сельчан среди татар сопоставимы. В то время как в ответах русского населения РТ проявилась дифференциация по оси «город – село». Так, хотели бы, чтобы их дети знали русский язык 100% сельчан и 93% горожан; английский – 91% горожан и 83% сельчан. Татарский язык оказался в этом рейтинге последним: его отметили 60% русских-горожан и 83% русских-сельчан (Таблица 7).

[630] Этносоциологическое исследование «ЯПН» (2014 г.).

Таблица 7

Какими языками Вам бы хотелось, чтобы владели Ваши дети?
(% от опрошенных)*

Языки	городские татары	сельские татары	городские русские	сельские русские
Русским	95,1	97,7	92,5	100
Татарским	92,6	97,1	60,4	83,2
Английским	86,1	80,1	91,4	83,2
Арабским	11,6	5,8	6,5	0,8
Турецким	9,7	4,7	5,4	0
Другими	6,5	2,9	7	5,9
Затрудняюсь ответить	2,5	2,3	2,3	0

* Сумма не равна 100%, так как выбор включал 3 варианта ответов.

Исследование, проведенное нами среди молодежи в 2015 г.[631] дает возможность сопоставления установок и мотиваций к изучению языков среди перечисленных выше категорий учащейся молодежи. Так, на вопрос: «Какими языками Вы бы хотели владеть?» на первое место в рейтинге вышел английский язык: показатели у школьников и студентов вузов оказались сопоставимы (83%) и более низкий показатель у учащихся ссузов 73%. На втором месте – русский язык. Самый высокий показатель у школьников (62%); среди учащихся вузов его отметил каждый второй, а среди учащихся ссузов – менее половины опрошенных (43%). Третье место занял татарский язык – в разных группах его отметили от 32 до 38% (Таблица 8).

Таблица 8

Какими языками Вы бы хотели владеть?
(% от опрошенных)*

№	Варианты ответов	школьники	учащиеся ссузов	учащиеся вузов
1	Английским	83,7	73,1	82,5
2	Русским	62,2	42,6	49,8
3	Татарским	32,3	33,4	38,2
4	Другим	34	16,6	27,6
5	Арабским	11,7	8,9	12,8
6	Турецким	9,3	8,6	15,8
7	Затрудняюсь ответить	2,9	5,4	1,2

* Сумма не равна 100%, так как выбор включал 3 варианта ответов.

[631] Результаты массового опроса «ГЯО» – 2015.

Одной из задач исследования было выявление содержания мотивационных оснований в процессе обучения языкам, утвержденным образовательной программой. Учащимся нами задавался вопрос: «Почему Вы считаете важным владение (татарским, русским, иностранным) языком?»[632]. Как оказалось, мотивационные установки по государственным языкам РТ русскому и татарскому в чем-то совпадают и в чем-то различаются. В рейтингах по каждому из языков первые места занимают статусные позиции: важность владения ими связывается с тем, что это – государственные языки. В рейтинге по русскому языку доли в разных группах учащихся составили от 50 до 59%; по татарскому языку от 45 до 49%.

Вторая и третья позиции в рейтинге русского языка связаны с его инструментальной функцией. Его важность в том, что он пригодится а) на рынке труда, отметили от 36 до 49% в разных категориях учащихся); б) в коммуникационной среде (от 33 до 42%). В рейтинге татарского языка второе место заняла также инструментальная функция в сфере внутри- и межэтнической коммуникации – язык, как средство общения с друзьями, соседями, родственниками (от 24 до 36% в разных группах учащихся). А вот значимость этого языка на рынке труда заняла пятую позицию рейтинга: ее осознание в этом качестве повышается в сфере профессионального образования: у школьников доля составила 5%; у учащихся ссузов 17%; у студентов вузов 19%. Третье место в рейтинге заняла позиция: «Не считаю важным владеть татарским языком» и здесь динамика показателей зеркальная с последней: самая большая доля языковых нигилистов среди школьников – 39%; затем следуют учащиеся ссузов – 19%, меньшая доля у студентов – 16%. По-разному проявила себя сопряженность владения языками с уровнем образованности человека в представлениях учащихся. Значимость русского языка вышла на 4 место рейтинга: более трети учащихся во всех группах считают, что без знания этого языка нельзя

[632] Учащимся предлагалось выбрать не более трех, наиболее важных, на взгляд каждого респондента, предложенных исследователями вариантов, или написать свой.

считать себя образованным человеком. У татарского языка эта позиция оказалась на 7-ом месте рейтинга: ее отметили от 5 до 7% опрошенных учащихся. Значимость владения татарским языком у претендентов на престижную работу в представлениях учащихся оценивается крайне низко: эту позицию отметили от 1 до 3% опрошенных, в то время как значимость русского языка, соответственно, отметили от 10 до 17% по разным группам учащихся (Таблицы 9, 10).

Таблица 9

Если Вы считаете для себя важным владение русским языком, то почему? %*

№	Рейтинг мотивационных оснований	Школьники	Учащиеся ссузов	Учащиеся вузов
1	Это государственный язык России	50,7	53,4	59,1
2	Это пригодится в дальнейшей работе	35,6	48,9	43,8
3	Пригодится в общении с друзьями, соседями, родственниками	41,6	32,9	34
4	Без его знания нельзя считать себя образованным человеком	36,1	30,9	33
5	Это язык культуры мирового значения	24,4	21,4	24,4
6	Мне нравится этот язык и сам процесс постижения чего-то нового	16,7	17,1	9,1
7	Без его знания невозможно претендовать на престижную работу	12,7	16,9	9,9
8	Не считаю важным владеть русским языком	0	0	0,2

* Сумма не равна 100%, так как выбор включал 3 варианта ответов.

Таблица 10

Если Вы считаете для себя важным владение татарским языком, то почему? (% от опрошенных)*

№	Варианты ответов	школьники	учащиеся ссузов	учащиеся вузов
1	Это государственный язык РТ	45,5	48,9	49,8
2	Пригодится в общении с друзьями, соседями, родственниками	24,2	36,3	36,2
3	Не считаю важным владеть татарским языком	38,8	19,4	16,3
4	Мне нравится этот язык и сам процесс постижения чего-то нового	15,6	18	15
5	Это пригодится в дальнейшей работе	4,8	16,9	19,5
6	Это язык культуры мирового	12,9	10,3	8,9

	значения			
7	Без его знания нельзя считать себя образованным человеком	5,7	7,1	5,4
8	Без его знания невозможно претендовать на престижную работу	1	1,1	2,7

* Сумма не равна 100%, так как выбор включал 3 варианта ответов.

Необходимость владения иностранным (европейским) языком мотивируется в первую очередь императивом «Каждый человек должен знать хотя бы один иностранный язык». Эта позиция заняла первое место в рейтинге по иностранным европейским языкам (см. табл. 12): ее отметили от 49 до 57% учащихся по разным группам. Второе место рейтинга занимает позиция, отмечающая роль иностранных языков в международной коммуникации (отметили в среднем 45% по группам), а вот 3 и 4 места разделили позиции, связанные с рынком труда: от 28 до 38% учащихся по разным группам считают, что без знания иностранных языков невозможно претендовать на работу за рубежом, и что они пригодятся в работе в России. Здесь же доли тех, кто считает, что без знания иностранных языков нельзя претендовать на престижную работу, сопоставимы с показателями по русскому языку (от 9 до 20%) и значительно выше, чем показатели по татарскому языку (Таблица 11).

Таблица 11

Если Вы считаете для себя важным владение иностранным (европейским) языком, то почему? (% от опрошенных)*

№	Варианты ответов	школьники	учащиеся ссузов	учащиеся вузов
1	Каждый человек должен знать хотя бы один иностранный язык	52,9	56,6	48,8
2	Знание иностранного языка дает возможность для международного общения, зарубежных поездок	45,7	44,6	44,8
3	Без знания иностранного языка невозможно претендовать на работу за рубежом	38,5	30,9	28,3
4	Это пригодится в дальнейшей работе	35,6	28	38,2
5	Это языки культуры мирового значения	18,7	16,6	21,2
6	Без его знания нельзя претендовать на качественное высшее образование	18,2	14	17,7
7	Пригодится в общении с друзьями, знакомыми из других стран	19,1	11,4	12,3
8	Мне нравится этот язык и сам процесс	16,7	10,3	14,8

	постижения чего-то нового			
9	Без его знания невозможно претендовать на престижную работу	12,7	8,9	20
1	Без его знания нельзя считать себя образованным человеком	5,7	7,7	11,8
1	Не считаю важным владеть иностранным языком	3,1	8,3	1,5

* Сумма не равна 100%, так как выбор включал 3 варианта ответов.

Сопоставление результатов массовых опросов среди взрослого населения РТ (приведенных выше) и различных групп учащейся молодежи свидетельствует о значительных разрывах между желаемым родителями и мотивацией детей. Основанием разрыва в первую очередь явилась социально-экономическая конъюнктура – востребованность языков на рынке труда. Экспертная оценка роли языков на рынке труда подтверждает низкую востребованность специалистов с татарским языком и приоритет для тех, кто владеет иностранными языками. Так, представители кадровых агентств отмечают, что:

«Берут хорошо ребят со знанием иностранного языка, им открыты двери западных компаний (…). Сегодня же активны коммуникации, очень много западных партнеров. Люди со знанием иностранного языка, особенно английского, – они устраиваются гораздо удобнее, гораздо выгоднее и быстрее. Обращают внимание на личные качества, типаж, – люди должны быть развитые, контактные, у них должен быть широкий кругозор, они должны быть мобильные, активные, у нас очень много бывает таких проектов с западными компаниями (…)».

Роль татарского языка в современной трудовой конъюнктуре характеризуется таким образом:

«А вот в плане татарского языка …абсолютно никак, оно никому не нужно… Это раньше люди, когда приходили к нам клиенты, они просили, и это, как правило, сказывается на проектах топ-уровня. Раньше думали, – у вас здесь (в Татарстане – *Л.С.*) *очень специфично… У вас отдельная маленькая страна в стране, давайте мы возьмем руководителя со знанием татарского языка. Либо когда человек будет продавать в регионах, где у нас*

в Татарстане далеко регионы, там, в основном все разговаривают на татарском языке, и там проще продавать, договориться с человеком, если знаешь татарский. Было такое…. Сейчас это вообще не встречается. Давно не встречала, и знание татарского языка не требовалось ни разу. Единственное, может в каком-нибудь локальную компанию, не буду называть название, где управление такого требует, только в этом случае. А вообще не надо»[633].

Полученные результаты массовых опросов стимулировали к поиску глубинных оснований мотивации к изучению языков на основе личностного опыта представителей молодежи. Проведенные нами глубинные интервью и наблюдения за языковым поведением в коммуникационных пространствах г. Казани позволили увидеть более сложную картину функционирования языков в меняющихся условиях. Анализ собранных нарративов позволил обнаружить новые аспекты языкового поведения молодежи в динамике таких явлений, как модернизация – глобализация – этничность и традиция. Для того, чтобы ярче показать суть происходящих изменений в сфере функционирования языков, представим полученные данные в сопоставлении с советским прошлым и ряд факторов, предопределивших изменения отношения к языкам среди молодежи. При этом важно отметить, что изменения коснулись иностранных (в первую очередь, английского) языков и татарского языка. Положение русского языка остается стабильным, поскольку он выполняет ряд важнейших функций внутри российского государства и, соответственно, в его субъекте – Татарстане. Являясь государственным языком, русский язык выполняет функцию основного инструмента коммуникации в государстве: именно этот язык является основой всей системы государственного и частного образования; русский язык преимущественно используется в сферах профессионального и делового общения; на нем основано общероссийское информационное пространство.

---

[633] Интервью с сотрудником кадрового агентства «Анкор», Казань (2015).

Функциональность английского языка определяется дрейфом от модного и престижного, но ничтожно мало востребованного языка в советскую эпоху – к коммуникационному средству первостепенной важности для молодежи в современности. Какие факторы предопределили его возросшую роль и конкуренцию с русским и татарским языками?

Первый фактор связан с расширением информационного поля, благодаря стремительно развивающимся средствам массовой коммуникации. В новейших условиях товаром первостепенной важности становится информация. Именно на этом акцентировал свое внимание один из наших информантов: «*английский позволяет открывать очень большую область знаний, информации, которая недоступна. С татарским языком этой связи нет, потому что вся информация, которая доступна на татарском, она доступна и на русском»* (№5, русск., 21 г.). Востребованность языка в образовательной сфере, и прежде всего в технических, естественных науках, также предопределяет важность владения им для студентов: *«Те, кто занимается наукой – физикой, математикой, в общем, техническими науками – связаны с чтением большого количества научных статей. И тут для меня опять стал очень актуальным английский язык»* (№6, русск., 27 л.). Значимым для будущих инженеров основанием становится и то, что в технических, инженерных специальностях описание и инструкции даются на английском языке: *«Английский – это технический язык. Я учусь на технической специальности…. у нас многие инструкции на английском языке. Поэтому мне хочется в будущем изучать. И знать хорошо, и хорошо общаться на нем… все-таки английский в приоритете»* (№10, русск., 18 л.).

Второй фактор является логическим следствием первого: в модернизационно ориентированной сфере IT-технологий используется в качестве базового английский язык. Практически все информанты, занятые в названной сфере, отметили его эксклюзивную роль, как непосредственно в собственной профессиональной деятельности: *«… я, наверно, курсе на пятом практически свободно стал понимать любой технический текст на*

английском языке, что потом очень помогло при трудоустройстве. Потому что я стал работать айтишником, программистом, где любая информация вообще вся черпается из источников на иностранном, на английском языке. И до сих пор вот моя основная работа, что бы я ни попытался сделать, новый проект или еще что-то, все обучающие материалы, то есть очень небольшой процент на русском языке, но очень много на английском» (№6, русск., 27 л.), так и в области профессиональной экспертизы: *«… надо учить английский язык, потому что экспертиза вся там, за рубежом»* (№3, тат., 30 л.).

Кроме того, специфика работы в названной сфере связана с активной коммуникацией с зарубежными коллегами, для которых, независимо от их страновой и этнической принадлежности, международным является английский язык. Наш информант так описал профессиональное общение на работе: *«у нас работа была организована так, что мы созванивались, переписывались, у нас вперемешку иностранцы, и мы работали всегда. Поэтому мы даже свою внутреннюю переписку вели на английском языке. И в скайпе между собой на английском языке разговаривали. С индусами в основном, чуть-чуть американцами»* (№6, русск., 27 л.).

Новые трудовые ниши, такие, как упомянутый IT сектор и фрилансерство, заняты преимущественно молодыми. Важнейшим ресурсом здесь становятся иностранные языки, среди которых пока лидирует английский. Эти сферы притягивают молодых как престижные и высокодоходные, а так же свободой и ненормированным рабочим днем: *«есть много проектов, которые мы делаем с какими-то зарубежными партнерами. Либо некоторые сферы, например, есть в IT, которые ранее там приносили очень хороший доход. <…> А сейчас в русскоязычном сегменте ввиду, например, каких-то новых правил, законов это все душится очень сильно. И поэтому сейчас идет некая ориентация на Запад. Потому что на Западе, там больше свободы. И в принципе аудитория какая-то больше. И вот выход именно на западный рынок он, естественно,*

подразумевает знание английского языка. Потому что здесь и, естественно ознакомление с какими-то правилами, регламентами, общение с партнерами возможными, с возможными клиентами какими-то, это все на английском языке происходит» (№7, русск., 27 лет).

Поиск работы в традиционных трудовых секторах также актуализирует языковую компетенцию. По свидетельству одного из наших информантов, «*на собеседованиях при заполнении анкет там всегда есть графа национальности и знания языков. Ну, а, в основном, сейчас уж больше на английский, естественно, все смотрят. Про английский, естественно, всегда спрашивают… Где-то конкретно надо было английский, чтобы разговорный был. Даже для бухгалтера обычного, рядового, кажется в «Нэфис косметик» это было…»* (№9, тат., 24 г.).

Интерес к английскому в его качестве международного языка, стимулирует и работа по контракту в любых странах мира, и последующее общение с новыми коллегами и друзьями: *«… английский язык <…> он имеет большое значение. Это связано с некоторыми вещами, произошедшими в моей жизни: я ездила в Словению в 2014 году. По проекту я там работала год. И соответственно не зная словенского языка, мой английский язык был главным инструментом коммуникации с другими людьми. Причем в Словении многие знают английский язык, владеют им, особенно молодежь. Многие из старшего поколения говорят на английском языке, то есть для меня это был главный инструмент коммуницирования»* (№ 11, русск., 27 л.).

Наряду с коммуникационной активностью молодежи в профессиональной среде, актуальность английского стимулирует и развитие международного туризма, отдых за границей.

Ситуация с татарским языком в молодежной среде достаточно противоречива и характеризуется влиянием разного рода как объективных, так и субъективных факторов. Польза сопоставления его функционирования в советскую эпоху и в новейшее время выразилась в том, что более отчетливо проявилось влияние экономического фактора и действие оппозиции

«глобализация – глокализация». Опыт наших информантов позволил увидеть новые ресурсы функциональной сферы татарского языка и в соответствии с ними пересмотреть эффекты образовательной системы.

Так, данные проведенных нами массовых опросов разных лет фиксировали самый низкий уровень интереса (в сравнении с русским и английским) к изучению татарского языка в учебных заведениях РТ, который преимущественно мотивировался учащимися в их представлении «его не востребованностью в деловой сфере». При этом качественный этап в исследовании 2015 г. позволил увидеть, что татарский язык занимает определенную коммуникационную нишу в деловой сфере. Оказалось, что именно рыночная экономика придала новый импульс в использовании этого языка молодежью. Приведем выдержки из нескольких интервью. Так один из информантов отметил языковую стратегию руководства фирмы: *«У нас руководительница всегда говорит: «Если, – говорит, – человек татарин, если ты замечаешь то, что он более к татарскому склонен – разговаривай на татарском». И реально ты начинаешь разговаривать с ним на татарском – ему проще. И человек начинает уже испытывать к тебе доверие… То есть…ты мне не друг, не сосед, я тебя не знаю, но из-за того, что просто они находятся в Татарстане, зашли в магазин, в котором все по-русски, в котором ты продаешь американскую технику, и ты что-то объясняя, рекомендуя им, начал разговаривать с ними на татарском. Им становится проще, они проще к тебе относятся»* (№4, тат., 23 г.). При этом информант отмечает не только легкость в коммуникации, но и успех в коммерческой деятельности: *«С другой стороны… на работе, например, покупает человек машину… Допустим, продавец предлагает коврики, а покупателю не хватает денег, либо ему не нужно, либо нет доверия, либо человек просто никогда этого не видел, поэтому боится. Если на татарском начинаешь разговаривать с клиентами, и… они лучше начинают покупать»* (№4, тат., 23 г.).

«Я на предприятии работаю, я заметила, что у нас, например, начальник нашего... ну коммерческий директор, он начальник отдела сбыта, он в зависимости от того, с кем он разговаривает, он иногда переходит на татарский. Он например иногда звонит: «Алё… Камиль абы, халлэр ничек?(Алё, Камиль абы, как дела? – пер. авт.)*» и что-то там продолжает. Он даже может половину на русском говорить, но я так замечаю, что видимо, как бы, он свою идентичность показывает, что мы вроде как с тобой одной национальности, с одной улицы, и тогда проще договориться. Проще на уступки друг другу пойти. Потому что он как раз работает в той области, где нужно договариваться. Там, ну не только о цене, о сроках поставки, о чем угодно. Вот ему это видимо действительно помогает»* (№6, тат., 27 л.).

Опыт работы молодых подводит к переоценке видения значимости татарского языка в годы учебы и в настоящее время. В связи с этим некоторые информанты, работающие в сферах пищевой промышленности, торговли, строительства и т.п. рассказывали о важности изучения языка на всех ступенях образовательной системы: *«Представьте даже мое среднее специальное образование… Я механик промышленного оборудования. Пойдешь ты на завод работать. Там же не только русские. Там может быть начальник татарин. То же самое даже «Вамин»*[634]*. Вот мы с ним практику обычно проходим. То есть там кто-то из начальников все равно будет татарин. Поэтому, как бы, общаться все равно нужно будет»* (№4, тат., 23 г.).

Работающие студенты старших курсов вузов начинают осознавать значимость татарского языка в сфере производственной коммуникации для налаживания доброжелательных отношений: *«Именно на работе встречаешься с тем, что татарский, все-таки нужен. Ну, особенно вот в Татарстане, потому что, приезжаем на объект: там охранники – татарские мужчины… И моей подруге этот охранник говорит: «что,*

[634] Республиканское предприятие по производству масло-молочной продукции.

татар кызы?» -»да». Потом на меня смотрит: «а ты?» я говорю: «нет». «А, ну, ладно, типа, русская»… Я говорю: «ну вообще-то я все понимаю» то, что он там что-то по-татарски сказал другому. У него сразу планка уважения поднимается, в этот момент так: «татарский знает, все – свой человек». (№1, русск., 24 г.).

Другой фактор в актуализации татарского языка – международный туризм. Его близость к тюркским языкам, и прежде всего к турецкому, позволяет найти понимание с местными жителями, как в Турции, так и с турками в европейских странах.

Другой фактор связан с развитием коммуникационных технологий. Так, рабочее общение в чатах на татарском самих носителей языка вовлекает и их коллег – русских. Подобную ситуацию нам описала одна из информантов: *«К пятому курсу у нас такое началось, что и в чатах уже в общих, рабочих, там что-то они по-татарски пишут, а ты сидишь и разгадываешь: «что же ты сказал?» Если учитывать, что пишется все полностью русскими буквами. И ты сидишь уже, сидишь и постепенно начинаешь так вот в мозгах-то соображать, а как это могло быть по-татарски написано?»* (№1, русск., 24 г.).

Анализ функционирования языков в деловой сфере по свидетельствам наших информантов позволил увидеть различия в использовании татарского языка в разных средах. При этом в наиболее технологичных, сложных отраслях используется преимущественно английский язык, немного – русский и практически не звучит татарский: *«В IT английский язык обязателен. Там даже делать нечего без знания языка. Поэтому там как бы общение идет на русском, при этом термины не переводятся. Например, «задиплоить»... А я даже не знаю, как это будет по-русски ну «диплоить», да? Поэтому татарским там даже и не пахнет. И на русском тоже найдется ответ, но вероятность мала. Поэтому лучше я потрачу чуть больше времени на то, что разберусь и сделаю на английском. Например,*

программы я все ставлю на английском языке, не на русском» (№3, тат., 30 л.).

Собственно, сегодня начинает отчетливее проявляться тенденция дифференциации сфер функционирования языков уже на стадии обучения. Так, в созданном правительством Татарстана инновационном образовательном университете Иннополисе используется английский язык. Так, наш информант – магистрант Иннополиса отмечает: *«В Иннополисе там все образование на английском языке. Не знаешь английского – там нечего делать. Учат нас на английском. А татарского там... ну если только кто-то в семьях может быть общается на татарском…»* (№3, тат., 30 л.).

Наш анализ языковой ситуации свидетельствует о том, что модернизация общества, процессы глобализации и ответной глокализации дифференцируют сферы функционирования языков. При этом действие глобализационного тренда амбивалентно. С одной стороны, продолжает действовать европоцентристская шкала престижа, получившая свое развитие в условиях закрытой советской системы, проигрывавшей в конкуренции с развитыми странами. Представления о престижности западного находили свое выражение даже в прибалтийском акценте, поскольку Прибалтика считалась ближе к Западу. Шкала престижа «западное – русское – татарское», где последнее воспринимается как архаика, действует и в представлениях современной молодежи. Рассуждения одного из социально успешных информантов, работающего в IT сфере, могут показаться типичными для этого круга специалистов: *«Например, русский язык взять: все песни на английском языке кажутся круче. Там их как-то подпевать не стыдно и... а на русском ну как-то не то. Английский, например, какое-нибудь название – например, допустим «Electronic Arts» – это электронное искусство. «Electronic Arts Inc.» – звучит, прямо хочется все покупать. А ООО «Электронное искусство»? Ну нет, не звучит…»* (№3, тат., 30 л.) Ассоциации с «архаичностью» татарского языка опять-таки связаны с оппозицией «город – деревня» и со шкалой престижа. Представления о

«развитости» города и «отсталости» деревни, являющиеся универсальными в концепте модернизации, имели хождение, как в советскую эпоху, так и в наши дни: *«Приезжаешь в деревню, а там все на татарском языке говорят. И они же все-таки деревенские, ну, менталитет такой, деревенский. Это не то, чтобы плохо или хорошо, но они простые очень... И потом это начинает проецироваться обратно. Например, ты в городе видишь человека в костюме, такого серьезного, он говорит по-татарски, и он уже как будто по-деревенски воспринимается. А когда люди говорят по-французски, по-немецки или по-английски, они кажутся мне ну какими-то… интеллектуалами, развитыми какими-то. Даже когда говорят англичане с акцентом, то им это прощается: их акцент не принижает их достоинства»* (№3, тат., 30 л.).

Размышления молодежи о том, какой должна быть учебная литература по татарскому языку, также развиваются в антитезе «совковое – отсталое» – «западное – продвинутое»: *«Про учебники впечатление сложилось, наверное, ближе к концу школы. Особенно благодаря тому, что мы все-таки английский-то язык учили в свое время в школе непростой, мы увидели, какие учебники для английского языка издавались. Насколько они разительно отличаются»* (№6, русск., 27 л.)

Наряду с оппозицией «модернизация – архаика» все сильнее начинает проявляться оппозиция «глобализация – глокализация». Несколько причин стимулируют ее актуальность. С одной стороны, сопротивление усиливающейся унификации и доминированию западной массовой культуры стимулирует поиск исторических корней, своего культурного «Я». Это сопротивление связано и с актуализировавшейся ценностью «своего Дома», семьи, родных, что безусловно влияет и на отношение к национальному языку. Так, один из этнически ориентированных информантов поделился своими мыслями и переживаниями: *«Да, язык вымирает, это для меня факт. Татарский язык для меня это больше всего моя семья. Если разговариваю по-татарски только из-за того, что я в семье разговариваю на татарском*

языке. Вот даже статистика, если в семье один человек разговаривает по-татарски, татарский язык в семье сохранился. В первую очередь, мы же одна нация, эту нацию надо сохранить. Нация же она не одежда, ее сменить невозможно, это наверно, больше патриотизм по сохранению нации» (№12, тат., 23 г.). Но и для этнически не ориентированных и мало использующих татарский язык татар культурная идентичность сохраняет свою силу: *«Но есть такая интересная вещь, что русские народные песни я не воспринимаю как мои родные песни, а татарские я хоть и не слушаю их, но они как бы мои песни»* (№3, тат., 30 л.)

С другой стороны, глобализационный тренд международной мобильности и коммуникации развивается на базе международного туризма. Рыночные законы, требующие постоянных инноваций и разнообразия, стимулируют развитие этнического туризма. Активно развивающийся в последние годы внутренний туризм в России оказал влияние и на стратегию формирования рынка услуг в республике региональным правительством и бизнес сообществом. Внутренний туризм явился благодатным основанием для этнически ориентированной молодежи, стремящейся сохранить и развить национальные язык и культуру через инструменты глобализации: *«Например, есть «Тюбетей» - фаст фуд. Сейчас это модно. По мне, сейчас, чтобы сохранить татарский язык (теперь ведь молодые больше общаются на русском языке) надо ввести в моду, чтобы теперешняя молодежь была зависимой от моды. Если есть тренд говорить на татарском, все хорошо – все будут говорить на татарском. Если есть тренд, вот, допустим, сейчас есть очень много хип мейнщиков: сумку носят с орнаментом, например, там красивый сарафан с татарским орнаментом, если в моду войдет. Вот, например, сапоги-читек* (татарские вышитые орнаментом кожаные сапоги – авт.) - *он в моде. Но, например, читек он вообще считается, если есть читек, значит вы молодые. Вот, может просто через какие-то социальные идеи и другие инструменты надо ввести татарский язык в моду»* (№12, тат., 23 г.).

Судя по динамике популярности республики в качестве туристического объекта[635], востребованность татарской культуры и языка будут возрастать уже в качестве рыночного товара в туристической индустрии.

В заключение отметим, что языковая политика билигвизма в Татарстане, ориентированная на выравнивание статусов русского и татарского языков и расширение сфер функционирования последнего, в образовательном сегменте имеет в качестве адресата молодежь, которая в большей мере, чем старшее поколение мыслит свое будущее в условиях мобильного общества, не ограничиваясь рамками Татарстана. В связи с этим, мотивация к овладению языками среди молодежи дифференцируется в зависимости от инструментальной значимости того, или иного языка в социальной мобильности. На первом месте рейтинга в мотивации к овладению языками среди учащихся школ, ссузов и вузов находится русский язык, как государственный язык, язык образования и коммуникации в России. На втором месте - иностранные языки и среди них английский язык, как язык международной коммуникации, дающий возможность получить образование или работу за рубежом, работать в компаниях с иностранным участием, язык туризма. На третьем месте – татарский язык, воспринимающийся учащимися как второй государственный язык республики, язык коммуникации в рамках республики и в тюркских странах. Для татарской молодежи язык имеет еще и символический статус с эмоциональной составляющей, как язык семьи и родственного окружения и, соответственно, является значимым элементом ее этнической самоидентификации.

---

[635] По данным Российского союза туриндустрии (РСТ) доходы от туризма в бюджете Татарстана в 2016 году уже составили 4,7 миллиарда рублей, из посетивших республику 88% гостей представляют россияне, 12% – иностранцы», и при этом расширяется круг стран, жители которых чаще всего приезжают в Татарстан (Германия, Китай, Италия, Франция Финляндия, и Великобритания. См.: Татарстан продвигает себя также на туррынках Ирана, ОАЭ и Катара». [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/economics/27296163/?frommail=1 (дата обращения 30.09.2016).

4.3. Политические аспекты языковой ситуации в республиканских СМИ и в Интернете

Республиканские средства массовой информации являются важнейшим институтом в сфере языковой политики, проводимой республиканским правительством. Начиная с конца 1980-х годов, в региональном информационном поле получили развитие различные дискурсы, связанные с положением татарского и русского языков в Татарстане.

После придания татарскому языку статуса второго государственного языка и принятия Закона «О языках народов Республики Татарстан» в 1992 г. республиканское правительство проводит культурную политику, направленную как на равноправное развитие языков, так и на устранение диспропорций между двумя государственными языками – русским и татарским. Как показывает практика, осуществление политики по развитию двуязычия в Татарстане имеет и определенные сложности, и точки роста. Положительная динамика этого процесса и проблемные зоны получают отражение в республиканских средствах массовой информации и Интернет-ресурсах, в соответствии с установками, представлениями и интересами этнических групп в РТ, прежде всего русских и татар.

Политика по развитию двуязычия в республике получает отражение во всех средствах массовой информации. Как официальные, так и негосударственные СМИ и Интернет-ресурсы, так или иначе, воспроизводят дискурсы билингвизма, которые различаются идеологически. Официальный дискурс отражает политику региональной власти, широко освещает все ее шаги и меры по развитию языков в республике. Он транслируется такими источниками, как республиканские официальные издания «Республика Татарстан», «Ватаным Татарстан», Интернет-ресурсом «Татар-информ». Другие издания, такие, как «БИЗНЕС Online», «Казанские ведомости», «Pro Город», «Шахри Казан», «Мәдәни жөмга», «Татарстан яшьләре», Интернет-ресурсы «Intertat», «е-Татар» и ряд других, наряду с официальным

дискурсом, репрезентируют и точки зрения представителей этнических групп. Оппозиционный дискурс формируется такими источниками, как «Вечерняя Казань», ИА REGNUM, сайтами «Русская линия», «Свободная трибуна», «KazanFirst», отдельными группами «ВКонтакте».

Репрезентация темы двуязычия в республиканских СМИ и Интернет-ресурсах формируется из перспектив четырех участников коммуникационного процесса: власти РТ и федеральных чиновников, татарской и русской интеллигенции, родителей учащихся школ. Если говорить о репрезентации русской культуры и языка в республике, то актуализация темы возникает в связи со знаменательными датами и событиями. Как правило, им уделяется большое внимание со стороны первых лиц правительства РТ и государственных чиновников разного уровня. Ключевыми составляющими официального дискурса являются идеологемы равенства русского и татарского языков в республике, значимости и важности любого языка в развитии личности и общества; акцентирование духовных и инструментальных ресурсов билингвизма. Например, Председатель Государственного Совета РТ Ф.Х. Мухаметшин, приветствуя участников Дней русской культуры в РТ, приуроченных к дате дня рождения великого русского поэта А.С. Пушкина, подчеркнул:

«Жизненная сила любого языка – в его неиссякаемой потребности в дальнейшем саморазвитии и совершенствовании. Отражая динамично меняющуюся жизнь общества, язык постоянно изменяется и сам. Каждый из нас выступает непосредственным участником процессов взаимообогащения и взаимопроникновения национальных языков народов Российской Федерации, формирования новых обиходно разговорных форм и смыслов языкового общения. Усиленно эти процессы идут и в нашей республике, где в соответствии с Конституцией Татарстана русский

и татарский языки являются государственными и выступают средством межэтнического общения»[636].

Официальный дискурс отражает идеологию паритетности культур и равноправия двух государственных языков на территории РТ. В этом ключе публикуются материалы о мерах поддержки русского языка в республике: репортажи с Кирилло-Мефодиевских и Онегинских чтений, фольклорного фестиваля Каравон, праздника, посвященного Дню рождения Пушкина и др.[637]. В контексте конкуренции русского и татарского языков в республике, особо акцентируется тема об успехах татарстанских школьников и студентов на Всероссийских фестивалях русского языка. Достижения даются в сопоставлении с результатами конкурса среди других «русских» регионов России, где баллы оказываются ниже в сранении с татарстанскими[638].

Позиция власти не является однородной, дифференцируясь в зависимости от принадлежности субъекта высказывания к региональной или федеральной власти: в то время как представители власти РТ говорят о партетености языков, федеральные чиновники отмечают недостаточное внимание к русской культуре. Так в своем интервью Советник Президента РФ по вопросам культуры В.И. Толстой отметил: *«Я вижу, как здесь замечательно поддерживается культура татарского народа. И это правильно. Другое дело, что мне очень бы хотелось, чтобы и русская культура, ведущие русские писатели, связанные с Казанью, все-таки не уходили бы в тень. Это Максим Горький, тот же Лев Толстой и другие.*

---

[636] Сегодня День русского языка // Республика Татарстан, 06.06.2013, №83 (27500). [Электронный ресурс]. URL: http://www.rt-online.ru/aticles/rubric-79/10078451/ (дата обращения 19.05.2014).

[637] Альберт Гильмутдинов: «Ни одной минуты у русского языка мы не отбираем!» // Интертат.ру, 05.06.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://intertat.ru/ru/obschestvo/item /5249-brifing.html (дата обращения 24.04.2014).

[638]Отмечалось, что на дистанционном этапе федерального конкурса знатоков русской словесности от Татарстана было подано рекордное количество работ – 1550. Для сравнения, по количеству работ был приведен Красноярский край, подавший 407 работ и занявший второе место. Так же было отмечено, что 47 представителей Татарстана прошли в очный этап фестиваля. См.: *Чеснокова Е.* Не количеством, но качеством. // Республика Татарстан, 07.06.2012, №109–110 (27266–27267). [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-nau-32989/ (дата обращения 10.05.2018).

Чтобы, как и раньше, мы чувствовали, что живем в одной большой стране и великая русская культура нас по-прежнему объединяет, как это было на протяжении многих веков»[639].

Наиболее активно дискурс защиты русского языка транслирует ИА REGNUM, которое дает развернутые репортажи с событий, связанных с названной темой. Характерным примером может послужить репортаж с Всероссийской научно-практической конференции «Русское национальное движение в Татарстане в постсоветский период: достижения, проблемы и поиск путей преодоления», которая была приурочена к 20-летию «Общества русской культуры Татарстана». Освещение мероприятия было построено на оппозиции «татарстанская власть – русская культура и язык». В том же русле комментируются государственные программы. Так, «Программа сохранения и развития государственных языков Республики Татарстан до 2023 года», разработанная Академией наук Татарстана по заказу Правительства республики подверглась критике в связи с тем, что *«в составе рабочей группы не было специалистов по русской филологии» и что «программа не имеет мероприятий, которые бы касались русского языка»*[640].

Дискурс «защитников русского языка» в республике транслируется преимущественно двумя источниками: газетой «Вечерняя Казань» и ИА REGNUM. Если «Вечерняя Казань» чаще всего следует принципу соблюдения баланса при публикации дискуссионных материалов и старается дать слово участникам с разными позициями, то ИА REGNUM последовательно следует принципу жесткой оппозиции власти республики, не выодя в поле обсуждений оппонентов. Тенденциозность проявляется как в стиле подачи материалов, когда редакция позиционирует себя в качестве «защитника интересов русских в Татарстане» и в соответствии с ней подает

---

[639] *Кручинина О.* Лев Толстой был бы счастлив // Республика Татарстан, 20.11.2012, №231 (27388). [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-kult-70525/ (дата обращения 18.05.2018).

[640] В Татарстане вводят сертификацию госслужащих на знание татарского языка // ИА REGNUM, 06.03.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.regnum.ru/news /1633052.html#ixzz2zncpuPhI (дата обращения 14.05.2014).

материалы: *«Как неоднократно сообщало ИА REGNUM, в республике не прекращаются протесты русской и русскоязычной общественности в связи с «языковым вопросом», решения которого, судя по демонстративным действиям и заявлениям руководства Татарстана, в ближайшее время не предвидится»*[641], так и в предоставлении «голоса» преимущественно активистам «своей команды».

В данном контексте большой резонанс в республиканских СМИ получило дело П. Хотулева. В вину 52-летнему казанцу вменили записи на интернет-форуме «Русский язык в школах Татарстана». В них Хотулев, имеющий ребенка-школьника, настаивал на том, что изучение татарского языка должно быть добровольным. Инкриминируемое Хотулеву высказывание на форуме неприязненно описывало звучание татарского языка, на слух автора: «шорканье пенопласта, лязганье железа по стеклу, гвалт большой своры дворняжек и звук работающего отбойного молотка»[642]. Для газеты «Вечерняя Казань» трансляция подобного сюжета стала традицией[643], так же как и сочувствующая позиция героям этих сюжетов. Так, репрезентация позиции П. Хотулева сопровождается иллюстрацией оправдательных обстоятельств: *«Воспроизведя в своей речи на суде этот фрагмент, обвиняемый, похоже, сам испытал неловкость и признался: пока обучение татарскому языку не стало обязательным и неизбежным, у него «даже и мысли не было так говорить»*; или результаты его обращения к руководству республики и Российской Федерации: «*Я четыре раза обращался к президенту России, но, видно, он чем-то зависит от власти Татарстана», – рассказывает обвиняемый, как он дошел до таких*

---

[641] Власти Татарстана провели «ритуал» у памятника А.С. Пушкину // ИА REGNUM, 06.06.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.regnum.ru/ news/ 1668173.html# ixzz2zoNc7ca1 (дата обращения 12.05.2014).

[642] *Юдкевич М.* Это же очковтирательство, а не обучение // Вечерняя Казань, 26.09.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.evening-kazan.ru/articles/eto-zhe-ochkovtiratelstvo-a-ne-obuchenie.html (дата обращения 19.05.2014).

[643] С конца 2001 г. большой резонанс получило дело С. Хапугина, подавшего иск в Конституционный суд РФ с требованием отмены обязательного изучения татарского языка в объеме русского языка в средней школе. Газета «Вечерняя Казань» следила за его развитием в течение всего срока судебного разбирательства.

высказываний в Интернете. Письменные ответы, пришедшие ему из разных инстанций, заверяли, что обязательное изучение татарского языка соответствует законам Татарстана»[644].

Следует отметить, что официальные СМИ стараются избегать дискуссионных аспектов двуязычия в республике. Транслируемая ими информация носит преимущественно информационный характер и концентрирует внимание на достижениях. Недостаток диалоговых площадок приводит к тому, что болезненные темы начинают активно обсуждаться в Интернете. Так, дело Хотулева и случай с жительницей г. Нижнекамска В. Можаровой, написавшей заявление об отказе от обучения татарскому языку своих сыновей и получившей в связи с этим судебный иск от городского Исполкома – вызвали широкий резонанс в социальных сетях. Содержание дискуссий показало, что участники разделились на сочувствующих и критиков. Позицию сочувствующих иллюстрирует высказывание пользователя Интернета, Ирины, которая связывает функциональность татарского языка в республике исключительно с интересами политической элиты: *«Такой приговор не прибавит уважения к нации. Я согласна, что если ты едешь в гости и хочешь там остаться, тебе придется знать язык. Но мы-то здесь родились и выросли. И хорошо относились к нашим соседям. А вот когда под давлением нам навязывают чужой язык – это уже нехорошо. Это как раз и провоцирует несдержанных людей. С этим сами татары согласны – те, что не во власти. А власти цепляются за язык, потому что пытаются удержать статус национальной, особой республики и особые отношения с центром. Но рано или поздно, республика по нацпризнаку все равно развалится. Даешь двуязычие – русский и английский!!!»*[645].

Представители другой группы стоят на позиции соблюдения баланса в интересах этнических групп и уважения народа-соседа. Пользователь под

---

[644] *Юдкевич М.* Это же очковтирательство. Указ. ист.

[645] Павлу Хотулеву вынесли обвинительный приговор // Вечерняя Казань, 15.02.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.evening-kazan.ru/news/pavlu-hotulevu-vynesen-obvinitelnyy-prigovor.html (дата обращения 11.05.2014).

именем Путник прокомментировал данную ситуацию: *«Мы отличаемся тем, что мы – Татарстан (национальное государство). А детям лишь бы на уроки не ходить. Мать вместо того, что бы стимулировать интерес, просто пошла на поводу у детей. Так получается? Нельзя так – это сеет раздор. Мы должны уважать друг друга. Татары изучают русский язык и не возникают. Что мешает русским изучать татарский-то? Хотя, преподавание татарского, действительно, на очень низком уровне. С этим я согласен»*[646].

Третью группу участников отличает категоричность и нетерпимость. Суть комментариев сводится к тому, что Татарстан – национальная республика и если кто-то не хочет изучать татарский язык, то: «чемодан – вокзал». Вот характерный комментарий: «*И еще, почему бы Хотулеву не переехать в Рязань, где такой проблемы нет, и не жить в «так называемом Татарстане»? Зачем всех под себя подгинать-то? Татарстан – национальная республика со своим законодательством. Не нравится – земля большая»*[647].

Руководство республики усматривает в подобных фактах необъективность и тенденциозность. Так, реакция Президента РТ Р.Н. Минниханова выразилась следующим образом: *«Отдельные представители радикально настроенных национальных организаций пытаются использовать изучение русского и татарского языков как разменную монету... Мы не должны поддаваться на провокации тех, кто стремится делить детей по национальному признаку, тех, чья деятельность ведет к дестабилизации ситуации!»*[648]

В то же время наблюдается стремление объяснить причину усиленного внимания к татарскому языку его уязвимым положением. Одна из характерных формул была высказана Председателем Комитета Госсовета по

---

[646] *Юдкевич М.* Это же очковтирательство. Указ. ист.

[647] Там же.

[648] *Юдкевич М.* Рустам Минниханов предостерег от пагубного влияния улицы // Вечерняя Казань, 14.09.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.evening-kazan.ru/articles /rustam-minnihanov-predostereg-ot-pagubnogo-vliyaniya-ulicy.html (дата обращения 11.05.2014).

культуре, науке, образованию и национальным вопросам Р.И. Валеевым: *»В семье, если один ребенок болен, а другой здоров, больше внимания уделяется ослабленному. Пока татарский язык выступает в роли больного ребенка, поэтому и заботы о нем больше»*[649].

Анализ позиций другой стороны – татарской интеллигенции, общественных деятелей и этнически ориентированных жителей республики волнуют темы, связанные с сохранением и развитием татарского языка и культуры. Одним из активно обсуждаемых в информационном пространстве аспектов является слабая представленность татарского языка в городском пространстве. Так, доктор исторических наук Д.М. Исхаков высказывает свое восприятие: *«Казань визуально – русский город. Реальное двуязычие есть только в международном аэропорту, метро и Камаловском театре. 95% вывесок – только на русском. А история с появлением на казанских улицах указателей на русском и английском языках, вообще, наглядно показала полный игнор столичными властями татарского языка»*[650]. В то же время указывается на преобладание русского и английского языков в оформлении улиц и городских объектов, рекламных щитов и вывесок [651]. Координатор движения нового поколения «Үзебез» А.Сабирова указала на то, что приоритет в городских вывесках английскому языку отдается не только на заведениях частного характера, но и на учреждениях муниципального ведения: «*Как же обидно, когда проезжая мимо 7-й казанской больницы видишь, как красивыми крупными буквами написано «Emergency», а сверху помельче – «Приемное отделение». Или когда приезжаешь на обследование в Республиканскую клиническую больницу, а тебя издалека встречают русские и английские аббревиатуры: РКБ и RCH. Возникает вопрос: а что, больше*

---

[649] *Акифьева В.* Выходим на новый уровень // Республика Татарстан, 08.02.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-nau-10110052/ (дата обращения 27.05.2018).

[650] *Болгарский Р.* Татарский ответ // eТатар.ru, 27.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/top/42069 (дата обращения 17.05.2014).

[651] *Тарасов С.* Латиницу и татарский развели окончательно // Интертат.ру, 24.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://intertat.ru/ru/obschestvo/item/10068-latinitsu-i-tatarskiy-razveli-okonchatelno.html (дата обращения 13.05.2014).

чем половина населения республики, т.е. татары вообще никогда не болеют?»[652]. Журналистка и общественный деятель Р. Бикмухаметова предприняла журналистское расследование и пришла к парадоксальному выводу, что игнорирование татарского языка демонстрируют местные организации. Крупные зарубежные компании, наоборот, для вхождения на рынок Татарстана используют оба государственных языка: *«Мы стали составлять рейтинги предприятий, фирм и магазинов на предмет того, как они на своих логотипах и этикетках используют татарский язык. Заметили такую особенность: те производители, которые работают за пределами Татарстана и хотят войти на наш рынок, активнее используют татарский язык в оформлении своей продукции, чем наши*» (интервью № 18).

Расхождение идеологии, транслируемой властью РТ, и практики расширения сфер функцинаирования татарского языка отмечается татароориентированной частью населения РТ. Критике подвергается отсутствие татароязычных версий электронных государственных услуг. Татароориентированные СМИ и Интерент-ресурсы освещают инициативы общественных движений, как, например, событие, когда «Электронное правительство Республики Татарстан» было удостоено антипремии «Тяжело с татарским» в связи с тем, что татарские версии сайтов министерств и ведомств республики ведутся по остаточному принципу. Активисты движения «Мин татарча сөйләшәм!» (Я говорю по-татарски – перевод авт.) обосновали свое решение тем, что: «*не обновляется новостная лента, отсутствует актуальная информация на татарском языке, зачастую на татарском языке доступна лишь информация о руководителях. А некоторые из министерств вообще не имеют татарской версии своих официальных сайтов, нарушая при этом закон о государственных языках*

[652] *Болгарский Р.* Татаризация Казани // eТатар.ru, 23.05.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/news/43142 (дата обращения 13.05.2014).

РТ»[653]. Также отмечается и тот факт, что многие из официальных сайтов, входящих в состав такого ресурса, как «Официальный портал Республики Татарстан», не имеют татароязычной версии.

Многие из описанных проблем порождены нехваткой кадров с достаточно высоким уровнем языковой компетенции, как среди работающих специалистов, так и среди тех, кто, собственно, их готовит*: «За 20 лет повсеместного и обязательного преподавания татарского языка в школах Татарстана так и не была выработана эффективная методика. Родители не зря выходят на митинги: к чему тратить драгоценные школьные часы на татарский язык, когда спустя 11 лет выпускник не может ответить на банальное «Хәлләр ничек?»* – отмечает доктор исторических наук Д.М. Исхаков[654].

Стремление найти решение проблем, выровнять положение языков особенно в сфере языковой компетенции стимулирует власти республики и профильное ведомство, Министерство образования и науки РТ к поиску мер, призванных улучшить ситуацию. В данном контексте представляются интересными и перспективными проекты электронного издания «БИЗНЕС Online», выстраивающие дискуссионные площадки на основе интерактивного общения представителей власти и граждан республики. Найденный изданием формат можно назвать успешным, поскольку информация подается «из первых рук», приглашенный представитель ведомства непосредственно отвечает на вопросы читателей, идет живая и плодотворная дискуссия с участием рядовых пользователей Интернета, что минимизирует возможности конструирования, дезинформации, спекулятивных приемов. Ряд опубликованных в подобном ключе дискуссий обозначил проблемные вопросы, связанные с функционированием татарского языка в республике: а) дефицит кадров и важность дифференцированной подготовки воспитателей

---

[653] Антипремию «Тяжело с татарским–2013» получили мэрия Казани и «Электронное правительство РТ» // Бизнес Online, 29.04.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/79463/ (дата обращения 14.05.2014).

[654] *Болгарский Р.* Татарский ответ // eТатар.ru, 27.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/top/42069 (дата обращения 17.05.2014).

детских садов для работы с детьми татар и русских; б) низкий уровень методического обспечения занятий по татарскому языку; в) низкий уровень подготовки учителей татарского языка[655]. Для их решения отраслевые ведомства выходят со своими инициативами, которые транслируются на пресс-конференциях в республиканском Парламенте: Минобрнауки РТ возлагает надежды на центр сертификации, где можно будет получить документ, подтверждающий владение двумя государственными языками, на основании чего преподаватели получат возможность повысить свою заработную плату до 15 процентов»[656].

Слабая динамика в овладении татарским языком среди школьников и вузовской молодежи заставила правительство республики искать дополнительные стимулы. Реальным подкреплением для использования этой возможности любым жителем республики должна стать система бесплатного обучения татарскому языку[657]. При этом подчеркивается низовая инициатива граждан: *«Многочисленные обращения граждан, желающих освоить язык, поступают в университет. В частности наблюдается интерес представителей государственных структур и бизнеса»*[658].

Большие надежды возлагаются на образовательный Интернет-ресурс «Ана теле» (Язык матери). Электронное издание «БИЗНЕС Online» в связи с этим информирует своих читателей о том, что *«образовательная программа бесплатна для всех желающих изучать татарский язык, как в России, так и за рубежом. Материалы состоят из уроков, видеофильмов, аудио-роликов для изучения грамматики, лексики, фонетики и разговорной практики.*

---

[655] Там же.

[656] *Акифьева В.* Выходим на новый уровень // Республика Татарстан, 08.02.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-nau-10110052/ (дата обращения 27.05.2018).

[657] Сотрудники исполкома Казани получили сертификаты в институте филологии // eТатар.ru, 18.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/news/41993 (дата обращения 25.04.2014).

[658] КФУ открывает бесплатные курсы татарского языка // eТатар.ru, 20.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/news/42011 (дата обращения 26.04.2014).

Доступ к online-школе обучения татарскому языку возможен 24 часа в сутки из любой точки мира»[659].

Наиболее дискуссионной темой, репрезентируемой в республиканских СМИ, остается вопрос двуязычия в школе. Несмотря на то, что в образовательных стандартах Министерства образования и науки РТ предусмотрено равное количество часов в школе на обучение татарскому и русскому языку для всех школьников, некоторые родители русских детей и активисты «Общества русской культуры» считают, что количество часов, отведенных на изучение русского языка недостаточно. В ответ звучат разъяснения республиканских депутатов и чиновников: Председатель Комитета по культуре, науке, образованию и национальным вопросам Р.И. Валеев обосновывает свое мнение юридическими аргументами: *«Еще в 2004-м мы обращались в Конституционный суд России с вопросом: не противоречит ли Основному закону страны преподавание двух государственных языков в РТ – русского и татарского – в равных объемах. Конституционный суд вынес постановление, что «не противоречит». И никто не вправе пересматривать это решение»*[660].

Попытки разрешить спорную ситуацию приводят к поиску компромисса, а именно – выделению в школьной программе дополнительного часа на изучение татарского или русского языка на выбор, в формате одного занятия в неделю на добровольной основе. «Вечерняя Казань», отслеживающая сюжеты на эту тему, публикует критический материал, где приводит случай со школой №54 Авиастроительного района, где было собрано 1012 заявлений: 990 – на занятия по русскому языку и 157 – татарскому. Однако это востребованное начинание затерялось в море

---

[659] Сегодня в Татарстане открывается государственная online-школа татарского языка «Ана Теле» // Бизнес Online, 04.02.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/74454/ (дата обращения 27.04.2014).

[660] *Тимереева А.* Татарский – родной, а русский – государственный? // Интертат.ру, 6.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://intertat.ru/ru/obschestvo/item/9646-tatarskiy-rodnoy-a-russkiy-gosudarstvennyiy?.html (дата обращения 27.04.2014).

бюрократических проволочек[661]. Организация дополнительных часов оказалась успешнее в автономных учебных заведениях[662].

Отдельная дискутируемая тема в СМИ – Единый государственный экзамен по русскому языку. Попытка противников татарского языка в школе списать низкие результаты в ЕГЭ по русскому языку и литературе встречают отпор со стороны первых лиц Министерства образования РТ, публикуемых в официальных СМИ. Так, А.Х. Гильмутдинов, министр образования и науки Республики Татарстан в 2009–2012 гг. отмечал: *«откровенное вранье – то, что наши дети плохо сдают ЕГЭ по русскому, потому что в школах больше внимания уделяется татарскому. Наоборот, показатели, которые демонстрируют наши школьники ежегодно на ЕГЭ по русскому, растут невероятными темпами. Мы в этом отношении давно обогнали среднероссийский показатель. Больше всего часов в Архангельской области. Там средний результат ЕГЭ по русскому – 59,6 балла, по русской литературе – 49,1 балла. В то время как в РТ – 62,2 и 57,3, соответственно. Мы выигрываем и в сравнении с другой исконно-русской Тверской областью»*[663]. В качестве дополнительного аргумента приводятся достижения татарстанских учащихся на конкурсах федерального уровня по русскому языку[664]. К числу объективных показателей относят результаты сдачи ЕГЭ и количество стобалльников. Так, начальник Управления образования по г. Казани сообщал, что в 2014 г. результаты казанских школьников были выше республиканских и среднероссийских показателей практически по всем предметам учебного плана (кроме французского языка); мэр Казани отмечал, что в 2014 г. *«увеличилось количество 100-бальных*

---

[661] *Плотникова И.* Дополнительный час на язык нужен не всем? // Вечерняя Казань, 8.04.2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.evening-kazan.ru/articles/dopolnitelnyy-chas-na-yazyk-nuzhen-ne-vsem.html (дата обращения 28.04.2014).

[662] Там же.

[663] Альберт Гильмутдинов: «Ни одной минуты у русского языка мы не отбираем!» // Интертат.ру, 05.06.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://intertat.ru/ru/obschestvo/item /5249-brifing.html (дата обращения 24.04.2014).

[664] *Чеснокова Е.* Не количеством, но качеством // Республика Татарстан, 07.06.2012, №109–110 (27266–27267). [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-nau-32989/ (дата обращения 10.05.2018).

работ: доля казанских выпускников, достигших максимальных результатов, увеличилась до 43,3% от общего количества 100-балльных работ по Татарстану». При этом отдельно был выделен сюжет с русским языком: *«В 2 раза увеличилось количество 100-балльных работ по русскому языку (...) Радует то, что знания русского языка и в Казани, и в целом по Татарстану выше, чем по России. То, что в национальной республике наши дети знают русский язык, и результаты ЕГЭ выше, чем в других городах и субъектах Российской Федерации, говорит само за себя. ЕГЭ – это объективный результат преподавания русского языка в Татарстане и в его столице»*[665]. В дискуссии с потенциальными оппонентами представители власти приводят и такие показатели, как количество стобалльников, получивших образование на родном (нерусском) языке[666].

В репрезентации темы, связанной с ЕГЭ, звучат нарекания и со стороны татаро-ориентированных граждан. Их претензия заключается в том, что сдача ЕГЭ только на русском языке снижает шансы на высокие баллы у учащихся школ с нерусским языком образования. Кроме того, по их мнению, исключение из экзаменационных требований ЕГЭ на татарском языке окончательно снижает мотивацию школьников к его изучению. В этой ситуации республиканская власть оказывается между двух огней: русско- и татаро- ориентированных родителей школьников и выход из спорной ситуации видит в прагматичном подходе: *«Химию или биологию учить на татарском не нужно. И все точные предметы, тем более вузовские. Мы должны знать язык, грамматику, литературу. Сам я то, что знаю по-татарски, могу объяснить и по-русски. Зачем нам устраивать детям экзамены на разных языках? Знает математику – знает. Не знает – не знает. Мы ждем от них знания и татарского, и русского языков. По-татарски знать – хорошо. Но надо знать и по-русски. Тогда будущее*

---

[665] И. Метшин: «Учителя, подготовившие стобалльников – это наш золотой фонд». [Электронный ресурс]. URL: http://news.mail.ru/inregions/volgaregion/16/society/18855919/?frommail (дата обращения 07.08.2014)

[666] Один язык хорошо, а два – лучше // Республика Татарстан. Указ. ист.

ребенка будет еще более комфортным»[667]. Завершающее высказывание, тем не менее, свидетельствует о приоритетности русского языка с точки зрения дальнейшего социального продвижения выпускника школы. В то же время аргументация билингвизма в бóльшей мере носит гуманитарный характер и иллюстрируется словами чувашского педагога И.Я. Яковлева: *«Один язык – один ум, два языка – два ума, три языка – три ума. Будьте умными»* [668]. Будущая конкурентоспособность учеников связывается в такого рода публикациях со знанием трех языков: русского, татарского и английского[669], что подтверждает геополитические ориентации республиканского правительства: на Россию, как на общенациональное политическое и культурное пространство; на Татарстан, как на регион со своей отличительной культурой и языком и на Запад с доминирующим английским языком.

Если говорить о позиции защитников татарского языка, то анализ информационного поля показал, что уличная активность в его защиту освещается на страницах республиканских СМИ гораздо реже, но компенсируется дискуссиями в Интернет-ресурсах и социальных сетях. «Татарская трибуна» делает обзор информационных ресурсов на татарские темы и, соответственно, сопровождает их комментариями. Данный источник сотрудничает с таким общественными движениями и СМК как «Татар, Уян!», «Тургай», «Азатлык», «Туган Тел», «Звезда Поволжья» и выводит в информационное пространство проблемы с политическим и национальным подтекстом. Касательно темы, связанной с двуязычием в республике, следует остановиться на нескольких сюжетах, обнаруживающих чувствительность к символическим аспектам в сфере этничности и культуре.

Пристального внимания и разбора были удостоены прошедшие и Олимпиада в Сочи 2014 г. и Универсиада в Казани 2013 г. Репрезентация в рамках данных мероприятий культурного облика страны и Татарстана,

---

[667] Там же.
[668] Один язык хорошо, а два – лучше // Республика Татарстан. Указ. ист.
[669] Там же.

соответственно, вызвала критику и негодование посетителей сайта. Суть претензий состояла в том, что во время открытия названных мероприятий организаторы игнорировали многонациональность страны: *«Само представление достаточно зрелищно и динамично, но комментарии удивили – дикторы с придыханием напирали на христианскую символику и прилагательное «русский». Складывалось впечатление, что в России всё русское – русская тройка, русский лес, русский бал, русские офицеры и т.д. О многонациональности России упомянул в своей приветственной речи лишь президент Международного олимпийского комитета немец Томас Бах...»*[670]. Такие же претензии звучали и в адрес Казанской Универсиады. Прошедшие международные студенческие игры, по мнению журналистов, высветили «наплевательское» отношение к национальным меньшинствам России: во время открытия игр играл гимн России, а не Татарстана, поднимали флаг России, а не Татарстана; мероприятие велось на русском языке. *«Получается, что Татарстан не автономная республика в составе России. А какая-то область, как Кострома. У которого нет национального гимна, языка, флага. Это явный признак ущемления национальных прав татарского народа в России и национальных меньшинств в России»*[671].

Еще одна болезненная тема, которая активно обсуждается пользователями портала это попытки русскоязычного населения сократить количество часов отведенных на татарский язык. Так же, как и руководство республики, представители национальных движений в пользу обязательного изучения языка приводят целый ряд доводов. Здесь и Закон о двуязычии, и необходимость общения между народами и обеспечение конкурентоспособности. Так, пользователи Интернета апеллируют к научным исследованиям, обосновывая значимость владения несколькими

---

[670] Олимпиада в Сочи: 4 кольца и 2 медведя // Татарская трибуна, 16.02.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://tatar-tribun.ru/kultur-multur/olimpiada-v-sochi-4-kolca-i-2-medvedya.html (дата обращения 22.05.2014).

[671] Сочи – это Кубань – и точка (?) // Татарская трибуна, 10.02.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://tatar-tribun.ru/perepis-naseleniya/sochi-eto-kuban-i-tochka.html (дата обращения 22.05.2014).

языками. Так одна из статей в Интернет-ресурсе «Татарская трибуна» в самом заглавии несет идейный посыл: «Билингвы обладают лучшей памятью и легче решают проблемы». В публикациях приводятся мнения экспертов:

«Учёные уверены: люди, которые могут мыслить на двух языках одновременно, имеют более высокую психическую гибкость, чем те, что знают лишь один язык. Исследователи полагают, что билингвизм улучшает работу мозга и, в частности, памяти, помогает функционировать в многозадачном режиме и быстро решать проблемы»[672].

Татарские интеллектуалы и общественные деятели акцентируют внимание на вызовах современности. Так, использование татарского языка в новейших коммуникационных технологиях носит пока ограниченный характер, несмотря на то, что предпринимаются меры по переводу операционных систем с английского и русского на татарский язык, создаются клавиатурные раскладки, содержащие буквы, которых нет в русском алфавите.

Однако базовым условием повышения языковой компетенции и особенно среди татар является семья, которая репрезентируется в выступлениях чиновников как базовый сегмент языковой политики. Так, депутат Госдумы РФ от Татарстана Ф.С. Сибагатуллин подчеркивает: *«Если дома нет общения на татарском языке, как можно научить татарскому языку в школе за три занятия в неделю? Отец с матерью языка не знают, татарскую литературу, прессу не читают, татарскую музыку не слушают, откуда, как можно привить любовь к родному языку, каким образом увлечь ребенка?»*[673]. Председатель Комитета Госсовета по культуре, науке, образованию и национальным вопросам Р.И. Валеев высказывается в том же духе: *«Самая главная задача – организовать народ на самосохранение, изучение родного языка, воспитание детей в национальных традициях – не*

---

[672] *Паймакова М.* Знать несколько языков – это плохо для русских? // Татарская трибуна, 16.09.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://tatar-tribun.ru/kultur-multur /9347.html (дата обращения 23.05.2014).

[673] *Бикмухамметова Р.* Фатих Сибагатуллин: «Путин с меня пример взял! Взял да и развелся» // Бизнес Online, 20.07.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/84398/ (дата обращения 13.05.2014).

ставилась и не решалась. Зачастую эффективность мероприятий очень низкая. Нужно воздействовать на сознание людей, чтобы они сами сохраняли самобытность, передавали молодежи культуру и язык»[674].

В репрезентациях республиканскими СМИ темы, связанной с сохранением и развитием татарской культуры и языка делается ставка на активность самого татарского сообщества. Так, в СМИ получает отражение один из стратегических аспектов выполнения миссии Татарстана – формирование плотной коммуникационной сети в татарском сообществе. Его значимость подкрепляется тем, что активным субъектом здесь выступает сам Президент Татарстана Р.Н. Минниханов. Как правило, все его поездки и встречи с татарскими общинами за рубежом получают отражение в официальных и неофициальных источниках[675]. Как правило, на таких встречах говорится о важности поддержания связи с исторической родиной, сохранении национальной религии и культуры, важности воспитания молодежи в духе национальных традиций. *«Главное – суметь не потерять свою духовную близость к исторической родине, своим корням, – обратился к собравшимся Рустам Минниханов. – Руководством республики предпринимаются все меры для поддержания связей с выходцами из Татарстана. Внедрен образовательный проект «Ана теле», запущен спутниковый телеканал «ТНВ-Планета», на постоянной основе работает Всемирный Конгресс татар»*[676]. Здесь следует отметить, что именно языковой проект «Ана теле» позиционируется в республиканских СМИ в качестве одного из перспективных проектов. В материалах СМИ подробно описывались задачи образовательного сайта, его структура и уроки, а также

---

[674] Всемирный конгресс татар: 20 лет спустя // Бизнес Online, 06.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/71372/ (дата обращения 12.05.2014).

[675] Президент Татарстана в Японии поговорил с советником премьера и с местными татарами // ИА REGNUM, 20.03.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.regnum.ru /news/1780902.html#ixzz2zF3stUi5 (дата обращения 24.04.2014).

[676] Там же.

отмечался глобальный характер проекта[677]. Характерной чертой, такого рода публикаций является подчеркивание приверженности корням у тех татар, что оторваны от исторической родины и живут в инокультурном окружении: «*В настоящее время татар в Финляндии всего около 700 человек. Но, несмотря на небольшую численность, из всех зарубежных татарских диаспор она по-прежнему остается наиболее активной, самодостаточной и сплоченной. Однако за 130 лет жизни в Финляндии татары сохранили в чистоте религию, язык и культуру»*[678]. Такого рода акценты приводятся не только в качестве назидания татарам, живущим в республике, но и призваны поднять престиж родной культуры и языка, коль скоро татары, живущие в более развитых странах Запада, чтят и сохраняют их.

Имидж республики, как успешного этнического проекта в рамках Российской Федерации был активно использован в переговорах с крымскими татарами в ходе мероприятий по присоединению Крыма к России. В своем выступлении на Курултае меджлиса крымско-татарского народа в 2014г. Р.Н. Минниханов подчеркивал роль Татарстана в сохранении языка и культуры для всех татар РФ: *«Только 30 процентов российских татар проживают на территории Татарстана. Тем не менее, мы считаем, что наша республика – одна из продвинутых республик. Мы себя чувствуем достаточно комфортно, у нас свой язык, свои школы. Мы активно работаем с нашими татарами за пределами нашего региона и за пределами нашего государства. И я надеюсь, что тот опыт, который есть в Татарстане, он мог бы быть приемлем в выстраивании отношений в рамках российского государства»*[679].

---

[677] Сегодня в Татарстане открывается государственная online-школа татарского языка «Ана Теле» // Бизнес Online, 04.02.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/74454/ (дата обращения 20.04.2014).

[678] Равиль Ахметшин и имам мусульманской общины Финляндии обсудили вопрос сохранения национальной идентичности// eТатар.ru, 20.02.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/news/42276 (дата обращения 25.04.2014).

[679] Рустам Минниханов: «Многие до конца не осознают, почему крымские татары отстаивают свои интересы» // Бизнес Online, 29.03.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/100652/ (дата обращения 28.04.2014).

В репрезентации языковой политики в республиканских СМИ отводится значимое место поиску новых путей развития национальной культуры татар. Например, развитие татарской мультипликации, которая призвана решить несколько задач в контексте сохранения и воспроизводства татарского языка и культуры. Их первостепенная значимость в том, что их целевая аудитория – дети: усвоение родного языка с детства в яркой и привлекательной форме призвано решить не только задачи повышения и расширения языковой компетенции, но и введения в повседневный оборот персонажей этнической культуры. Важно отметить и то, что задача развития татарской культуры не подается в изоляционистском ключе, напротив, здесь подчеркивается универсальный характер культуры, а также и то, что такого рода мультфильмы будут способствовать освоению татарского языка детьми разных национальностей в увлекательной форме. Продюсер и сценарист мультфильма А. Ганиев отмечает: *«Хотя мультфильмы и были нарисованы по мотивам стихов татарского поэта, это не значит, что их не будут смотреть дети других национальностей. То чему учат наши мультфильмы, абсолютно универсально. Это любовь к своей родине, бережное отношение к природе и братьям нашим меньшим, уважение к старшим»*[680].

Другое направление языковой политики связано с развитием детской досуговой среды с татарским контентом: все большую популярность приобретают развлекательные центры и учреждения, использующие татарский фольклор, героев из произведений татарских писателей и поэтов-классиков: персонажами детских праздников становятся не Спайдермен или Бетмэн, а Шүрәле, Су анасы и др. Дети играют в излюбленные народные татарские игры «Йөзексалыш», «Гөлбану», «Гөрләвек»[681].

На освоение детьми татарского языка направлен ряд издательских проектов. Руководить ИД «Хасан» Г. Хасанова так объяснила инициативу

---

[680] В Казани прошла премьера мультфильма «Шурале» // Бизнес Online, 24.04.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/79185/ (дата обращения 24.04.2014).

[681] *Таразова З.* Татарская индустрия детства // eТатар.ru, 14.09.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/top/43741 (дата обращения 27.04.2014).

своей организации: *«Издательский дом «Хасан» на днях выпустил Плакат с алфавитом татарского языка. Мы изучили рынок и пришли к мнению, подобных алфавитов у нас в Казани, как ни странно, нет. Уже сейчас мы планируем сделать кубики с буквами татарского алфавита, к ним, как полагается, напишем и слова на татарском языке»*[682]. Сотрудники детского журнала «Салават купере» инициировали создание электронного издания «Tamle tel» для детей от 2 до 9 лет. Журнал нацелен не только на игровой формат освоения татарского языка, но и на общее развитие ребенка[683].

Нацеленность правительства РТ на поиск эффективных форм повышения языковой компетенции воплощается в формировании соответствующей институциональной среды. Особое внимание уделяется инфраструктуре для детей и молодежи. Так, политика Министерства образования и науки РТ, направленная на повышение языковой компетенции среди детей дошкольного возраста, сопровождается информационной поддержкой. Открытие татароязычного детского сада в Московском районе г. Казани освещалось материалами с заголовками: «Рустам Минниханов и Ильсур Метшин открыли новый детский сад в Казани с обучением на татарском языке»[684], «В Казани открылся очередной детский сад с обучением на татарском»[685], «В Казани открылся новый детский сад с обучением и воспитанием на татарском языке»[686].

Внеучебная татароязычная среда поддерживается и такими досуговыми институциями, как школьные и молодежные летние лагеря. Лидером такого рода организаций в Татарстане является молодежный лагерь «Сәләт»,

---

[682] Там же.

[683] *Газизова А.* Уж очень вкусный татарский // Республика Татарстан, 06.05.2012, №88 (27245). [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-nau-32976/ (дата обращения 25.04.2018).

[684] Минниханов и Метшин открыли новый детский сад в Казани с обучением на татарском языке // Бизнес Online, 27.01.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/96091/ (дата обращения 27.04.2014).

[685] В Казани открылся очередной детский сад с обучением на татарском // ИА REGNUM, 27.01.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/ 1759029 .html#ixzz 32WHXTHBN (дата обращения 26.04.2014).

[686] Там же.

который довольно часто репрезентируется в республиканском информационном поле именно в связи с вопросами языковой компетенции. Материалы СМИ свидетельствуют об изменениях в целевой аудитории организации: от татар с разной языковой компетенцией – к молодежи разных этнических групп, но с неизменным сохранением основополагающего условия: желания учить и знать татарский язык.

Одним из известных молодежных проектов по развитию татарской городской культуры является клуб «Калеб», творческие мероприятия которого довольно часто освещаются в республиканских СМИ[687]. На страницах изданий довольно часто заявляет о себе молодежное движение «Мин татарча сөйләшәм!» («Я говорю по-татарски!»), стремящееся, используя интерактивные формы, популяризировать татарский язык в повседневном общении, расширять границы его использования. Репрезентация в СМИ инициатив современной татарской молодежи в поиске новых подходов для расширения функциональной сферы татарского языка, использование для этого новых коммуникационных технологий – призвана свидетельствовать об определенных результатах языковой политики в Татарстане.

В заключение отметим ключевую роль региональных СМИ как в формировании языковой политики в РТ, так и в обсуждении ее результатов и проблем. Наиболее резонансной стала тема татарского языка в школе. После принятия Закона о языках РТ в 1992г., он, в статусе государственного, был введен в качестве обязательного языка для изучения в образовательной системе РТ. Однако превышение часов на его изучение в сравнении с русским языком в школе; низкий уровень методического обеспечения и подготовки основного состава учителей татарского языка – стали причиной недовольства среди русских и части русскоязычных татар. Отсутствие эффективной дискуссионной площадки по проблемам преподавания

---

[687] *Кручина О.* Испытание Ахматовой, или Почему старушка рассердилась // Республика Татарстан, 03.12.2013, №181 (27598). [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-kult-10108485/ (дата обращения 26.04.2018).

татарского языка в школе в информационном поле, административный стиль реагирования на недовольство стимулировали активность сетевого взаимодействия родителей учащихся в Интернете и привели, в конечном счете, к языковому конфликту 2017г.

Таким образом, республиканские СМИ, выполнявшие роль инструмента формирования политики языка, реализовали информационную и легитимирующую языковую политику функции и лишь в незначительной степени – коммуникатора по разрешению проблем в этноязыковой сфере в треугольнике «государство – СМИ – общество».

Выводы по Главе 4

1. Тема языка этнической группы, дающей название республики, в политике идентичности Татарстана выполняет стержневую функцию. При этом ее актуальность имеет глубокие социальные основания, связанные со значимостью языка, как на уровне личностной самоидентификации татар, так и на уровне групповой идентичности. Этноязыковую ситуацию в РТ формируют: интересы основных этнических групп (русских и татар), проживающих на территории республики; языковая политика правительства РТ; федеральная этнополитика; конъюнктура глобализационных процессов.

2. Политизация этноязыкового вопроса в Татарстане 1990-х гг. имела два основания. Первое было связано со статусным неравенством русского и татарского языков на территории Татарсткой АССР, сложившимся в ходе советской модернизации, оттеснившей языки национальных меньшинств на периферию социокультурной коммуникации. Сложившееся этноязыковое неравенство: а) затрудняло социальную мобильность носителей татарского языка – сельчан, получавших образование на родном языке, и вследствие этого имевших ограничения при поступлении в русскоязычные вузы и техникумы; б) создавало у них ощущение «второсортности» национальной культуры и языка. Эти обстоятельства стали объединяющим опытом значимой части татар, составивших социальную базу этнонациональной идеологии. Таким образом, решение политической элитой РТ вопросов по

сохранению и развитию татарского языка и культуры явилось ответом на низовой запрос татар республики. Наряду с этим, формирование постсоветской идентичности Татарстана, как этнополитического и этнокультурного центра для дисперсно расселенных татар по территории РФ было связано и с реализацией этнокультурных интересов этой второй по численности в России этнической группы. Вторым фактором политизации языковой темы явилась конструктивистская деятельность властной и «символьной» элит, использовавших этнический фактор в легитимации властных полномочий в новых политических условиях.

3. Результатом языковой политики, как составной части региональной политики идентичности, проводимой политической элитой, явилось выравнивание статуса татарского языка через придание ему статуса государственного, наряду с русским языком на территории респбулики. Принятый правительством Татарстана Закон о языках, введение татарского языка в систему школьного, среднего специального и отчасти высшего образования и другие формы поддержки татарского языка в республике привели к снижению недовольства среди татар. В то же время, введение татарского языка как обязательного предмета в школьную программу со значительным увеличением объема учебных часов, вызвало сопротивление части русских, не желающих изучать второй государственный язык республики, что отчасти связано с дефицитом времени, большой нагрузкой на школьников; с ограниченной сферой функционирования татарского языка и несовершенством учебно-методической литературы.

4. На этноязыковые процессы в постсоветском Татарстане оказывает влияние и языковая конкуренция. Специфика трендов ее развития – в меняющейся политической и этнокультурной ситуации, в изменении рынка труда, а также в усиливающемся влиянии глобализации и обновлении средств массовой коммуникации. В бóльшей мере языковая конкуренция оказывает влияние на языковые ориентации и поведение молодежи. Языковые стратегии молодежи в разрезе этнических групп имеют как общие

черты, так и различия. Общим, как для русской, так и для татарской молодежи является отношение к русскому и английскому языкам. Повышенное внимание к последнему определяется его ролью на рынке труда, в международной коммуникации, туризме, культурными запросами. Русский язык воспринимается как государственный язык Российской Федерации, как язык общения и язык социальной мобильности (получение образования, профессиональная деятельность), а также воспринимается молодежью, как показатель образованности, уровня развития человека. Отношение к татарскому языку – дифференцированное. Так, русская молодежь в качестве мотивационного основания отмечает государственный статус татарского языка и его роль в межэтнической коммуникации. Среди татарской молодежи языковая компетенция ощутимо повысилась, так же как и престиж языка, возросший с укреплением статуса республики и ее лидирующего положения среди других субъектов РФ. Однако, мотивация к его изучению среди русской и татарской молодежи сильно снижается в связи с ограниченностью его использования в образовательных учреждениях и на рынке труда.

5. Репрезентация темы двуязычия в республиканских СМИ и Интернет-ресурсах формируется из перспектив трех участников коммуникационного процесса: власти РТ и федеральных чиновников, татарской и русской интеллигенции. Ключевыми составляющими официального дискурса языковой политики являются идеологемы равенства русского и татарского языков в республике, значимости и важности любого языка в развитии личности и общества; акцентирование духовных и инструментальных ресурсов билингвизма.

6. Неофициальные СМИ поднимают болезненные темы этноязыковой ситуации, связанные с протестным движением русскоязычных родителей, не желающих обучать своих детей татарскому языку и требующих отмены уроков татарского языка в обязательной части образоваетльной программы в школах РТ – с одной стороны; и - встречного движения родителей детей-

татар за сохранение татарского языка в школах. Контролируемое редакциями республиканских СМИ поле дискуссий дополняется свободным пространством Интернета, где противостояние родителей принимает конфликтные формы. До июля 2017 г. названные протестные движения мало отражались на языковой политике республиканской власти.

7. Стимулирующим фактором повышенного внимания к татарскому языку и культуре стало влияние глобализации, интерпретирующей этничность как самобытность оригинальность. Мега-события, прошедшие в республике с этнокультурной составляющей (празднование 1000-летия Казани, Универсиада – 2013, 16-й Чемпионат мира ФИНА по водным видам спорта – 2015 и т.п.) повысили престиж и интерес к татарской культуре и языку. На этом фоне выделяется активность татарской творческой молодежи, стремящейся придать новый импульс и новое прочтение этнической культуре и традиции в рамках творческих объединений, клубов, свободных коммуникационных пространств. Распространению нового тренда способствуют развивающиеся коммуникационные технологии: национальные Интернет-ресурсы и сетевое общение татарской молодежи, активно использующей татарский язык.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие государств современного мира все больше определяется идентификационными процессами, формирующимися: а) на макро-уровне – в виде политической идентичности государства; б) на мезо-уровне – региональных идентичностей его субъектов; в) на микро-уровне – индивидуальных и групповых идентичностей его граждан. Сегодня конвенциональные модели прежних идентичностей, действовавших в индустриальных обществах и национальных государствах эпохи Модерна претерпевают изменения. Глобализация, стимулирующая динамику миграционных потоков и развитие все более совершенных средств массовой коммуникации, делает доступным для людей огромный спектр идентичностей, которые наряду с адаптационными функциями для их носителей способны оказывать деструктивные воздействия, а также угрожать стабильности сообществ и государств. В связи с этим, для современных государств одним из приоритетных направлений становится формирование и реализация политики идентичности, целью которой является интеграция национального сообщества, поиск оснований для гражданской солидарности.

События последней четверти века в постсоветской России продемонстрировали силу и значимость этнического фактора в политической и этнокультурной жизни страны. Несмотря на увеличивающееся разнообразие идентификаций, этническая идентичность демонстрирует устойчивость, актуализируясь в наиболее сложные периоды развития общества. В России, как и во многих западных обществах, этничность имеет наложение на региональный компонент государственного устройства. Этот фактор становится основанием ее политизации и объектом внимания политиков и ученых, которые отмечают влияние, что «стремительная политизация этничности, возрастание этнической и конфессиональной ксенофобии способны вызвать разрушительные последствия, как для национальной, так и для международной безопасности в будущем, особенно

если они сопряжены с незнанием и непониманием истоков и содержания существующих этнополитических проблем» [688]. Именно с этим, по мнению экспертов, связано то, что проблемы нациестроительства и политики идентичности, поиск рациональной формулы сосуществования этнических общностей в границах одного национального государства в ответ на вызовы увеличивающихся миграционных потоков, реалий информационного общества составляют в настоящее время один из центральных пунктов в общественной мысли[689].

Историческая закономерность актуализации этнического фактора в поле политики России в условиях общественной трансформации и маятниковый характер активизации национальных меньшинств и доминирующего этнического большинства являются перманентной угрозой целостности государства и стабильности его развития. Поэтому исследование этнополитических процессов в субъектах федерации в их связи с экономическими, социальными и этнокультурными факторами; изучение их главного субъекта – региональной политической элиты – становится залогом успешной национальной политики государства, что в свою очередь, актуализирует научную составляющую оценки состояния межэтнического климата в стране и процесса интеграции многокультурного населения страны в единую российскую нацию.

Завершив анализ динамики политики идентичности в одном из показательных регионов Российской Федерации – национальной республике Татарстан, необходимо подвести итоги проведенной работы и сформулировать выводы теоретического и научно-практического плана.

Теоретико-методологические аспекты

---

[688] *Ачкасов В. А.* Этнополитология : учебник для бакалавров / В.А. Ачкасов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2014. — 495 с. — Серия : Бакалавр. Углубленный курс. – С. 7-8.

[689] *Семененко И.С.* Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения, 2015, №11. С. 91 – 102.URL.: https://www.imemo.ru/files/File/magazines /meimo/11_2015/91_102_SEMENENKO.pdf (дата обращения 20.07.2017)

1. В диссертации, опирающейся на теоретические положения отечественных и зарубежных ученых, были проанализированы основные теоретико-методологические проблемы изучения процесса политики идентичности в регионах многонационального государства, каковым является Российская Федерация, что, по мнению автора, является актуальным и важным, прежде всего, для активно развивающегося в последнее десятилетие направления этнополитологии. Этнополитология, как отрасль обществоведения предоставляет широкие возможности для многоаспектного изучения проявлений этничности в поле политики. Применение наряду с классическими методами политологии, концептуальных подходов таких социальных наук, как этнология, социология, история, этнопсихология помогает найти наиболее чувствительный инструментарий для анализа переменных, формирующих специфику этнополитических процессов в зависимости от политических, экономических, этнокультурных и психологических факторов с учетом их динамики.

2. *Разработка методологических подходов* для исследования политики идентичности – один из важных итогов данной работы. Анализ ключевого для настоящего исследования концепта «политики идентичности» был связан с поиском операциональных категорий, позволяющих наиболее полно исследовать динамику этнического фактора в региональной политике идентичности. Нами был выделен ряд рабочих инструментов, позволивших охватить весь спектр направлений формирования политики идентичности. Так, нами были использованы концепты: *«символическая политика», «политика памяти», «этнополитический конфликт», «этнокультурная идентичность», «язык этнической/ национальной общности», «языковая политика», «дискурс начионального самоопределния»*.

3. Положение о дискурсивной природе национализма стимулировало автора к разработке и применению в качестве операциональной категории понятие *«дискурса национального самоопределения»* (ДНС). Его

использование показало ряд, преимуществ перед обычно практикуемым для анализа этнополитических процессов понятием: «этнонационалистическая идеология», поскольку включило в себя совокупность понятий и практик, связанных с проявлением этничности в поле политики и общественной жизни, субъектно-объектные отношения агентов-конструкторов и агентов-адресатов социальной инженерии в политической сфере. Важным для анализа оказалось и то, что имея процессуальную основу, понятие «ДНС» помогло адекватно проанализировать идентификационные процессы в зависимости от исторического и социально-политического контекста. Наряду с этим, использование данной категории позволило проследить значимость ДНС в формировании политики идентичности национальной республики, в конструктивистской деятельности политических элит; в институционализации этничности на государственном уровне; в групповой идентификации и использовании этнического фактора в мобилизации этнических групп для участия в различных формах политической активности.

4. На материале конкретного политологического исследования автору удалось показать, что ДНС:

– структурирует сознание людей, закрепляя сопряженность этничности, культуры и политики;

– используется в политике идентичности национальной республики в качестве формулы, имеющей международный статус, для решения, как этнокультурных, так и социально-экономических проблем;

– по-разному используется различными группами элит и управляет массовым сознанием в зависимости от складывающейся социально-политической конъюнктуры.

5. Примененный автором дискурс-анализ Э. Лакло и Ш. Муфф для исследования политики идентичности и этнополитических процессов в постсоветском Татарстане показал, что решение исследовательской задачи с использованием постструктуралистской парадигмы подтверждает

концептуальные положения авторитетных отечественных исследователей этничности в сфере политики: позицию В.А. Тишкова, который рассматривает идентичность, как процесс социального конституирования «воображаемых общностей», основанных на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями. На основе эмпирического исследования автору удалось проследить состязательную и множественную природу идентичности, выстраиваемую в итоге диалога и властных отношений между группами, между группой и государством. Наряду с этим, исследование показало соотнесенность содержания дискурса национального самоопределения *со структурными компонентами этнической идентичности,* выделенными Л.М. Дробижевой, сохраняющими, несмотря на глобализационные процессы, стабильность. Среди них: *чувство принадлежности к своему народу, представление о своей территории, общем происхождении, культуре, языке, истории, психологических чертах и интересах народа.* Именно эти компоненты составляют суть этничности, реифицированной в ходе повседневных практик под воздействием институтов и агентов-конструкторов социальной реальности: государства, государственной бюрократии, «символьной» элиты, средств массовой информации.

Научно-практические аспекты

1. Исследуемый случай с Республикой Татарстан позволил выявить универсальные и специфические черты политики идентичности как процесса легитимации власти в условиях этнополитических конфликтов в национальных республиках федерации в период общественной трансформации 1990-х гг. Названный кейс продемонстрировал разрешение кризисов модернизации (среди которых: кризис идентичности, кризис легитимности, кризис политического участия, кризис распределения и государственного проникновения) как попытку политических систем адекватно реализовать функции равенства, способности и адаптации. Важная функция при этом, как показало исследование, принадлежит политическим

элитам региона и федерального центра, которые должны решить комплекс проблем, с целью модернизации политических инструментов управления обществом и правил его жизнедеятельности в период перехода от одной общественно-политической формации к другой. Наряду с этим, политика идентичности регионов и центра мотивируется узко-групповыми интересами властных элит, преследующими максимизацию властных и экономических ресурсов.

2. В рамках проведенного исследования получила подтверждение сформулированная автором гипотеза о том, что этнический фактор наиболее активно проявляет себя в условиях социально-политической трансформации полиэтнического государства, как реакция на реальные или мнимые (в представлении этнических общностей) проявления социального и этнокультурного неравенства по осям «центр – национальная республика»; «этническое большинство и этническое меньшинство». При этом в качестве политического инструмента региональными элитами используется исторически апробированный и институционально закрепленный международным сообществом дискурс национального самоопределения.

3. Исследование также подтвердило и гипотезу-следствие, согласно которой, актуализация этнического фактора в период социальной трансформации стимулируется не только нерешенностью национального вопроса в сфере культуры и языка, но и социально-экономическими проблемами. Так, к началу перестройки, во второй половине 1980-х гг. политическая элита ТАССР интерпретировала неравенство как дефицит полномочий в обеспечении внутренних вопросов развития региона; население региона болезненно воспринимало неравенство между центром и регионом в уровне социально-экономического и этнокультурного развития. В условиях конкуренции с центром и другими субъектами федерации в кризисной ситуации 1990-х гг., социально-экономический аспект политики идентичности Татарстана (развитие рыночного сектора экономики, поддержка малого и среднего бизнеса, нейтрализация негативных

последствий социального кризиса для населения региона) выступал в качестве ведущего наряду с этнокультурной составляющей, усиливая целесообразность последней в торге с центром за преференции.

4. Исследование динамики политики идентичности в Республике Татарстан за последнюю четверть века позволило выявить переменные факторы, оказывающие влияние на смену типов региональной идентичности – с эксклюзивной – на инклюзивную (по типологии предложенной Е.Ю. Цумаровой[690]). Так, в работе доказано, что смена типов идентичности обусловлена не только укреплением властной вертикали со стороны центра, но и с согласованным решением усилиями федеральной и региональной элит проблем в политико-управленческой сфере (перераспределение ресурсов, изменения в государственной инвестиционной и налоговой политике, совершенствование политики в сфере культуры и языка).

5. Исследование динамики этнополитических и этнокультурных процессов и содержания политики идентичности в Республики Татарстан на протяжении последней четверти века подтвердило гипотезу второго уровня, согласно которой дискурс политики идентичности, генерируемый региональными элитами, может наполняться конфронтационным, или, наоборот, интеграционным содержанием в зависимости от реализации интересов центра и региона, и характера взаимодействия между их политическими элитами. Региональный ДНС испытывает влияние идеологического дискурса центральной власти и при достижении элитами политического консенсуса меняет идеологическую направленность при неизменном этнокультурном содержании.

6. Исследование взаимовлияния политики и этничности на примере Республики Татарстан в контексте взаимодействия «федеральный центр – национальная республика» продемонстрировало, что маркеры культурных

---

[690] Первая из них предполагает формирование представлений о региональном «мы-сообществе», которое противопоставляется национальному сообществу. Вторая – направлена на гармонизацию представлений о региональном и национальном сообществах, регион рассматривается как часть более крупного сообщества. См.: *Цумарова Е.Ю.* Политика идентичности в регионах России. Указ. соч. С. 14-15.

границ активно конструируются и получают интерпретацию в символической политике и политике памяти в зависимости от конъюнктуры политического, экономического, этнокультурного процессов в период социальной трансформации в зависимости от интересов элитных групп. Но при этом идеологические скрепы формируемого ими дискурса опираются на представления этнических групп о реальных или мнимых формах социально-экономического и этнокультурного неравенства. Культурные границы актуализируются в массовом сознании через этнические и религиозные ценности, оппозицию «мы-они», активно использующимися элитами в символической политике и политике памяти, которые выполняет функцию мобилизации этнических групп для социальной и политической активности.

7. Исследование действия этнического фактора в поле политики на примере Республики Татарстан показало, что степень конфликтности этнического фактора в сфере политики измеряется рядом параметров:

– уровнем культурной и социальной дистанции между соседствующими этническими группами;

– содержанием официального и оппозиционных дискурсов об истории их взаимодействия;

– спецификой социально-профессиональной структуры этнических групп и их положением на рынке труда, а также в модернизационно ориентированных или престижных нишах занятости;

– спецификой реальной и мнимой дискриминации этнического меньшинства на уровне государства и на уровне повседневного взаимодействия этнических групп;

– общностью интересов этнических групп и возможностями их реализации на уровне субъекта и федерации в целом;

– проводимой властной и «символьной» элитами политики памяти, символической и языковой политики и содержанием конструируемых ими дискурсов;

– спецификой и возможностями коммуникационных технологий в ретрансляции, интерпретации и ре-интерпретации дискурсов.

Исследование *места и роли региональной и федеральной элит в процессе формирования и реализации политики идентичности* постсоветского Татарстана на протяжении последней четверти века позволило сделать следующие выводы:

1. Изучение процесса конструирования политики идентичности в республике показало, что функции политической и «символьной» элит в период активной социальной трансформации различаются: политическая элита задает вектор посредством формирования идеологии развития региона. «Символьная» элита формирует ценностно-смысловой континуум идеологического проекта власти в символической политике и политике памяти посредством селекции исторических символов и ценностей, имеющих потенциал для этнической мобилизации населения региона в целях легитимации власти и формирования социальной базы поддерживающей властный курс.

2. Влиятельность и сила региональной элиты по-разному реализуется в зависимости от социально-политической ситуации макро- и мезоуровней. Так, в условиях слабости центра региональные элиты претендуют и приватизируют максимально возможный объем властных ресурсов и способны диктовать свои правила центру (ситуация в период правления Б.Н. Ельцина). В условиях сильного центра реализуется другой сценарий взаимодействия, в зависимости от поведения сильной федеральной власти: либо подавление и жесткое администрирование, либо – партнерские и доверительные отношения (ситуация в период правления В.В. Путина).

3. Проведенное исследование режима взаимодействия региональной и федеральной элит показало влиятельность факторов разного порядка на его характер. Так, комплекс нерешенных социально-экономических и этнокультурных проблем региона в условиях аномии центральной власти усиливает позиции региональных элит и формирует деструктивный сценарий

коммуникации между регионом и центром. Усиление центральной власти, сопровождающееся последовательной стратегией на установление упорядоченных отношений «центр-регион», с реализацией взаимовыгодных доверительных отношений между политическими элитами федерального центра и региона; укрепление национального единства путем интеграции этнических меньшинств в единую российскую нацию формирует интегративный сценарий, устанавливая непротиворечивое соотношение общенациональной идентичности и этнокультурных идентичностей народов Российской Федерации.

4. Проведенное автором исследование подтвердило, что выбор региональными элитами идеологических оснований политики идентичности определяется рядом факторов, имеющих статус констант и переменных. К разряду первых следует отнести институционализированную в ходе советского государственного строительства этничность, реифицированную на уровне государственных институций и массового сознания. К разряду вторых относятся зависимые переменные, включающие: а) инерционную составляющую (результаты советской модернизации в сфере этничности и национальной политики), б) динамическую составляющую (влияние политической конъюнктуры конкретного этапа постсоветской общественной трансформации в России). Способы и идеологическое обоснование стратегии легитимации политической элиты в качестве субъекта власти в национальных республиках формируются из доступного арсенала исторического и культурного багажа этнической группы, дающей название республики.

5. Проведенное исследование подтвердило, что дискурс национального самоопределения, формировавший дизайн региональной политики идентичности Татарстана в 1990-е гг., получил актуальность и легитимность на уровне элиты и жителей республики, как ответ на сформировавшиеся в советский период формы социального неравенства, связанные: а) с низким уровнем социально-экономической обеспеченности региона; б) с

отсутствием паритетности в статусах общесоветской культуры и национальной культуры и языка татар. Актуализация дискурса обеспечивалась и внешними стимулами: политическим трендом национализма на всем постсоветском пространстве; сложностью социально-экономического положения, как самого региона, так и страны в целом; слабостью центральной власти, обусловленной внутриэлитными конфликтами.

6. Исследование политики идентичности и в ее рамках символической политики в постсоветском Татарстане подтвердило, что дискурс национального самоопределения является ситуативным политическим инструментом, используемым региональной элитой для переформатирования идентичности региона в рамках федерации в целях максимизации имеющихся ресурсов и привлечения новых – для обеспечения социально-экономической стабильности и дальнейшего развития региона, а также для реализации своих внутригрупповых интересов в качестве политической бюрократии.

7. Проведенное исследование доказало, что на девальвацию дискурса национального самоопределения в качестве региональной идеологии влияют такие переменные, как: а) курс федерального правительства на централизацию, сочетающий укрепление национального единства с адекватным реагированием на нужды регионов, с интенцией поддержки инициативы снизу наряду, с делегированием ответственности за социально-экономическое развитие регионов; б) политика компромисса в перераспределении полномочий по оси «центр-регион» между элитами центра и региона; в) решение насущных задач социально-экономического развития республики в рамках полученных от центра полномочий; г) обеспечение паритетности статусов общероссийской культуры и русского языка со статусом культуры и языка этнической группы, дающей название республике; д) климат межнационального взаимодействия между основными этническими группами региона.

Изучение *механизмов формирования политики идентичности посредством символической политики и политики памяти* реализовалось в рамках настоящей работы путем анализа республиканских СМИ в качестве идеологического инструмента в руках политической и «символьной» элит РТ.

1. На основе анализа деятельности республиканских СМИ, в период с 1990-х по 2016 гг., автором был выявлен, зафиксирован, структурирован, проанализирован и представлен научной общественности большой эмпирический материал, послуживший строительным материалом политики памяти и символической политики региональной элиты. Выявленные структурные компоненты этой политики продемонстрировали приемы конструирования республиканских и этнических идеологем, направленных на мобилизацию этнической и гражданской идентичности. Исследование контента республиканских СМИ выявило ситуативный характер конфликтной или интеграционной направленности в ретрансляции этнической информации в контексте формирования политики идентичности, в зависимости от политической конъюнктуры в стране и от взаимодействия элит региона и центра.

2. На основе анализа республиканских изданий разной идеологической направленности были рассмотрены основные направления, приемы, формы и методы конструирования дискурса политики идентичности Татарстана в различающиеся периоды новейшей истории Российской Федерации: центробежный (1990-е гг.) и центростремительный (2000 г. по настоящее время). Анализ информационного поля показал чувствительность республиканских масс-медиа к политической конъюнктуре взаимодействия между федеральным центром и республикой.

3. Изучение республиканской прессы в период укрепления республиканского суверенитета позволил выявить механизмы двухуровневой консолидации населения Татарстана, соответствующих конъюнктуре общественной проблемы и ее адресату. Так, проблема социально-

экономического неравенства, низкого уровня обеспеченности, являясь актуальной для всего населения РТ, адресовалась всем жителям республики. Проблема этнокультурного неравенства адресовалась этнической группе, дающей название республике – татарам, которые представлялись в публикациях как «народ – жертва» колонизаторской политики российского государства, что вводило в социальный контекст негативную коннотацию оппозиции «мы-они» и политизировало этничность. Дискурсивные технологии включали использование пропагандистских приемов преувеличения потерь «своей стороны» и замалчивание положительных аспектов в истории сосуществования соседствующих народов. Структурные компоненты этнической идентичности подавались чаще в политизированном ключе, сопровождаясь при этом оценочностью и эмоциями (чувством обиды, возмущения, беспокойства, уязвленной гордости, комплексом жертвы и т.п.).

4. Исследование информационного поля в 1990-е гг. показало, что республиканская идентичность формировалась на противопоставлении общероссийской идентичности такими приемами, как: а) акцентуация положительных характеристик татарстанцев (трудолюбивые, гостеприимные, честные и т.п.); б) подчеркивание стабильной ситуации у себя в республике в противовес неблагополучной ситуации в других российских регионах; демонстрация успеха на международной арене; в) использование республиканской государственной символики, упоминание республиканской атрибутики, исторической и этнической символики. В этот период акцентируется отличающийся от советской модели новый формат отношений между центром и регионом – партнерский.

5. Таким образом, была выявлена дезинтеграционная роль исследуемых изданий в формировании единого полиэтнического сообщества в республике в период противостояния республики и центра. Однако здесь важно отметить, что дезинтеграционный потенциал существенно не повлиял на межкультурную коммуникацию между русскими и татарами в республике в 1990-е годы, поскольку основная масса материалов с конфликтным

содержанием публиковалась в татароязычных СМИ, недоступных в силу языкового барьера русскоязычному населению республики.

Проведенное исследование показало, что *языковой вопрос в политике идентичности* выполняет стрежневую функцию, формируя региональную *языковую политику*. Однако его актуализация диктуется различающимися мотивациями со стороны субъектов и объектов политики идентичности.

1. Так, для предствителей этнической группы, дающей название республике – татар – проблема сохранения родного языка и культуры сопряжена с вопросом сохранения и развития этнокультурной идентичности. Для «символьной» элиты язык и культура являются основой формирования картины мира и профессионального творчества, а также основанием коллективной идентичности народа. Для политической элиты – языковой вопрос несет в себе преимущественно инструментальную функцию, направленную на поддержании групповой идентичности представителей этнической группы, дающей название республике, выступающую в качестве основы легитимности ее властных полномочий, как на территории региона, так и на уровне федерации. При этом, несмотря на различия в мотивационных основаниях, названные социальные группы продемонстрировали высокую степень согласованности в этноидентификационных процессах.

2. Проведенное исследование подтвердило гипотезу-следствие, согласно которой асимметрия в развитии культуры и языка этнического большинства и этнических меньшинств в рамках единого полиэтнического государства носит инерционный характер и проявляет себя в периоды общественной трансформации. При этом значимость приобретает место культуры и языка этнического меньшинства в модернизационных процессах, их место и роль в социально-профессиональной мобильности и влияние на статусное положение представителей этнического меньшинства.

3. Анализ этнополитических и этнокультурных процессов в Татарстане показал, что вопросы культуры, языка и нации не решаются

изолированно от политики государства. Вектор национальной политики государства предопределяет диспозицию этнического большинства и меньшинств и их политического статуса. Интегрирующая их идентичность – нация может иметь различающееся смысловое наполнение: политическая общность под зонтиком доминирующего большинства; остальные народы страны в данной интерпретации становятся культурными меньшинствами. Либо равноправные этнокультурные субъекты – народы России, объединенные общегосударственной идентичностью – нация наций. Эффективность каждой из моделей определяется наличием либо отсутствием принципа равенства между ее субъектами. Неравенство генерирует социальное напряжение, которое в определенных условиях становится катализатором будущих общественных потрясений, угрожающих стабильности государства.

Исследование динамики политики идентичности на примере Республики Татарстан позволило сделать ряд выводов о влиянии на этнополитические процессы ряда факторов.

1. Сформулированная автором исследовательская гипотеза нашла свое подтверждение в том, что политика идентичности, формируемая элитами национальных республик, является неотъемлемой составной процесса складывания общероссийской идентичности и укрепления гражданского единства в условиях многонационального российского государства. Ее идеологические основания и формы реализации на уровне субъектов РФ определяют интеграционный или дезинтеграционный потенциал, как на уровне самого региона, так и всей страны. Ведущую роль в постсоветской идентификации Татарстана в 1990-е гг., также как и в других национальных республиках РФ, играл этнический фактор, что было вызвано актуализацией этничности в период кризиса идентичности, порожденного общественной трансформацией.

2. В рамках проведенного исследования автору удалось проследить сопряженность экономических и этнокультурных процессов в

этнополитической истории региона, вследствие чего этнополитические процессы демонстрируют зависимость от ряда факторов. Среди них:

– формы социального неравенства в разрезе «центр – регион»;

– наложение экономического и культурного неравенства на уровне региона усиливает их действие в поле политики между центром и субъектом;

– влияние социально-профессиональных характеристик политической и культурной элит региона, и ресурсной базы названных элит;

– режим взаимодействия властей федерального и регионального уровней: доверительный или конфронтационный;

– история сосуществования этнических общин на территории региона;

– история культурной политики власти центра по отношению к этническому меньшинству;

– влияние глобализации и глокализации на формат развития этнической культуры и языков.

3. Важным в исследовании идентификационных процессов, связанных с этничностью, стал вывод о том, что политика идентичности в национальных республиках связана со сложностью формирования регионального «мы-сообщества» среди населения региона, представленного этническими группами, ассоциирующими себя в силу этнической аффилиации с федеральным центром (русские) и регионом (этническая группа, дающая название национальной республике). Это свидетельствует о том, что данная коллизия способна создавать напряжение между общероссийской и региональной идентичностями в случаях: а) не пропорциональной представленности одной из этнических групп в представительных органах государственной власти и статусных сегментах рынка труда; б) асимметрии статусов этнических групп в социально-экономической и этнокультурной сферах; в) отсутствия согласованности в политическом взаимодействии федеральной и региональной элит.

Исследование динамики этнополитических процессов, получивших отражение в политике идентичности Татарстана за последнюю четверть века

позволяет сделать вывод о *пластичности этнического фактора* в поле политики в зависимости от интересов и стратегий федеральной и региональной элит. Анализ комплекса факторов, проявивших себя на протяжении постсоветской истории Татарстана, доказал, что этничность, выбранная региональной элитой в качестве основания политики идентичности национальной республики, не носит константный характер, ассоциирующийся с идеологией национализма. Разрешение кризисной ситуации «центр – регион» привели к нейтрализации конфликтного потенциала этничности. Наряду с этим, политика федерального правительства, направленная на укрепление общероссийской идентичности, стимулирует активное включение Татарстана в интеграционные процессы. В условиях стабильного государства этнический фактор продолжает проявлять себя, но уже не в политической, а преимущественно в этнокультурной плоскости: в качестве этнокультурного компонента республики; в позиционировании региона как центра сохранения и развития культуры татар России и всего мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1.1. Нормативно-правовые документы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (ред. от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 23 дек. №237; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 9. Ст. 851.

2. Конституция Республики Татарстан (введена в действие Законом РТ от 30 ноября 1992 г. N 1665-XII.). // Сайт Государственного Совета РТ 2016г. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.gossov .tatarstan. ru/ konstitucia/ (дата обращения 22.11.2016).

3. Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» от 29 декабря 2016г. № 1532. //Сайт Федерального агентства по делам национальностей РФ. [Электронный ресурс]. URL.: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/454/ original 1484 236417 (дата обращения 02.03.2018).

4. Договор Российской Федерации и Республики Татарстан "О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан" от 15 февраля 1994 г., заключенного на основе референдума Республики Татарстан, проведенного 21 марта 1992 г., и в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Татарстан.// Официальный сайт правительства РТ. [Электронный ресурс]. URL.: http://tatarstan.ru/documents/polnomochia.htm (дата обращения 15.06.2015).

5. Договор Российской Федерации и Республики Татарстан "О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан" утвержден Федеральным

законом от 24 июля 2007 г. N 199-ФЗ. // Официальный сайт правительства РТ. [Электронный ресурс]. URL.: http://tatarstan.ru/documents/polnomochia.htm (дата обращения 18.09.2015).

6. Доклад Премьер-министра РТ Ф.Х. Мухаметшина на Пленарной сессии Госсовета РТ 8 июля 1996 г. «О Государственной программе экономического и социального прогресса РТ и неотложных мерах по ее реализации» // Республика Татарстан: время больших перемен. – Казань, 1996. С. 20-35.

7. Ежегодное Послание Президента РТ Р.Н. Минниханова Государственному Совету Республики Татарстан. //Сайт президента Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: http://president.tatarstan.ru/news /view/1015109 (Дата обращения 25.09.2017).

8. Закон Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан» // Языковая политика в Республике Татарстан: Документы и материалы (80–90-е годы). Сост. К. М. Миннуллин, Л. Г. Шарифуллина. – Казань: Магариф, 1999. – 341 с.

9. Закон Республики Татарстан "О языках народов Республики Татарстан" N 1560-XII от 8 июля 1992 года. [Электронный ресурс]. URL.: https://edu.tatar.ru/upload/images/files/

10. Концепция государственной национальной политики в Республике Татарстан. Приложение к Указу Президента Республики Татарстан от 26 июля 2013 г. N УП-695. [Электронный ресурс]. URL.: http://docs.cntd.ru/document/ 463304054 (дата обращения 17.12.2017).

11. О Республиканской целевой программе "Русский язык в Татарстане" на 2001 — 2005 годы // Сайт Министерства образования РТ. [Электронный ресурс]. URL.: http://tatar7.info/ 2001/02/22/t64635.htm

12. О «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. №1666 [Электронный ресурс]. URL http://graph. document. kremlin.ru/ page.aspx?1;1644521 (дата обращения 23.12.2017).

13. Открытое письмо депутатов Госсовета Татарстана к президенту страны В.В. Путину в июле 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/ 3511 69 (дата обращения 29.07.2017).

14. Официальный сайт Государственного Совета РТ [Электронный ресурс]. URL.: http://www. gossov. tatarstan.ru/news/show/3466 (дата обращения 28.11.2016)

15. Послание Президента Республики Татарстан Государственному Совету РТ. – Казань, 1999. // Сайт президента Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: http://president.tatarstan.ru/news /view/ (Дата обращения 27.09.1999).

16. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России Электрон. ст. – Москва, 2018. [Электронный ресурс]. URL.:http://kremlin.ru/ events/ president / news/56957 (дата обращения 02.03.2018).

17. Постановление от 21 октября 2013 г. N 785 об утверждении Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014-2016 годы)» [Электронный ресурс]. URL.: tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_204774.rtf

18. Программа экономического и социального прогресса РТ, подготовленная по заказу Правительства РТ. // Панорама-форум. Экономическая стратегия Татарстана. – Казань, 1996. – №2(5) – 125 с.

19. Стенограмма заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле (20 июля 2017 г.) // Сайт президента России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru /events/president/news/55109. (дата обращения 22.07.2017).

20. Стенографический отчет Торжественного собрания, посвященного 25-летию становления парламентаризма в современной истории РТ (2015).// Сайт Государственного Совета Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gossov.tatarstan.ru/activity/stenogram/2015/300515

21. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: https://chistopol.tatar.ru /rus/file/Presentation_Tatarstan-2030.pdf (дата обращения 26.05.2018).

22. Указ Президента РТ от 03.07.2008 N УП-312 "Об утверждении Концепции государственной национальной политики Республики Татарстан" URL.: http://kitaphane.tatarstan.ru/legal_info/newz/natpol.htm

23. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Сайт президента России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391 (дата обращения 25.10.2016).

24. Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации" от 01.06.2005 N 53-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_53749/

1.2. Программы политических партий

25. Материалы Съезда народов Татарстана. – Казань: Татарское книжное издательство. 1993. – 151 с.

26. Программные положения партии «Ватан» // Панорама. 1991. № 3. С. 17-25.

27. Программа (платформа) Татарского общественного центра в поддержку перестройки. / Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Автор составитель Д.М. Исхаков / Под ред. М.Н. Губогло. Том 2. Современный национализм татар. М.: ЦИМО, 1998. – 290 с. С. 99-124.

28. Программа (платформа) Всесоюзного Татарского общественного центра. / Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Автор составитель Д.М. Исхаков / Под ред. М.Н. Губогло. Том 2. Современный национализм татар. М.: ЦИМО, 1998. – 290 с. С. 133-151.

1.3. Социологические исследования

29. Этносоциальные и этнодемографические процессы в ТАССР («ЭПТ» – 1989/1990 гг., N=4000; рук. Л.М. Дробижева, Д.М. Исхаков, Р.Н. Мусина).

30. Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации («НИК» – 1994 г., N=1017 в РТ; рук. Л.М. Дробижева).

31. Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности («ЭГ» – 1997 г., N= 1000 в РТ; рук. Л.М. Дробижева).

32. Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации («СЭН» 1999 г., N= 1000 в РТ; рук. Л.М. Дробижева).

33. Роль республиканской прессы в формировании новой системы ценностей в условиях социально-экономической трансформации общества в Татарстане (1996–1998 гг., N= 1000 в РТ; рук. Л.В. Сагитова).

34. Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность (1999 г., N= 1000 в РТ; рук. Р.Н. Мусина).

35. «Опрос общественного мнения, проведенный Республиканским информационно-аналитическим центром при Госсовете РТ (1999 г., рук. Г.А. Исаев; N= 1000 в РТ).

36. Особенности постсоветской политической социализации молодежи в Республике Татарстан (2000–2001 гг., N= 1000 в РТ; рук. Л.В. Сагитова).

37. Центр и региональные идентичности (2001–2002 гг., рук. Т. Хопф, В. Гельман).

38. Проблемы развития и функционирования татарского языка в Республике Татарстан (2002 г., N= 1000 в РТ; рук. Р.Н. Мусина).

39. Официальные и локальные идентичности в созидании современного мира (2001–2003 гг. рук. Дж. Скотт, А. Тымовски).

40. Разработка методов диагностики толерантности в СМИ в рамках Федеральной Программы «Формирование установок толерантного сознания

и профилактика экстремизма в российском обществе» (2001–2002 гг., рук. В.К. Малькова).

41. Проблемы развития и функционирования татарского языка в Республике Татарстан (2002 г., N= 1000 в РТ; рук. Р.Н. Мусина).

42. Разработка методики и организационный механизм мониторинга содержания продукции средств массовой информации в рамках Федеральной Программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2002 г., рук. Ю. Казаков).

43. Этнические стереотипы и границы межкультурного понимания (на примере регионов Приволжского Федерального округа: Нижегородская область, Республика Татарстан, Республика Удмуртия)». Федеральная целевая Программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе» (2002 г., N= 1000 в РТ; рук. А.М. Зинуров).

44. Региональные средства массовой информации в общественном мнении, по заказу Республиканского информационного агентства «Татмедиа» (2004 г., N=2000; рук. Л.В. Сагитова).

45. Государственные языки в школьном образовании РТ («ГЯ» 2006/2008 гг., N=995 (учащиеся); N=473 (родители); N=330 (преподаватели татарского языка и литературы); рук. Р.Н. Мусина).

46. Межнациональные отношения в Республике Татарстан (2007 г., N= 1079 в РТ; рук. А.Л. Салагаев; Р.Н. Мусина).

47. Этнические и религиозные идентичности у татар и русских («ЭРИ» – 2008 г., N=61 в РТ и Пензенской обл.; рук. С. Каплан).

48. Права человека как зона разногласий и консенсуса элит и населения Российской Федерации (по заказу Управления делами Президента РФ, Общественной палаты РФ, АНО «Институт общественного проектирования» (2010 г., N=25; рук. М.П. Белоусова, по РТ – Л.В. Сагитова).

49. Аудитория средств массовой информации в предвыборный период (2013 г., N=1000; рук. Л.В. Сагитова).

50. «Аудитория республиканских средств массовой информации в предвыборный период» («АСМИП» – 2014 г., N= 38 (экспертные интервью); контент-анализ 8 периодических изданий и Интернет-ресурсов; рук. Л.В. Сагитова).

51. Языковое поведение народов РТ, по заказу Министерства образования РТ в рамках Проекта «Социолингвистический мониторинг этноязыковой ситуации в Республике Татарстан» («ЯП» – 2014 г., N=1000; N= 22 (эксперты); 3 фокус-группы; рук. Г.Ф. Габдрахманова).

52. Стратегия развития Республики Татарстан до 2030 г. (направление «Человеческий капитал» 2014–2015 гг.), по заказу Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», СПб. (2013–2015 гг. рук. Б.С. Жихаревич, по РТ – Л.В. Сагитова).

53. Государственные языки в системе образования РТ, по заказу Министерства образования РТ в рамках Проекта «Социолингвистический мониторинг этноязыковой ситуации в Республике Татарстан» («ГЯСО» – 2015 г., N= 418 – (учащиеся школ); N= 418 – (учащиеся ссузов); N= 406 – (учащиеся вузов); рук. Г.Ф. Габдрахманова).

54. Языковая поведение в коммуникационных пространствах Казани в рамках Проекта «Социолингвистический мониторинг этноязыковой ситуации в Республике Татарстан» («ЯПКП» – 2017 г., включенное наблюдение на 8-ми объектах; рук. Г.Ф. Габдрахманова).

55. Республиканское этносоциологическое исследование в рамках Госпрограммы «Сохранение идентичности татарского народа» (2016 г., рук. Г.Ф. Габдрахманова).

1.4. Материалы контент-анализа:

56. Вторичный анализ 27 экспертных интервью Л.М. Дробижевой // Источник: *Дробижева Л.М.* Говорит элита Республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой. М.: ИЭА РАН. 1996. – 301 с.

57. Контент-анализ писем читателей периодических изданий:

Журнал:

«Идель» – 1989-1991 гг.

Газеты:

«Татарстан яшьлэре» – 1989-1997 гг.

«Вечерняя Казань» – 1989-1997 гг.

1.5. Периодическая печать

А) на русском языке

58. Вечерняя Казань 01.01.1989 – 31.12.2016.

59. Звезда Поволжья 01.01.1998 – 31.12.2016.

60. Казанские ведомости 01.01.1990 – 31.12.2001.

61. Республика Татарстан 01.01.1990 – 01.01.2016.

62. Intertat.ru – 01.02.2012 – 01.05.2014.

63. Бизнес-ONLINE – 01.01.2015 – 31.12.2017.

Б) на татарском языке

64. Безнен гэжит – 01.02.2012 – 01.05.2014

65. Ватаным Татарстан 01.01.1990 – 31.12.2016.

66. Мэдэни жомга – 01.02.2012 – 01.05.2014

67. Татарстан Яшьлэре 01.01.1989 – 31.12.2002.

68. Шахри Казан – 01.02.2012 – 01.05.2014

69. Matbugat.ru 01.02.2012 – 01.05.2014

1.6. Справочники

70. Аналитический отчет по результатам мониторинга субъектов малого предпринимательства Департамента по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства РТ (предоставлен автору Министерством экономики РТ в 2000г.).

71. Все о Татарстане. Экономико-географический справочник. (Сост. *Мустафин М.Р., Хузеев Р.Г.*) – Казань: Татарское книжное издательство, 1994. – 164 с.

72. Информация о положении дел в сфере малого предпринимательства в РТ на 01.01.2000 г., подготовленная Департаментом по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства РТ (из архива автора).

73. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 6. – Казань, 1981. С. 32–45.

74. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 1. Численность и половозрастной состав населения Татарской АССР. – Казань, 1990. С. 4-5, 10.

75. Информация о положении дел в сфере малого предпринимательства в РТ на 01.01.2000 г., подготовленная Департаментом по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства РТ (из архива автора).

76. Кто есть кто в Республике Татарстан. Вып. II, дополненный. Казань: «Стар», 1996. – 287 с.

77. Населенные пункты Республики Татарстан. Краткий справочник. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1997. – 390 с.

78. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: НИЦ «Статистика России», 2004 / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 4. Кн. 1. – С. 473– 475.

79. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: НИЦ «Статистика России», 2004 / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т. /Федер. служба гос. статистики; Т. 4. Кн. 2. – С. 1476–1477.

80. Реестр контрактов найма руководителей предприятий РТ Государственного комитета РТ по управлению государственным имуществом на 01.04.2000 г. (представлен автору Министерством земельного имущества РТ в 2000г.)

81. Республика Татарстан, 1990–2000: Статистический справочник. – Казань // Госкомстат РТ, 2000. – 148с.

82. Республика Татарстан: время больших перемен. – Казань, 1996. – 328 с.

83. Стенографический отчет Программы «Гаагская инициатива» (1995)// Панорама-форум: Казань, 1996, №3 (6).

84. Электронные материалы территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, предоставленные автору.

1.7. Публикации в СМИ, материалы информационных агентств:

85. 1000-летие Казани. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vipkazan.ru/kazan1000/ (дата обращения 25.04.2016)

86. *Акифьева В.* Выходим на новый уровень // Республика Татарстан, 08.02.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-nau-10110052/ (дата обращения 27.05.2018)

87. Альберт Гильмутдинов: «Ни одной минуты у русского языка мы не отбираем!» // Интертат. ру, 05.06.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://intertat.ru/ru/ obschestvo /item /5249-brifing.html (дата обращения 24.04.2014)

88. Антипремию «Тяжело с татарским–2013» получили мэрия Казани и «Электронное правительство РТ» [Электронный ресурс]. Бизнес Online, 29.04.2013. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/79463/ (дата обращения 14.05.2014)

89. *Ахмадуллин Ш.* Пока жив язык // Идель. – 1990. – №8. С.8-12.

90. *Ахметзянов И.Г.* «Язык народа моего» // Информационно-методический бюллетень Аппарата Президента РТ. – № 9. – Казань, 1997. С. 5-8.

91. *Батулла Р.* Табеев // Звезда Поволжья, 20–26 марта 2008.

92. *Байрамова Ф.* Милләт, дин һәм хакимият // Мәдәни җомга, 3 апреля 1998.

93. *Бикмухамметова Р.* Модель ТАССР // Звезда Поволжья. – 2010. – № 20, 3–9 июня.

94. *Бикмухамметова Р.* Фатих Сибагатуллин: «Путин с меня пример взял! Взял да и развелся» // Бизнес Online, 20.07.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/84398/ (дата обращения 13.05.2014)

95. *Болгарский Р.* Татарский ответ // eТатар.ru, 27.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/top/42069 (дата обращения 17.05.2014)

96. *Болгарский Р.* Татаризация Казани // eТатар.ru, 23.05.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/news/43142 (дата обращения 13.05.2014)

97. *Валеев Р.* Когда кончится этот странный флешмоб? // Бизнес Online, 08.09.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/87218/ (дата обращения 18.05.2014)

98. В Брюсселе увидели первый профессиональный татарский спектакль // eТатар.ru, 31.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/news /42105#comments (дата обращения 24.04.2014)

99. В Казани открылся очередной детский сад с обучением на татарском // ИА REGNUM, 27.01.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1759029 .html#ixzz 32WHXTHBN (дата обращения 26.04.2014)

100. В Казани прошла премьера мультфильма «Шурале» // Бизнес Online, 24.04.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/79185/ (дата обращения 24.04.2014)

101. Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html. (дата обращения 25.04.2013)

102. Власти Татарстана провели «ритуал» у памятника А.С. Пушкину // ИА REGNUM, 06.06.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.regnum.ru/ news /1668173.html# ixzz2zoNc7ca1 (дата обращения 12.05.2014)

103. Всемирный конгресс татар: 20 лет спустя // Бизнес Online, 06.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/ 71372/ (дата обращения 12.05.2014)

104. В Татарстане вводят сертификацию госслужащих на знание татарского языка // ИА REGNUM, 06.03.2013. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.regnum.ru/news /1633052.html#ixzz2zncpuPhI (дата обращения 14.05.2014)

105. В Татарстане появятся электронные услуги для бизнеса. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru /economics/27956859/ frommail=1 (дата обращения 13.10.2016)

106. *Газизова А.* Уж очень вкусный татарский // Республика Татарстан, 06.05.2012, №88 (27245). [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-nau-32976/ (дата обращения 25.04.2018)

107. Герман Греф: «Если в Татарстане что-то делают, то делают хорошо». [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/politics /27437355/?frommail=1 (дата обращения 13.10.2016)

108. Договорная пауза. Москва и Казань не спешат возобновлять открытую дискуссию о разграничении полномочий. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/ doc/ 3342100 (03.07.2017)

109. *Еники А.* Кыйбла алмаштыру // Мәдәни җомга, 29 мая 1998.

110. Ильсур Метшин: «Учителя, подготовившие стобалльников – это наш золотой фонд». [Электронный ресурс]. URL: http://news.mail.ru/inregions/ volgaregion/ 16/society/ 18855919 /? frommail (дата обращения 07.08.2014)

111. Казань тысячелетняя. [Электронный ресурс]. URL: http://www. tataroved. ru/publication/ kazan /6/2/ (дата обращения 25.04.2016).

112. *Кручина О.* Испытание Ахматовой, или Почему старушка рассердилась // Республика Татарстан, 03.12.2013, №181 (27598). [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-kult-10108485/ (дата обращения 26.04.2018)

113. *Кручинина О.* Лев Толстой был бы счастлив // Республика Татарстан, 20.11.2012, №231 (27388). [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-kult-70525/ (дата обращения 18.05.2018)

114. КФУ открывает бесплатные курсы татарского языка // eТатар.ru, 20.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/news/42011 (дата обращения 26.04.2014)

115. Летняя Универсиада 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org /wiki/Летняя_ Универсиада_2013 (дата обращения 18.04.2016)

116. Медведев подписал постановление о создании инновационного центра в Татарстане. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/ politics/26225980/?frommail=1 (дата обращения 24.06.2016)

117. Минниханов и Метшин открыли новый детский сад в Казани с обучением на татарском языке // Бизнес Online, 27.01.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/96091/ (дата обращения 27.04.2014)

118. Мнение: 3 причины, по которым Татарстану необходим новый договор с Россией. [Электронный ресурс]. URL: http://prokazan.ru/news/view/ 118839/ (дата обращения 04.08.2017)

119. Один язык хорошо, а два – лучше // Республика Татарстан, 20.10.2011, №209–210 (27106–27107). [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-nau-32893/ (дата обращения 24.04.2018)

120. Олимпиада в Сочи: 4 кольца и 2 медведя // Татарская трибуна, 16.02.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://tatar-tribun.ru/kultur-multur/ olimpiada-v-sochi-4-kolca-i-2-medvedya.html (дата обращения 22.05.2014)

121. Отвечающих в Татарстане за малый и средний бизнес чиновников ждет экзамен. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/politics/ 26156190/frommail=1 (дата обращения 18.06.2016)

122. Открытое письмо Сергею Говорухину – отклик на интервью С.С. Говорухина в первом номере газеты «Аргумент и факты» за 2017 год. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mtss.ru/? page=otkr_pismo (дата обращения 27.02. 2017)

123. Павлу Хотулеву вынесли обвинительный приговор // Вечерняя Казань, 15.02.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.evening-kazan.ru/ news/pavlu-hotulevu-vynesen-obvinitelnyy-prigovor.html (дата обращения 11.05.2014)

124. *Паймакова М.* Знать несколько языков – это плохо для русских? // Татарская трибуна, 16.09.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://tatar-tribun.ru/kultur-multur /9347.html (дата обращения 23.05.2014).

125. *Плотникова И.* Дополнительный час на язык нужен не всем? // Вечерняя Казань, 8.04.2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.evening-kazan.ru/articles/ dopolnitelnyy-chas-na-yazyk-nuzhen-ne-vsem.html (дата обращения 28.04.2014)

126. Президент Татарстана в Японии поговорил с советником премьера и с местными татарами // ИА REGNUM, 20.03.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.regnum.ru /news/1780902.html#ixzz2zF3stUi5 (дата обращения 24.04.2014)

127. Равиль Ахметшин и имам мусульманской общины Финляндии обсудили вопрос сохранения национальной идентичности// eТатар.ru, 20.02.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/news/42276 (дата обращения 25.04.2014)

128. *Рахимова Б.* Соседи // Идель. 1990. №1. С. 53 - 56.

а. Рустам Минниханов: «Многие до конца не осознают, почему крымские татары отстаивают свои интересы» // Бизнес Online, 29.03.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/100652/ (дата обращения 28.04.2014)

129. *Сагадеев И.* Тучи над президентом Шаймиевым – "Крис", 03.03.2000.

130. *Садыков И.* Татарская музыка звучала в Барселоне // Республика Татарстан, 13.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-kult-10108763/ (дата обращения 24.04.2018).

131. Сегодня в Татарстане открывается государственная online-школа татарского языка «Ана Теле» // Бизнес Online, 04.02.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/74454/ (дата обращения 20.04.2014)

132. Сегодня День русского языка // Республика Татарстан, 06.06.2013, №83 (27500). [Электронный ресурс]. URL: http://www.rt-online.ru/aticles/rubric-79/10078451/ (дата обращения 19.05.2014)

133. Сотрудники исполкома Казани получили сертификаты в институте филологии // eТатар.ru, 18.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/news/41993 (дата обращения 25.04.2014)

134. Сотрудничество Сибирью прирастать будет // Республика Татарстан, 6.02.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-obsh-72236/ (дата обращения 12.05.2018)

135. Сочи – это Кубань – и точка (?) // Татарская трибуна, 10.02.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://tatar-tribun.ru/perepis-naseleniya/sochi-eto-kuban-i-tochka.html (дата обращения 22.05.2014).

136. *Таразова З.* Татарская индустрия детства // eТатар.ru, 14.09.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/top/43741 (дата обращения 27.04.2014)

137. *Тарасов С.* Латиницу и татарский развели окончательно // Интертат.ру, 24.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://intertat.ru/ru/obschestvo/item/10068-latinitsu-i-tatarskiy-razveli-okonchatelno.html (дата обращения 13.05.2014)

138. Татары Австралии отпраздновали Сабантуй // eТатар.ru, 24.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://etatar.ru/news/44889 (дата обращения 24.05.2014)

139. Татарстан продвигает себя также на туррынках Ирана, ОАЭ и Катара». [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/economics /2729616 3/? frommail=1 (дата обращения 30.09.2016)

140. *Тимереева А.* Татарский – родной, а русский – государственный? // Интертат.ру, 6.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://intertat.ru/ru/obschestvo/item/9646-tatarskiy-rodnoy-a-russkiy-gosudarstvennyiy?.html (дата обращения 27.04.2014)

141. Тысячелетие Казани. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/1000-летие_Казани (дата обращения 22.07.2016)

142. *Ульянова И.* «Ремесло» объявляет войну театральным штампам // Республика Татарстан, 10.12.2013, №185 (27602). [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-kult-10108666/ (дата обращения 24.04.2014)

143. Универсиада вытесняет с рынка мелких металлотрейдеров. [Электронный ресурс]. URL: http://kazan.dk.ru/news/universiada-vytesnyaet-s-rynka-melkix-metallotrej derov-236587138 (дата обращения 14.05.2018)

144. *Фаизов Ф.* Капля йода // Идель. – 1990. – № 2. С. 14-17.

145. *Чернобровкина Е.* Рустам Минниханов: «Не надо людей пугать, кризиса никакого нет» // Бизнес Online, 07.03.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/98969 (дата обращения 08.05.2014)

146. *Чеснокова Е.* Внеклассное задание // Республика Татарстан, 22.08.2012, №167 (27324). [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-obsh-2211/ (дата обращения 16.05.2018)

147. *Чеснокова Е.* Не количеством, но качеством // Республика Татарстан, 07.06.2012, №109–110 (27266–27267). [Электронный ресурс]. URL: http://rt-online.ru/p-rubr-nau-32989/ (дата обращения 10.05.2018)

148. Число резидентов ОЭЗ «Иннополис» в Татарстане выросло с 15 до 21 [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/economics /26555988/?frommail=1 (дата обращения 26.07.2016)

149. *Шамси С.* «Памятник?» // Идель. 1990. № 8. С. 25-28.

150. Энгель Фаттахов: «В Татарстане не должно быть филиалов вузов с контингентом менее 500 человек» // Бизнес Online, 03.09.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/86843/ (дата обращения 25.05.2014)

151. *Юдкевич М.* Это же очковтирательство, а не обучение // Вечерняя Казань, 26.09.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.evening-kazan.ru/articles/eto-zhe-ochkovtiratelstvo-a-ne-obuchenie.html (дата обращения 19.05.2014)

152. *Юдкевич М.* Рустам Минниханов предостерег от пагубного влияния улицы // Вечерняя Казань, 14.09.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.evening-kazan.ru/articles /rustam-minnihanov-predostereg-ot-pagubnogo-vliyaniya-ulicy.html (дата обращения 11.05.2014)

153. Юныс М. «Уста руин» // Татарстан яшьләре, 09.12.1993; 10.12.93; 11.12.1993.

Социальные сети

154. Социальные сети на татарском языке ВКонтакте – 01.02.2012 – 01.05.2014

155. Социальные сети на татарском языке Matbugat. ru 01.02.2012 – 01.05.2014

156. URL: https://vk.com/tatar_vk (дата обращения 28.08.2016).

157. URL: https://vk.com/club1007720 (дата обращения 28.08.2016).

158. URL: https://vk.com/msktatarlar (дата обращения 28.08.2016).

159. URL: https://vk.com/tatari73 (дата обращения 28.08.2016).

160. URL: https://vk.com/tatarchamusic (дата обращения 28.08.2016).

161. URL: https://vk.com/kizik_mizik (дата обращения 28.08.2016).

II. Литература

2.1. Монографии и статьи:

162. *Абдулатипов Р.* Как нам реструктуризировать федерацию? // [Электронный ресурс]. URL: http://www.sakha.gov.ru/files/federal_n14.doc (дата обращения 21.02.2016).

163. *Авксентьев В.А.* Концепции культурного многообразия и политическая культура России // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / редкол.: В.А.Тишков [и др.]. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. – С. 584.

164. *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Динамика регионального конфликтного процесса на юге России (экспертная оценка) // Социологические исследования. – 2007. – № 9 . – С.70–77.

165. *Аврамова Е.М.* Формирование новой российской макроидентичности // Общественные науки и современность. – 1998. – № 4. – С. 19–29.

166. Автономные и административные образования в современных государствах: российский и международный опыт региональной этнополитики. Международная научно-практическая конференция. Казань, 5–6 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kazanfed.ru/actions/konfer13 (дата обращения 23.05.2017).

167. *Аклаев А.Р.* Выражение национального самосознания в деятельности Верховных Советов союзных республик // Духовная культура и этническое самосознание. – М.: ИЭА АН СССР, 1991. – Вып. №2. – С. 8–33.

168. *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. – М.: Дело, 2005. – 472 с.

169. *Аклаев А.Р.* Этнополитические конфликты в Российской Федерации и проблемы легитимности власти // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М.: ИЭ РАН, 1995. – С. 15–35.

170. *Альтерматт У.* Национализм в Европе / пер. с нем. С.В. Базарновой. – М., 2000. – 366 с.

171. *Амелин В.В.* Совершенствование федеративных отношений как условие сохранения толерантности и предупреждения ксенофобий (позитивные практики). [Электронный ресурс]. URL: http://www.kazanfed.ru/actions/sem1/2/ (дата обращения 20.02.2011).

172. *Амелин В.В.* Этнокультурная политика в национальном регионе // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. VII, №1. – С. 159–170.

173. *Амирханов Р.У.* Татарская демократическая печать (1906–1907 гг.) / отв. ред. Х.Х. Хасанов, Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. – М.: Наука, 1988. – 188 с.

174. *Анайбан З.В.* Современная этнополитическая ситуация в Республике Тыва // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика / под ред. Л.М. Дробижевой. – М., 1995. – С. 97–118.

175. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.

176. *Андреева А.Р., Мухарямова Л.М.* Феномен национальной школы в социологических ракурсах. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. – 268 с.

177. *Андреева Г.М.* Социальная психология. – М.: Наука, 2005. – 324 с.

178. *Арутюнова Е.М.* Идеология российской идентичности в дискурсе президентских выступлений с начала XXI века // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / под ред. Л. Дробижевой, Е. Головахи. – К.: Институт социологии НАН Украины, Институт социологии РАН, 2007. – С. 20–29.

179. *Арутюнова Е.М.* Прошлое и будущее в дискурсе выступлений президентов РФ // Российская идентичность в Москве и регионах / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. – С. 53–68.

180. *Аствацатурова М.А., Зорин В.Ю.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: институциональный и инфраструктурный аспекты // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – № 263. – М., 2018.

181. *Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. – 264 с.

182. *Афанасьев М.Н.* Изменения в функционировании правящих региональных элит // Полис. – 1994. – №6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files /File/1994_6_Afanasyev.pdf (дата обращения 13.08. 2017)

183. *Ачкасов В.А.* Этнополитология: учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2014. – 495 с. – Серия: Бакалавр. Углубленный курс.

184. *Ачкасов В.А.* Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – 2013. – Вып. 4. – С. 71–77.

185. *Ачкасов В.А.* Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012. – 232 с.

186. *Ачкасов В.А.* Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус». [Электронный ресурс]. URL: http://www. politex.info/content /view/90/30/ – Аналог печат. изд. (Политекс. – 2005. – № 1) (дата обращения 15.12.2016).

187. *Ачкасов В.А.* Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Том 11. – Вып.1. – С. 131–143.

188. *Бадовский Д. Шутов А.* Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. – 1996. – №6. – С. 3–23.

189. *Бари Д.* Новый федерализм и парадоксы регионального суверенитета в России // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. – С. 174–200.

190. *Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое изд-во, 2006. – С. 9–48.

191. *Бауман З.* Идентичность в глобализирующемся мире. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tovievich.ru/book/12/155/1.htm (дата обращения 11.12.2016)

192. *Бауэр. О.* Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 52–121.

193. Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. 1990–1993 гг. – Казань, 1993. – 101 с.

194. *Беляев В.А.* Глобализация и специфика менталитета населения РТ // Проблемы глобализации и антиглобализм в современном мире: сб. докладов и статей / под ред. Д.М. Коломыца, В.А. Беляева. – Казань: Школа, 2003. – С. 46–70.

195. *Беляков Р.Ю.* «Русский вопрос» в национальной политике Татарстана // Межэтнические и межнациональные отношения в Республике Татарстан. Часть I. – Казань: ПИК Идель-Пресс, 1993. – С. 18–22.

196. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003. – 350 с.

197. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

198. *Березовский В., Червяков В.* Современная политическая элита России // Свободная мысль. – 1993. – № 1–2. – С. 15–22.

199. *Большаков А.Г.* «Модель Татарстана» в контексте конфликтов федерализации России // Современная Россия: власть, общество, политическая наука. Материалы первого всероссийского конгресса политологов, г. Москва, 17–18 февраля 1998 года. – М., 1999. – С. 77–80.

200. *Большаков А.Г.* Политические конфликты в российских регионах: институциональные условия и возможности управления (случай Республики Татарстан). [Электронный ресурс]. URL: https://www.rapn.ru/in.php?part= in&gr=72&d=130&n =35&p=0&to (дата обращения 18.11.2017).

201. *Борисова Н.В.* Политизация языка и языковая политика в этнических территориальных автономиях // МЭиМО. 2016. №9. с. 67-75. [Электронный ресурс]. URL.: https://www.imemo.ru/ jour/meimo/index.php? page id=756&id =7593

202. *Борисова Н.В.* Региональная идентичность как фактор развития российского федерализма (на примере Пермского края) / К новой модели российского федерализма. - М.: Весь мир, 2013. С. 207 – 218.

203. *Бравин А.Д., Яковлева Э.Я.* Динамика этнополитических процессов в Якутии: 90-е годы XX века и современность // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнических обществ: материалы междунар. науч.-практ. конф. Казань , 26–28 июня 2008 г. / отв. ред. Р.Н. Мусина. – Казань, 2009. – С. 57–68.

204. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.

205. *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М.: Наука, 1987. – 334 с.

206. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2012. – 408 с.

207. *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами идентичности // Ab Imperio. – 2002. – № 3. – С. 76–94.

208. *Бурдье П.* Идентичность и репрезентация: Элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab Imperio. – 2002. – № 2. – С. 45–61.

209. *Бурдье П.* Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос. – 2003. – № 4–5.

210. *Бурдье П.* Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики. [Электронный ресурс]. URL: http://bourdieu.name/content/burde-pole-politiki-pole-socialnyh-nauk-pole-zhurnalistiki (дата обращения 02.11.2016).

211. *Бурдье П.* Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.

212. *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. Ч. 1. – СПб.: Алетейя, 2007. – 567 с.

213. *Бурдье П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

214. *Бурдье П.* Социология социального пространства / пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

215. *Бусыгина И.М.* Взаимоотношения между властными уровнями в федеративном государстве и государстве автономий: сравнительный аспект

(практика России и Испании) // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. – С. 550–561.

216. *Бусыгина И.М.* Концептуальные основы европейского регионализма // Регионы и регионализм в странах Запада и России / отв. ред. Р.Ф. Иванов. – М., 2001. – С. 7–15.

217. *Бусыгина И.М.* Политическая регионалистика: учеб. пособие. – М.: Моск. гос. институт международных отношений; Российская политическая энциклопедия, 2006. – 280 с.

218. *Валеева А.Ф.* Языковое поведение в полиэтническом обществе (социологическая диверсификативность) / под ред. Г.В. Дыльнова. – Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2003. – 312 с.

219. *Вебер М.* Отношения этнической общности // Ab Imperio. – 2002. – № 3. – С. 25–44.

220. *Вердери К.* Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 297–307.

221. *Винокурова У.А.* Стереотипы национального самосознания народа саха и русских-якутян // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995. – С. 118–129.

222. *Воронков В.М.* Приватизация этничности vs «национальная политика» // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / под ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2003. – С. 206–214.

223. *Габдрахманова Г.Ф.* Языковое поведение и этноязыковые установки русских и татар Республики Татарстан / Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С. 17–39.

224. *Габдрахманова Г.Ф.* Этнокультурные ресурсы экономического развития. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 370 с.

225. *Габидуллин Р.* Этнополитическая концепция государственного возрождения Татарстана в программных положениях татарского национального движения // Панорама-форум. – 1997. – № 12.

226. *Галлямов Р.Р.* Национальная политика в современном Башкортостане: конституционный и законодательно-правовой аспекты конфликтогенности // Ресурсы мобилизованной этничности. – М.-Уфа, 1997. – С. 147–162.

227. *Галлямов Р.Р.* Политическая элита. Этничность. Гражданственность. – Уфа: ООО «Изд-во «Здравоохранение Башкортостана», 2004. – 139 с.

228. *Галлямов Р.Р.* Постперестроечная эволюция политических элит российских республик: этнический аспект // Этнопанорама. – 2000. – №1. – С. 163–175.

229. *Галлямов Р.Р.* Правящие политические элиты российских республик в современном пространстве власти (на примере Башкортостана и Татарстана). [Электронный ресурс]. URL: http://www.eduhistory.ru/view/ 27963. html (дата обращения 03.04.2015)

230. *Галлямов Р.Р.* Этнополитические элиты национальных республик России о межнациональных отношениях и перспективах национально-государственного устройства страны (на примере Республики Башкортостан) // На путях политической трансформации (политические партии и политические элиты постсоветского периода). Часть II. – М.: МОНФ, 1997. – С. 185–198.

231. *Гаман-Голутвина О.В.* Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. – С. 97-103.

232. *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (II) // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 3. – С. 22–32. [Электронный ресурс]. URL: http://www.politstudies.ru/files/File/2004/3/ Polis-2004-3-Gaman-Golutvina.pdf (дата обращения 14.10.2016)

233. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: Интеллект, 1998. – 416 с.

234. *Гарипов Я.З.* Тенденции языкового развития населения республик Поволжья // Человек. – 2014. – №3. – С. 170–174.

235. *Гарипов Я.З.* Языковые процессы в СССР и после. – М.: Центр социального прогнозирования, 2014. – 503 с.

236. *Гарипов Я.З., Галлямов Р.Р.* Взаимодействие языковой политики федерального центра и полиэтничных регионов как фактор общероссийской и евразийской интеграции // Вестник ВЭГУ. – 2016. – № 2. – С.60–71.

237. *Геллнер Э.* Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 126 с.

238. *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / пер. с англ. – М.: Праксис, 2002. – С. 146–200.

239. *Гельман В.Я.* Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. – М.: МОНФ, 1999. – 239 с.

240. *Гельман В., Попова Е.* Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. – СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. – С. 187–254.

241. *Герасимов В.И., Ильин М.В.* Политический дискурс-анализ // Политическая наука. № 3. М., 2002. С. 68-75. [Электронный ресурс]. URL.: https://elibrary.ru/download/elibrary_1232773_87854287.pdf

242. *Гидденс Э.* Модерн и самоидентичность: реферат Е.В. Якимовой // Гидденс Э. Современная теоретическая социология: реферат. сб. / под ред. Ю.А. Кимелева. Сер.: Социология. – М.: ИНИОН РАН, 1995. – С. 95–113.

243. *Гидденс Э.* Элементы теории структурации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – С. 41–80.

244. *Глигич-Золотарева М.В.* Разграничение компетенции в федеративном государстве: сравнительный аспект // Федерализм: российское

и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. – С. 200–220.

245. Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Монография / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, А.Р. Мухаметзяновой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 208 с.

246. *Грамши А.* Тюремные тетради. Часть первая. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 560 с.

247. *Гроссман В.* Жизнь и судьба. – Таллинн: Эвести раамат, 1990. – 476 с.

248. *Грошева Г.В.* Этническая государственность как фактор формирования региональной идентичности (на примере Республики Хакасия 1990-х – 2000-х гг.) // Вестник ТГПУ. – 2010. – Вып. 9(99). – С. 125–131.

249. *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк. Плоды суверенизации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 77. – М.: ИЭА РАН, 1994. – 44 с.

250. *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Серия бюллетеней. № 78. – М.: ИЭА РАН, 1994. – 44 с.

251. *Губогло М.Н.* Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение. – 1995 . – №.5. – С. 110–124; №6. – С. 137–144.

252. *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 816 с.

253. *Гузельбаева Г.Я.* Советские и постсоветские принципы формирования политической элиты современного Татарстана. [Электронный ресурс]. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/3/world_guzelbaeva.htm (дата обращения 12.10.2016).

254. *Гузенкова Т.С.* Проблема самоидентификации национальной ителлигенции республик Поволжья и Приуралья // Конфликтная этничность и этнические конфликты. – М.: ИЭА РАН, 1994. – С.44–67.

255. *Гуща В.М.* Институт национально-культурной политики на переходном этапе // Панорама культурной жизни стран СНГ и Балтии: информ. сборник. – М., 1997. – Вып.1. – С. 2–10.

256. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002. – 289 с.

257. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. –№ 5. – С. 142–147.

258. *Дискин И.* Россия: трансформация и элиты. – М.: ЭЛТРА, 1995. – 298 с.

259. Досье для журналистов, специализирующихся по этнической тематике / сост. В.К. Малькова // Материалы семинара «Разрушение негативных этнических стереотипов, употребляемых в российских СМИ», Казань, 29–30 мая 2001 г. – 54 с.

260. *Дробижева Л.М.* Интеллигенция и национализм: Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтнических государствах / отв. ред. В.А. Тишков. – М.: Наука, 1994. – С. 71–84.

261. *Дробижева Л.М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М.: Новый хронограф, 2013. – 336 с.

262. *Дробижева Л.М.* Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой. – М., 1996. – 301 с.

263. *Дробижева Л.М.* Кому и зачем нужна федерация в России: политический и социально-психологический взгляд на проблему // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. – С. 671–679.

264. *Дробижева Л.М.* Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе: основные подходы к

изучению // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начал 1990-х гг. – М.: ИЭА РАН, 1994. – С. 16–47.

265. *Дробижева Л.М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 214–228.

266. *Дробижева Л.М.* Опыт национализма и демократизация в республиках Российской Федерации // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М.: ИЭА РАН, 1995. – С. 39–40.

267. *Дробижева Л.М*. Предисловие // Духовная культура и этническое самосознание. – М.: ИЭА РАН, 1991. – Вып. 2. – С. 3–7.

268. *Дробижева Л.М.* Проблемы асимметричной федерации в глазах элиты и масс // Федерализм в России / под ред. Р. Хакимова. – Казань: Институт истории АН РТ, Казанский институт федерализма, 2001. – С. 322–335.

269. *Дробижева Л.М.* Роль интеллигенции в развитии национального самосознания народов СССР в условиях перестройки // Духовная культура и этническое самосознание. – М.: ИЭА РАН, 1990. – С. 83–101.

270. *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.

271. *Дробижева Л.М.* Ценности и символы в контексте новых концепций этничности // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. – М.: ИЭА РАН, 1994. – С. 8–25.

272. *Дробижева Л.М.* Этническая идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – С. 417–423.

273. *Дробижева Л.М.* Этническая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. Идентичность как

категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 130.

274. *Дробижева Л.М.* Этнополитические конфликты: Причины и типология (конец 80-х – начало 90-х годов) // Россия сегодня: трудные поиски свободы / отв. ред. Л.Ф. Шевцова. – М.: ИЭ РАН, 1993. – 326 с.

275. *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Изд-во «Мысль», 1996. – 382 с.

276. *Дробижева Л.М., Рыжова С.В.* Российская идентичность и межэтническая толерантность // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. – М.: Новый хронограф, 2012. – 256 с.

277. *Дука А.* Конфликты и компромиссы в структурах региональной политической элиты: типология противоборства // Северная Пальмира. – 1997. – №9. – С. 46–51.

278. *Дука А.* Трансформация местных элит (институционализация общественных движений от протеста к участию) // Мир России. – 1995. – Т. 4, №2. – С. 106–117.

279. Духовная культура и этническое самосознание / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: ИЭА РАН, 1990. – Вып. 1. – 241 с.

280. Духовная культура и этническое самосознание / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: ИЭА РАН, 1991. – Вып. 2. – 210 с.

281. *Зазнаев О.* Республика Татарстан // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. – 1997. – №2 (19). – С. 69–78.

282. *Захаров А.* Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. – М.: Московская школа политических исследований, 2008. – 143 с.

283. *Здравомыслов А.Г.* К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации: новый подход к исследованию

этнополитический динамики России. К 70-летию профессора А.Г. Здравомыслова. – М.: РНИСиНП, 1998. – С. 9–26.

284. *Зинурова Р.И.* Этническая социализация молодежи в условиях современного российского общества: автореф. дисс. ... докт. социол. наук. – М., 2005. – 34 с.

285. *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2011. – Вып. 225. – 33 с.

286. *Зорин В.Ю.* От национальной политики к этнокультурной // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – №3. – С.122–154.

287. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – 992 с.

288. *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. - М.: РОССПЭН, 1997. – 432 с.

289. *Ильин М.В.* Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука: Сб. научных трудов /РАН. ИНИОН. – М., 2002. – С.7-19.

290. Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН «Идентичность и консолидационный ресурс жителей республики Саха (Якутия)». [Электронный ресурс]. URL: http://www/isras.ru /inab_2012_04.html (дата обращения 13.08.2017).

291. Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН «Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане». [Электронный ресурс]. URL: http://www/isras.ru/inab_2012_06. html (дата обращения 12.07.2016).

292. Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН «Социологический ответ на ‘национальный вопрос’: пример Республики Башкортостан». [Электронный ресурс]. URL: http://www/isras.ru/inab_2012_ 05. html (дата обращения 12.07.2016).

293. *Исаев Г.А.* Изменение отношений федерального центра и региональных элит в условиях формирования новой властной вертикали: пример Татарстана // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – С. 412–428.

294. *Исаев Г.А., Мухаметшин Ф.Х.* Республика Татарстан в зеркале общественного мнения. – Казань: Изд-во Кабинета Министров РТ, 1998. – 386 с.

295. *Исламшина Т.Г.* Этнические ценности полиэтнического общества: Социологический очерк. – Казань: Казан. гос. техн. ун-т, 1996. – 47 с.

296. *Исхаков Д.М.* Неформальные объединения в современном татарском обществе // Современные национальные процессы в республике Татарстан.– Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. – Вып. 1. – С. 3–15.

297. *Исхаков Д.М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. – Казань: Мастер-лайн, 1997. – 247 с.

298. *Исхаков Д.М.* Татарское национальное движение 1980–1990-х годов // Татары. – М.: Наука, 2001. – С.520–522.

299. *Исхаков Д.М.* Роль интеллигенции в формировании и современном функционировании национального самосознания татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. – Казань, 1994. – Вып. 2. – С. 5–26.

300. *Исхакова З.А.* Функциональное взаимодействие татарского и русского языков в современном Татарстане // Современная этноязыковая ситуация в Республике Татарстан. – Казань: Печатный двор, 2002. – С.6–38.

301. *Казаринова Д.Б.* Ценностно-политические проекты формирования идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – С. 593–598.

302. *Калхун К.* Национализм / пер. А. Смирнова. – М.: Изд. дом «Территория будущего» (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»), 2006. – 288 с.

303. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / пер. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

304. *Качанов Ю.Л.* Опыты о поле политики. – М.. Институт экспериментальной социологии, 1994. – 159 с.

305. *Козер Л.А.* Функции социального конфликта. – М.: Дом интеллектуальной книги-Идея Пресс, 2000. – 295 с.

306. *Козлов В.И.* Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // Советская этнография. – 1970. – №6. – С. 43–56.

307. *Козлов В.И.* Этнос и хозрасчет (к проблеме национализма в СССР) // Советская этнография. – 1991. – №3. – С. 18–30.

308. *Комарофф Дж.* Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах/ отв. ред. Тишков В.А. – М.: Наука, 1994. – С. 35–70.

309. *Кон И.С.* Социология личности. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.

310. Конструирование этничности / под ред. В. Воронкова и И. Освальд. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. – 301 с.

311. Конфликтная этничность и этнические конфликты / ред. Л.М. Дробижева, М.С. Кашуба, Е.М. Галкина. – М.: ИЭА РАН, 1994. – 177 с.

312. *Коротеева В.В.* «Воображаемые», «изобретенные» и «сконструированные» нации: метафора в науке // Этнографическое обозрение. – 1993. – №3. – С. 161–163.

313. *Коротеева В.В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et contra. – 1997. – Т.2, № 3. – С. 185–203. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rulit.me /books/sushchestvuyut-li-obshchepriznannye-istiny-o-nacionalizme-read-94438-1.html (дата обращения 20.05.2018).

314. *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: Рос. гуманит. ун-т, 1999. – 140 с.

315. *Коротеева В.В.* Экономические интересы и национализм. – М.: РГГУ, 2000. –250 с.

316. *Коротеева В.В., Новиков А.В.* К проблеме экономических основ национального суверенитета в республиках Российской Федерации // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. – М.: ИЭА РАН, 1994. – С. 192–213.

317. *Коротеева В.В., Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И.* От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик // Коммунист. – 1988. – №15. – С.28–39.

318. *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – №1. – С. 58–69.

319. *Крыштановская О.В.* Элита в зеркале социологии // Психолгия элиты. 2009. №1. – С.10-16.

320. *Курчаков Р.С.* Проблемы разработки экономической самостоятельности Татарии // Проблемы перестройки управления социально-экономическим развитием автономных республик на основе самоуправления и самофинансирования. – Казань, 1990. – С. 49–62.

321. *Лапидус Г.В.* Трансформация национального вопроса: новые подходы к национализму, федерализму и суверенитету // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. – С. 154–165.

322. *Левада Ю.* Еще раз о проблеме социальной элиты // От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 576 с.

323. Лидеры бизнеса Татарстана. Аналитический рейтинг-справочник. – Казань, 1997. – 87 с.

324. *Лучшева Л.В.* Влияние культурной политики на этносоциальные процессы русской части населения Республики Татарстан: дисс. … канд. социол. наук. – Казань, 2006. – 281 с.

325. *Лэйн Д.* Перемены в России: роль политической элиты // Социс. – 1996. – №4. – С. 30–40.

326. *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). Сер. «Научные доклады», вып. 114. – М.: МОНФ, ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. – 221 с.

327. *Магомедов А*. Модернизационные вызовы и политические ответы правящей элиты Краснодарского края // Конституционное право. Восточноевропейское обозрение.1998.№1. – С. 25-32.

328. *Макарова Г.И.* Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2010. – 248 с.

329. *Макарова Г.И.* Некоторые этнические аспекты культурной политики Республики Татарстан // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – № 2. – С. 96–100.

330. *Макарова Г.И.* Этнокультурная политика федерального Центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 242 с.

331. *Макарова Г.И., Габдрахманова Г.Ф.* Языковая политика Республики Татарстан (1990–2000-е гг.) // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С. 5–17.

332. *Макарычев А.* Федерализм эпохи глобализма: вызовы для региональной России // Полис. – 2000. – №5. – С. 81–97.

333. *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. – 2-ое изд. / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007. – 464 с.

334. *Маколи М.* Становление новой российской государственности: опыт прогноза // Полис. – 1993. – №3. [Электронный ресурс].URL: http://elibrary.ru/download/elibrary _5020214_73228738.pdf (дата обращения 14.10.2016.)

335. *Малахов В.С.* Вызов национальному государству // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3, № 2. – С. 141–154.

336. *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. – М.: КДУ, 2005. – 320 с.

337. *Малахов В.С.* О политическом употреблении культурных различий. [Электронный ресурс]. URL: www.polit.ru/research/2005/08/19/ malahov. htm (дата обращения 25.02.2016).

338. *Маликова Н.Р.* Этнополитические проблемы в современной России // Россия: общество, власть, государство (Вторые казанские социологические чтения): материалы Всерос. науч. конф. Казань. 22–23 мая 2008 г.: в 4 т. Т.4. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008. – С. 225–230.

339. *Малинкин А.Н.* «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. – 2001. – № 4. – С. 66–86.

340. *Малинова О.Ю.* Символическая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – С. 655–661.

341. *Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. Вып.1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 5–16.

342. *Малькова В.К.* Мобилизация этнических сообществ в современной России: по материалам этнических СМИ. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 209 с.

343. *Малькова В.К.* Пресса о современной этнополитической ситуации в Татарстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – № 41. – М., 1993. – 37 с.

344. *Мансурова Г.М.* Динамика ротации политических элит РФ и РТ (начало 1990-х гг.) // Республиканская научно-практическая конференция «Региональные элиты и общество: процессы взаимодействия». – Казань, 1995. – С. 52–55.

345. *Мелешкина Е.Ю.* Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М.В. Ильин, И.М. Бусыгина. – М., 1999. – С. 126–137.

346. *Мелешкина Е.Ю.* Региональная идентичность как фактор становления региональных политий в Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. – 1999. – № 6. – С. 48–59.

347. *Мельник Г.С.* Mass-media: психологические процессы и эффекты.– СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 160 с.

348. Методологические проблемы социальной психологии. – М.: Наука, 1975. – 416 с.

349. *Миллер А. И.* Национализм как фактор развития // Общественные науки и современность. — 1992. — № 1. С. 124-132.

350. *Миллер* А. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. – Том 2. – 1997. – № 4, Осень – Гражданское общество. [Электронный ресурс]. URL: http://www.carnegie.ru/ru/pubs/Procontra/55643.htm (дата обращения 21.12.2015).

351. *Миллер А.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. 2016. – Гефтер. [Электронный ресурс]. URL: http://gefter.ru/archive/18391 (дата обращения 29.09.2017).

352. *Миненков Г.Я.* Идентичность в политическом измерении. [Электронный ресурс]. URL: http://nmnby.eu/news/analytics/414.html (дата обращения 15.12.2017).

353. *Миненков Г.Я.* Политика идентичности: взгляд современной социальной теории. [Электронный ресурс]. URL: http://gigabaza.ru/doc /72711.html (дата обращения 26.07.2017)

354. *Миннибаев Т.Х.* Политическая карьера провинциалов. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1991. – 128 с.

355. *Мирсияпов И.И.* Национальная идеология и национальные взаимоотношения в Республике Татарстан. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 160 с.

356. *Мусина Р.Н.* К вопросу о месте и роли религии в жизни современных татар (по материалам этносоциологических исследований в Татарстане) // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. – Казань, 1992. – С. 52–64.

357. *Мустафин М.Р., Хузеев Р.Г.* Все о Татарстане. Экономико-географический справочник.– Казань, 1994. – 165 с.

358. *Мухаметшин Ф.Х.* Татарстан: итоги, проблемы, перспективы // Татарстанская модель: мифы и реальность. – Казань, 1997. – С. 14–22.

359. *Мухаметшин Ф.Х.* Федеративные отношения как фактор соцально-политического развития республики – субъекта Российской Федерации: автореф. дисс. ... докт. полит. наук; Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – М., 2001. – 50 с.

360. *Мухаметшин Ф.Х.* Федеративные отношения как фактор социально-политического развития республики – субъекта Российской Федерации: дисс. ... докт. полит. наук; Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – М., 2001. – 487 с.

361. *Мухаметшина Н.С.* Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. – 292 с.

362. *Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М.* Татарстан в условиях рецентрализации по-путински авторы // Феномен Владимира Путина и

российские регионы: победа неожиданная или закономерная? / под ред. К. Мацузато. – М.: Материк, 2004. – С. 312–366. – 371 с.

363. *Мухарямов Н.М.* Модель Татарстана // Реформа местного самоуправления в региональном измерении. По материалам из 21 региона Российской Федерации / под ред. С.И. Рыженкова, Н.В. Винника. – М.: МОНФ, 1999. – 627 с.

364. *Мухарямов Н.М.* Глава 1. Этнический фактор и политика в Республике Татарстан: тенденции 2000-х годов // ИНАБ №6 – 2012. Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане. – М.: Институт социологии РАН, 2012. – С. 7–22.

365. *Мухарямов Н.М.* О символических началах в языке политики (прагматический аспект) // Символическая политика: сборник научных трудов / Центр социальных научно-информационных исследований, Отделение политических наук; отв. ред. О.Ю. Малинова. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 54–74.

366. *Мухарямов Н.М.* Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – С. 677–685.

367. *Мухарямов Н.М.* Республика Татарстан // Регионы России: хроника и руководители / под ред. К. Мацузато. – Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. – Т. 7. (Республика Татарстан, Удмуртская республика, Республика Мордовия). – С. 15–150.

368. *Мухарямов Н.М.* Структурирование общественно-политических сил в Республике Татарстан: этапы и тенденции // Политическая система Республики Татарстан (институционально-нормативный анализ). – Казань: КГУ, 1995. – С. 23–35.

369. *Мухарямов Н.М.* Этнический фактор и политика в Республике Татарстан: тенденции 2000-х годов // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой / редкол.:

Р.Н. Мусина, Г.Ф. Габрахманова, Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 35–57.

370. *Мухарямов Н.М.* Язык и политика в контексте «глобализации» // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 25–27 сентября 2014 г. / отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 96–100.

371. *Мухарямова Л.М.* Дискурсы о национальном образовании: субъектный анализ // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнических обществ: Материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 26–28 июня 2008 г. / отв. ред. Р.Н. Мусина. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. – С. 94–99.

372. *Мухарямова Л.М.* Языковые отношения: политологический анализ. – Казань: изд. Казан. ун-та, 2003. – 276 с.

373. *Мухарямова Л.М., Андреева А.Р.* Феномен национальной школы в социологических дискурсах. – Казань: Казан. ун-т, 2008. – 268 с.

374. *Нарочницкая Е.А.* Национализм: история и современность. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – 59 с.

375. Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / отв. ред. А.И. Миллер. – М.: РАН, 1994. – 198 с.

376. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов / ред. Л.М. Дробижева, М.С. Кашуба, А.Р. Аклаев, В.В. Коротеева. – М.: ИЭА РАН, 1994. – 273 с.

377. *Низамова Л.Р.* Медиа-продукт и «национальная» идеология: кейс-стади Всемирного конгресса татар // Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг. / под ред. С.А. Ерофеева и Л.Р. Низамовой. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 166–233.

378. *Низамова Л.Р.* Модерные этничности: единство форм и множество конфигураций // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнических обществ: материалы международной научно-практической конференции. Казань, 26–28 июня 2008 г. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 331–336.

379. *Низамова Л.Р.* Смешанные этнические идентичности и мультикультурализм // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. – Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2009. – С. 233.

380. *Ноженко М.В.* Национальные государства в Европе. – СПб.: Норма, 2007. – 344 с.

381. *Ноженко М., Белокурова Е.* Северо-Запад России: регион или регионы? – СПб.: НОРМА, 2010. – 164 с.

382. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М.: Изд-во «Прогресс-Академия», 1996. – 352 с.

383. *Овруцкий Л.* Разговоры с Хакимовым. – Казань, 2000. – 292 с.

384. *Ожиганов Э.Н.* Этническое начало и коллективное бессознательное // Релятивисткая теория нации: новый подход к исследованию этнополитический динамики России. К 70-летию профессора А.Г. Здравомыслова. – М.: РНИСиНП, 1998. – С. 31–36.

385. *Орачева О.И.* Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М.В. Ильин, И.М. Бусыгина. – М., 1999. – С. 36–43.

386. *Осипов А.Г.* Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. – СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. – 508 с.

387. *Павленко С.В.* Центр – регионы: кто кого? // Международная жизнь. – 1993. – №4. – С. 89–95.

388. *Паин Э.А.* Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – 2-е изд., доп. – М.: Новое изд-во, 2004. – 248 с.

389. *Паин Э.А.* Новые административные реформы и их влияние на этнополитические процессы в России // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. – С. 648–671.

390. *Паин Э.А.* Россия: от межэтнических конфликтов к взаимопониманию // Этнополис. – 1995. – №2. – С. 36–51.

391. *Паин Э.А.* Становление государственной независимости и национальной консолидации России: проблемы, тенденции, альтернативы // Мир России. – 1995. – №5. – С. 58–90.

392. *Паин Э.А.* Этнические конфликты в постсоветской России // Вестник Института Кеннана в России. – 2012. – № 22. – С. 35–47.

393. *Паин Э.А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 328 с.

394. *Пантин В.И.* Самоопределение как ресурс модернизации [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – Москва, 2010. URL: http://www.ng.ru /scenario/2010-03-30/10_samoopredelenie.html (дата обращения 06.02.2016).

395. *Пахалюк К.А.* Измерения дискурсивного пространства политических процессов: коммуникативное, семиотическое и когнитивное. Часть II Текст научной статьи по специальности «Языкознание» [Электронный ресурс]. URL.: https://cyberleninka.ru/article/n/izmereniya-diskursivnogo-prostranstva-politicheskih-protsessov-kommunikativnoe-semiotic hes koe-i-kognitivnoe-chast-ii (дата обращения 25.11.2018)

396. *Перегудов С.П.* Российская и гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание /

отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017.– С. 163–171.

397. *Перфильев Ю.* Региональная символика: в поисках идеологии // Регионы России в 1999 г.: ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / под ред. Н. Петрова. – М., 2001. – С. 324–337.

398. *Петров Н.* Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. – СПб., 2003. – С. 125–186.

399. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х тт. / отв. ред. И.С. Семененко; редкол.: И.С. Семененко, В.В. Лапкин, Л.А. Фадеева. – М.: РОССПЭН, 2012. – 471 с.

400. *Понарин Э.Д.* Политико-рациональные и культурно-исторические факторы ассимиляции // Политическая социология и современная российская политика. Сб. учебных материалов / под ред. Г.В. Голосова, Е.Ю. Мелешкиной. – СПб.: Изд-во Борей-принт», 2000. – С. 295–307.

401. *Понарин Э.Д., Мухаметшина Н.С.* Национальные проблемы на пост-советской территории. Учебное пособие. – СПб.: Европейский университет, 2001. – 54 с.

402. *Попков Ю.В.* Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 39–44.

403. *Попова О.В.* Межкультурная коммуникация // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – С. 345–349.

404. *Попова О.В.* Политическая идентификация в условиях трансформации общества. – СПб., 2002. – 257 с.

405. *Попова О.В.* Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политологии // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-

теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / редкол.: И.С. Семененко (отв. ред.), Л.А. Фадеева (отв. ред.), В.В. Лапкин, П.В. Панов. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 13–29.

406. *Поцелуев С.П.* Символическая политика как инсценирование и эстетизация // Полис. Политические исследования. – 1999. – №5. – С. 62–68.

407. *Поцелуев С.П.* Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/891/691/1219/005.POTSELUEV.pdf (дата обращения: 07.03.2017).

408. *Равио Ж. Р.* Национализм в Татарстане: его типы // Идель. – 1994. – №7–8. – С. 50–52.

409. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М.: Наука, 2005. – 396 с.

410. Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие / под ред. В.А. Тишкова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2011. – 462 с.

411. *Сагитова Л.В.* Государственные языки в системе среднего профессионального образования. (Опыт Республики Татарстан) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2016. –№4. – С. 138–142.

412. *Сагитова Л.В.* Государство и общественные институты в реализации культурной политики Татарстана: опыт 20-летнего сотрудничества // Становление новой федеративной России: опыт конституционного законотворчества Республики Татарстан. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию со дня принятия Конституции Республики Татарстан. Казань, 2–3 ноября 2012 г. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. – С. 292–307.

413. *Сагитова Л.В.* Гражданская и культурная идентичности в российских учебниках истории // «Другой» в пространстве коммуникации:

Сб. научных статей / сост. и ред. С.К. Шайхитдинова. – Казань: Казанский государственный университет, 2007. – С. 79–92.

414. *Сагитова Л.В.* Динамика билингвизма в Татарстане: результаты языковой политики правительства и социально-экономическая конъюнктура // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 76–99.

415. *Сагитова Л.В.* Динамика языковых процессов в Татарстане: конкуренция языков в молодежной среде в условиях модернизации и глобализации // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Монография / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, А.Р. Мухаметзяновой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 5–42.

416. *Сагитова Л.В.* Интеллектуалы и власть: основания тандема в период этнического ренессанса. (Кейс: Республика Татарстан) // Элиты России и Украины: особенности становления и взаимодействия. – М.: ГУ Высшая школа экономики, 2009. – С. 161–189.

417. *Сагитова Л.В.* Информационная среда в процессе этнокультурной идентификации современных татар: между традицией и глобализацией // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С. 158–182.

418. *Сагитова Л.В.* Леокадия Дробижева. Черты профессиональной биографии: взгляд из Татарстана // Этнографическое обозрение Online. – 2013. – №3. – С. 160–166. [Электронный ресурс].URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2013/2013_ 3_160_166_Sagitova. pdf___(дата обращения 05.02.2016).

419. *Сагитова Л.В*. Отражение языковой ситуации в республиканских СМИ и Интернет-ресурсах // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габд-

рахмановой, Г.И. Макаровой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С. 61–93.

420. *Сагитова Л.В.* Политизация религии и этничности в Интернете: технология конструирования конфликта // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 269–274.

421. *Сагитова Л.В.* Развитие коммуникационных технологий и интеллигенция: трансформация социальной функции и идентичность субъекта // Вестник Казанской государственной академии культуры и искусств. – Казань, 2013. – № 3. – С. 72–75.

422. *Сагитова Л.В.* Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России. Сер. «Труды факультета политических наук и социологии, вып. 11 / под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. – СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. – С. 77–125.

423. *Сагитова Л.В.* Республика Татарстан. Часть 9 // Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2013. – С. 87–93.

424. *Сагитова Л.В.* Республиканская пресса как фактор формирования национального самосознания в Татарстане в современных условиях // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М., 1995. – С. 226–247.

425. *Сагитова Л.В.* Стратегии культурного «Большинства» и «Меньшинства» в процессе идентификации // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 113–118.

426. *Сагитова Л.В.* Этническая культура в условиях глобализации: поиск исследовательских парадигм // Культура. Образование. Время. – 2012. – №1. – С. 7–12.

427. *Сагитова Л.В.* Этничность в архитектуре регионального развития: опыт постсоветского Татарстана // Этносоциология вчера и сегодня / отв. ред. и сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. – С. 319–326.

428. *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Воспроизводство этничности в татарском обществе на рубеже 1980–1990-х годов. – Казань: Изд-во «Татполиграф», 1998. – 184 с.

429. *Сагитова Л.В.* Этнонациональный дискурс Татарстана: факторы конструирования и их мотивы // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – №20. – С.314–329.

430. *Сагитова Л.В.* Языковая конкуренция в условиях глобализации: прагматизм и идеальные интересы молодежи (на примере Республики Татарстан) // Филология и культура. Philology and Culture. – 2015. – №4(42). – С. 144–149.

431. *Сагитова Л.В.* Языковая ситуация в Татарстане: проблемы билингвизма в отражении региональных СМИ // Вестник российской нации. – 2015. – №4 (42). – С. 127–141.

432. *Сагитова Л.В.* Языковые процессы в современной России: актуальность экспертного мониторинга (Рецензия на монографию Я.З. Гарипова) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – №4. – С. 237–240.

433. *Салагаев А.Л.* Русские в Республике Татарстан: проблемы социокультурного развития // Дело. – 1996. – №2. – С. 23–24.

434. *Салагаев А.Л., Сергеев С.А., Лучшева Л.В.* Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан. – Казань: КНИТУ, 2011. – С. 219–232.

435. *Самаркина И.В.* Политика памяти и исторический нарратив // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – С. 666–677.

436. *Сампиев И.М.* Этнический диспаритет как фактор конфликтности // Философия права. 2009. No 1. – С. 61–67.

437. *Сарматин Е.С.* Этнократический режим: формирование и функционирование на постсоветском пространстве // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. No 3. – С. 95–100.

438. *Сафин Ф.Г.* Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект. – Казань: Магариф, 2001. – 543 с.

439. *Семененко И.В.* Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / редкол.: И.С. Семененко (отв. ред.), Л.А. Фадеева (отв. ред.), В.В. Лапкин, П.В. Панов. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 8–13.

440. *Семененко И.В.* Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – №11. – С. 91–102. [Электронный ресурс].URL: https://www.imemo.ru /files/File/magazines/meimo/11_2015/91_102_ SEMENE NKO. pdf (дата обращения 20.11.2017).

441. *Семененко И.С.* Введение // И.С. Семененко, Л.А. Фадеева, В.В. Лапкин, П.В. Панов. Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с. [Электронный ресурс]. URL: https://lib.sale/sotsiologiya-politiki-knigi/vvedenie-semenenko-imemo-ran-identichnost.html (дата обращения 18.12.2017).

442. *Семененко И.С.* Культурная, социокультурная, цивилизационная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика.

Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – С. 312–318.

443. *Семененко И.С.* Политика идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017.

444. *Семененко И.С.* Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017.

445. *Семененко И.С.* Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – №4. – С. 8–28. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.17976 /jpps/2016.04.03 (дата обращения 14.11.2017).

446. *Семененко И.С.* Становление корпоративности. Триумф корпорации? // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 4–5. – С. 8–9.

447. *Семененко И.С.* Этнополитический конфликт // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – С. 445–454.

448. *Семененко И.С., Фадеева Л.А., Лапкин В.В. , Панов П.В..* Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. М., ИМЭМО РАН, - 299 с.. 2011. [Электронный ресурс]. URL.:https://lib.sale/sotsiologiya-politiki-knigi/vvedenie-semenenko-imemo-ran-identichnost .html (дата обращения 18.12.2017).

449. *Сенатова О., Касимов А., Гельман В., Рыженков С.* Политические факторы и субъекты политики в Поволжье // Земство. – 1994. – №4. – С.8–33.

450. *Сергеев С.А., Сергеева З.Х.* Татарский этнонационализм в Республике Татарстан: от рассвета до заката // ПОЛИТЭКС. – 2009. – №1. – С. 115–132.

451. *Сергеев С.А., Сергеева З.Х.* Этнокультурная политика и этнический национализм в Татарстане // Кому принадлежит культура? – Казань, 1999. – С. 188–194. [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/501/667 /1219/razd3.pdf (дата обращения 08.07. 2017)

452. *Смирнов В.А.* Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 78-97.

453. *Смит Э.* Национализм и историки // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 236–263.

454. *Соколовский С.В.* «Татарская проблема» во всероссийской переписи населения // Ab Imperio. – 2002. – № 4. – С. 207–237.

455. *Соколовский С.В.* О неуюте автаркии, национализме и постсоветской идентичности. [Электронный ресурс]. URL: http://old.iea.ras.ru/ publications_new /ethnomethodology/index.html (дата обращения 24.12.2017).

456. *Соколовский С.В.* Перспективы развития концепций этнонациональной политики в Российской Федерации / Институт этнологии и антропологии РАН. – М.: Привет, 2004. – 258 с.

457. *Солдатова Г.У.* Психологическое исследование этнической идентичности в условиях межэтнической напряженности // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. – М.: ИЭА РАН, 1994. С. 62-88.

458. *Солдатова Г.У.* Психологический потенциал сдерживания межэтнической напряженности в республиках России // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М.: ИЭА РАН, 1995. С. 282-299.

459. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1990. – 386 с.

460. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. – 388 с.

461. Социальная идентификация личности / под ред. В.А. Ядова. – М.: Институт социологии РАН, 1993. – 168 с.

462. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. – М.: Наука, 1973. – 320 с.

463. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – 480 с.

464. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М.: Новый хронограф, 2010. – 256 с.

465. *Столярова Г.Р.* Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. – Казань: Казан. ун-т, 2004. – 315 с.

466. Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М.: ИЭА РАН, 1995. – 299 с.

467. Суверенный Татарстан // авт. и сост. Ф.Х. Мухаметшин, Н.Г. Тагиров. – М.: ИНСАН, 1997. – 304 с.

468. Татары. – М.: Наука, 2001. – 583 с.

469. *Титова Т.А.* Этнические меньшинства в Татарстане: статус, идентичность, культура. – Казань: Казан. ун-т, 2007. – 254 с.

470. *Тишков В.А.* «Напряжение возникает там, где недорабатывает власть» // Татарстан: Общественно-политический журнал. – 2007. – №10. – С. 34–37.

471. *Тишков В.А.* Антропология российских трансформаций // Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. – 2-е изд., перераб. и доп. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – С. 6–33.

472. *Тишков В.А.* Забыть о нации. Постнационалистическое понимание национализма // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 3–29.

473. *Тишков В.А.* Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997. – С. 15–43.

474. *Тишков В.А.* Как обновить концепцию национальной политики? // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2003. – № 48. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iea.ras.ru/topic/law/publ /tishkov2003.htm (дата обращения 02.12.2015).

475. *Тишков В.А.* О нации и национализме // Панорама-форум. – 1996. – №1(4). – С. 5–22.

476. *Тишков В.А.* От федерализма до сепаратизма, или как превратить «национальный очаг» в большой международный пожар // Российская федерация сегодня. – 1999. – № 22. – С. 49–51.

477. *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997. – 324 с.

478. *Тишков В.А.* Переписи населения и конструирование идентичностей. [Электронный ресурс]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn /na_puti_k_/perepisi_n.html (дата обращения 12.11.2010).

479. *Тишков В.А.* После многонациональности. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru /znamia/2003/3/tishh.html (дата обращения 24.02.2016)

480. *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии / Ин-т этнологии и антропологии Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

481. *Тишков В.А.* Россия – это нация наций // Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. – 2-е изд., перераб. и доп. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – 232 с.

482. *Тишков В.А.* Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 7–18.

483. *Тишков В.А.* Федерализм и национализм в многонациональном государстве // Межнациональные отношения в России и СНГ. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 157–172.

484. *Тишков В.А.* Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2008. – 84 с.

485. *Тишков В.А.* Этничность и право в современной России // Правовые аспекты этнических отношений в России. – М., 2004. – С. 7–14.

486. *Тишков В.А.* Этнология и политика. Научная публицистика. – М.: Наука, 2001. – 240 с.

487. *Тишков В.А.* Этнос или этничность? // В.А. Тишков. Этнология и политика. Научная публицистика. – М.: Наука, 2001. – С. 230.

488. *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. – М.: Изд-во Московского университета, 2011. – 376 с.

489. *Туровский Р.Ф.* Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. – М., 1999. – С. 87–136.

490. *Туровский Р.Ф.* Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в постсоветской России: сборник научных статей. – СПб.: Геликон Плюс, 2003. – С. 139–173.

491. *Фадеева Л.А.* Борьба за конструирование региональной идентичности: пермский случай // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». - 2011. - Вып.2 (14). – С.43-51.

492. *Фадеева Л.А.* Глава 3. «Прошлое» в политике идентичности и проблема коллективной памяти // Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В.Панова, К.А.Сулимова, Л.А.Фадеевой. – М.: РОССПЭН, 2012. – 263 с. – С.35-56.

493. *Фадеева Л.А.* Глава 12. Интеллигенция как «оформитель» идейно-символического пространства // Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы. – М., 2011. – С.210-226.

494. *Фадеева Л.А.* Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политическая наука. 2016. № 2. – С.164-180.

495. *Фадеева Л.А.* Проблема идентичности в сравнительной политологии // Полис. – 2011. - № 1. – С.134-139.

496. *Фадеева Л.А.* Публичные интеллектуалы в борьбе за идентичность // Политическая регионалистика и исследования в регионах России. Политическая наука: Ежегодник 2010 РАПН. – М., 2011. – С. 176-193.

497. *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. – 1994. – №6. – С. 67–79. [Электронный ресурс]. URL: http://www.politnauka.org/library/elit/farukshin.php

498. *Фарукшин М.Х.* Современный федерализм: российский и зарубежный опыт – Казань: Изд-во Казанского университета, 1998. – 335 с.

499. *Фарукшин М.Х.* Субъекты федераций: сравнительное исследование. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – 480 с.

500. *Фарукшин М.Х.* Этничность и федерализм: возможность сочетания или тотальная несовместимость // Политэкс. – 2008. – Т.4, №2. – С. 5–27.

501. *Фарукшин М.Х.* Этнократия: зарубежный дискурс // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 44-50. [Электронный ресурс]. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_4/Farukshin.pdf

502. *Фарукшин М.Х.* Этнополитология. Учебник для студентов и аспирантов факультетов и отделений политологии университетов. – Казань: Изд-во Казанского федерального ун-та, 2014. – 338 с.

503. Федерализм и этническое разнообразие в России / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманна-Грюдера. – М.: РОССПЭН, 2010. – 274 с.

504. Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. – 688 с.

505. *Федотова Н.Н.* Динамика идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017.

506. *Федотова Н.Н.* Изучение идентичности и контексты ее формирования. – М.: Культурная революция, 2012. – 200 с.

507. *Федотова Н.Н.* Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 52–62.

508. *Федотова Н.Н.* На пути к процессуальной теории идентичности // Философские науки. – 2014. – № 11. – С. 70–81.

509. *Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2003. – 380 с.

510. *Филлипс Л., Йоргенсен М.В*. Дискурс-анализ. Теория и метод. – 2-е изд., испр. / пер. с англ. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 362 с.

511. *Фурс В.* (реферат). Арджун Аппадураи. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации // Социологическое обозрение. – 2003. –Т. 3, № 4. – С. 57–66.

512. *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета гражданства // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 364–381.

513. *Хабутдинов А.Ю.* От общины – к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 214 с.

514. *Хаким Р.* Сумерки империи (к вопросу о нации и государстве). – Казань: Татарское книжное изд-во, 1993. – 87 с.

515. *Хакимов Р*. Мы Запад или Восток? // Татарстан. – 1994. – № 9, 10.

516. *Хакимов Р.* Об основах асимметричности Российской Федерации // Федерализм в России / под ред. Р.Хакимова. – Казань: Институт истории АН РТ, Казанский институт федерализма, 2001. – С. 266–272.

517. *Хакимов Р.С.* Каково быть татарином? – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 252 с.

518. *Хакимов Р.С.* Перспективы федерализма в России // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2004. – С. 679–687.

519. *Хакимов Р.С.* Проблемы политического и экономического суверенитета республики // Проблемы перестройки управления социально-экономическим развитием автономных республик на основе самоуправления и самофинансирования. – Казань, 1990. – С. 32–48.

520. *Хакимов Р.С.* Республика Татарстан: модель устойчивого развития. [Электронный ресурс]. URL: http://1997-2011.tatarstan.ru/index.html@node_id=433.html (дата обращения 04.05.2018).

521. *Хакимов Р.С.* Российский федерализм в условиях социально-политической трансформации. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 216 с.

522. *Хакимов Р.С.* Федерализация через стабильность // Панорама-форум. –1995. – № 1. – С. 34–39.

523. *Хенкин С.* Сепаратизм в России: позади или впереди? // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2, №2. – С. 5–19.

524. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. – 308 с.

525. *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – С. 332–347.

526. *Холл С.* Проблема культурной идентичности и децентрация субъекта // Контексты современности: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. – Казань: Казан. ун-т, 1995. – С. 169–174.

527. *Хоперская Л.Л.* Аксиологический аспект анализа этнополитических конфликтов // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга EWARN / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М., 2011. – С. 46–57.

528. *Хрох М.* От национальных движений к полностью оформившейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – 416 с. – С. 121–146.

529. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества / отв. ред. Л.М. Дробижева, Т.С. Гузенкова. – М.: ИЭА РАН, 1994. – 236 с.

530. *Цумарова Е.Ю.* Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – 2012. – № 2. – С. 5–16.

531. *Чернышев А.Г.* Особенности регионального самосознания и современный политический процесс // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М.В. Ильин, И.М. Бусыгина. – М., 1999. – С. 139–145.

532. *Чешко С.В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. – М.: ИЭА РАН, 2000. – 395 с.

533. *Шабаев Ю.П.* Конструирование нового национализма финно-угров: конкуренция глобального и регионального // Мир России. – 2004. – №3. – С. 48–70.

534. *Шайхитдинова С.К.* Этнонациональные ценности и ориентации культурной элиты Татарстана: опыт культурологического анализа свободных интервью // Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг. / под ред. С.А. Ерофеева и Л.Р. Низамовой. – Казань: Казан. ун-т, 2001. – С. 86–109.

535. *Шамильоглу Ю.* Шигабетдин Мәрҗани һәм Алтын Урда образы // Татарстан. – 1991. – № 10. – С. 50–54.

536. *Шнирельман В.А.* Изобретение прошлого // Новое время. – 1996. – №32. – С. 44–56.

537. *Шнирельман В.А.* Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований / под ред. Е. Пивовар. – М.: МГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 118–147.

538. *Шнирельман В.А.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. – 2003. – №4. – С. 3–14.

539. *Элиас Н.* Общество индивидов. – М.: Праксис, 2001. – 336 с.

540. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

541. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта, пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое изд-во, 2006. – 200 с.

542. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга EWARN / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М., 2011. – 506 с.

543. *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – С. 89–105.

544. Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан / науч. ред. Р.Н. Мусина и др. – Казань: изд-во «Магариф», 2002. – 208 с.

545. *Якупова В.* 100 историй о суверенитете. – Казань: Идел-Пресс, 2001. – 240 с.

546. *Янг К.* Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах. – М.: Наука, 1994. – С. 111–135.

2.2. Диссертации и авторефераты диссертаций

547. *Габрахманова Г.Ф.* Адаптация этнических групп в к социально-экономическим преобразованиям как фактор интеграции российского общества (на материалах Республики Татарстан): дис. … д-ра социол. наук. М. 2012. – 481с.

548. *Зинурова Р.И.* Этническая социализация молодежи в условиях современного российского общества: автореф. дис. ... докт. соц. наук. М., 2005. – 34 с.

549. *Крылов М.Л.* Региональная идентичность в Европейской России: автореф. дис. … докт. геогр. наук. – М., 2007. – 53 с.

550. *Лучшева Л.В.* Влияние культурной политики на этносоциальные процессы русской части населения Республики Татарстан: дис. … канд. соц. наук. Казань. 2006. – 281 с.

551. *Мухаметшин Ф.Х.* Федеративные отношения как фактор соцально-политического развития республики – субъекта Российской Федерации: дис… д-ра полит. наук. М., 2001. – 487 с.

552. *Мухарямов Н.М.* Концептуальные основания и прикладные аспекты этнополитического анализа: дис. … д-ра полит. наук 23.00.01. М., 1996. – 376 с.

553. *Мухарямова Л.М.* Язык и языковые отношения как предмет политической науки: теория и методология анализа: дис. д-ра полит. наук 23.00.01. М., 2004. – 406 с.

554. *Назукина М.В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009. – 200 с.

555. *Рыжова С.В.* Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности: дис. …канд. социол. наук. М., 2008. – 225 с.

556. *Фомин И.В.* Образ государства как предмет политического дискурс-анализа: дис. ... д-ра полит, наук. М., 2014. – 170 с.

557. *Цумарова Е.Ю.* Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия): автореф. дис…. канд. полит. наук. СПбГУ. 2014. – 22 с.

2.3. Литература на иностранном языке

558. *Appadurai A.* Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – 229 p.

559. *Armstrong J.* Nations before nationalism. – Chapel Hill, 1982. – XXXVI. – 411 p.

560. *Bernstein M.* Identity Politics. — Annual Review of Sociology. Vol. 31. 2005. P. 47–74; *Gillis J.* (ed.) Commemorations. The Politics of National Identity. Princeton: Princeton UP. 1994. 304 p.;

561. *Blumer H.* The Methodological Position of Symbolic Interactionism // Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 208 p.

562. *Braddock R.* An Extension of the «Lasswell Formula» // Journal of Communication. – Vol. 8, Issue 2, 1 June 1958. – P. 88–93.

563. *Breuilly J.* Nationalism and the State. – Manchester, 1982. // URL.: http://eprints.lse.ac.uk/id/eprint/22881

564. *Brubaker R.* Nationalism Refrained: Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 214 p.

565. *Ben-Israel H.* Nationalism in historical perspective // Journal of internatoinal affairs. – N.Y., 1992. – Vol. 45, N 2. – P. 367–397.

566. *Calhoun C.* Critical Social Theory: Culture, History, and Challenge of Difference. – Oxford: Blackwell, 1995. – 356 p.

567. *Calhoun C.* Social Theory and the Politics of Identity. – Blackwell, Oxford, UK, 1994. – 350 p.

568. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. II: The Power of Identity. – Malden MA; Oxford UK: Blackwell Publishers, 1997. – 470 p.

569. *Castells M.* The Power of Identity. – Malden, MA: Blackwell, 1997. – 461 p.

570. *Connor W.* Ethnonationalism: A quest for understanding. – Princeton, 1994. – 226 p.

571. Crises of Political Development in Europe and the United States / R. Grew (ed.). – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1978. – 434 p.

572. *Deutsch K.W.* Nationalism and Social Communication: an Inquiry into the Foundations of Nationality. – Cambridge, 1953. – 292 p.

573. *Easton D.* The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. – New York: Alfred A. Knopf, 1953. – 356 p.

574. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference / Ed. by Fredrik Barth. – Oslo: Universitetsforlaget, 1982 (reprint). – 186 p.

575. The Formation of National States in Western Europe / Ch. Tilly (ed.). – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1975. – 711 p.

576. *Isaacs H.* The Idols of the Tribe. New York, Harper, 1975.

577. *Gellner E.* Nations and nationalism. – Oxford, 1983. – 150 p.

578. *Gurbuz M.E.* Identity Politics. Encyclopedia of Social Problems. Vol. 1. (ed. by V.N. Parillo). LA, London, New Delhi, Singapore: Sage. 2008. P. 467–469.

579. *Hall J.A.* Nationalisms: classified and explained // Daedalus. – Cambridge, 1993. – Vol. 122, No 3. – P. 1–28.

580. *Hall S.* Old and New Identities, Old and New Ethnicities. — A.D. King (ed.). Culture, Globalization and the World System. London: Macmillan. 1991. P. 41–68.

581. *Heyes C.* Identity Politics. — Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2016 Edition, E. Zalta ed.) 2002. [Электронный ресурс]. URL.: http://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/ (дата обращения 23.11.2017).

582. *Hobsbawm E.J.* Nations and nationalism since 1780. – Cambridge, 1990. – 206 p.

583. *Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, Cambridge University Press. 1968.

584. *Howard L.M.* The Ethnocracy Trap // Journal of Democracy. 2012. Vol. 23. No 4. P. 155–169.

585. *Kenny M.* The Politics of Identity: Liberal Political Theory and the Dilemmas of Difference. Cambridge: Polity Press. 2004. 212 p.

586. *Laclau E.* and *Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. – London: Verso, 1985. – 240 p.

587. *Lasswell H.D.* The structure and function of communication in society // The Communication of Ideas / L. Bryson (ed.). – N.Y.: Harper and Brothers, 1948. URL: http://pracownik.kul.pl/files/37108/public/Lasswell.pdf; http://sbiblio.com/biblio/archive/hrest_pr/00.aspx (дата обращения 10.05.2018).

588. *Lasswell H.D.* The Theory Political Propaganda // Reader in Public Opinion and Communications / Ed. by B. Berelson, W. Janovitz. – Glencoe, IL: Free Press, 1953. – P. 176–180.

589. *Layirsfeld P., Merton R.* Mass Communication, popular taste and organized social action // The Communication of Ideas / L. Bryson (ed.). – N.Y.:

Harper and Brothers, 1948. // URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/hrest_pr/01.aspx (дата обращения 10.11.2016).

590. *McAuley M.* Politics, Economics, and Elite Realignment in Russia: A Regional Perspective // Soviet Economy. – 1992. – №1. – P. 75–102.

591. *Moses J.C.* Saratov and Volgograd, 1990–1992. A Tale of Two Russian Provinces // Local Power and Post-Soviet Politics / Ed. by T. Friedgut and J. Hahn. – N.Y., 1994. – P. 96–137.

592. *Mouffe C.* Democratic Politics and the Question of Identity // The Identity in Question / Rajchman J. (ed.). – New York: Routledge, 1995. . – 307 p.

593. *Nairn T.* The Break-Up of Britain: Crisis and Neo-Nationalism. L. 1977.

594. *Rothschild J.* Ethnopolitics. A Conceptual Framework. – N.Y., 1981. – 290 p.

595. *Rustow. D.A* World of Nations. Washington, Brookings Institution, 1969.

596. *Putnam R.,* The Comparative Study of Political Elites, Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1976. – 246 p.

597. *Sagitova L.V., Iskhakov D.M., Izmailov I.L.* The Tatar National Movement of the 1980s–90s // Anthropology and archeology of Eurasia. – Vol. 43, No 3 (Winter 2004–2005). – P. 11–44.

598. *Smith A.D.* The ethnic origins of nations. – Oxford, 1986. – XVIII. – 312 p.

599. *Smith A.D.* Nationalist movements. – London and Basigstoke, The Macmillan Press LTD, 1976. – 278 p.

600. *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1978. – 349 p.

601. *Van den Berghe P.L.* Man in society. A biosocial perspective. New York, 1975.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АН СССР – Академия наук СССР

ДНС – дискурс национального самоопределения

ДПРП – Департамент по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства

ЕГЭ – Единый государственный экзамен

ИМЭМО – Институт мировой экономики и международных отношений

ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам

ИС – Институт социологии

ИЭА – Институт этнологии и антропологии

КНЦ – Казанский научный центр

КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР

МВШСЭН – Московская высшая школа социальных и экономических наук

МОНФ – Московский общественный научный фонд

МСБ – малый и средний бизнес

НКО – некоммерческая организация

ОЭЗ – особая экономическая зона

РАН – Российская академия наук

РТ – Республика Татарстан

РФ – Российская Федерация

СМИ – средства массовой информации

ТАССР – Татарская автономная советская социалистическая республика

ТОЦ – Татарский общественный центр

ТПП РТ – Торгово-промышленная палата Республики Татарстан

ЦГА ИПД РТ – Центральный государственной архив историко-политической документации Республики Татарстан

Приложение 1

Анкета массового опроса

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш.МАРДЖАНИ

«ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН»

Анкета

А1. ИНТЕРВЬЮ №_____
А2. КОД ИНТЕРВЬЮЕРА_____ Ф.И.О. ИНТЕРВЬЮЕРА_____
А3. ДАТА ОПРОСА:_____ число _____месяц
А4. НАЧАЛО ИНТЕРВЬЮ: _____ ч. _____ мин.
А5. ОКОНЧАНИЕ ИНТЕРВЬЮ: _____ ч. _____ мин.
А6. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ИНТЕРВЬЮ: _____ мин.

А7. КОД НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА_____ НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ_____

Казань – 2014

Уважаемый респондент!

Сотрудники Академии наук РТ проводят исследование с тем, чтобы выяснить, что Вы думаете об этнической и языковой ситуации в Республике Татарстан. Мы просим Вас ответить на вопросы продуманно, поскольку от Ваших ответов зависит дальнейшая языковая политика в республике.

Заранее благодарим Вас за участие в исследовании!

1. Ответьте, пожалуйста, в своем городе, селе Вы:

[**ИНТЕРВЬЮЕР**: ОТМЕТЬТЕ ТОЛЬКО ОДИН ВАРИАНТ]

1. Живете с рождения
2. Приехали из города РТ
3. Приехали из поселка городского типа РТ
4. Приехали из села, деревни РТ
5. Приехали из другого региона РФ
6. Приехали из стран СНГ
7. Другое (ЧТО ИМЕННО?) [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**
98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

2. Какие проблемы сегодня волнуют Вас больше всего?

[**ИНТЕРВЬЮЕР**: ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №1;
ОТМЕТЬТЕ НЕ БОЛЕЕ ПЯТИ ВАРИАНТОВ]

1. Высокие цены (на товары первой необходимости)
2. Рост коммунальных платежей
3. Много приезжих
4. Низкая или несвоевременная выплата заработной платы
5. Рост наркомании и алкоголизма
6. Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов
7. Состояние национальной культуры
8. Безработица
9. Коррупция, бездействие чиновников в органах власти
11. Нехватка поликлиник, плохое медицинское обслуживание
12. Состояние национальных языков (татарского, русского или других)
13. Нехватка жилья
14. Экологическая обстановка
15. Плохие дорожные покрытия
16. Плохая работа полиции
17. Проблемы с работой общественного транспорта
18. Проблемы в религиозной сфере
19. Плохая работа коммунального хозяйства
20. Грязь, мусор на улицах
21. Рост преступности
22. Нехватка детских садов,
23. Плохое качество образования
24. Другое (ЧТО ИМЕННО?) [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**
98. Затрудняюсь ответить

3. Есть ли у вас чувство уверенности в завтрашнем дне?

1. Да
2. Скорее да
3. Скорее нет
4. Нет

98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

4. Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи за последний год?

[**ИНТЕРВЬЮЕР**: ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №2;
ОТМЕТЬТЕ ТОЛЬКО ОДИН ВАРИАНТ]

1. Денег не хватает даже на еду, приходится постоянно брать в долг
2. Денег хватает только на еду
3. Можно купить кое-что из необходимых вещей
4. Денег хватает, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения
5. Ни в чем себе не отказываем

98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

5. На каком языке Вы чаще всего общаетесь…

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ОТМЕТЬТЕ ОДИН ОТВЕТ ПО КАЖДОЙ СТРОКЕ]

	На татарском	На русском	На татарском и русском	На другом (каком?) [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ] _____	У меня таковых нет
С друзьями	1	2	3	4	5
С соседями	1	2	3	4	5
На работе	1	2	3	4	5
Дома с родителями	1	2	3	4	5
Дома с бабушками, дедушками	1	2	3	4	5
Дома с супругом (супругой)	1	2	3	4	5
Дома с детьми, внуками	1	2	3	4	5

6. Насколько свободно Вы владеете языками?

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ОТМЕТЬТЕ ОДИН ОТВЕТ ПО КАЖДОЙ СТРОКЕ]

	Свободно говорю, читаю, пишу	Свободно говорю, но читаю и пишу с затруднениями	Говорю с затруднениями	Понимаю, но не говорю	Не владею этим языком
Татарским	1	2	3	4	5
Русским	1	2	3	4	5
Каким либо другим языком народов России или СНГ (напишите, каким?)_____	1	2	3	4	5
Иностранным западным (англ., нем., франц.)	1	2	3	4	5
Арабским	1	2	3	4	5
Турецким	1	2	3	4	5

7. Какой язык Вы считаете родным?

1. Татарский
2. Русский
3. Оба языка: русский и татарский
4. Другой (какой?) [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]

---

8. Почему Вы считаете его (их) родным(и)? [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]

_____

9. Чем для Вас является русский язык?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №3;**
ОТМЕТЬТЕ НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ ОТВЕТОВ]

1. Моим родным языком
2. Языком моих родителей
3. Языком моих друзей
4. Средством общения в России
5. Языком, близким для всех славянских народов
6. Символом русской культуры
7. Языком, объединяющим россиян
8. Государственным языком Российской Федерации
9. Чужим языком
10. Не задумывался(лась) над этим
11. Другое (что именно?) [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]

10. Чем для Вас является татарский язык?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №4; ОТМЕТЬТЕ НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ ОТВЕТОВ]**

1. Моим родным языком
2. Языком моих родителей
3. Языком моих друзей
4. Языком, близким для всех тюркских народов
5. Языком, помогающим татарам сохраниться как народ
6. Символом татарской культуры
7. Языком, объединяющим татарстанцев
8. Государственным языком Республики Татарстан
9. Чужим языком
10. Не задумывался(лась) над этим
11. Другое (что именно?) [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]

11. Считаете ли Вы для себя важным владеть…

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ОТМЕТЬТЕ ОДИН ОТВЕТ ПО КАЖДОЙ СТРОКЕ]

	Да	В какой-то мере да	Нет	Затрудняюсь ответить
Русским языком	1 *Переходите №12*	2 *Переходите №12*	3	98
Татарским языком	1 *Переходите №13*	2 *Переходите №13*	3	98
Иностранным западным (англ., нем., франц.)	1 *Переходите №14*	2 *Переходите №14*	3	98
Каким-либо языком народов России и СНГ *(не татарским, не русским)* (каким?) [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]	1 *Переходите №15*	2 *Переходите №15*	3	98
Арабским	1 *Переходите №15*	2 *Переходите №15*	3	98
Турецким	1 *Переходите №15*	2 *Переходите №15*	3	98

12. Если Вы считаете для себя важным владение РУССКИМ ЯЗЫКОМ, то почему?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №5; ОТМЕТЬТЕ НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ ОТВЕТОВ]**

1. Это мой родной язык
2. Это пригодится в дальнейшей работе
3. Пригодится в общении с друзьями, соседями, родственниками

4. Это государственный язык России, и я должен его знать
5. Без его знания нельзя считать себя образованным человеком
6. Это язык культуры мирового значения
7. Без его знания невозможно претендовать на престижную работу
8. Мне нравится этот язык и сам процесс постижения чего-то нового
9. Почему еще? [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]

13. Если Вы считаете для себя важным владение ТАТАРСКИМ ЯЗЫКОМ, то почему?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №6; ОТМЕТЬТЕ НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ ОТВЕТОВ]**

1. Это мой родной язык
2. Это пригодится в дальнейшей работе
3. Пригодится в общении с друзьями, соседями, родственниками
4. Это государственный язык РТ, и я должен его знать
5. Без его знания нельзя считать себя образованным человеком
6. Это язык культуры мирового значения
7. Без его знания невозможно претендовать на престижную работу
8. Мне нравится этот язык и сам процесс постижения чего-то нового
9. Почему еще? [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]

14. Как по-Вашему, для чего нужно знание ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (языков)?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №7; ОТМЕТЬТЕ НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ ОТВЕТОВ]**

1. Каждый человек должен знать хотя бы один иностранный язык
2. Без его знания нельзя претендовать на качественное высшее образование
3. Это пригодится в дальнейшей работе
4. Пригодится в общении с друзьями, знакомыми из других стран
5. Без его знания нельзя считать себя образованным человеком
6. Это языки культуры мирового значения
7. Без его знания невозможно претендовать на престижную работу
8. Без знания иностранного языка невозможно претендовать на работу за рубежом
9. Мне нравится этот язык и сам процесс постижения чего-то нового
10. Для чего еще? [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]

15. Как по-Вашему, пригодится ли Вам в жизни, дальнейшей работе знание …

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ОТМЕТЬТЕ ОДИН ОТВЕТ ПО КАЖДОЙ СТРОКЕ]**

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Татарского языка	1	2	3	4	98
Русского языка	1	2	3	4	98
Какого то языка народов России или СНГ (какого?) [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ] _____					98

Иностранного западного (англ., нем., франц.)	1	2	3	4	98
Арабского	1	2	3	4	98
Турецкого	1	2	3	4	98

16. Какими государственными языками Республики Татарстан, по Вашему мнению, должны владеть…

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ОТМЕТЬТЕ ОДИН ОТВЕТ ПО КАЖДОЙ СТРОКЕ]**

	Обоими государственными языками: татарским и русским	Достаточно владения татарским языком	Достаточно владения русским языком	Затрудняюсь ответить
Президент Республики Татарстан	1	2	3	98
Должностные лица, государственные служащие Республики Татарстан	1	2	3	98
Сотрудники больниц, поликлиник, сферы услуг (продавцы, водители и кондуктора общественного транспорта и т.д.)	1	2	3	98

17. Есть ли у вас дети, внуки, ближайшие родственники, которые посещают детский сад?

1. Да……..……. *Переходите №18*
2. Нет…….. *Переходите №20*

18. Как Вы относитесь к проведению в детских садах занятий по татарскому языку?

1. Положительно
2. Скорее положительно
3. Скорее отрицательно
4. Отрицательно
98. Затрудняюсь ответить

19. Как бы Вы оценили по 5-бальной шкале уровень этих занятий?

1. На пять
2. На четыре
3. На три
4. На два
5. На единицу
98. Затрудняюсь ответить

20. Есть ли у вас дети или внуки, которые учатся в школе?

1. Да……..……. *Переходите №21*
2. Нет…….. *Переходите №23*

21. В школе какого типа они учатся?

1. Средней общеобразовательной школе с русским языком обучения
2. В гимназии с русским языком обучения
3. В средней общеобразовательной школе с углубленным изучением иностранного языка
4. В средней общеобразовательной школе с татарским языком обучения
5. В гимназии с татарским языком обучения
6. В средней общеобразовательной школе с углубленным изучением русского языка
7. В средней общеобразовательной школе с углубленным изучением физико-математических дисциплин
8. В школе с углубленным изучением отдельных предметов
9. Другой тип (какой?) [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]
98. Затрудняюсь ответить

22. Как бы Вы оценили по 5-бальной шкале уровень преподавания в школе…

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ОТМЕТЬТЕ ОДИН ОТВЕТ ПО КАЖДОЙ СТРОКЕ]**

	На пять	На четыре	На три	На два	На единицу	Затрудняюсь ответить
Русского языка	1	2	3	4	5	98
Татарского языка	1	2	3	4	5	98
Иностранного западного (англ., нем., франц.)	1	2	3	4	5	98

23. Как вы относитесь к появлению в Татарстане национальных гимназий, лицеев, школ?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ОТМЕТЬТЕ ОДИН ОТВЕТ ПО КАЖДОЙ СТРОКЕ]**

	Положи-тельно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затр. отв.
Татарских	1	2	3	4	98
Русских	1	2	3	4	98
Др. народов России	1	2	3	4	98

24. Как по-Вашему, нужно ли в русскоязычных школах РТ преподавать татарский язык?

1. Да……..……...*Переходите №25*
2. Нет……..……. *Переходите №26*
98. Затрудняюсь ответить……..*Переходите №26*
99. Отказ……..…...*Переходите №26*

25. В каких формах должен преподаваться татарский язык в школах?

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ОТМЕТЬТЕ ОДИН ВАРИАНТ]

1. Он должен быть обязательным предметом
2. Он должен быть обязательным предметом, но на него должно отводиться меньшее количество часов
3. Он должен идти в качестве факультатива (для желающих)
4. Он должен быть обязательным только для татар
98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

26. Как, по-Вашему, должны ли студенты высших учебных заведений Республики Татарстан изучать русский язык?

1. Да……..……...*Переходите №27*
2. Нет……..……. *Переходите №28*
98. Затрудняюсь ответить……..*Переходите №28*
99. Отказ……..……*Переходите №28*

27. В каких формах нужно изучать русский язык в высших учебных заведениях Республики Татарстан?

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ОТМЕТЬТЕ ОДИН ВАРИАНТ]

1. Как обязательный предмет для всех студентов
2. Ввести русский язык как факультатив для всех желающих
3. Другое (что именно?) [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]
98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

28. Как по-Вашему, должны ли студенты высших учебных заведений Республики Татарстан изучать татарский язык?

1. Да……..……. *Переходите №29*
2. Нет……..……. *Переходите №30*
98. Затрудняюсь ответить…… *Переходите №30*
99. Отказ……..……. *Переходите №30*

29. В каких формах нужно изучать татарский язык в высших учебных заведениях Республики Татарстан?

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ОТМЕТЬТЕ ОДИН ВАРИАНТ]

1.…Нужно дать возможность желающим получить высшее образование на татарском языке

2.…Все преподавание вести на русском языке, а татарский язык ввести как обязательный предмет для всех студентов

3.…Все преподавание вести на русском языке, а татарский язык ввести как обязательный предмет только для татар

4.…Ввести татарский язык как факультатив для всех желающих

5.…Другое (что именно?) [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]

98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

30. В последние годы нередко говорят о снижении знания русского языка, о его засорении иностранными словами, вульгаризмами. Согласны ли Вы с такой точкой зрения?

1. Да……..……. *Переходите №31*
2. Нет……..……. *Переходите №32*
98. Затрудняюсь ответить……... *Переходите №32*

31. Как Вы думаете, что нужно предпринять, чтобы изменить эту ситуацию?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИ КАРТОЧКУ №8;**
ОТМЕТЬТЕ <u>НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ</u> ОТВЕТОВ]

1. Создавать и поддерживать политические партии и движения для сохранения и развития русского языка и культуры
2. Создавать общественные организации для сохранения и развития русского языка и культуры
3. Создавать специальные теле- и радиопередачи
4. Открывать специальные курсы для желающих повысить культуру русской речи
5. Проводить различные конкурсы, олимпиады по русскому языку среди школьников и студентов
7. Проводить специальные культурные мероприятия – День русского языка, Фестиваль русской культуры и т.п.
8. Организовать подготовку высококвалифицированных учителей по русскому языку и литературе
9. Самостоятельно повышать свой уровень владения русским языком (читать литературу, изучать грамматику, посещать театры и т.п.)

10. Что еще? [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**

11. Ничего не нужно делать
98. Затрудняюсь ответить

32. В последние годы нередко говорят о снижении знания татарского языка. Согласны ли Вы с такой точкой зрения?

1. Да……..……. *Переходите №33*
2. Нет……..……. *Переходите №34*
98. Затрудняюсь ответить…… *Переходите №34*

33. Что, по Вашему мнению, можно сделать, чтобы стимулировать интерес к татарскому языку?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №9; ОТМЕТЬТЕ <u>НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ</u> ОТВЕТОВ]**

1. Создавать и поддерживать политические партии и движения для сохранения и развития татарского языка и культуры
2. Создавать общественные организации для сохранения и развития татарского языка и культуры
3. Создавать возможность получения высшего образования на татарском языке
4. Стимулировать его востребованность в ходе дальнейшей работы
5. Способствовать развитию современной татарской культуры в условиях города
6. Преодолеть провинциализм средств массовой информации, работающих на татарском языке, добиться современного уровня передач

7.Организовать подготовку учителей татарского языка, соответствующих современным
требованиям
8. Разработать более современные методики обучения татарскому языку
9. Ввести обязательный государственный экзамен по татарскому языку по окончании
средней школы
10. Что еще? [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**
11. Ничего не нужно делать
98. Затрудняюсь ответить

34. Как вы считаете, в Республике Татарстан влияет ли знание татарского языка на возможности человека….

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ОТМЕТЬТЕ ОДИН ОТВЕТ ПО КАЖДОЙ СТРОКЕ]**

	Влияет значительно	Влияет незначительно	Не влияет	Затрудняюсь ответить	Отказ
открыть свое дело	1	2	3	98	9
получить хорошо оплачиваемую работу	1	2	3	98	9
занять высокий пост в органах власти	1	2	3	98	9

35. Какими языками Вам бы хотелось, чтобы владели Ваши дети?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **МОЖНО ОТМЕТИТЬ ЛЮБОЕ КОЛИЧЕСТВО ОТВЕТОВ]**

1. Татарским
2. Русским
3. Английским
4. Арабским
5. Турецким
6. Другими (каким?) [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]

98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

36. Здесь приводятся разные суждения. Выберите из каждой группы суждений то, какое больше соответствует Вашему мнению

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ОТМЕТЬТЕ ОДИН ВАРИАНТ]

А.

1. Я редко задумываюсь о том, кто я по национальности
2. Я никогда не забываю о том, что я татарин (русский), представитель своего народа

Б.

1. Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-то национальности

2. Современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы

37. Когда Вы наиболее сильно ощущаете принадлежность к своему народу?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИ КАРТОЧКУ №10; ОТМЕТЬТЕ <u>НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ</u> ОТВЕТОВ]**

1. Когда слышу народные песни, песни на родном языке
2. Когда бываю на народных праздниках
3. Когда слышу о выдающихся достижениях людей моей национальности
4. Когда читаю сказки, былины, предания моего народа (сам или для своих детей)
5. Когда обсуждают историческое прошлое моего народа, читаю исторические романы, повести
6. Когда посещаю храм (церковь, мечеть)
7. Когда посещаю святые места
8. Когда еще? [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**
9. Никогда
98. Затрудняюсь ответить

38. Я сейчас передам Вам карточку. Назовите, пожалуйста, что из перечисленного на этой карточке больше всего сегодня необходимо людям вашей национальности?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №11; ОТМЕТЬТЕ <u>НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ</u> ОТВЕТОВ]**

1. Возрождение и развитие национальной культуры вашего народа
2. Поддержка религии вашего народа
3. Поддержка языка
4. Развитие экономики
5. Преодоление социального неравенства, решение социальных проблем
6. Оздоровление природной среды
7. Наведение законности и порядка
8. Другое (что именно?) [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**
98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

39. Назовите, пожалуйста, что из перечисленного больше всего объединяет Вас с людьми Вашей национальности…

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №12; ОТМЕТЬТЕ <u>НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ</u> ОТВЕТОВ]**

1. Язык
2. Культура
3. Обычаи, обряды
4. Религия
5. Общие корни, происхождение
6. Черты характера
7. Родная природа, территория
8. Историческое прошлое
9. Общая государственность

10. Внешний облик (внешность)

11. Другое (что именно?) [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**

12. Ничего не объединяет

98. Затрудняюсь ответить

99. Отказ

40. Как Вы считаете, нужны ли специальные меры для развития татарского языка и культуры в республике?

1. Да, нужны
2. Да, в какой то мере нужны
3. Нет, не нужны

98. Затрудняюсь ответить

41. Как Вы считаете, нужны ли специальные меры для развития русского языка и культуры в республике?

1. Да, нужны
2. Да, но в какой то мере нужны
3. Нет, не нужны

98. Затрудняюсь ответить

42. Какие действия Вы лично предпринимаете для поддержки развития языка и культуры Вашего народа?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ОТМЕТЬТЕ <u>НЕ БОЛЕЕ ДВУХ</u> ОТВЕТОВ]**

1. Участвую в политических мероприятиях (митинги, демонстрации и т.д.)
2. Обращаюсь с инициативами в органы государственной власти, местного самоуправления
3. Участвую в работе общественных организаций (национально-культурных обществ, центров, любительских объединений и т.д.)
4. Непосредственно участвую в различных мероприятиях (конкурсы, смотры самодеятельности, выставки народного творчества, концерты и т.п.)
5. Стараюсь самостоятельно приобщаться к родному языку и культуре, приобщаю к ней своих детей и внуков (говорим дома родном языке, читаю книги, журналы, газеты, хожу в театры и т.д.)

6. Что еще? [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**

7. Ничего не предпринимаю, хотя считаю, что поддержка моей культуры необходима
8. Не считаю, что культура моего народа нуждается в поддержке

98. Затрудняюсь ответить

43. Какие татарские национальные организации и движения, существующие в Татарстане, Вы знаете? [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**

_____

44. Какие русские национальные организации и движения, существующие в Татарстане, Вы знаете? [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**

_____

45. Как бы Вы сейчас оценили межнациональные отношения в Республике Татарстан?

[**ИНТЕРВЬЮЕР**: ОТМЕТЬТЕ ТОЛЬКО ОДИН ВАРИАНТ]

1. Благоприятные
2. Спокойные
3. Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует
4. Напряженные
5. На грани открытых столкновений
98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

46. Объединяет ли Вас что-то с Татарстаном?

1. Да……..…….*Переходите №47*
2. Скорее да……..*Переходите №47*
3. Скорее нет…….*Переходите №48*
4. Нет……..……*Переходите №48*
98. Затрудняюсь ответить……...*Переходите №48*

47. Назовите, пожалуйста, что из перечисленного больше всего объединяет Вас с Татарстаном?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №13; ОТМЕТЬТЕ <u>НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ</u> ОТВЕТОВ]**

1. Язык
2. Культура
3. Праздники (какие?) [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**
4. Родная земля, природа
5. Образ мышления, менталитет
6. Религия
7. Историческое прошлое
8. Это регион, в котором я живу
9. Президент РТ, Конституция РТ, законы РТ
10. Это – часть России
11. Это наша общая республика
13. Люди моей национальности живут в Татарстане
14. Другое (что именно?) [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**
15. Ничего не объединяет
98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

48. Объединяет ли Вас что-то с Россией?

1. Да……..…….*Переходите №49*
2. Скорее да……..*Переходите №49*
3. Скорее нет……*Переходите №50*
4. Нет……..…….*Переходите №50*
98. Затрудняюсь ответить……*Переходите №50*

49. Назовите, пожалуйста, что из перечисленного больше всего объединяет Вас с Россией?

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №14;**
ОТМЕТЬТЕ НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ ОТВЕТОВ]

1. Язык
2. Культура
3. Праздники (какие?) [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**
4. Родная земля, природа
5. Образ мышления, менталитет
6. Религия
7. Историческое прошлое
8. Советское прошлое
9. Это страна, в которой я живу
10. Общая государственность, это наша общая страна
11. Президент РФ, Конституция РФ, законы РФ
12. Татарстан – это часть России
13. Люди моей национальности живут в России
14. Другое (что именно?) [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**
15. Ничего не объединяет
98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

50. Кем Вы себя больше чувствуете – татарстанцем или россиянином?

1. В равной мере татарстанцем и россиянином
2. Больше татарстанцем
3. Больше россиянином
98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

51. Каково Ваше отношение к религии? Вы верующий человек?

[**ИНТЕРВЬЮЕР**! ОТМЕТЬТЕ ТОЛЬКО ОДИН ВАРИАНТ]

1. Да, верующий, стараюсь соблюдать религиозные обычаи и обряды
2. Да, верующий, но не соблюдаю обычаев и обрядов
3. Колеблющийся
4. Неверующий, атеист
98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

52. К какой религии Вы себя относите?

[**ИНТЕРВЬЮЕР**! ОТМЕТЬТЕ ТОЛЬКО ОДИН ВАРИАНТ]

1. Ислам……*Переходите №53*
2. Православие……*Переходите №54*
3. Католицизм…….....*Переходите №54*
4. Протестантизм……*Переходите №54*
5. Иудаизм……*Переходите №54*
6. Верю в Высший Разум……*Переходите №54*

7. Другое (что именно?) [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**

_____

8. Ни к какой религии…….*Переходите №54*
98. Затрудняюсь ответить……*Переходите №54*
99. Отказ……*Переходите №54*

53. На каком языке читаются проповеди в мечети, которую Вы чаще всего посещаете?

1. На татарском
2. На русском
3. На татарском и русском
4. **На другом (каком?) [**ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**

_____

98. Затрудняюсь ответить
5. Не посещаю

54. Посещаете ли Вы театры?

1. Да……..*Переходите №55*
2. Нет……..*Переходите №57*
99. Отказ……*Переходите №57*

55. Какие театры Вы посещаете? [ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**

_____

56. На каком языке вы предпочитаете смотреть театральные постановки?

1. На татарском
2. На русском
3. На татарском и русском
4. На других языках

57. Читаете ли Вы газеты и журналы?

1. Да……..*Переходите №58*
2. Нет……..*Переходите №61*
99. Отказ……*Переходите №61*

58. На каком языке Вы читаете газеты и журналы?

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ОТМЕТЬТЕ ОДИН ВАРИАНТ]

1. Только на татарском……..*Переходите №61*
2. В основном на татарском……*Переходите №60*
3. В одинаковой степени на татарском и русском……*Переходите №60*
4. В основном на русском……...*Переходите №60*
5. Только на русском……*Переходите №61*

59. Какие из газет и журналов Вам кажутся более содержательными и интересными? Впишите, пожалуйста, их названия.

[ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**

98. Затрудняюсь ответить

60. На каком языке Вы предпочитаете смотреть телепередачи и слушать радио?

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ОТМЕТЬТЕ ОДИН ВАРИАНТ]

1. И на татарском, и на русском……*Переходите №61*
2. На татарском языке……*Переходите №62*
3. На русском языке……..*Переходите №62*

61. Какие теле- и радиопередачи Вам кажутся более содержательными и интересными? Впишите, пожалуйста, их названия.

[ИНТЕРВЬЮЕР! **НАПИШИТЕ]**

98. Затрудняюсь ответить

62. Пользуетесь ли Вы Интернетом?
1. Да……*Переходите №63*
2. Нет……*Переходите №67*

63. На каком языке Вы читаете информацию в Интернете?

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ОТМЕТЬТЕ ОДИН ВАРИАНТ]

1. Только на татарском
2. В основном на татарском
3. В одинаковой степени на татарском и русском
4. В основном на русском
5. Только на русском

64. Какие сайты Вы посещаете чаще всего?

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]

65. Посещали ли Вы когда-нибудь сайты на татарском языке?
1. Да
2. Нет

66. Испытываете ли Вы потребность в татароязычных сайтах?
1. Да
2. Нет

67. Читаете ли вы художественную литературу?
1. Постоянно……*Переходите №68*
2. От случая к случаю……*Переходите №68*
3. Не читаю……*Переходите №69*

68. На каком языке вы читаете художественную литературу?
1. На татарском
2. На русском
3. На татарском и русском
4. На других языках (каких?) [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]

_____

69. На каком языке Вы слушаете песни?
1. На татарском
2. На русском
3. На татарском и русском
4. На других языках (каких?) [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]

Несколько вопросов о себе и своей семье:

70. Ваш возраст_____

71. Пол: 1. Муж. 2. Жен.

72. Скажите, пожалуйста, какое у Вас образование?

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ОТМЕТЬТЕ ТОЛЬКО ОДИН ВАРИАНТ]

1. Без образования, неграмотный, начальное
2. Неполное среднее
3. Среднее
4. Среднее специальное
5. Незаконченное высшее
6. Высшее
7. Ученая степень
8. Другое [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]
98. Отказ

73. Посмотрите, пожалуйста, на список. Прочтите его внимательно и скажите, к какой группе Вы себя относите. Мы просим Вас выбрать только один ответ.

[ИНТЕРВЬЮЕР! **ПОКАЖИТЕ КАРТОЧКУ №**

ПЕНСИОНЕРЫ УКАЗЫВАЮТ непосредственно перед выходом на пенсию, к какой группе они бы себя отнесли]

1. Руководители предприятия, организации
2. Работники государственного аппарата (чиновники любого ранга)
3. Специалисты (инженеры, преподаватели, врачи, медсестры, фельдшеры, воспитатели и т.п.)
4. Служащие (работники банков, почты)

Работники сферы обслуживания (менеджеры, продавцы, консультанты, парикмахеры)

5. Рабочие
6. Крестьяне, фермеры
7. Предприниматели
8. Военные, МВД, ФМС, МЧС, ФСБ
9. Учащиеся, студенты
10. Домохозяйки
11. Не работающие пенсионеры
12. Безработные, не работающие
13. Другая группа [**ИНТЕРВЬЮЕР!** НАПИШИТЕ]
98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

74. К какой национальности Вы себя относите?
1. Татарин (татарка)
2. Русский (русская)
3. Другое
[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ЗАПИШИТЕ ВСЕ, ЧТО ГОВОРИТ РЕСПОНДЕНТ]
8. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

75. Национальность Вашего супруга (Вашей супруги)
1. Татарин (татарка)
2. Русский (русская)
3. Другое
[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ЗАПИШИТЕ ВСЕ, ЧТО ГОВОРИТ РЕСПОНДЕНТ]
4. Не замужем (холост)
98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

76. Национальность матери
1. Татарка
2. Русская
3. Другое
[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ЗАПИШИТЕ ВСЕ, ЧТО ГОВОРИТ РЕСПОНДЕНТ]
98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

77. Национальность отца
1. Татарин
2. Русский
3. Другое
[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ЗАПИШИТЕ ВСЕ, ЧТО ГОВОРИТ РЕСПОНДЕНТ]

98. Затрудняюсь ответить
99. Отказ

Спасибо за Ваше терпение. Наш институт проверяет работу своих интервьюеров. Возможно, что представитель института обратится к Вам в ближайшее время, чтобы узнать Ваше мнение об этом интервью.

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ЗАПИШИТЕ НОМЕР ТЕЛЕФОНА НА БЛАНК ПОИСКА]

[**ИНТЕРВЬЮЕР!** ОТМЕТЬТЕ ВРЕМЯ ОКОНЧАНИЯ ИНТЕРВЬЮ]

|_____|_____| часов |_____|_____| минут

Приложение 2

Гайд для проведения экспертного интервью

(республиканские СМИ) («ЯП» – 2014г.)

Блок 1. Данные об эксперте

Расскажите, пожалуйста, коротко о себе и своей профессиональной биографии.

Блок 2. Информационное поле Татарстана

Существует ли региональная специфика информационного пространства РТ? Стимулы и ограничения в функционировании татароязычных СМИ с точки зрения:

– культурной политики РФ и РТ;

– развития технической, коммуникационной базы;

– потребностей аудитории СМИ

Блок 3. Русскоязычные и татароязычные печатные СМИ

Соотношение русскоязычной и татароязычной печати в РТ.

Какие издания можно назвать эффективными с точки зрения успешности медиапродукта:

– соответствие издания современным требованиям

– удовлетворение потребностей аудитории

Видение экспертом потребностей аудитории татароязычных СМИ

Интернет-версии татароязычных печатных СМИ: оценка экспертом формата, контента, интерфейса и удобства в пользовании, доступность различным видам гаджетов.

Какие из татароязычных печатных СМИ наиболее успешно участвуют в поддержании и развитии татарской культуры и языка?

Каким видится эксперту «идеальный» проект татароязычных печатных СМИ?

Блок 4. Русскоязычное и татароязычное телевидение

Соотношение русскоязычного и татароязычного телевидения в РТ.

Какие телеканалы можно назвать эффективными с точки зрения успешности медиапродукта:

– соответствие телеканала современным требованиям

– удовлетворение потребностей телеаудитории

ТК «Татарстан – новый век»

– Видение экспертом потребностей аудитории ТНВ; характеристика ее сегментов

– ТНВ как региональное и татарское телевидение: функции и задачи в понимании эксперта.

– Интернет-версия ТНВ: оценка экспертом формата, контента, интерфейса и удобства в пользовании, доступность различным видам гаджетов.

– Видение ТНВ как татарстанского и общетатарского (для регионов РФ) телеканала Насколько эффективно участвует ТНВ в поддержании и развитии татарской культуры и языка?

– Существуют ли татарские телеканалы в регионах РФ? Есть ли успешные среди них? В чем это выражается?

– Каким видится эксперту «идеальный» проект татароязычного телевидения?

Блок 5. Татароязычный Интернет

– Какие Интернет-издания на татарском языке известны эксперту? Что в них нравится, что оставляет желать лучшего? Сравнение с русскоязычными Интернет-изданиями.

– В чем видятся преимущества / недостатки татароязычных печатных СМИ и телевидения в сравнении с Интернет-ресурсами? Выводить на конкретные примеры.

Блок 6. Кадровые проблемы татароязычных СМИ

– Насколько отвечает система высшего образования потребностям журналистского рынка труда? Состав студентов на факультете татарской журналистики. Сколько человек поступает, получает дипломы и идет

работать в татароязычные СМИ? Мотивация студентов и выпускников журфака. Основные проблемы молодых специалистов

Блок 7. Глобальная культура, английский и другие иностранные языки

Как, на Ваш взгляд, влияет культурная глобализация на состояние русской и татарской культур в России и Татарстане? Каковы роль и место английского языка в культурном ландшафте региона? Нужно ли в связи с этим что-то предпринимать?

Блок 8. Языковая ситуация в РТ, тенденции ее развития и возможности изменения

– Как бы Вы охарактеризовали состояние и развитие татарского языка в Татарстане? А в других регионах России?

– В Татарстане существует два государственных языка – татарский и русский. Как Вы к этому относитесь?

– Как Вы считаете, существует ли реальное равноправие татарского и русского языков в РТ?

– Как Вы думаете, связано ли дальнейшее развитие татарского языка с системой образования?

– Как по-Вашему, связаны ли дальнейшее развитие татарской национальной культуры с развитием и распространением татарского языка?

– А в какой мере дальнейшее развитие и распространение татарского языка связано с уровнем развития татарской культуры?

– По-Вашему мнению, связано ли знание национального языка и национальность? Обязательно ли для татарина знание татарского языка?

Блок 9. Общие вопросы об этнокультурной политике региона и регионе в целом.

– Какими, по-Вашему, должны быть приоритеты этнокультурной политики РТ? Как она должна строиться?

– Какой имидж, на Ваш взгляд, больше всего соответствует нашему региону? А современной Казани?

– С какими образами ассоциируется у Вас Татарстан? Казань? А конкретно – с какими людьми, персонажами?

Приложение 3

Гайд экспертных интервью для деятелей культуры РТ («ЯП» 2014г.)

Тематические блоки

1. Блок «Татарская культура и язык»

– Состояние современного этапа развития татарской национальной культуры (*по отраслям – литература, музыкальное, изобразительное искусство)* Сказались ли на ней как-то изменения, которые произошли в этнокультурной политике страны, региона в 1990-2000-е гг.?В чем плюсы и минусы? Что можно предпринять для ее дальнейшего успешного развития?

– Состояние и развитие татарского языка в Татарстане. Политика государства: как обсуждается политика РФ и правительства РТ? Закон о сохранении и развитии языков в РТ: проблемы воплощения в жизнь намеченных задач.

– Обсуждаются ли проблемы татароязычных СМИ в Татарстане и как?

– Образование на татарском языке. Татарский язык в школе. Проблемы преподавания татарского языка. ЕГЭ, высшее образование и татарский язык.

– Престиж татарского языка: от чего зависит, в чем видится выход?

– Татарский язык и ислам: обсуждается ли тема проповедей в мечетях, на каких языках должны исполняться службы, аргументация.

2. **Блок «Русская культура и язык»**

– Состояние современного этапа развития русской национальной культуры (*по отраслям – литература, музыкальное, изобразительное искусство)* Сказались ли на ней как-то изменения, которые произошли в этнокультурной политике страны, региона в 1990-2000-е гг.?В чем плюсы и минусы? Что можно предпринять для ее дальнейшего успешного развития?

– Состояние и развитие русского языка в Татарстане. Политика государства: как обсуждается политика РФ и правительства РТ? Закон о сохранении и развитии языков в РТ: проблемы воплощения в жизнь намеченных задач.

– Русский и татарский язык в школах РТ, как проблематизируется их преподавание; количество часов, методика, результаты ЕГЭ; в связи с продолжением обучения в вузах.

3. Блок «Глобальная культура и ее влияние на развитие и состояние татарской культуры.

– Как проблематизируют республиканские СМИ влияние глобализации на русскую и татарскую культуры в Татарстане?

4. Блок «Общественные и национальные движения»

– Информация об акциях, обращениях, выступлениях различных движений в защиту русского, татарского языка, выступления лидеров и общественных деятелей. Отражается ли голос обычных, рядовых людей?

Приложение 4

Гайд интервью с преподавателями русского / татарского языков вшколах/ ссузах/ вузах РТ («ГЯСО» – 2015г.)

Тема 1. Профессиональная биография. Мотивация.

Расскажите, пожалуйста, немного о себе:

Какое учебное заведение закончили? Получали ли дополнительное образование? Где обучались татарскому языку? Когда Вы стали преподавать татарский язык? Что способствовало выбору данной деятельности? В каких учебных заведениях преподавали? Что Вы думаете о системе образования для преподавателей татарского языка в вузах в свете этого опыта? Каковы ваши дальнейшие планы в профессии: Вы будете (хотели бы) продолжать работу, или постараетесь найти другое место работы и почему?

Тема 2. Татарский язык в средне специальном учебном заведении

Как происходило в Вашем учебном заведении введение татарского языка?

– Какова была позиция руководства Вашего заведения, учащихся и их родителей?

– В каких объемах сейчас преподается татарский язык в Вашем учебном заведении?

– В каких формах изучается учащимися татарский язык в Вашем учебном заведении?

– Все ли учащиеся Вашего учебного заведения охватываются занятиями по татарскому языку?

– Как ведется обучение по татарскому языку среди выпускников 9 и 11 классов?

– Есть ли разделение на русские и татарские группы при обучении татарскому языку? Если да, то по какому принципу они формируются?

– Есть ли разделение учащихся по уровню языковой подготовки по татарский языку?

– Как решаются проблемы преподавания татарского языка для студентов, приехавших из других регионов РФ и государств ближнего зарубежья?

– Как бы Вы оценили уровень подготовки по татарскому языку у выпускников школ, которые приходят учиться в Ваше учебное заведение?

Тема 3. Отношение к татарскому языку

– Какие трудности у Вас возникают в процессе обучения татарскому языку?

– Как к наличию уроков по татарскому языку относятся учащиеся Вашего учебного заведения? Осознают ли их нужность? Посещают ли занятия? От чего, на Ваш взгляд, зависит наличие/отсутствие интереса? Почему у них именно такое отношение?

– Есть ли различия в восприятии занятий по татарскому языку среди разных учащихся и с чем они связаны?

– Есть ли у вас контакт с родителями учащихся? Если да, то, что говорят родители об уроках татарского языка? Не было ли с ними конфликтов по поводу занятий по татарскому языку?

– Как Вы считаете, нужен ли татарский язык Вашим учащимся? Пригодится ли он им в будущей работе?

– Считаете ли вы, что обучение татарскому языку в вашем учебном заведении проходит успешно? Что этому мешает или, напротив, способствует?

– Что, на ваш взгляд, должны знать Ваши учащиеся по татарскому языку по завершению обучения?

Тема 4. Методическая база преподавания татарского языка

– На какие методики и учебники опирается преподавателей? Почему его выбор пал именно на них?

– Какие недостатки видит преподаватель в существующих методиках преподавания татарского языка?

– Чья методика лучше – по русскому или по татарскому языку? Почему?

– Существуют ли специализированные учебники, словари, пособия по татарскому языку для будущих специалистов, которые получают профессию в Вашем учебном заведении?

– Нужны ли такие учебники Вашим учащимся?

– Какими образовательными материалами Вы пользуетесь помимо учебника?

– Есть ли в Вашем учебном заведении библиотека книг на татарском языке? Как бы вы оценили количество и содержание этого фонда? Как он комплектуется?

– Читают ли учащиеся эти книги?

– Есть ли в Вашем учебном заведении специальный кабинет, в котором Вы проводите занятия по татарскому языку?

– Есть ли в Вашем учебном заведении лингвокабинет, в котором Вы проводите аудирование по татарскому языку?

– Как бы вы оценили в целом методическую и техническую оснащенность Вашего учебного заведения по татарскому языку?

– Что, на Ваш взгляд, необходимо сделать, чтобы улучшить качество методической базы преподавания татарского языка?

– Какие существуют нормативы к оценке уровня знания татарского языка у выпускников Вашего учебного заведения?

– А как бы вы оценили реальный уровень знаний по татарскому языку Ваших учащихся?

– Как оценивают вашу работу руководящие структуры? На Ваш взгляд, отражают ли эти критерии специфику процесса преподавания татарского языка?

Тема 5. Татарский и русский языки как государственные языки РТ

– Как вы относитесь к тому, что в РТ два языка – русский и татарский, имеют статус государственных? Нужно ли сохранять государственный статус татарского языка?

– Как вы относитесь к введению обязательного преподавания татарского языка в системе образования РТ?

– Каково отношение к урокам татарского языка со стороны руководства вашего учебного заведения и других преподавателей?